ВИКТОР
БУРЦЕВ
АЛМАЗНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Середина XXI века. Независимый журналист Константин Таманский отправляется в качестве военного корреспондента в Африку, где между местными империями много лет идет тотальная кровопролитная война с использованием солдат-киборгов, космических спутников с лазерными орудиями и других военных технологий будущего. Фиксируя небывалые зверства воюющих сторон и абсолютную бессмысленность происходящего, Таманский приходит к выводу, что в этой бойне заинтересованы куда более могущественные силы, нежели марионеточные правительства банановых республик или мировые сверхдержавы. И даже принимающие участие в военных действиях зловещие боги вуду, скорее всего, лишь фигуры на шахматной доске незримых игроков.

- Виктор Бурцев
  - ОТ АВТОРА
  - Краткий словарь используемых в тексте терминов
  - ИНТРОДУКЦИЯ
  - Часть первая
  - Часть вторая

Виктор Бурцев
Алмазная реальность
(Алмазные нервы-2)

ОТ АВТОРА

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ!

Суть моего маленького вступления сводится к следующему. Я хочу, чтобы ты сразу понял, что держишь в руках не прямое продолжение первых «Алмазных НЕРвов». История с ними завершилась. Они появятся в этой книге только как намек на то прошлое, которое уже не воротишь.

Книга, которую ты держишь в руках, не о НЕРвах, а о людях. А писать о них (и, я надеюсь, читать) гораздо интереснее, чем о проблемах виртуальных войн (которые, конечно, тоже будут освещены).

Недавно меня упрекнули в «апелляции к реальности». Да, эта книга привязана к реальности, к нашей с вами современности. И это сделано для того, чтобы стало ясно: в нашем мире возможно все. Не завтра, не послезавтра, а прямо сейчас. И все, что происходит сейчас с нами, завтра может стать Историей.

Краткий словарь используемых в тексте терминов

Лоа Легба – древнее африканское божество (лоа) племени фон. К этому божеству наиболее часто обращаются те, кто связан с колдовской системой ВУДУ.

Барон Суббота – лоа смерти в мифологии племени фон. Входит в пантеон основных божеств колдовской системы ВУДУ.

ИскИн – общепринятое сокращение, обозначающее Искусственный Интеллект.

Служба Тьюринга – специальная международная организация, занимающаяся вопросами безопасности систем искусственного интеллекта (выдумана, если не ошибаюсь, У. Гибсоном).

Тест Тьюринга – тест на «разумность». Используется в работе с системами искусственного интеллекта.

КИ – Коэффициент Искусственности.

ОСААз – Орбитальная Система АнтиАстероидной защиты. Система управления антиастероидным щитом Земли. В прямом подчинении Службе Тьюринга.

СНУКЗИ – Спутник Непосредственного Управления Космической Защитной Инициативой. Исполнительная часть АнтиАстероидного щита. В прямом подчинении Службе Тьюринга.

ИНТРОДУКЦИЯ

Двадцатый век не знает, что такое война.

Дэн Симмонс. «Дети ночи»

И лесоруб никогда не уловит мгновение смерти
В стоне деревьев, которые он убивает.

Федерико Гарсия Лорка. «Ода королю Гарчема»

КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист. 37 лет

Курорт курорту рознь.

Как можно назвать курортом Кипр, например, где вода нафарширована мельчайшими частицами ржавчины, а у берега торчат развороченные взрывами ракетные крейсера и миноносцы?

Как можно назвать курортом Крым, где на пляжах больше долговременных огневых точек и капониров, чем зонтиков от солнца?

Поэтому я и выбрал Реюньон. Когда-то он был частью Франции, а теперь стал маленьким уютным гнездышком для отдыха убежденных холостяков типа меня, с прохладной выпивкой под каждым кустом, симпатичными домиками с необходимым минимумом удобств и классными негритянками. Я вбухал в этот отдых дикие деньги, но, знаете, он того стоил. Да и после всей этой истории с НЕРвами мне ничего другого не оставалось.

На острове тоже чувствовалось дыхание войны. Ночами бороздили небо звенья стратосферных перехватчиков, а во многих километрах отсюда, в Мозамбике, в джунглях, гибли тысячи людей. Слава богу, до применения тактического ядерного они еще не дошли, но рано или поздно чей-то черный или белый палец нажмет на кнопку. Скорее черный – белые наемники азартно палят друг в друга среди джунглей, а командуют черные. Маршал Нкелеле, маршал Ауи, генерал-адмирал Кеньята-

Джуниор…

Я пробыл на Реюньоне восемь дней из оплаченных пятнадцати, после чего плюнул, собрал манатки и вернулся в Новую Москву.

И дернул меня черт в первый же день отправиться в Московский городской банк…

Клерк выскочил из-за своей стойки одним прыжком, ловко, словно специально тренировался несколько дней. Только что он перекладывал стопки розовых пластиковых листов, и вот он стоит, обводя зал коротким рыльцем компактного юаровского автомата.

Я понял, что сейчас он будет стрелять. Это не ограбление, просто человек чокнулся. Такое бывает, и, между прочим, все чаще и чаще.

Клерк молчал, словно ожидая сигнала. И сигнал последовал. Метрах в пяти слева от меня, у большой декоративной пальмы, дико завизжала девчонка лет шестнадцати в суперкороткой малиновой юбке и прозрачной футболке. Клерк дернулся, палец нажал на спуск, и автомат плюнул очередью в зал.

Визжавшая девушка смолкла. Прозрачную футболку смяло и вдавило в тело, кровь веером хлестнула вокруг, и тут уже орать начали все. Упали еще человека три, в том числе дежурный милиционер, оказавшийся под той же пальмой, потом на пол посыпались остальные – трудно было понять, раненые или же просто укрывающиеся от пуль.

Клерк стоял, поводя автоматом на уровне бедер, и методично обстреливал зал. Летели куски стекла и пластика, рикошетили от стен и металлических частей фурнитуры пули… Я залег за массивной банкеткой.

Неожиданно стало тихо, лязгнул высвобождаемый магазин. Слышно было, как среди женского всхлипывания и чьих-то безнадежных стонов клерк бормочет:

– Ненавижу… Ненавижу… Цок-цок-цок, мой ослик, в Вифлеем бегом…

Кажется, это была какая-то рождественская песенка, но я сконцентрировался на бритом наголо парне лет двадцати пяти, который лежал за соседней банкеткой. К нему прижималась стриженая девушка в черном: он осторожно оттолкнул ее из недр своей куртки, извлек пистолет – кажется, «илама», но я бы не стал утверждать это под присягой – и аккуратно выкатился из-за своего укрытия.

Клерк инстинктивно вскинул автомат, хотя еще не успел вставить новый магазин, а бритый точно, как на учениях, всадил в него пулю, прямо в грудь, в белый костюм. Потом, когда клерк

начал заваливаться назад, он выстрелил еще раз, в пах. Третья пуля подсекла ногу клерка, и тот, повиснув на прозрачном кассовом щите, неуклюже свалился на пол. С бряканьем упал автомат.

– Готов, – громко сказал я, поднимаясь и отряхивая плащ. – Спасибо, приятель.

Бритый искоса посмотрел на меня, но ничего не сказал. Его девушка тут же повисла на нем и принялась целовать. В раскрывшиеся двери повалила милиция, и первый, кого я увидел, был капитан Курицын. Он меня тоже узнал.

– Странная способность – попадать в неприятные ситуации, – заметил он, подходя.

– Так уж вышло. Хотел упразднить счет, и вот тебе…

– Восьмой за двое суток. Кажется, обожрался тензола. Все банковские клерки жрут тензол. Статистика: из последних восьми пятеро – банковские служащие, один – бармен и еще двое – безработная шушера. Счет пока был семь – сорок три в их пользу. Сегодня, кажется, он прикончил еще троих, так что теперь восемь – сорок шесть. Писать будете?

– Вряд ли, – махнул я рукой. – Сами говорите, что это уже не сенсация и даже не новость. Пусть ваши хроникеры пасутся, это не мой уровень. Если бы тут в толпе случился министр какой-нибудь или президент фирмы…

– Все бы вам президентов убивать, – буркнул Курицын. Это был желчный маленький человечек, обремененный, насколько я знал, большой семьей, очень талантливый профессионал. Меня он не любил, да и мне его любить было не за что, но работать с ним было одно удовольствие.

Мимо провели бритого с заломленными за спину руками. Рядом семенила его девушка, по лицу ее была размазана косметика.

– Ненавижу эту страну, – продолжал ворчать Курицын. Я поймал себя на мысли, что только что слышал эти слова от клерка. – Старший, Вовка, вчера обрадовал: записался в наемники. Через три дня отправляют в Намибию. На хрена ему эта Намибия, скажите на милость? Денег захотелось? Так, чтобы с этими деньгами вернуться, еще выжить там надо!

– Он разве служил? – осведомился я. Насколько я знал, африканцы брали только резервистов.

– Какое там! После школы три года в университете на кибернетика учился, а как бросил, на подвиги потянуло! И главное, дери ему теперь уши или не дери, а назад не попрешь – контракт подписан, а выкупить у меня денег сроду не хватит… А черные гребут всех подряд, им пушечное мясо нужно…

Капитан выглядел удрученным и жалким, и я ему искренне сочувствовал, но помочь ничем не мог. Африканцы и впрямь разработали очень действенную систему: подписавший контракт мог его выкупить за сумму, равную трем годовым жалованьям, но вся штука состояла в том, что таких денег у контрактников просто не имелось.

Мы с капитаном вышли из здания банка и уткнулись в огромный рекламный плакат: молодец в камуфляжной форме, с гранатометом в руке, обнимает другой рукой хрупкую негритянку в набедренной повязке. Выше – надпись по-русски: «Вступайте в ряды Национальной Армии Мозамбика!» Такие плакаты – Мозамбик, Ангола, Намибия, Южно-Африканская Империя, Заир – висели по всей Новой Москве. Черт, непривычно – Южно-Африканская Империя… Все равно все зовут по-старому – ЮАР. И столицу Преторию никто не называет Мандела. Этим-то хорошо, они пока не воюют, только подкармливают соседей и стравливают помирившихся.

– И все почему? – продолжал капитан, – Сосед вернулся, тоже Вовка, на пять лет моего старше. После армии служил в Анголе, дослужился до сержанта, привез действительно приличную сумму… Рассказывал, как воевал, про бордели в Луанде, и мой дурак завелся. Не про то слушал, как у них целую роту в джунглях вырезали и съели, а про то, какие у негритянок задницы и чего они делать умеют…

– Ладно, Игорь Иванович… – успокоил его я. – Возвращаются же люди,

– Легко вам говорить. А у меня жена второй день в истерике.

В приплюснутый диск «скорой помощи» внесли накрытые белым носилки с телом убитого клерка. Мигая огнями, «скорая» зависла метрах в трех над дорогой и понеслась по проспекту над вереницей машин.

– Что парню грозит? – спросил я, имея в виду бритоголового.

– Посмотрим, что на нем висит… Пистолет явно не зарегистрирован, но это по нынешним временам ерунда.

Если нет чего посерьезнее, штрафанем да отпустим. Свидетелем не желаете?

– Если парню поможет – желаю. – В случае чего найду. Удачи!

Мы попрощались, и я пошел по тротуару в сторону Ботанического сада. В кармане запищал зуммер.

– Привет!

Артем. Давненько не слышал я его голос, видно, совсем погряз в своих виртуальных заботах… А ведь совсем недавно история с НЕРвами была суперпопулярной. В узких кругах, разумеется.

– Привет, мученик. Как жизнь?

– Течет. Что нового?

– Ничего.

– Кого видел?

– Мартина имеешь в виду? Не видел сто лет. Может, уже капитана дали.

– Вряд ли. Он склочный.

– О делах служебных расспрашивать не буду, знаю, что секретно…

– Да уж для тебя вряд ли.

– Ладно, ладно…

– Ну, пока. Звони, если что…

И вот так все наши немногочисленные беседы. То ли он и впрямь загружен, то ли не хочет общаться, то ли просто не о чем нам говорить…

Признаюсь честно, мне очень надоело в Москве.

Надоело за день.

Надоело, как только я сошел с трапа стратоплана в Шереметьеве-3.

На глаза опять попался плакат, на сей раз камерунский – своего рода экзотика, они только-только начали с кем-то там воевать – и меня как громом поразило. А не поехать ли мне в Мозамбик? Военный корреспондент из меня вроде неплохой, писал как-то репортажи о венесуэло-колумбийском конфликте… Вот только кто бы меня отправил? В первой же редакции, куда меня занесли ноги, мне повезло. Редактор «Красной звезды», жуткого реликта эпохи расцвета Вооруженных сил России, тогда еще СССР, меня знал понаслышке и очень обрадовался. Звали его, кажется, Анатолий Степанович, а может, и не так – он представился скороговоркой и усадил меня в кресло.

– Корреспондент в Мозамбике нам нужен, – сказал он. – Должен вам сообщить, что последнего убили полмесяца назад и замену найти не так-то просто. Оплата хорошая, тем более мы параллельно работаем с «Солдатом удачи», так что будете двойной агент, хе-хе… Не передумали?

– Не передумал, – буркнул я.

Что я буду делать в этой дыре? Подставлять задницу под пули? Национальные парки Горонгоза и Маррумеу давно превратились в истоптанные сапогами и разъезженные гусеницами плацдармы. Памятник Чиссано в Мапуту если и уцелел, явно хранится где-нибудь в подвале…

– Точно не передумали? – продолжал пытать редактор.

– Да нет.

– Тогда вам выпишут сейчас редакционное удостоверение,

дадут аванс и – вперед. На любом транспорте с новобранцами, хотите – завтра, хотите – послезавтра.

– Лучше завтра, чем послезавтра, – сказал я. – Знаете, воевать лучше там, где уже идет война… Похоже, он меня так и не понял.

Часть первая
САФАРИ

… И в каждой музыке – Бах,
И в каждом из нас – бог.

Иосиф Бродский

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН

Экс-президент Российской Федерации

Путин выключил огромный экран стерео – тот бесшумно собрал изображение в яркую точку и погас. Бывший президент в очередной раз смотрел хронику, смотрел, как он, молодой, быстрый, уверенный, встречается с премьер-министром Великобритании.

Я стар.

Я суперстар.

Как в реликтовом анекдоте про Брежнева. Бог мой, кто сейчас помнит, кто такой Брежнев? Это уже что-то из области знаний об Александре Македонском, например, хотя и Македонского никто сейчас не знает…

– Владимир Владимирович, журналисты, – сказал селектор после вкрадчивого звяканья.

Вот еще напасть… Корреспондентов Путин не слишком любил в основном потому, что они спрашивали его о вещах малопонятных и скучных, на его взгляд: кибертехнологнях, спутниковых системах слежения, новых разработках КОРов и НЕКов… Всей этой ерундой Владимир Владимирович не пользовался и пользоваться не собирался, хотя конечно же ходили слухи, что он давно уже напичкан хитроумными приспособлениями, потому и держится молодцом.

Это было правдой.

Нет, не приспособления, а то, что экс-президент держался молодцом. В его годы – а на планете людей подобного возраста имелось не столь и много – Путин плавал, бегал, катался на лыжах и регулярно появлялся на людях, не пропуская ни одного события, которое считал значительным. Он, правда, не любил улетать из Новой Москвы, что журналисты тут же обозвали стратофобией. Какая, к черту, фобия… Просто лень и все, но им-

то не скажешь…

– Владимир Владимирович, – с легкой укоризной напомнил селектор. Задумался. Ч-черт…

– Пусть войдут. Принесите что-нибудь прохладительное, – распорядился Путин.

На сей раз он сделал исключение, потому что журналисты были из «Асахи» и «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» – изданий, которые Владимир Владимирович ценил и регулярно читал. К тому же они клятвенно обещали не спрашивать ничего о кибернетике.

Тяжелая дверь из натурального дуба отворилась, и в кабинет вошли двое журналистов в сопровождении секретаря. Оба оказались японцами в одинаковых белых костюмах, в одинаковых очках.

«Только японцы и носят сейчас очки», – подумал Владимир Владимирович, жестом приглашая сесть. Японцы коротко поклонились, синхронно вынули микродиктофоны и положили на стол. Секретарь поставил поднос с разноцветными баллончиками и удалился.

– Кэйдзо Мураяма, «Асахи», – представился первый японец.

– Масаси Нода, «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт», – представился второй.

– Очень приятно, – кивнул Путин. – Как вам удобнее вести беседу?

– Если вы не возражаете, мы будем задавать вопросы по очереди, – мягко предложил первый. Он говорил по-русски очень хорошо, даже без свойственного японцам «эр» вместо «эл».

– Как вам угодно.

Японец наклонил голову, давая понять коллеге, что теперь его очередь.

– Для начала позвольте передать вам привет и наилучшие пожелания от господина Идзумо, председателя Кунасири томино кай, общества изучения Камчатки, – церемонно сказал представитель «Асахи».

Владимир Владимирович понятия не имел, кто такой господин Идзумо и что их связывает или связывало в прошлом, но сердечно поблагодарил.

– Мой первый вопрос таков: что вы, господин Путин, думаете об африканской войне? – Мураяма сделал едва заметное движение рукой, включив диктофон.

– Предвижу ваш второй вопрос, проистекающий из первого: как я расцениваю участие в конфликтах десятков тысяч российских наемников, – улыбнулся Владимир Владимирович.

Мураяма развел руками: угадали, мол.

– Так вот, я не могу сказать, что мне это нравится. Я неоднократно выступал в наших средствах массовой информации, и вы знаете мою позицию. Однако я не в силах влиять на решения нашего правительства и тем более на желания граждан зарабатывать на жизнь таким образом. К тому же в качестве наемников в Африке воюют не только русские, но и итальянцы, американцы, немцы, поляки, армяне, казахи, испанцы, датчане…

– Но японцы, к примеру, не воюют, – тишайше вставил Нода.

– Согласен с вами. – Владимир Владимирович улыбнулся своими тонкими губами. – Не воюют. Только поставляют оружие и технологии… Но вернемся к наемникам из России. Я полагаю, сегодняшняя политическая и экономическая ситуация в стране толкает определенную часть молодых людей на поиски приключений и дополнительных заработков. Африканские вербовщики работают на очень высоком уровне, достаточно посмотреть рекламные ролики… А какие-либо запреты попросту невозможны. Ситуация, конечно, малоприятная, но ничего сделать нельзя.

– Как вы думаете, правдивы ли слухи об участии в войне так называемых искусственных интеллектов? – осведомился Нода.

– Вопрос из области кибернетики, – шутливо погрозил пальцем Путин. – Пока это только слухи, я никак не могу комментировать. Скажу только, что не хотелось бы в это верить. Иначе мы придем… Страшно даже подумать, к чему мы придем.

Мураяма:

– Владимир Владимирович, вас называют «главным консультантом российских спецслужб». Это соответствует действительности?

– Без лишней скромности скажу, что обладаю большим опытом. И в том, что ко мне иногда обращаются за консультациями наши спецслужбы, ничего необычного не вижу.

– Вы можете привести пример?

– Не могу. – Владимир Владимирович снова улыбнулся. Японцы помолчали, потом Нода спросил:

– Как вы расцениваете последние шаги кабинета министров России?

– Никак, – все так же улыбаясь, сказал Владимир Владимирович. – Это трудно назвать шагами. Это топтание на месте. Я давно уже перестал давать оценки деяниям российского руководства. Обидно, что все построенное нами так быстро разрушили.

– Многие склонны называть это не разрушением, а перестройкой.

– Был такой термин в конце прошлого века. – Теперь Путин

не улыбался. – По счастью, он сейчас забылся. Еще лет тридцать назад он считался едва ли не ругательным.

Снова Нода:

– Что вы делаете на посту президента вашего фонда?

– Помогаю ветеранам войн. Для этого, собственно, и был создан фонд.

– Почему вы отказываетесь участвовать в молодежных программах?

– В каких? Виртуальное обучение? Так называемая «Имплантация библиотек»? Или «Новый олимпийский резерв»? Извините, но я не люблю, когда из людей, а тем более из детей, делают роботов.

– Киборгов, – уклончиво поправил Нода.

– Роботов, – жестко повторил Владимир Владимирович. – Я не собираюсь выделять на это средства. Пусть министерство образования подкупают кибернетические корпорации. Я же вижу перед собой и фондом другие цели.

– Следовательно, вас правильно называют консерватором?

– Называйте меня как угодно. В моем возрасте, поверьте, это не так уж важно.

– Во время попытки военного переворота в России вы поддерживали «чистых»? – Мураяма прищурил и без того узкие глаза за стеклами очков.

– Я никого не поддерживал. Я сидел вот здесь, на этом диване, и пил чай. С тортом. Замечательный шоколадный торт. Если честно, мне было все равно, потому что я не верил ни тем ни другим. Кстати, в мое окно стреляли из снайперской винтовки, судя по всему, из соседнего дома. У меня специальные стекла – японские, между прочим, – так что я не пострадал, но сам факт радует: с моим существованием все еще считаются.

– Вы так думаете? – В голосе Ноды смешались сомнение и интерес.

– Я в этом уверен.

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО НАДЗОРУ, МАЙОРА СЛУЖБЫ ТЬЮРИНГА МОРИХЕЯ МУСАСИ

НАПРАВЛЕНИЕ – ГОЛОВНАЯ ШТАБ-КВАРТИРА СЛУЖБЫ ТЬЮРИНГА. ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМАМИ КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ (ЦУКО).

Сегодня, 19 октября 2082 года, в орбитальной системе антиастероидной защиты (ОСААз) зафиксирован десятиминутный сбой, во время которого системы управления спутниками были полностью неуправляемы

(зачеркнуто) неподконтрольны персоналу.

В ходе оперативных действий было выяснено, что неполадки связаны с контурами управляющего ИскИна.

Тестирование не выявило аномалий. Сам ИскИн не может дать точных ответов на вопросы, связанные с происшествием (зачеркнуто) инцидентом. В структуре его памяти обнаружена десятиминутная лакуна, соответствующая по параметрам времени сбоя.

Возможная причина неполадок – работы, проводимые бригадой электриков.

Прошу разрешения на служебное расследование в секторе А-97, раздел: персонал.

Последствий по классу «специал» не обнаружено. Прошу обязательного анализа «специал омега».

1. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент. 37 лет

Спецборт с новобранцами отправлялся с военного аэродрома под Можайском. Это был длинный реактивный Ил-944 с отвислым брюхом, похожий на беременную барракуду. Нас – меня и корреспондента «Рейтер» по имени Бертран Войт – подвезли к самолету на армейском микроавтобусе вместе с двумя мозамбикскими майорами. На груди у одного, который выглядел почернее коллеги, висел сложный многолучевой орден с профилем маршала Ауи. Как он называется? «Великий Слон, Попирающий Врагов»?

Майоры с нами не разговаривали, что-то бормотали вполголоса на своем наречии, даже не по-португальски. Водитель, напротив, болтал без умолку. Парень был откуда-то из Норильска и рассказывал о том, как у них террористы взорвали никелевый комбинат.

– Как бухнуло, три первых ряда домов как корова слизнула, – с восторгом говорил он, крутя руль. – Полторы тысячи убитых! Работать негде, вот я в армию и подался. Только в Африку меня не заманишь, я и тут послужу пока…

– А почему не захотели в Африку? – живо поинтересовался Войт.

– Обезьян боюсь, – захохотал водитель.

Майоры, явно понимавшие по-русски, недовольно покосились.

На бетоне вокруг самолета сидели, стояли и даже лежали

новобранцы. Одинаково наголо подстриженные, в унифицированных серо-зеленых комбинезонах, которые потом сменят на мозамбикскую или ботсванскую военную форму. На груди у каждого значился номер.

Я шел мимо, неся свой рюкзак и посматривая без особого интереса на этих недоумков. Стоп. А этот что здесь делает?

На меня смотрел исподлобья давешний банковский стрелок, бритоголовый парень, убивший свихнувшегося клерка. Теперь – номер 703.

– Привет, семьсот три, – сказал я дружелюбно.

– Здоровей видали…

– Не узнал? Вчера в банке познакомились, при весьма пикантных обстоятельствах.

– Я с вами не знакомился.

– Да ладно тебе. – Я положил сумку на бетон и протянул руку. – Константин.

– Федор, – сказал он. Руку пожал, но вяло, тут же выпустив.

– Чего ж тебя в Мозамбик понесло, Федор?

– Твой друг капитан постарался. Привели, стали крутить по полной программе. Пистолет зарегистрирован был, да они глубже копнули.

– И вышли на Антона, – заключил я. – Так?

– Так, – кивнул он.

Все ясно. Как там было у Тройки: «Дрын из забора еще не вытащили»? А Федор, похоже, не обычный пехотинец, фигура не из последнего десятка.

– Пошел ва-банк? Отпустили по звонку адвоката, а ты в ближайший призывной участок?

– Угадал, – Он посматривал злобно, но злость эта относилась не ко мне. Вернее, не совсем ко мне.

– Ладно, вопрос разгрузим. На три года?

– На пять. Они там тоже не дураки, понимают, что мне надо удирать…

– Значит, так. Я – военный журналист. Мне нужен… э-э… ординарец. Или денщик, или телохранитель, называй как хочешь. Тебя я видел в деле, так что показывай, кто тут самый главный начальник, будем разговаривать.

– Тут не получится, – сказал он с надеждой в голосе, – Эти майоры – только сопровождающие. В Мапуту, когда прилетим.

– Хорошо. Тогда не теряйся, я тебя в Мапуту выловлю.

К Антону я относился хорошо. Положительно относился. После всей этой истории с НЕРвами ясно стало, что друзей надо беречь, какие бы они ни были. Шеп, Антон… Артем, Мартин. Список не длинный. Хотя Антон в нем стоит особняком, потому

что он представляется мне не другом как таковым, а просто некой дружественной силой. И мощной силой. А сейчас я могу этой силе помочь, тем более парень и впрямь не промах, а я еду на войну.

Нас посадили в первый отсек, сразу за кабиной пилотов. Это было что-то вроде салона люкс – с удобными мягкими креслами, откидными столиками. Остальные разместились в грузовом отсеке на длинных скамьях. В середину загнали пять новеньких танков и укрепили тросами в специальных гнездах. Ил начал бесшумно разворачиваться и вырулил на взлетную полосу. Через минуту мы уже летели.

По моим подсчетам, в самолете находилось около девятисот новобранцев. На них приходилось несколько сержантов и два майора, которые уже мирно дремали в креслах. Войт читал маленькую потрепанную книжицу, а я задремал, наслаждаясь вынужденным покоем.

Проспал я три с лишним часа и проснулся над Ливией. Внизу проползал сияющий огнями Триполи. Майоры спали, а Войт тревожно смотрел в иллюминатор.

– Нас не собьют? – спросил он, увидев, что я уже бодрствую.

– Вроде не должны. Существует соглашение о транспортных самолетах из Европы… Впрочем, ливийцы ни с кем не воюют.

– При их нефти и уровне жизни еще и воевать…

– Не волнуйтесь, и до них доберутся, – заверил я. Покопавшись в выданном мне пакетике с сухим пайком, я обнаружил там обезвоженную ветчину и какие-то крекеры, а также сырный крем в тюбике. Из питья полагался баллончик пепси.

– Выпить не захватили? – справился я у Войта. Тот с сожалением покачан головой.

– Зря. И я забыл. Может, наши спутники озаботились? Я осторожно толкнул майора, того, что с орденом. Он тут же открыл глаза.

– У вас не найдется выпивки? – спросил я по-английски.

Майор осклабился и извлек из кармана куртки плоскую алюминиевую флягу, отвинтил колпачок, протянул мне.

Я осторожно понюхал.

– Русская водка, – одобрительно сказал майор.

Я отхлебнул – и впрямь она.

После прохождения фляжки по кругу (второй майор тоже проснулся) мы познакомились. Того, что с орденом, звали Боффин, другого – Нкелеле.

– Как дела на фронте? – осведомился я.

– Нормально, – сказал Нкелеле. – Позиционная война. Уже

три месяца ничего серьезного.

– Отвоюю до конца года, плюну на все и перееду в Экваториальную Африку, – размечтался Боффин. – Выслуга позволяет, в отставке буду приличные деньги получать… Займусь разведением птицы, жена давно мечтает.

– А где ваша жена сейчас? – спросил Войт.

– В Сомали, там спокойно. Работает в местном отделении авиалиний «Зулу». Я ее навещаю каждый раз, когда лечу в Европу, вот только в этот раз не успел. – Боффин с сожалением вздохнул.

Я отхлебнул водки, захрустел крекером с сырным кремом и поинтересовался:

– Я вот тут хочу себе ординарца завести… Можно кого-нибудь из ваших? Приглянулся мне один.

– Нет проблем, – сказал Нкелеле. – Заплатите в аэропорту приемщику – не думаю, что он запросит много, – и солдат ваш. Только оформите потом бумаги в комендатуре, чтобы его патрули не задерживали. Уедете – от вас его открепят и отправят на фронт.

– Спасибо, – улыбнулся я, подивившись, как все оказалось легко.

На военной части аэродрома в Мапуту я нашел приемщика, толстенького коричневого капитана с планкой «Очаму» на груди.

– Господин капитан, я – военный корреспондент, мне нужен помощник и телохранитель, – без обиняков начал я.

Лоснящийся от пота капитан обмахнулся мятым блокнотом и спросил:

– Из сегодняшних?

– Да, я с ними летел. Номер 703.

– Не повезло. Столько и заплатите.

Это был, видимо, нехитрый способ развлечения капитана. Притом весьма относительный, то есть если бы я взял номер первый, разумеется, одним рандом или иеной не отделался бы… Я без лишних слов отсчитал ему требуемую сумму наличными. Капитан сунул деньги в карман формы, подозван долговязого сержанта и велел привести семьсот третьего из Москвы.

Федор притащил свой вещмешок.

– Форму получите в комендатуре, когда оформите документы, – сказал капитан. – Оружие нужно?

– Не помешало бы.

– Там попросите и оружие. Может быть, придется немного заплатить. Военным корреспондентам ношение оружия не положено, хотя и не запрещено. Вы же как бы нейтральные…

В комендатуре нас приветствовал подполковник, вид которого умилил меня донельзя. Это был представитель некоего

малорослого племени, жутко толстый (по сравнению с ним капитан с аэродрома выглядел балериной), облаченный в парадную форму. Все аксельбанты и эполеты горели под солнцем, и сидящий на балконе подполковник напоминал рождественскую елку, виденную мною в Ставангере три года назад.

Завидев нас, он оживился и отставил в сторону большую пластиковую бутыль с пивом. Бутыль была запотевшей, в охладителе среди глыбок льда плавали еще несколько таких же. У меня мгновенно пересохло во рту, Федор тоже облизал потрескавшиеся губы.

– Русский журналист? – восторженно спросил подполковник, протягивая руку. Она неожиданно оказалась сухой и прохладной. – Пива?

Я бы не отказался, но он кивнул на откупоренную бутылку. Поскольку стаканов вокруг не наблюдалось, а толстые губы подполковника блестели от слюны, я отказался. Федор поступил проще: взял бутыль, демонстративно вытер горлышко о рукав формы и выдул оставшуюся в посудине треть.

По счастью, подполковник – табличка на груди именовала его как Нгоно – этого не видел. Он резво заполнял какие-то бланки, задавая мне самые неожиданные вопросы, типа «Пользуетесь ли противозачаточными таблетками?» Наконец он выжидающе посмотрел на меня, я вручил ему банкноту, а он мне – маленькое удостоверение для меня и карточку для Федора.

– Нам бы еще оружие, – сказал я робко. – Ваш ординарец может получить прямо сейчас в оружейной комнате. А вы… – Подполковник замялся, хитро глядя на меня одним глазом. По его правому аксельбанту полз жирный красный жук в черную точечку.

– Сколько?

– Смотря за что, – пожал плечами Нгоно.

– Пистолет. Но хороший.

– Сущая мелочь.

Через пять минут мы покинули комендатуру, отяжеленные мощным индийским пистолетом «Джаггернаут» (я) и тяжеленной автоматической винтовкой М-03 (Федор). Он также ташил выданные боеприпасы и сухой паек, который, оказывается, тоже нам полагался. Вообще встречали нас пока что очень радушно, а мелкие поборы я отнес к области африканских традиций.

Нгоно посоветовал нам поселиться в «Танганьике», в самом центре Мапуту. Идти было недалеко, хотя в принципе можно было подкатить и на такси. Откуда-то из-за угла вывернулся Войт с ошалевшими глазами.

– А вот теряться нехорошо, – наставительно сказал ему я.

Он обрадовался и подбежал к нам.

– А я ищу комендатуру…

– Потом найдете. Мы, кстати, оттуда. Пойдемте устроимся в гостиницу, нас вряд ли сразу бросят на фронт.

– Я вообще не очень-то стремлюсь на фронт, – ответил Войт, с уважением косясь на мой пистолет.

Город жил своей военно-гражданской жизнью.

Мимо прополз испытанный военный труженик Т-72, за ним на проволочном тросе волочилось по дороге изодранное черное тело. Сквозь пыльно-кровавую корку белели ребра.

Это мог быть кто угодно: дезертир, мародер, обчищавший карманы павших соратников, командир или боец одного из вражеских соединений, крестьянин, отказавшийся подарить военным последнюю козу… Я не взялся бы даже определить, мужчина это или женщина.

Войт сделал глотательное движение и икнул.

– Тошнит? – спросил я. – Бывает. Не смотрите на такие вещи, вы их здесь увидите очень много.

– Я был на фронте в Индонезии, – возмущенно сказал он. – Видел и не такое… Это, по-моему, чертовы сандвичи.

– Кстати, с едой тут поаккуратнее. Прививки и таблетки – это хорошо, но в Африке водится много такого, от чего наши примочки не помогают или помогают ограниченно. К тому же после применения боевых мутагенов появилась чертова куча неизученных штаммов. Схватите синюю амебу, например, и превратитесь в аквариум для маленьких слизистых тварей, которые вас постепенно сожрут изнутри. К антибиотикам нечувствительны.

Войт перекрестился.

– А вот и «Танганьика», – заметил я.

Здание выглядело вполне пристойно и даже современно. О войне напоминали сонные чернокожие пехотинцы, дремлющие на солнышке под стеной, и зенитная установка, стволы которой недвусмысленно были направлены в небо. На одном висела гроздь бананов.

В вестибюле оказалось прохладно. Белый портье, говоривший с французским акцентом, вписал нас в книгу постояльцев и выдал ключи, служитель – тоже белый, но с испанским акцентом – проводил нас на четвертый этаж. Номер был четырехместный (других не нашлось), чистенький и цивилизованный. Войт поспешил включить кондиционер, а я подошел к окну.

С такой высоты было видно не так уж много. Крыши ближних домов, наблюдатели с биноклями на соседней, несколько зениток, вертолет, парящий поодаль. На крыше напротив сидел,

свесив ноги, негр с длинными волосами и курил. Сквозь отражающее солнце стекло он меня конечно же не видел. Чуть поодаль, подстелив нечто махрово-розовое, две обалденные негритянки из сил ПВО, совершенно голые, очень эстетично облизывали друг друга, пользуясь вместо фаллоимитаторов крупными кормовыми бананами. – Мать твою! Мы в Африке! – воскликнул изумленный Федор у меня за спиной.

2. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

В Москве, помнится, один нахальный тип, перед тем как мои парни разобрали его на запчасти, заявил мне, чтобы я катился в свою Африку и залез там на пальму.

Парень, наверное, был колдун. Иначе ну никак не объяснить тот факт, что я нахожусь в этой самой Африке, родине предков, мать ее, да еще сижу на чем-то типа баобаба… Точнее определить сложно, после того как бомбардировщики с баллонами мутагена были сбиты где-то над этой территорией, ни одной оригинальной культуры тут не осталось. Бомбардировщики сгорели в этом белом небе уже давно, еще в последнюю мировую, а мутагены до сих пор сидят в почве… Моя солдатня жрет компенсаторы пачками. Поначалу носы воротили, дурачье тупоумное, а потом как увидели, что эта дрянь с местными племенами сделала, так недельный запас мигом умяли. Интересная штука – боевые мутагены. Ноги бы повыдергивал тому, кто их придумал…

– Что там, мой генерал?

Это мой денщик, Абе Нкуора. Эбеново-черный верзила из моих. Единственный надежный человек во всей этой обезьяньей компании. Досадно, что ему нельзя доверить рекогносцировку местности, командирские КОРы только у меня. Были еще у разведгруппы, но группу мы потеряли неделю назад. В момент выхода из окружения.

– Ничего, Абе… – ответил я и начал спускаться, Под ногами затрещали ветки.

– Осторожней, мой генерал…

Я спрыгнул на землю. Снял очки-координаторы.

– Ничего. До горизонта чисто. Что, собственно говоря, ничего не значит, как ты сам понимаешь.

– Я так понимаю, что мы в серьезном положении, мой генерал. Со спутниками связи нет?

«Хороший ты парень…»

Я ничего не ответил. Ну что я ему скажу?.. Что мы, вырвавшись из окружения, находимся черт-те где? И шансов на спасение у нас, как у слепой мухи под мухобойкой… Потеряв разведгруппу, мы фактически подписали себе смертный приговор. Единственный канал связи, которому можно доверять, это прямой нейроканал спутниковой связи, вмонтированный в разведчика. Все остальное на девяносто процентов дезинформация. Даже старые добрые пластиковые карты местности. Доверять нельзя ничему.

В Виртуальности сейчас идет схватка, по жесткости не уступающая реальной. Все эти чертовы компьютерные гении висят в созданном их же воображением мире, стараясь переподключить вражеские каналы и попутно выжигая друг другу мозги. Никогда бы не подумал, что через Виртуальность можно убивать… Оказывается, все мои представления об этом деле устарели.

Послышалось негромкое покашливание.

Денщик выжидающе смотрел на меня.

Чего-то ждет… Ах да.

– Позови сержанта.

Абе тут же сорвался с места и побежал в сторону причудливо разросшихся кустов, в тени которых валялось все мое белое мясо, которое гордо именовалось взводом «Бешеный Носорог».

Носороги хреновы… Этот сброд даже в кабаны бы не приняли. Хряки! Как они уцелели?.. Трусы.

С досады я плюнул на песок.

Плевок шлепнулся на нос ботинка.

«Твою же мать!!!»

Кровь мигом прилила к лицу… Ох что я сейчас сделаю с этим мерзавцем! Вон он бежит.

Увязая в песке – кретин, ходить так и не научился, – ко мне бежит сержант. Бежит – это очень громко сказано, топчется вразвалочку.

Ну и ладно.

Хорошо хоть до открытого неповиновения еще не дошло. Эта бледнорожая сволочь явно метит занять мое место. И только тот факт, что без меня они издохнут гораздо быстрее, чем со мной, удерживает это быдло от бунта.

– Сержант! Бегом! – Что-то в глотке пересохло…

– Есть. – Сержант, загребая ногами песок, изображает усердие.

– Быстрее!

– Есть!

«Все-таки добежал. Вот влепить бы тебе пулю в яйца! Чтобы

сбить эту нагленькую улыбочку с твоей морды, паскуда. А потом по зубам, по зубам…» От одной только мысли об экзекуции у меня начинает теплеть на душе, и, чтобы сержант не увидел обуревающих меня чувств, я поворачиваюсь к нему спиной.

– Итак, доложите мне обстановку в отряде. – Я постарался придать своему голосу максимум жесткости.

– Карлито сожрал какого-то паука, теперь его тошнит, – ничуть не смутившись, начал сержант. – Лесовский стер ноги, а у рядового Чиконе не прекращается понос. Лекарства не действуют, мне кажется, еще один день в таком ритме, и ему крышка. Из него скоро внутренности повалятся. У Ламбразони отобрал пистолет. Попытка суицида. У двоих, кажется, лихорадка, точнее определить не могу. Мед комплекс обслуживает Чиконе, а он сейчас не может даже сидеть. И лежать, впрочем, тоже.

Итальяшки. С первого же дня с ними были какие-то проблемы. Сначала они передрались между собой. Оказалось, что эти недоноски являются членами соперничающих мафиозных кланов. Вероятно, крестные отцы в далекой Италии, раздираемой гражданской войной, вздохнули с облегчением, когда отослали этот позор подальше от родных берегов. Потом эти макаронники учинили настоящее побоище в туземной деревне… И не постарайся я и Абе, мы бы не дошли до пункта назначения, прибитые гвоздями к тотемному столбу. Чертова Африка!

Вспомнив о «пункте назначения», я зажмурился и скрипнул зубами. Более половины отряда. За пять минут боя. Бегство. Окружение… Лучше и не вспоминать.

Плюс проваленное задание. Ракетный расчет Мозамбика как стоял, прикрытый электронным колпаком, так и стоит. А террор-группа «Бешеный Носорог» мается поносом… Маршал Нкелеле меня на органы разберет за такую работу.

Конечно, если я вообще доберусь.

– Что еще?

– Еще…

Я понял, что он сейчас скажет, и напрягся.

– Еще люди устали…

Классическая формула для начала переворота.

– Что?

После непродолжительной паузы он повторил более твердо:

– Люди устали.

Я повернулся к нему лицом:

– Сержант! Здесь я буду решать, когда люди устали, а когда нет. Я понятно выражаюсь?

Позади сержанта замаячил Абе. Черный, верный до мозга костей. Независимый черный. Таких бы десяток, и сейчас над

мозамбикским ракетным расчетом уже остывала бы зола.

Но времена изменились…

– Люди устали. – На лице сержанта кислое выражение, из нагрудного кармана торчит зубочистка. Он мне физически противен. – Более того, многие считают, что все происшедшее – это ошибка руководства. Ваша ошибка, генерал.

Плохо дело. Эта сволочь знает что-то, чего не знаю я. Ну и черт с ним…

– Вернитесь в строй, сержант, – Я сломлен, я подавлен…

Он поворачивается. Уходит.

Никакого козыряния ручкой к сердцу. Никакого «Есть, мой генерал!» Он считает, что победил, и поэтому имеет право поворачиваться к черному спиной. К Независимому черному, прошу заметить.

Солнце отражается от его бритого затылка. Дурацкая мода, патлы по краям и бритый затылок…

Я киваю Абе, и он, как на учениях, коротко бьет сержанта прикладом автомата в этот солнечный блик.

Сержант Дюбуа бесшумно валится как подкошенный. Прямо наглой мордой в песок.

– Гейнц, Дитрих!

Из кустов выбегают два немца.

– Унесите. У сержанта солнечный удар. Суток на трое им этого хватит. Дойти бы до базы…

3. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Куда идет военный корреспондент, когда прибывает к месту военных действий?

В пресс-центр.

Правильно. Но это нормальный корреспондент. Таковым у нас почитался Войт, какового я и послал в пресс-центр, вручив все наши бумажки. А мы с Федором двинулись на поиск приключений и развлечений. Мне хотелось пуститься в настоящую фронтовую авантюру, особенно после рафинированного сервиса на острове Реюньон, до которого отсюда рукой подать.

Портье сменился – теперь это был пожилой негр, который с радостью спрятал в карман кредитку и посоветовал идти в «Обезьяну».

– Там можно есть и пить без опаски, – пояснил он свой выбор,

и мы согласились, что это резонный довод.

«Обезьяна» помещалась в трех кварталах от гостиницы, мы двинулись туда пешком. Нас никто не останавливал, хотя патрули попадались. По-моему, патрульные во главе с сержантами были хорошо выпивши, но, может, у них просто морды оказались такие…

Если в столице и соблюдалась светомаскировка, то не в «Обезьяне». Вход был ярко освещен. Стояло несколько армейских вездеходов, маленький разведывательный танк «Шива» индийского производства и с десяток легковушек – преимущественно модели десятилетней давности. Слева от стеклянных дверей спали двое нищих в набедренных повязках, справа сидела жирная проститутка с татуированной грудью.

– Дают жизни… – пробормотал Федор, когда мы открыли дверь и мимо нас просвистел вышвырнутый из зала мозамбикский лейтенант.

Вышибала – кстати, вполне белый – радостно осклабился нам навстречу и указал на столик возле бамбуковой колонны.

Африканская экзотика в клубе удачно сочеталась с достижениями цивилизации. Бамбуковые колонны, украшенные плетеными циновками и головными уборами из перьев, – и матово-черные небьющиеся столики. Чучела попугаев и зебр – и сияющая металлом стойка бара. Копченые головы туземцев на полках – и огромный экран, демонстрирующий порно категории «Е» с квадрозвуком…

Основная масса посетителей, как и мы, носила военную форму. Три четверти были черные. Особняком держалось несколько китайцев, очевидно, военные советники.

Появилась официантка, миловидная негритянка лет тридцати в белоснежном фартучке и кружевной наколке на курчавых волосах. Излишне добавлять, что больше на ней ничего не было.

– Пиво, – сказал я. – Два. Для начала.

– Если господин хочет то, чего нет в меню… – начала официантка, переводя разговор на привычные наркотики и релаксанты.

Я отрицательно помахал рукой. Пожав плечами, она удалилась.

– С бабами здесь хорошо, – прокомментировал Федор, озираясь.

– И с болезнями тоже. Так что если ты нашел свой хрен на свалке, можешь приступать.

– Что, так плохо? – Он, кажется, расстроился всерьез, и я поспешил его утешить:

– Не совсем. Подцепи кого-нибудь из армии, у них там

санитария, профилактика… Хотя бы наших соседок-лесбиянок из противовоздушной обороны.

– Кстати, – отвлекся Федор, – как-то у них тут все по-детски. Кругом зенитки – и свет горит, как на карнавале. Война – и патрули пьяные, никого не трогают…

– Поэтому я сюда и приехал, уважаемый. Из врожденного любопытства.

– Нет, а все-таки?

– Пей лучше пиво, – Я принял у официантки ледяные бокалы с «Левенбрау». – О парадоксах военного времени мы еще поговорим. Отслеживай ситуацию и мотай на ус. Пора вживаться, поэтому напиваться не стоит.

– Напьемся в номере, – согласился Федор.

Все-таки он хороший парень, как ни крути.

После третьего пива он стал еще более хорошим парнем. Сбегав к стойке и пропустив – с моего разрешения – одно виски, он развалился в кресле и стал напевать вполголоса:

Ой ты степь широкая,
Степь раздольная.
Широко ты, матушка…

Из глубин зала тут же возник очень пьяный сержант в форме Ботсваны и двое рядовых.

– Зема! – заорал сержант, – Откуда? Оказалось, что троица приехала воевать из Брянска, и уже два месяца как дерется с заирскими частями в 21-м корпусе. Было их четверо, но одного поймали заирские коммандос и вроде как съели

– Ты умный парень, – заявил Федору сержант по имени Толик, хлопая того по плечу. – Ходи вот с журналистом, баб за жопы цапай, а на фронт не просись! Страшно на фронте.

– К… к-кишки… – пробормотал рядовой с остекленевшими глазами, которого сослуживцы представили как Васю.

– Чего это он? – спросил Федор.

– Да кишки и есть, – сказал Толик. – В соседнем окопе снаряд рванул, там восемь человек сидело, и всех на Ваську побросало. Так он на жаре в кишках полтора суток и валялся, пока наши не подошли… С тех пор и вспоминает периодически… Чего там в России?

– Все так же херово, – отозвался я.

– Ну, – удовлетворенно кивнул Толик. – А мне матка говорила: куда лезешь, дурак, оставайся тут, на заводе работать будешь! У нас там завод машиностроительный, мы для Саудовской Аравии сеялки собирали.

– А на хера им сеялки? – недоуменно спросил Федор.

– Сеять чего-нибудь… Так я ее послал, матку. Говорю, лучше в Африке сдохну, чем тут среди сеялок сраных. Журналист, как насчет водки?

– Я не буду, но вас угощу с удовольствием. – Я заказал им коктейли «Синяя бригада», водка с приятной добавкой. Пусть ребята отдохнут как следует перед возвращением на передовую.

Толик тем временем принялся рассказывать об ужасах, которые творят с пленными противники.

– Обидно ведь: на той стороне наших не меньше, – молотил он кулаком по столику. – Из Питера, из Архангельска, из Перми… Другой раз новостями делимся, когда затишье или там перемирие. А потом начинается… Прошлую субботу поймали одного, с сержантскими нашивками… Из Ярославля оказался. Три медали, орден, командовал, сука, спецотделением. Наших, стало быть, резал. Мы его отдали нашим черненьким, у нас пигмеев целый батальон, умные, гады, хотя и корявые… Всю ночь так орал, что думали, вот-вот сдохнет, а утром Карлик Нос выходит – это капитан ихний, я спрашиваю: «Ну, что, Носяра, сдох язык?» – «Да ну, – говорит, – мы ж только начали». Я тут, кстати, письмо у него взял, у языка-то, матери обещал передать… Слушай, мы с утра на передовую, может, отнесешь в консульство или куда там положено?

С этими словами он извлек мятый и драный конверт. Я молча сунул его в карман куртки.

Вспомнил я об этом конверте, когда вернулся в гостиницу. Получивший ударную дозу впечатлений Федор повозился с бутылками, намешал себе что-то и залег смотреть детективный сериал. Войт спал сном праведника, подвывая и постанывая.

А я включил светильник в изголовье и стал читать письмо, резонно рассудив, что погибший сержант на меня не будет в обиде.

Написано черным стержнем на листе мятого тонкого пластика.

«Дорогая мамочка!

Это снова я. Не знаю, получила ли ты прошлое мое письмо. Мы третью неделю в джунглях, вертолеты летают нерегулярно, так что передал с нарочным, вестовым из штаба. Уж не знаю, что он с ним сделал. Может, и выбросил: черные – народ такой.

У меня все хорошо. Славка вернулся из госпиталя, его легко царапнуло. Говорит, что писал матери, просил и тебе привет передать. Передала тетя Клава или нет?

Как Игорек? Хорошо учится? Тут парень в моем отделении из Питера, у него брата из школы выгнали за то, что во время урока

какую-то секс-игру виртуальную врубил вместо обучающей программы. Теперь денег не хватает, чтобы штраф уплатить и вернуть его учиться. Скажи Игорьку, чтоб не баловался. Я ему и сам напишу, только время выдастся.

Погода здесь хорошая для Африки. Не слишком жарко, дождей нет. Нам регулярно делают прививки, потому что возбудители болезней мутируют. Врач, что приезжал, был из Смоленска, поболтали с ним немного. У него контракт уже истекает, но он хочет продлить на три года. Хотя ему-то что: капитан, в госпитале в Киншасе работает.

Как твой силикоз? Ты лечись, если деньги кончатся или потребуются срочно, пиши, я переведу со своего счета. Вот, а ты говорила, зачем я сюда иду… Как бы мы тогда тебя лечили? Не на страховку же…

Все, сейчас у нас операция, пойдем чистить деревню от мозамбикцев. Там наших тоже много воюет, есть ничего ребята, а есть и сволочи. Хотя на воине все сволочи, особенно те, что с другой стороны.

Извини за грубые слова.

Не болел.

Целую, Твой Володя».

Война, война…

Я решительно смял письмо и сунул в мусоросжигатель, встроенный в тумбочку

Иногда письма не должны доходить.

4. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

– И было утро и был вечер. День первый. – Абе цитирует что-то незнакомое и ложится на песок. Скорее падает, чем ложится, он смертельно устал. Он не хочет есть, он даже не хочет пить. И умирать он не хочет тоже, но не потому, что боится, а потому, что сил нет даже на это. Он занял место поблизости от своего генерала, вероятно, безопасности ради, хотя смысла в этом нет. Все остальные вымотаны еще больше. Бунта можно не опасаться.

Чертова земля предков.

Отряд расположился рядом, в сгустившихся сумерках можно разглядеть, как светятся плохо экранированные термооболочки спальных мешков. Хреново это, но ладно. Не поднимать же всю эту шарагу по тревоге из-за такой мелочи… Всего-то делов, проскочит над нами спутник, идентифицирует и передаст

координаты куда следует. И дальше уже от Великого Слона маршала Ауи будет зависеть, какое блюдо он возжелает состряпать. Захочет – бомбардировщиками накроет, захочет – группу уничтожения вышлет, захочет – вообще орбитальную военную платформу наймет. Жахнет лучом со средним радиусом поражения, и – баста, в саванне только выжженный кружок километров в десять. Чистота и порядок. Или окинет всю перспективу своим стратегическим мышлением и оставит нас в покое.

Пожалуй, наиболее предпочтительный для нас вариант развития событий – это луч с орбиты. Быстро и безболезненно.

Хуже, если мы на команду уничтожения напоремся. Хуже, но самолюбие потешу перед смертью. Если специалистов по нашу долю послали, значит, где-то мы в важной точке оказались. Доставили, так сказать, неприятность врагу. Честно послужили отечеству, чтоб его…

Случайно, конечно, но кто об этом знает?

И самый худший вариант развития событий – это полное безразличие к нам со стороны воюющих сторон. Своих и чужих.

Своих… Каких «своих»? Кто мне «свои»? Интересно…

Маршал Нкелеле мне свой? Или его первая шлюха? «Затмевающая Луну и Солнце Повелительница Ветра»?

Боги, даже передергивает при воспоминании об этой тупорылой француженке… На приеме я был удостоен сомнительной чести быть ее третьей ступенью в момент схождения царицы с трона. Повезло… Если бы не обострение на фронте, я не стал бы боевым генералом, а издох, достигнув высшей почести при дворе Нкелеле – Второй Ступени. Поскольку, согласно изумительным законам дворца, – удостоившиеся высочайшей чести быть первой и второй ступенью при схождении царицы с трона уничтожаются, дабы не познали они наслаждения выше в этом мире.

Причем сам Нкелеле мужик вполне нормальный… Если не считать кое-каких странностей.

Что-то зашебуршало в темноте. Я переключил КОРы на ночное видение.

Отлично!

Рядовой Чиконе, сгибаясь под непомерной тяжестью своего собственного взбунтовавшегося желудка, старается отойти подальше к кустам. Идиот.

– Стоять! – кричу я шепотом.

Он не слышит. Ползет, как заведенный, в сторону чахлого кустарника. Скрюченный кусок недоразумения. Я догнал его на полпути к заветным кустам:

– Куда ты прешь, дурень? Паучьих шакалов кормить?! Скотина, всех подставишь. Сам в дерьме и других замажешь! – Кричать не хочу. И так все это «мясо» скоро подохнет в окружающем нас саксауле, так пусть хотя бы выспятся перед смертью.

– Не могу… – тихо воет Чиконе, уцепившись за меня. – Не могу… Не могу… Совсем замучила, подлость, пусть пауки, пусть шакалы… Не могу я, мой генерал… Не могу…

Это ж надо, у него мозги скоро через зад выпадут, а субординацию помнит. «Мой генерал»…

– Немогу…ыыыы… – И что-то лепечет на итальянском. Надо парня в себя приводить.

– Чиконе… Чиконе…

– Не могу… ууу…

– Рядовой Чиконе! Встать!!!

Лепет и бессвязное мычание мигом прерываются. Таки вымуштровал я их, мерзавцев! Что бы там этот недоносок сержант ни говорил.

– Рядовой Чиконе, штаны снять! Сесть!

Боги, до чего дошло? Я, боевой генерал, отец-основатель крутой черной группировки, держу какого-то засранца-итальяшку «за грудки», чтобы тот не брякнулся от бессилия в собственные экскременты…

А еще говорят, есть спутники-шпионы, фотографии могут сделать любой четкости… И даже ночью… Чертова Африка!

– Терпи, Чиконе, терпи… Будешь еще… внукам рассказывать… Зараза… Твою мать…

Чиконе молчит. Сопит, делает свое дело и молчит. Совсем обессилел, мне приходится его держать изо всех сил.

Тяжелый… Вот уроню его прямо в его же…

– Мой генерал?..

– Что? – Боги, тупее ситуацию не придумать. Ночной диалог в саванне… Поэзия, мать ее…

– Я все… – шепчет Чиконе.

– Отлично. – Я встаю, дергаю на себя итальяшку, – Рядовой Чиконе, встать… Привести себя в порядок и спать. Завтра трудный день.

Я ухожу в темноту, слыша, как сзади неудачливый белый человек шуршит ремешками. И что-то еще. Какой-то звук вплетается в позвякивание пряжек.

Я обернулся и увидел, что рядовой Чиконе вытирает слезы…

Вот ведь… Я помедлил:

– Тебя звать как?

– Чиконе…

– Нет, я имя спрашиваю.

– Джузеппе. Мой генерал…

– Не реви, Джузеппе. Слезы – это вода… – И, чувствуя себя полным идиотом, я добавил: – Спокойной ночи, Чиконе.

Я снова упал на песок возле своего Абе, когда заметил, что тот не спит. Сторож…

– Все видел?

– Нет.

Врет мерзавец. И на том спасибо.

– Спать, Абе. И придумайте на завтрак что-нибудь для рядового Чиконе. От диареи.

– Будет исполнено, мой генерал.

– Спать… – Я отключил ночное видение и, оставшись в темноте, слышал, как снова укладывается мой денщик.

У меня же сна не было ни в одном глазу.

Как и куда я выведу отряд завтра, когда связи ни с кем нет? Да и сама попытка выхода на связь с кем бы то ни было равнозначна подписанию смертного приговора, потому что на место, где будет перехвачен сигнал, сразу направятся ракеты. И разбираться никто не будет. Не зря же в каждом отряде есть несколько специальных киборгов, которые занимаются проблемой коммуникации. И больше ничем, потому что на другое просто не хватит их нервной энергии.

Своих киборгов я потерял вместе с развел группой. И заблудился. В Африке. В цветущей странными, неживыми, после воплощения в жизнь очередного Великого Плана, деревьями саванне. Когда-то давно это была никому на хрен не нужная пустыня…

А, плевать, поведу завтра своих на запад, как шел до этого. Один черт, шансов куда-нибудь попасть немного.

В темноте беспокойно завозился Абе. И внезапно я испытал необъяснимый прилив нежности к этому парню. Одному из немногих, кто остался верен мне после ослабления позиций «Независимых черных» в Москве. Ослабления? Нет, я неправильно выразился.

Хотя бы с собой я могу быть честен?

После краха власти в группировке «Независимые черные». После того как нас вытеснили почти со всех позиций и зон влияния. После того как мы оказались не в состоянии контролировать даже Белое море… После того как в клане произошел раскол, а я был вынужден бежать из России…

И был прав! Трижды прав!

Потому что те, кто выбрал путь сопротивления, перестали существовать. Да, они красиво и эффектно говорили о том, что

нельзя сдавать позиции без боя, что черные способны удержать власть в своих руках, что… Много красивых и хороших слов. И будь я поглупее и помоложе, я так же плюнул бы под ноги такому, как я. Как сделала это вся «Новая Черная Стая».

Только я уже не молод и далеко не глуп… Кажется.

Я хотел сохранить клан. А клан плюнул мне под ноги. Так кто теперь для меня «свои», а кто «чужие»?

В темноте снова завозились.

Я настроил ночное зрение и вгляделся. Тишина… Все спят. Только паучьи шакалы таращатся из кустов. Мерзкие твари, ничего не скажешь.

Дерьмовая ночка, терпеть не могу самокопания… Противная и бесполезная штука. Не люблю.

– Кто ж его любит? – спросила темнота слева от меня.

Я резко повернулся и увидел, как блики костра озаряют голого человека в набедренной повязке. Эбеново-черная кожа атласно отсвечивает…

В костре зло потрескивают сырые ветки. Подсвеченный алым дым поднимается в ночное небо…

Стоп! Какой костер?!

Какой костер, чертова Африка?! Не было никакого костра…

Я попытался вскочить, но ноги стали ватными.

В сущности, какая разница? Ракеты уже на полпути. Не заметить такой источник света в саванне, пусть освоенной, может только слепой. И никто ни в одном из штабов разбираться не будет, кто там, свои или чужие костры жгут. Бабахнут ракетами, и делу конец.

Мы все мертвецы.

Мысль о том, что торопиться уже некуда, наполнила меня спокойствием.

– Правильно. Не дергайся, – произнес черный человек и подбросил в костер еще ветку. – Тебе разве не нравится огонь? Когда-то ты был от него без ума…

– Я долго лечился. – Во рту у меня пересохло. Не осталось на этом свете тех людей, кто помнил бы о моем кошмаре детства. Пиромания. Я сказал уверенно: – И вылечился.

– Брось. – Черный человек смел мою уверенность, как ребенок сметает кучку песка ладошкой. – Нельзя вылечиться от любви. Смотри, как он мерцает… Это зрелище для избранных.

Он говорил с наслаждением, пробуя каждое слово вкусовыми окончаниями языка. Ему нравился этот процесс – обкатывать языком каждый звук, выпускать в ночь слова, полные великого значения.

Человек пошевелил угли, они вспыхнули, и я увидел его

глаза. Черные глаза ночи…

– Ты кто? – Горло как наждак. Я почти знаю ответ, помню памятью моего народа.

– Легба. Старый Легба. Великий Легба. Толмач Легба. Разве ты не помнишь меня? Разве ты не слышишь? – И он посмотрел на меня своими непроницаемыми глазами.

– Нет… – ответил я.

И вдруг отовсюду, как волны, как слабое дуновение ветра… Голоса. Звуки. Шепот воздуха. Бормотание земли. Песнь огня. Речитатив воды…

Дрожание струны? Комариный звон? Нет… Мир вокруг наполнен звуками, говорит на непонятном древнем языке.

Я ощутил себя маленьким мальчиком, дрожащим от одного вида огня. Сладкая дрожь, поднимающаяся откуда-то снизу… Каждый изгиб пламени порождает во мне стон, каждая вспышка – судорогу. Я люблю огонь… Такой жаркий, такой настоящий… Я иду к нему. Иду через всю свою жизнь.

Раздался сухой щелчок пальцев, и я увидел себя отразившимся в необъятных зрачках темного неба.

Тихий, как шелест, смех затих вдалеке.

Надо мной небо. Ночь.

– Мой генерал… – Чей-то шепот во тьме.

Я вздрогнул. Повернул голову направо.

Оказалось, это Абе сидит рядом в напряженной позе.

– Мой генерал, с вами все в порядке? Я сел, растирая лицо обеими руками:

– Да, Аб, все нормально. Я заснул… Который час?

Я ничего тебе больше не скажу, Аб.

Я видел бога. Я знаю, что все мы умрем.

5. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Большой тяжелый грузовик шел впереди. Из-под тента кузова на меня таращилось несколько черных физиономий и пара белых. Все курили, притом, как я чуял по долетающему запаху, отнюдь не простые сигареты.

Я ехал в открытом бронетранспортере. Рядом на дырчатом железном сиденье подскакивал Войт и что-то бормотал себе под нос. Федор сидел сзади, в грузовом отсеке, на каком-то тряпье. Он был изрядно пьян еще со вчерашней ночи, но я на это смотрел сквозь пальцы.

На коленях я держал маленький юаровский автомат «пигмей», который выиграл в покер у страшенного испанца в «Обезьяне». У испанца истек контракт, и он ожидал подходящую компанию для возвращения домой, коротая время за картами и выпивкой. Когда игра подходила к концу, он навалился мне на плечо и, дыша в лицо жуткой химией, пробормотал:

– Вали отсюда, писатель! Вали скорее. Ты думаешь, у них тут их черножопые маршалы командуют? Э-э… – Он погрозил мне пальцем. – Мы тут все пешки! Пешки! Шестерки! Двойки! Потому оставь надежду всяк сюда входящий!

– Стой, стой, – сказал я на испанском. – Что за история?

– У-у-у! Это совсем плохое дело. Так что бери мой автомат и вали отсюда, вали, писатель! Вали скорее!

С этими словами он рухнул под стол и больше оттуда не появлялся.

Сейчас «пигмей» лежал у меня на коленях, и я был рад этому приобретению. Таскать тяжелую автоматическую винтовку не хотелось, а пистолет – это все-таки пистолет. Кстати, точно такой же был у клерка во время перестрелки в банке. С этой перестрелки все, собственно, и началось…

Над головой с истерическим криком пронеслась какая-то яркая птица. Сидевший на противоположной скамье негр что-то сказал своим соседям, те расхохотались. Их ехало с нами девятеро, все чернокожие, жизнерадостные, беспрерывно жующие легкий наркотик кустарного производства под названием «бамба». Один дремал, положив голову на приклад тяжелого пулемета ХМГ – их в большом количестве продавали в Африку американцы со своих старых армейских складов.

До передовой было достаточно далеко, и нам в Шапуту предлагали проделать этот путь на вертолете. Большой пятнистый Ми-37 китайской сборки улетал прямо с крыши пресс-центра, но я отказался, а за мной, помявшись, отказался и Войт. Хотелось прокатиться. Сорок минут на трясущейся тарахтелке или несколько часов по джунглям – есть разница?

Для меня – огромная.

В джунглях, скажу я вам, я чувствую себя на порядок лучше, чем в Новой Москве.

Здесь, во многих километрах от передовой, подстерегает гораздо меньше опасностей, нежели на улицах большого города, тем более такого нелепого и непредсказуемого, как Новая Москва. Леопард, бегемот, крокодил, любая змея ведут себя осторожно, и их поведение можно предугадать.

А как предугадать поведение человека с микрочипами в мозгу?

Как предугадать поведение наркомана, объевшегося Д-8 или «спринтера»?

Как предугадать возможность разборки между двумя молодежными группировками?

– Эй, приятель! – окликнул я того, что комментировал полет птицы. – Слушай, а в тылу часто нападают?

– А как же! – с готовностью ответил тот, сверкая зубами. – Спецотряды коммандос. Три дня тому назад комендантскую роту так расчихвостили! Там, правда, были в основном немцы да арабы из Джибути и Омана, а из них вояки известно какие.

– А из кого хорошие? – полюбопытствовал я.

– Китайцы, русские, арабы из Ирака, курды, – стал перечислять пехотинец.

– Кубинцы, мексиканцы, – добавил его товарищ, тощий и длинный, с большой золотой цепью на шее.

– Насчет мексиканцев я бы поспорил, – возразил мой собеседник. – Хараре из-за них только и сдали.

– Хараре все равно бы сдали, – буркнул тот. – Зато когда нас прижали у Нгулы, только мексиканский батальон и пробился. Я им по гроб жизни благодарен.

– Ну и будь благодарен, а я при своем мнении останусь. Так вот, журналист, – продолжил он, обращаясь ко мне, – тут все вояки в принципе неплохие. Вот только зачем мы все это делаем? Теоретически эту войну нельзя назвать ни освободительной, ни захватнической ни с одной стороны… Я раньше был преподавателем истории в университете, я знаю, о чем говорю. Идет позиционная возня: сдали город – взяли город, наступили – отступили. Шахматы. Даже не шахматы, в шахматах фигуры исчезают с доски безвозвратно, а здесь – возвращаются в подлатанном и освеженном виде. Разбили корпус или дивизию – тут же появляются наемники и чехарда продолжается. В самых удобных местах, при самом идеальном стечении обстоятельств ни разу не было серьезных прорывов. В прошлом августе мы имели все шансы потерять столицу, и что же? Нкелеле свернул наступление. Вот вы журналист, вы можете это объяснить?

– Отсутствие резервов, боязнь оторваться от частей снабжения, ремонтных баз… – предположил я. – В конце концов, усталость…

– Полноте, – махнул рукой негр. – Мапуту лежит перед вами, 13-й и 40-й армейские корпуса бегут без оглядки, бросают технику. Но Нкелеле развернулся и отправился восвояси, чтобы опять продолжать позиционные бои. Еще одна интересная деталь: за всю историю боевых действий ни разу не было мирных переговоров на высшем уровне. Нет, капитаны и даже полковники

иногда высылали парламентеров и обсуждали всякие мелочи: забрать раненых, сдать стратегически не важную деревню… А маршалам это не нужно. Маршалы играют в шахматы.

Негр вздохнул и сунул в рот новую порцию «бамбы» из полиэтиленового пакетика. Я подождал, что он еще скажет, но собеседник иссяк и даже, кажется, задремал, срубленный наркотиком. Тогда я достал из рюкзака захваченную из России книжицу Киплинга и углубился в чтение.

Место расположения штаба 2-го армейского корпуса появилось из джунглей неожиданно. Вначале послышалось утробное урчание моторов, потом показалась островерхая бамбуковая башенка с неизменным пулеметчиком, а затем и зеленые штабные шатры. Грузовик сопровождения покатил дальше, а наш бронетранспортер описал изящную дугу на утрамбованной глине плаца и остановился возле шестиколесной ракетной установки.

Я спрыгнул с машины. Войт, потягиваясь, последовал за мной, а Федор, так и не оклемавшийся после вчерашнего, вяло потащил пожитки.

Первое, что бросилось мне в глаза, – большой рукописный плакат на одном из шатров. Крупные русские буквы ярко-зеленого цвета гласили:

«Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!

В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы!»

Стишок показался знакомым, но с таким же успехом мог быть и творением местных умельцев из числа русских наемников. Я хохотнул. Хихикнул и Федор, а Войт попросил перевести. Я перевел, тот ничего не понял.

– И где тут гориллы? – спросил он. – Последнюю гориллу вывезли на Мадагаскар семь лет назад, я читал в газетах. И акулы… Бред какой-то. Акулы в океане. А отсюда до океана очень далеко.

– Вы скучный прагматик, Войт, – сказал я.

Деловитый сержант – они, кажется, составляли основную часть мозамбикской армии, ибо кишели повсюду – велел нам

идти к помначштаба подполковнику Сплинеру. Тот оказался симпатичным мулатом со щегольскими усиками.

– Журналисты? – не слишком одобрительно спросил он, потягивая мутноватый сок из стакана и разглядывая наши документы. – Ищете сенсаций?

– Работаем, – поправил я.

– Из России? – Он несколько переменился. – У нас много ваших парней. Ладно, работайте. Найдите себе место в палатке, где свободно, и живите… Насчет еды не беспокойтесь, насчет выпивки – тоже. Все вопросы – к капитану Нуйоме, найдете его в штабе.

Возле штабной палатки на щите был укреплен большой портрет маршала Ауи. Благообразного вида негр, убеленный сединами, не слишком-то и черный, европеоидные черты… На груди, как водится, ряды орденов. Тем не менее человек с виду вполне цивилизованный, с покойным королем Махендрой не сравнить…

Под щитом стоял часовой в парадных белых ремнях и с надраенным карабином. Тут же висел мозамбикский флаг, а рядом – чуть пониже – флаги союзников: Кении, Танзании, Сейшел, Мадагаскара, Малави и Ботсваны. Из них по-настоящему воевали только Кения, Танзания, Малави и Ботсвана. На Мадагаскаре, который бог оградил водой, устроили даже заповедник, чтобы сохранить погибающие в мясорубке войны виды животных. Я слышал, что японцы вложили в это мероприятие очень солидные деньги. Хотя японцев это не оправдывает: они сейчас везде вкладывают очень солидные деньги, взять ту же войну… Весь флот адмирала Кеньяты-Джуниора сошел с японских стапелей. Флот тот, правда, почти что не воюет, потому что в джунгли крейсер не затащишь, но сам факт показателен.

Поймав за портупею очередного сержанта и вручив ему денежку, я устроил наше трио в просторной и пустой палатке, только что установленной. Двухъярусные кровати, походные столики и стулья, даже переносное стерео в углу. Хорошо живут при штабе! Капитан Нуйома, которому вверили наши бренные тела, отсутствовал, но сержант пообещал, что сообщит ему о нашем появлении.

Пока мы с Войтом обосновывались на новом месте, Федор сновал по штабному городку и собирал новости. Вернувшись и благоухая местным просяным пивом, которое военные скупали и экспроприировали у гражданского населения, он доложил:

– Наступления пока не ожидается, до передовой восемь километров, жрать дадут через три часа, вечером выдадут сухой

паек.

– Вольно, – велел я. – Пиво нормальное?

– Бурда, – скривился Федор. – Чисто для ознакомления. Как наша бражка.

– Не пил ни разу, – сознался я.

– Да я сам случайно попробовал… Местные-то все трескают, они народ привычный.

– Смотрите, паук, – сказал Войт, с ужасом указывая в угол. Там сидела волосатая тварь.

Федор тут же выскочил из палатки и поймал рядового-негра.

– Ерунда, господин, – сказал рядовой, без опаски хватая паука за длинную суставчатую лапу. – Хорошая еда. Я возьму?

Мы милостиво разрешили ему забрать мерзкое создание, после чего Войт глубокомысленно заметил:

– Было бы неплохо узнать, что тут готовят.

– «Солдат удачи» писал, что малавийцы частенько едят человечину, – сказал я, опускаясь на стул. – Думаю, армия Мозамбика тоже может стрескать пару убиенных врагов.

– Враки это все, – покачал головой Войт. – Это Фергюсон писал, я его знаю. Он и был-то в Найроби, до фронта не доехал… Подцепил какую-то заразу от девки в отеле… Никого тут не едят, скорее всего.

– Значит, мы будем первыми, – заключил я.

Три часа мы бродили вокруг палатки. Вернее, бродил я: Войт возился с камерами, а Федор, как и положено хорошему солдату, спал в тени на надувном матрасике.

Насколько я представлял себе карту военных действий, сейчас мы находились на территории бывшей Замбии или нынешней Малави. Скорее первое. Двум странам – Зимбабве и Замбии – не повезло, потому что они выступили в роли поля боя для двух противоборствующих группировок. За Хараре, столицу Зимбабве, в свое время шли кровопролитные бои. Защищали город верные режиму тогдашнего президента Ионы войска, которым ничего не оставалось – они оказались между двух огней. Замбия отделалась несколько легче – ее попросту разделили пополам, введя военное управление на аннексированных территориях, но потом начались бомбардировки и государства не стало. Медные рудники превратились в лунные пейзажи, антропологический музей в Ливингстоне с трудом успели вывезти какие-то восторженные идиоты из ЮНЕСКО, потеряв более десятка человек, а на Луанду кто-то из воюющих – до сих пор неизвестно, кто именно это был, – сбросил под шумок бактериологическую бомбу с вирусом гриппа Кафуэ. Население частично вымерло, частично разбежалось, и сейчас в эту

местность вообще никто не совался. Эпидемии по странному стечению обстоятельств не случилось, чего медики до сих пор объяснить не могут. Прививки от гриппа Кафуэ нам, кстати, сделали. Это было очень больно.

По ветвям акаций скакали мелкие птички. Неподалеку довольно мелодично распевал голый до пояса чернокожий солдат, обхаживая артиллерийское орудие. Я призвал на помощь свои оружейные познания – вроде бы старая британская L-118.

Африка собрала по миру все старье, которое пылилось на армейских складах. БМП и БТР конца прошлого века из Словакии, Польши, ЮАР, США и Египта; британские легкие танки «Скорпион», украинские Т-54, Т-55, Т-62 и Т-72, румынские «Грады», вертолеты AS-350B и AS-532 из Франции, SA-316B из Нидерландов, штурмовики A-37 из США, F-5 из Канады, MB-326 из ЮАР, МиГ-21 из Израиля, американские транспортники C-130B… Покупались, конечно, и новые, и сверхновые образцы, но в основном воевали на антиквариате. И у той и у другой стороны имелось и тактическое ядерное оружие, но в его наличии никто признаваться не хотел.

Мимо трусцой пробежало отделение коммандос в маскировочной форме, с КОРами, рацией дальней связи, с автоматами на толстых потных шеях. Скорее всего, киберы. Хотя процент киберов в войсках не так уж высок, была на этот счет публикация в «МК». Среди самих африканцев их и так не очень уж много, а киберов-наемников берут в основном в спецчасти либо в техобслуживание.

– Пора есть, – сказал Федор, не открывая глаз.

– Пора так пора, – согласился я.

Он проводил нас в столовую, расположившуюся под навесом в окружении цветущих низкорослых кустиков. За длинными столами сидели солдаты и офицеры без особого разделения на касты. Среди них я заметил несколько русских, которые встретили наше появление довольно индифферентно. Ничего удивительного – земляков в Африке собралось достаточно, чтобы не радоваться каждой русской морде.

Обед оказался обильным и вкусным: бобовый суп, бифштекс с картофелем и овощами, сок. Спиртного за столом никто не пил, очевидно, этим занимались в свободное от обеда время.

Отобедав, мы с Войтом пошли искать капитана Нуйому. Он вышел нам навстречу из палатки: лет тридцати пяти, с длинными волосами, заплетенными в жесткие косички, ниспадающие из-под форменного берета, с маленькой маузеровской кобурой на ремне. Выслушав наши приветствия, он сухо кивнул и жестом пригласил войти в палатку. Там оказалось уютно: была даже книжная

полочка с рядами томиков на португальском и английском. Среди авторов я заметил Лумумбу, Нето, Душ Сантуша. На стене висел прикрепленный скрепками стереопортрет незнакомого мне старенького седого негра в очках.

– Прошу вас сесть, – чинно сказал капитан.

Мы разместились на складных стульчиках, а он тем временем извлек из-под койки бутылку виски «Торонто Клаб» и пластиковые стаканчики.

– За встречу, – предложил он, с треском скручивая пробку.

Мы с Войтом переглянулись.

Второй тост последовал сразу за первым. Только-только мы проглотили содержимое стаканчиков, как Нуйома налил снова и провозгласил:

– За победу! Пусть старый бабуин Нкелеле умоется кровью и грязью!

Выпили и за это. Закуски не было. Капитан скомкал стаканчик, бросил его в угол и спросил, сверкнув белками:

– Зачем вы приехали?

– Писать о войне, – сказал Войт.

– А что о ней писать? Вам в Европе всегда было интересно смотреть, как дерутся недочеловеки? Мы для вас всего лишь гладиаторы, не так ли? Я знаю, что у вас там работают тотализаторы: возьмет Нкелеле Булавайо к будущей пятнице или же нет? Какими будут официальные потери при штурме Зомбы? Делайте ставки, белые господа!

– Бог с вами, капитан, – отмахнулся Войт. – Я лично этого никогда не одобрял.

– И все-таки мы гладиаторы, – пробормотал капитан, не слушая, и я стал подозревать, что Нуйома немного не в себе. – В Древнем Риме мы сражались на аренах. Сегодня арена – весь юг Африки, вся ее добрая половина… На севере устраивать арену опасно – ракеты все-таки не мечи и не копья, могут залететь и туда, куда не положено…

Пусть мы ответим:
«Здесь!» —
Когда нас позовет Возрождение мира.
Пусть мы станем дрожжами —
Без них не взойти белому тесту.
Ибо кто внесет оживляющий ритм
В этот мертвенный мир
Машин и орудий?..

– Кто это написал? – спросил ошеломленный Войт. – Вы?

– Африканский философ, поэт и политик, член Французской академии, первый президент Республики Сенегал Леопольд Сенгор, – с гордостью сказал капитан.

– Ну, насчет орудия и машин я бы поспорил… – буркнул Войт, глядя сквозь откинутый полог палатки на рычащий танк, разбрасывающий из-под гусениц ошметки жирной земли.

– Это ваши машины и ваши орудия, – парировал капитан. – Вы продаете их нам, вы учите нас их строить.

– К чему весь этот спор? – поинтересовался я. Нуйома улыбнулся:

– Разминка. Вы – люди образованные, журналисты. Будете скучать – вспомните про меня, захотите поговорить – придете. Я философ, окончил Принстон, потом Вест-Пойнт, а практиковаться негде. Даже слушателей найти тяжело. Эти старые мысли о всеобщей африканской идее… Знаете, сейчас они никому не интересны. Виртуальность, наркотики, кибершпионаж, борьба корпораций… А у нас либо до сих пор купают детей в бычьей и слоновьей моче из-за отсутствия воды, либо объедаются синтетическими антидепрессантами в ночных клубах Йоханнесбурга и Лагоса. Африка расслоилась. НЕКи и НЕРвы с одной стороны и дикие племена – с другой.

– Простите, если перебил вас, но я про арену… Мне уже говорили нечто подобное. И не раз, – заметил я. Капитан кашлянул:

– Я действительно так думаю. Я атеист, но какая-то высшая сила явно вмешивается, и это не обязательно Господь Бог. Либо деньги, либо мифическое Мировое Правительство, либо искусственный интеллект…

– Искусственный интеллект? – Я даже привстал.

– А почему бы и нет? – улыбнулся Нуйома. – Смотрите – два лагеря, два военных союза. Почему Танзания воюет на нашей стороне, а Ангола – на стороне Нкелеле? С таким же успехом могло быть наоборот… Почему империя соблюдает нейтралитет и лишь продает оружие обеим сторонам? Почему Замбия и Зимбабве не захотели участвовать в сваре и пали первыми, причем их уничтожили беспощадно? Сотни вопросов. Я уж не говорю о вещах, недоступных пониманию людей военных, получивших соответствующее образование. Стратегии как таковой в этой войне не существует, это я утверждаю как выпускник Вест-Пойнта. Поэтому я, наверное, до сих пор капитан, хотя знаю вчерашних лавочников и мясников, дослужившихся за три года до полковников. Сам Ауи был посредственным бригадным генералом, пока не случился этот чертов переворот. Теперь на него молятся. А те, кто не молится, все равно за него

воюют, потому что, если не воевать за него, придется воевать за Нкелеле.

– Уезжайте в Европу.

– Многие уехали в Европу. Профессора, инженеры, даже политики. А из Европы многие едут сюда. Странный круговорот… Я согласен, в России сегодня жить опасно и плохо, но здесь не лучше! Способов заработать и в Европе хватает… Кстати, о заработках: вы не задумывались, откуда берется столько денег на войну? Еще один вопрос, не имеющий ответа…

Капитан помолчал.

– А я… Я здесь потому, что мне интересно, чем это кончится. Завтра я еду на передовую с инспекцией, могу взять вас с собой. Посмотрите, что такое война. Что-то вроде летнего лагеря для бойскаутов, и только.

– Хорошо, мы поедем, – кивнул я, – Надолго?

– Давайте думать, что навсегда, – сказал Нуйома и отхлебнул прямо из бутылки.

6. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Проснулись все-таки не все.

В спальный мешок к долговязому шведу Гунару Торбьерну заползла гадюка. Погреться захотела, сволочь. Судя по всему, он ее придавил во сне… Умер, даже не проснулся, дыхание перехватило. На его лицо смотреть было страшно.

Солдаты зарывали тело молча. Косились на меня, словно это я ему гадюку подсунул. Дерьмовая ситуация, ничего не могу сказать. Пока еще все тихо, но если не произойдет значительных изменений, можно будет ожидать выстрела в спину. К тому же сержант очухался. Пока молчит, сапогами песок топчет и на конвоиров глазенками зыркает. Надо было его расстрелять по закону военного времени, но ничего, успею. Наверное… Хотя, впрочем, какая разница? Ну не я его убью, а мозамбикские обезьяны… Ну и что? Одно досадно, что я этого уже не увижу…

Я повернулся к отряду:

– Подтянись, макаки! Живее, живее!!! Впереди вода!

Ничего не изменилось. Парни действительно измотались… Даже моя выдумка о воде не помогает…

Впрочем, почему выдумка? Впереди действительно озеро. Ньяса. Большое пограничное озеро.

Зато за ним Малави, северную часть которой прочно

удерживают войска Анголы. Порт Нкхата Бэй. В порту бесчисленное множество шлюх, наркодилеров, наемников и прочего человеческого мусора, который всегда скапливается там, где воюют.

Вот только до Нкхата Бэй нам так же далеко, как и до неба. До неба даже ближе.

Некстати вспомнилось, как в подготовительном лагере армии Анголы пьяный капитан-инструктор сказал мне:

– Когда вы окажетесь в районе Камбулацици, обязательно выщелкнете один патрон из обоймы. Он вам очень пригодится… Дело в том, что тамошние племена приноровились жрать пленных живьем… Достижения современной медицины! Там целые бараки таких вот… объедков. И все живы, правда не скажу, чтобы здоровы. Ха-ха-ха…

Капитан был уже пьян, но продолжал прикладываться к бутылке. Питье в него уже не лезло, а он все пил, пил, пил… Ноги отказывались держать тело, желудок выворачивался наизнанку, а капитан все накачивался дешевым пойлом.

Когда я видел его в последний раз, он, раскачиваясь, стоял в очереди за новой бутылкой синтетической мексиканской текилы. И плакал…

Ирония судьбы заключалась в том, что именно на Камбулацици мы и идем. Точнее, должны идти, если я что-то понимаю в ориентировании на местности. Оттуда можно будет добраться до Чипока, малавийского порта на озере Ньяса…

Я тяжело вздохнул. Все это верно только в том случае, если тот жалкий кусок пластика, который мы считаем картой, не врет, а мое знание местности не подводит меня.

– Живей! – Мой крик поднимается куда-то вверх, к палящему солнцу, и падает оттуда на головы моих людей. – Живей…

Сколько их осталось?

Я присмотрелся к жалкой группе, бредущей по песку. От отряда осталось пятнадцать человек, считая меня, Абе и арестованного сержанта, который плетется в арьергарде, сопровождаемый двумя молчаливыми немцами. Не густо, некого даже вперед послать…

Мы продрались сквозь кусты и начали подъем на пологий склон холма, густо поросшего ржавой растительностью с зелеными, еще не выцветшими проплешинами. На вершине виднелась небольшая рощица. Место для привала.

Склон. Последние метры… Вершина. Несколько деревьев и три больших камня, здоровенных куска гранита.

Я еще успел порадоваться, что ветер дует нам в спину… Дурак.

Оказалось, что деревья растут довольно густо, и на плато, которое образовывала вершина холма, расположилась целая роща. Привыкшие к яркому солнцу саванны глаза не позволяли увидеть что-либо в тени. Прохладная темнота…

Я не чувствовал опасности. Ее и не должно было быть. В тылу у противника. В области, где и в лучшие-то годы плотность населения составляла от двух до десяти человек на квадратный километр.

Все началось, когда последний солдат, кстати, это был мой сержант, вошел в тень.

Казалось, пули посыпались сверху, как перезрелые кокосы с пальмы. Наверху оглушительно загрохотало, посыпались срезанные ветки деревьев, листья, мусор… Кто-то закричал, как заяц.

Передо мной, метрах в пяти, земля вздыбилась, брызнула огнем, горячим дымом и осколками…

– Назад! Все назад! – закричал я, перекрывая грохот автоматов, и закашлялся.

Рядом со мной кто-то вскрикнул, чужая кровь ударила меня по лицу.

Подхватив упавшего солдата, я продолжал пятиться, одной рукой поливая кроны деревьев над нами из укороченного «Калашникова». Пули с визгом срезали ветки, пронзали листья и улетали в прозрачное небо…

Когда мы скатились вниз по склону холма и залегли, я обнаружил, что троих уже нет, включая того, которого я нес. У парня была пробита голова.

Отовсюду слышалась ругань, бессильные проклятия.

Предупредительный Абе что-то сунул мне в руку.

– Что это? – спросил я, утирая лицо.

– Список, мой генерал.

– А… Хорошо… – Я не совсем понимал, про что он говорит.

Оказалось, что это список с именами тех солдат, что остались в роще.

Леон Крафт, Аурелио Лопес, Курт Лефберг.

Два немца и мексиканец отправились к дьяволу только потому, что я недооценил ситуацию. Замечательно, черт побери!

– Отряд ждет ваших приказаний, мой генерал…

Приказаний… Я сплюнул:

– Абе, на карте этот участок – пустыня. Тут нет никаких баз, постов, тут нет никаких деревень, тут, черт побери, нет ни одного человека… Не должно быть. Потому что ни один идиот не будет загонять сюда военную часть. А здешние туземцы еще только-только луки осваивают… Впрочем, что я тебе это объясняю? Дай

мне Коваленко.

Абе убежал.

Странная ситуация. Большая часть отряда в целости, нас никто не преследует… Хреново организованная засада, малочисленная и плохо вооруженная. И ко всему прочему – бессмысленная.

Если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что где-то в этой роще прячется некий военный объект. Или не военный, а гражданский, но стратегически важный…

Последнюю мысль я отмел. Стратегически важный объект так не охраняется. Разве что только какая-то тыловая точка, может быть, локальная радарная станция с обленившимися вконец радистами и охраной. Вот эти могли бы с перепугу выставить в охранение две пулеметные точки, что, в общем-то, не так уж и глупо. Особенно если учесть тот факт, что персонал станции может вызвать подмогу и все, что нужно, – это продержаться некоторое время и удержать нас на приемлемой дистанции.

– Мой генерал?.. – Это Коваленко.

Щуплый такой русский, но выносливый, как трактор. Казалось бы, в чем душа держится, а нет, прет на себе портативную установку огнеметания, в просторечии «пустоту», и ничего. Не жалуется.

Кстати, «пустота» у нас единственное, что уцелело после неудачного штурма той ракетной базы. И Коваленко единственный ее оператор. Остальные так и лежат где-то в истоках реки Замбези.

– Нужна стена огня перед нами. Ветер нам в спину. Думаю, что проблем с фронтом пламени не возникнет. Понял?

– Понял, мой генерал. – Коваленко хитро прищурился. – Но мы под горой… А «пустота» – оружие, для которого предпочтительна прямая линия… Понимаете?

– Понимаю… – Мерзавец. За кого он меня держит? – Но если стены огня не будет через десять минут, я погоню всю эту ораву обезьян под пулеметный огонь, а ты пойдешь первым. Так что постарайся…

Коваленко облизнул губы. Эта его привычка меня страшно бесила.

Я встал и отошел в сторону. Что-то как будто осталось незавершенным…

– Да, вот еще что… Коваленко?!

– Я!

– Через одиннадцать минут, если в глубине леса то, что я думаю, тут будет спецкоманда по уничтожению. Понимаешь, про что я говорю?

Коваленко побледнел и начал в спешном порядке расставлять сошки «пустоты», накручивать верньеры. Перед ним загорелось голографическое изображение поражаемой местности.

«Пустота» – это изобретение полубезумного русского специалиста-оружейника Пелевина. Богатый как Крез, он вывесил на орбиту специальный спутник, работающий только на его установки и защищенный от постороннего вмешательства целым сонмом устройств. Благодаря этому спутнику тактический огнемет ПУстОта в любой точке земного шара получал по защищенному каналу связи реальные данные о местности, доступной к поражению.

Ни одно государство мира, за исключением, кажется, Китая, «пустотный» спутник не глушило, поскольку он был один, а «пустота» использовалась во всех армиях мира. Кроме Китая.

Разобраться в устройстве огнемета было практически невозможно. Любая попытка разобраться в деталях приводила к самоуничтожению агрегата. Уникальность этого оружия заключалась в том, что производство его велось на независимых территориях, вне государственного права, на орбитальной станции, под личным контролем изобретателя, в штучном порядке по специальному заказу. В использовании огнемет требовал обученного персонала.

Все это делало «пустоту» довольно дорогостоящей штучкой. Дорогостоящей, но оправдывающей затраченные деньги.

Откуда у воюющих в Африке такие бешеные деньги, чтобы обеспечить свои войска массой «пустот», являлось загадкой номер один для всех спецслужб мировых сверхдержав. Почти в каждом полку армии Анголы, да и Мозамбика, наверное, тоже, на вооружении стояла хотя бы одна «пустота».

Позади меня зашипел всасываемый заборниками огнемета воздух.

Коваленко потребовалось всего три навесных заряда, чтобы выполнить мое указание.

Когда в дыму и пламени, черные и закопченные, как черти, расстреливая мечущийся в панике персонал, мы ворвались в помещение станции, внутри уже все было готово к эвакуации.

Строго по правилам уложенные железные ящики с информацией, рюкзаки цвета хаки без слов сообщили мне, что худшие предположения подтвердились, скоро тут высадится десант.

Мне в глаза бросился болтающийся на одном из вещмешков белый мохнатый медвежонок с оторванным ухом, что придавало ему исключительно боевой отчаянно-решительный вид. Зачем он здесь? В качестве талисмана? Подарок? Или на станции были

дети?..

Этого я так и не узнал. Та часть персонала станции, которую не расстреляли мои солдаты, ушла по подземным переходам. Догонять их в темноте незнакомых переходов, туннелей и пещер, которые помнили еще доисторические времена, было полным безумием. На всякий случай я приказал завалить вход в катакомбы и занялся осмотром станции.

Небольшая станция, немного ретранслятор, немного шпион, немного корректировщик огня. Последняя функция не использовалась ввиду значительной удаленности от фронта. Частичка электронного щита Мозамбика. Полувоенный объект. Этим, кстати, и объяснялась та тупость, с которой была организована засада.

Впрочем, моя тупость, с которой я в эту засаду попал, была не меньшей.

– Мой генерал! В гараже обнаружены два грузовика. Баки полные.

Уйти на грузовиках, а потом их бросить?..

Пешком мы не сможем уйти от станции так далеко, чтобы избежать встречи с эвакуационной командой, которая наверняка вот-вот будет здесь. Однако грузовики слишком заметны в этой местности, где и дорог-то нет, одни тропинки, протоптанные босыми ногами здешних жителей.

Уйти на грузовиках подальше, а потом их бросить?.. Ногами не уйдем…

– Грузитесь… Берите все, что может представлять какую-либо ценность.

– Что делать с пленными?

– С пленными? – Да, мой генерал, четверо связистов. Киборги, мой генерал.

Использовать чужих киборгов для собственных нужд?.. Это еще хуже, чем стрелять из трофейного оружия, найденного в болоте. Оставить в живых?.. Невозможно.

– Расстрелять. – В конце концов это просто киборги.

– Есть!

7. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Разведывательная группа, выдвинувшаяся вперед с локаторами биообнаружения, поймала местного жителя – согбенного старичка в одной набедренной повязке. В его редких

волосах кишели насекомые, во рту не имелось ни одного зуба. Старичок с ужасом смотрел на нас глазками, вокруг которых засох гной, и мелко дрожал.

– Ты кто такой? – спросил Нуйома, стараясь не испугать старика еще больше. Тот что-то пискнул.

– Он лози, господин, – вмешался кто-то из рядовых. – Не знает португальского и чиньянджа. Земледельцы, они с начала войны совсем одичали, кто выжил… Я немножко знаю язык лози, я жил в Солвези до войны.

– Спроси, кто он, где живет, не видел ли поблизости людей с оружием, – велел капитан.

Рядовой некоторое время переговаривался со стариком, причем последний несколько осмелел и даже подобострастно хихикнул под конец. Закончив беседу, рядовой повернулся к нам:

– Он говорит, их деревню сожгли еще прошлой осенью. Он ушел к родственникам в соседнюю, но и ту сожгли несколько дней назад. Приходили люди с ползучими машинами, искали еду. Забрали одну свинью, совсем худую, а потом убили хозяина за то, что прятал ее, и сожгли деревню. Старик уплыл по реке, потом ходил по лесу. С тех пор людей не видел.

– Когда это было точно?

Старику перевели. Он что-то сказал, тыча узловатым пальцем в небо.

– Пять дней назад, – сообщил рядовой.

– Ладно. Дайте ему поесть, да немного, пусть идет по нашим следам на восток, – велел Нуйома. Повернувшись ко мне, он поинтересовался: – Что скажете?

– Думаете, доберется до лагеря? – ответил я вопросом на вопрос.

– Возможно. Если не пристрелит патруль или не убежит опять в лес. Он боится нас не меньше. Я стараюсь не думать об этих людях, которые попали под топор случайно. Их слишком много, чтобы думать о каждом. Вы были до войны в Салиме? Это курорт на озере Ньяса.

– Не довелось.

– Очень, очень красивое место. Куда там Копакабане или Ривьере… Я был там в прошлом году. Вся прибрежная линия забита трупами, свежими и разложившимися.

После этого выброса воспоминаний он ушел к своей машине.

Капитан, философ и кадровый офицер, мне положительно не нравился, и я не мог ничего с этим поделать. За интеллигентностью и склонностью к размышлениям скрывалось что-то скользкое и жестокое, что пока не проявилось, но, несомненно, проявится… В пути я поделился своими

наблюдениями с Войтом.

– Согласен с вами, – сказал тот, опустошая флягу с водой и вытирая пот. – Очень неприятный человек. Однако это единственный приличный собеседник.

На открытом месте мы увидели небольшое стадо зебр, пасшееся метрах в двухстах от дороги и пугливо бросившееся бежать. Кто-то для острастки пальнул по ним, но не попал.

– Хорошая еда, – заметил наш водитель, с сожалением причмокнув. – Очень вкусная.

– Странно, как они тут выжили, – удивился Войт.

– А как выжил старик лози? Кстати, не хотите? – Я протянул ему упаковку финских компенсаторов в голубоватой пачке.

Войт скосил глаза:

– Что за отрава?

– Компенсаторы. Кажется, 2087-К-13. У них коды, а не названия, это ж не аспирин и не цитадин… Мне выдали на всю нашу троицу. Полные карманы.

– А если их не есть?

– ВВС Нкелеле тут все к чертям засыпали мутагенами, – серьезно сказал я, отковыривая серебристый язычок-фиксатор и бросая в рот большую круглую таблетку. Она зашипела на языке. Какой-то морковный вкус, противный…

– Послушайте! – поднял палец Федор, получив свою порцию компенсатора. – Стреляют?

– Стреляют, – подтвердил водитель. – Передовая, Они там все время стреляют…

Я прислушался. Действительно, впереди еле-еле что-то попукивало. Как житель Новой Москвы, я бы классифицировал это как автомат Калашникова, бьющий одиночными. Патроны кто-то экономит.

Попукивание приближалось, потом что-то натужно загудело и грохнуло.

– Мина, – констатировал водитель. – Китайский миномет. Конголезцы, суки, о себе напомнили.

Через минуту пришла команда остановить колонну и пробираться дальше россыпью на своих двоих. Мы пошли вдоль дороги, оставив водителя у машины. Федор со своей винтовкой был начеку, я держал «пигмея», а Войт, по-моему, прикидывал, кого ему лучше щелкнуть своим «никоном». Любопытно, чего это он так взъерепенился со съемками… Я его фотографий в «Рейтере» сроду не видел. Репортажики делал, да, но фотографом не считался.

Мозамбикцы появились из зарослей высокой травы абсолютно бесшумно, и их старший, очень загорелый, но все

равно светлокожий сержант, сказал галантно:

– Рады приветствовать гостей на позициях отважного Второго армейского корпуса!

Прозвучало это по-русски, а потом по-английски.

– Земляк! – заорал Федор и полез обниматься.

Выяснилось, что сержанта звать Костик, а сам он из Москвы, с улицы Антошина. Костик и Федор были знакомы. Когда-то в бурной юности они даже дрались друг против друга. Фамилия Костика была сложная и длинная – Чечельницкий, поэтому для местных он был Костик, так и значилось на его нагрудной табличке.

Черные пехотинцы переглядывались и улыбались.

– Ну и как тут у вас? – спросил я, поправляя автомат. Костик хмыкнул:

– Как всегда. Землю задницей гребем. Роем окопы, выпрямляем линию обороны. Конголезцы тоже роют окопы, выпрямляют линию обороны… Вчера со спутника лучом дали, почему-то не попали, мили три в сторону, слона убили. Какого черта он залез сюда, не представляю, местные уже сто лет их не видели… Кстати, пробовали слоновье сердце? Замечательно. Как шашлык: кусочек сердца, кусочек жира из грудной полости, и все это на костер… Настоящее охотничье блюдо.

– С тебя слон, – ткнул пальцем в сержанта Федор. – С нас выпивка.

– Идет, – согласился тот. – Пойдемте, размещу вас с удобствами.

Удобства были куда хуже, чем в штабном городке. Спальные мешки грязные и рваные, в которых явно кто-то недавно спал. Помещались мешки в природной лощине, немного углубленной и прикрытой хворостом и листвой. Поодаль валялась груда банок и пакетов из-под концентратов.

– Бардак, конечно, – согласился сержант, глядя на наши физиономии, – но это еще ничего. Жить можно. Биотуалета нет, соответственно, гадить можно везде. Главное – если накроют, не падать мордой в дерьмо. Так что лучше сразу договоритесь, где будете этим заниматься. Непосредственно до линии фронта около мили, но долетает и сюда. А бывает, что даже перелетает.

В подтверждение слов Костика что-то грюкнуло на севере, да так, что мы почувствовали, как вздрогнула почва.

Батальоном, в расположение которого мы попали, командовал некий майор Хоббс. Чистокровный зулус (как объяснил мне наш верный спутник капитан Нуйома, не объяснив, впрочем, происхождение фамилии майора), он относился к белым, а тем более к журналистам настороженно, но охотно

позволил Войту сфотографировать его на фоне подбитого Т-80 с эмблемами ангольской армии. Танк остался здесь после попытки прорвать линию обороны.

– А на той стороне штук восемь наших, – шепотом сказал сержант Костик, возникший из сумерек. – Тоже после попытки… На днях опять будем ломиться, так что вы попали под самую раздачу. Поздравляю.

На окраине лагеря, возле штабеля каких-то ящиков, в клетке из бамбуковых стволиков сидел бабуин. Грязный и окровавленный, он злобно скалил желтые клыки и бросался на прутья, просовывал когтистую лапу наружу и пытался дотянуться до солдат, дразнивших его стволами автоматов.

– Чего обезьянку тираните? – спросил Федор.

– А это пленный, – жестко усмехнулся Костик. – Бабуин-стрелок. Не слыхали?

– Нет, – признался я.

– Подарки с той стороны. Говорят, наша разработка, в свое время проданная ЮАР. Ловят вот таких приятелей, вживляют им в мозг маленький – с горошину – микрочип с батарейкой, вручают одноразовый ракетомет или лазерку и выпускают. Обезьяна та же самая, но в башке у нее программа: стрельнуть в человека, который похож на тот образ, что задан условием задачи. То есть в меня, например, или в другого бойца мозамбикской или малавийской армии. Обычно через пару дней батарейка сдыхает и обезьяна опять становится обезьяной, но частенько они успевают отправить на тот свет пару-тройку человек или вывести из строя технику. Этого поймали, когда он еще ничего не успел, а электроника работает: вон как злится… А вот и самопал его валяется.

Возле клетки в самом деле лежал коротенький ракетомет с одним зарядом. Такие клепали чуть ли не кустарным образом в реквизированных армией мастерских Киншасы. Ракета маломощная, но с небольшого расстояния может такое натворить…

Я подошел ближе и посмотрел бабуину в глаза. Ничего, кроме жуткой злобы, такой злобы, выразить которую животное, пусть даже умная обезьяна, просто не в силах.

Что они здесь все творят, черт побери?

В этот момент бабуин плюнул мне в лицо.

Вечером капитан Нуйома разыскал наше лежбище и отозвал меня в сторону. Почему-то он считал меня старшим в отряде. Так оно, наверное, и было: Федор официально мне подчинялся, а флегматичный Войт требовал постоянной опеки. Я же со своим боевым опытом, приобретенным при весьма странных

обстоятельствах, как раз и годился на роль капрала. Да и мой журналистский сан приравнивал меня, как минимум, к младшему офицеру.

– Послушайте, Таманский, – сказал он, впервые называя меня по фамилии. – Только что пришла очередная порция новостей из штаба корпуса. Совсем недалеко бесчинствует ваш давний приятель – некий генерал Мбопа. Знаете такого?

– Я знал одного Мбопу, Мозеса Мбопу, но это было в Москве несколько лет назад. Неужели он?

– Он самый. У вас он занимался разными незаконными делами, потом перебрался к Нкелеле. Известная личность, могу заметить.

– Постойте, а откуда у вас информация о моем московском знакомстве с Мбопой? – Вопрос пришел мне в голову сам по себе, но, надо заметить, вовремя.

Нуйома попинал ногой в тяжеленном ботинке ствол невесть как сюда попавшего уродливого баобаба.

– Я многое обязан знать по роду своей деятельности Вы не в стране обезьян, хотя последних тут хватает… Мы знаем историю с НЕРвами, Таманский, и знаем, что вы далеко не штатское лицо, как бы вы им ни хотели казаться

– Хорошо. Допустим, Мбопа мне знаком, хотя лично с ним я общался очень и очень мало. Скажем так: мы находились по одну сторону баррикады.

– И вот сейчас ваш бывший соратник шныряет со своим отрядом по лесам и методично выжигает все, что попадается на пути. Завтра утром мы высылаем спецгруппу, антитеррористическую команду, и я хочу предложить вам принять участие в охоте. Вы ведь за этим приехали в Африку, не так ли?

– За этим тоже, – сухо сказал я.

– Вы трое там не помешаете. Вернее, четверо. Я присмотрел вам еще одного оруженосца и ординарца, парень хороший, правда, глуповат. Звать его Карунга, доброволец из матабеле.

Капитан свистнул. Из сумерек появился жирный тип в мешковатой форме, по ходу он что-то поспешно дожевывал.

– Я, господин!

– Вот твой новый хозяин, рядовой, – объявил Нуйома, не потрудившись даже выслушать мое мнение на сей счет.

– Да, господин. – Это уже ко мне. Я посмотрел на проказливую рожу Карунги, на его обширное пузо.

– Можешь идти, – распорядился я. – Завтра в шесть будь здесь со всеми вещами.

– Да, господин. – Карунга исчез.

– Несколько жирноват, но преданный и неплохо знает местность, – прокомментировал капитан. – Жирный, как баобаб… Недавно вычитал такое сравнение у Юбы Уэтху, это африканская поэтесса. Вы, конечно, не слыхали.

– Не очень удачно, – сказал я.

– Может быть, может быть… Но посмотрите на баобаб – разве он не похож на толстого, жирного мужчину, вставшего к тому же на голову? Знаете, есть легенда о том, что великий Нкулу-кулу посадил баобаб вверх тормашками. Поэтому ветви его так похожи на корни. Да… Но довольно о легендах. Завтра утром прибудет вертолет. Отсюда полетите, вместе с группой, а там – по обстоятельствам. Командир группы – лейтенант Эймс, но его все зовут Индуна. У них там двадцать четыре человека плюс вас четверо плюс пилоты. Путешествие обещает быть интересным… Спокойной ночи, Таманский.

8. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Два японских грузовика «ЭМДеко» – не самый лучший транспорт для передвижения по саванне в условиях почти абсолютного бездорожья, но выбирать не из чего.

Излишне жесткая подвеска «ЭМДеко» позволяет ощутить каждую кочку собственной задницей, а уж про рытвины и ухабы говорить просто страшно. К тому же из Ламбразони водитель никакой. Нужно было сесть в другую машину, там за рулем Коваленко, у него с техникой проблем меньше. Мексиканец Карлито, сидевший слева от меня, на каждой кочке вздрагивал и бормотал что-то вроде молитвы, но с употреблением невероятно неприличных слов.

Машины шли параллельно друг другу, чтобы никому не пришлось глотать едкую пыль, что поднималась из-под колес и зависала в неподвижном воздухе. Замечательные следы мы оставляем, но с этим приходится мириться. К тому же погоне еще придется повозиться с персоналом станции, который заперт в катакомбах… Да еще в заминированную станцию нужно войти, пусть в качестве мин обычные «растяжки». Все-таки хоть какое-то время у нас есть.

К четырем часам мы прошли уже, наверное, километров восемьдесят, что для такой местности очень неплохо. На вертушке нас быстро нагонят, но это не сразу. К тому же для вертушки у нас имеется пара-тройка сюрпризов в виде нескольких миниатюрных «стингеров» старого образца, подобранных на уничтоженной станции.

Впервые за весь период этой исключительно неудачной кампании у меня появилась надежда. Пусть не выжить, но продать свою черную шкуру.

Трясясь в кузове грузовика, я мысленно вернулся в те дни, когда оказался при дворе Нкелеле, пытаясь разобраться в течениях, политике и интригах. Несмотря ни на опыт, ни на возраст, я не сразу понял, что стоит за всеми этими хитросплетениями.

«Независимые черные» после истории с алмазными НЕРвами продержались еще год. После чего русские вытеснили нас со всех территорий влияния, а затем в ходе короткой вооруженной борьбы просто развеяли «независимых» по ветру. Причем я на них даже не обижаюсь. Они были в своем праве. На своей территории, на своей земле. Просто случилось то, что должно было случиться давно.

Затем развернулась вся эта катавасия в Африке. И я оказался одним из многих при дворе маршала Нкелеле. Сначала в должности советника, потом действующего советника, а потом в должности боевого генерала. Звучало громко, а на самом деле боевой генерал – это всего только командир группы, предназначенной для выполнения спецзадания. Таких генералов в армии Анголы пруд пруди. Но пока я крутился в водоворотах дворцовой жизни, я понял, что должность боевого генерала – это лучшее, что можно получить. Потому что за взлетами и падениями при дворе, за сложными стратегическими ходами, за необсуждаемыми приказами и еженедельными расстрелами неугодных, слишком много узнавших, за «случайными» смертями стояло Ничто. Да, именно Ничто. В лице маршала Нкелеле. И это было страшно. У маршала была всеобъемлющая и всепроникающая власть. Он знал все и всех, вне зависимости от того, были представлены ему эти люди или нет. Семнадцать покушений на него провалились по совершенно невероятным причинам. Заговорщики просто исчезали из дворца. Их трупы обнаруживались неподалеку, во рву, предназначенном специально для этих целей.

Маршал был непобедим, потому что его сознание было постоянно, в любой момент времени связано со стратегическим центром, с ключевыми точками на фронте, с командирами крупных и мелких подразделений. Маршал был шизоидом, в голове которого постоянно жужжали голоса, звучали доклады тысяч и тысяч электронных мух… Никто не мог сказать, зачем Ангола и ее союзники нападают на Мозамбик. Зачем нужна эта война? Ради чего ведется? Какова ее цель?

Размышлявшие над этим склонялись к тому, что война нужна маршалу Нкелеле и его противникам. Чтобы двигать войска, как шахматные фигурки на поле, в тщетных попытках выяснить, кто же сильнее в стратегии, кто превосходит… Сумасшедшие?

Однако ни маршал Нкелеле, ни его противник маршал Ауи не были сумасшедшими… За ними стояло что-то могучее и словно бы неживое,

– Мой генерал, – прервал мои размышления Абе, перекрикивая рев мотора и грохот полуразбитых, незакрепленных бортов. – Мой генерал, дальше дороги нет…

Я посмотрел вперед.

Грузовики сбросили скорость и медленно пробирались среди высокой травы. Дороги дальше действительно не было. Просто саванна.

Я грохнул кулаком по зеленой крыше водительской кабины и заорал:

– Стой!! Выгружаемся… – Присмотревшись к линии горизонта, добавил: – Направление движения на три дерева, прямо по курсу…

Пока солдаты выпрыгивали из кузовов и медленно, слегка пошатываясь, разминали затекшие ноги, я подозвал водителей. Коваленко выглядел возбужденно, нервно улыбался. Ламбразони был угрюм, с его лица градом катился пот.

– Отгоните машины на километр к югу. Там, судя по карте, должен быть небольшой овражек. Оставьте машины в укрытии и бегом догонять группу. Все понятно?

Оба, ни слова ни говоря, откозыряли и разошлись по кабинам.

– Вперед! – Дьявол, так все время орать – глотка сядет…

Отряд двинулся в сторону виднеющихся на горизонте баобабов. Чиконе шел последним, он был бледен.

Я подозвал Абе:

– Послушай, ты у нас, если не ошибаюсь, владеешь языками вамакуа?

– Думаю да, мой генерал. Они говорят на смеси африкаанс, португальского и местного диалекта… Должны говорить…

– Ну вот и замечательно. Впереди у нас деревня, поселение местных жителей, которые живут тут с незапамятных времен. Мне не нужны осложнения с ними, ясно? Я надеюсь переночевать в этой деревне и получить воду.

– Вас понял, мой генерал, – ответил Абе.

Хороший парень…

Коваленко и мрачный Ламбразони догнали нас, когда я уже смог различить столбы дыма над местом предполагаемой стоянки.

В этом районе располагались три деревни, в которых жили племена, несомненно имеющие один корень, но по каким-то причинам не дружащие между собой. Мы пошли к самой дальней. До этой деревни наши преследователи доберутся в последнюю очередь.

Где-то рядом со мной, в темноте, возились мыши. Они боролись за территорию, за еду, за власть… Вся жизнь – борьба.

Я прикрыл глаза. Что ни говорите, а спать под крышей – это далеко не то же самое, что спать на открытом воздухе. Каким бы удобным и теплым ни был ваш спальный мешок, он не сможет заменить надежность крыши над головой. Пусть даже соломенной.

Деревня, в которую нас любезно пустили переночевать, была почти со всех сторон окружена деревьями. По здешним меркам это было большое, крупное поселение, включающее в себя около

двух десятков хижин и редкий частокол.

Я и мой денщик были приглашены в дом, точнее, хижину вождя Вамакуа, носящего имя своего племени. Я так и не понял, было ли это имя собственное или так звали всех вождей этого племени.

Когда мы вошли в деревню, нас тут же окружила стайка страшненьких, худых ребятишек с выпуклыми от недоедания животами. Но они были приветливы, смеялись. Каждый почему-то считал своим долгом подкрасться и ущипнуть нас за ляжку, при этом все начинали тут же шумно галдеть и говорить так быстро, что Абе не успевал понять даже смысла сказанного.

– Ты думаешь, что все так хорошо, как хочется тебе, – услышал я сквозь сон чей-то голос, и сухой, прохладный палец ткнулся мне в середину лба.

Я подавил в себе желание вскочить, потому что знал, что увижу…

Черного, чернее самой ночи, человека с глазами-колодцами, говорящего множеством голосов богов и людей. Лоа Легба снова пришел в мой сон.

– А разве это не так? – спросил я тихо.

– Конечно нет, человечек. Все не может быть так, как хочется тебе. Мир слишком сложен, чтобы заботиться о людях. Вы просто научились выживать на этой площадке для чужих игр. Игр, которые кажутся вам странными и даже страшными только потому, что вы не способны понять их.

– Я не понимаю тебя.

– А это странно, человечек, потому что я говорю с тобой на твоем языке. Открой глаза…

Я открыл глаза и, обмирая от ужаса, увидел, что на моей груди сидит давешний коротышка вождь и искривленными, словно ветви дерева, руками выдирает из моей раскрытой груди пенящуюся массу легких… Кровь из страшной раны заливает его лицо, тело, покрывает меня с головой, и я захлебываюсь в этом кипящем потоке. Захлебываюсь, чтобы проснуться в холодном поту.

Зло хватая ртом воздух, я поднялся. От пережитого волнения меня тошнило. Стены хижины и крыша казались низкой клеткой ловушки.

С трудом отдышавшись, я вышел наружу.

Темнота, хоть глаз выколи. Только светился факел между теми лачугами, в которых спали мои солдаты.

Кстати, там должен быть часовой…

Которого нет.

Я вернулся в хижину, вздернул автомат на плечо. Задумался –

не разбудить ли Абе, но потом решил не поднимать паники понапрасну. Парень устает гораздо больше меня…

Вдруг мое внимание привлек невнятный звук, доносящийся из-за плотно закрытых дверей хижины. Какое-то глухое мычание. Казалось бы, что такого? Какому-нибудь мальчонке привиделся дурной сон, чего тут не приснится… Саванна…

Не знаю, что заставило меня потянуть на себя ручку плетенной из толстых прутьев двери. Может быть, мой сон, может быть, предчувствие чего-то неладного, может быть… Дверь неожиданно легко распахнулась, мне под ноги выкатилось нечто страшное. Нечто живое… Гниющее заживо, безногое, безрукое, с обезображенным лицом. И одного взгляда хватило, чтобы вспомнить страшный рассказ вечно пьяного инструктора и то слово, которым он обозначил ЭТО.

Объедок.

Он лежал у меня в ногах, извиваясь тем, что у него осталось от человеческого тела. Ловя воздух безгубым ртом. От омерзения и какого-то животного ужаса у меня перехватило дыхание, а желудок зашелся в трепещущем спазме.

Я не успел сдернуть автомат, когда на меня навалились, казалось, со всех сторон и сбили на землю. Я упал лицом вниз и, стараясь подняться, чувствовал, как чьи-то на редкость острые зубы впились мне в заднюю часть ноги, как раз туда, куда старались ущипнуть нас ребятишки… Цепкие пальчики закрывали мне рот, а чей-то локоть давил на мое горло.

Понимая, что у меня в запасе есть одно, максимум два движения, я резко оттолкнулся от земли и упал на спину, придавив всем весом чье-то захрипевшее тельце. Когда ослаб захват на горле, я вложил все силы в крик:

– К оружию!!! К оружию!!!

В начавшейся всеобщей свалке мне удалось вырвать автомат из чужих рук, и преимущество огнестрельного оружия свинцовой плотностью отделило меня от происходящего.

Мы ушли, когда солнце еще не взошло. В лес. Оставив деревню догорать вместе со всеми ее страшными тайнами. Я видел, как черный, чернее ночи, человек ходит между пылающими хижинами. Я видел, что он улыбается.

Вместо двенадцати нас осталось только восемь. Включая меня и Абе.

Зато проблему с сержантом решать больше не нужно было. Он, два его конвоира и греческий парень по фамилии Кристакис навсегда остались в деревне.

9. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Вертолет появился в начале пятого и разбудил свистом роторов всех, кто не бодрствовал. Судя по всему, о спецгруппе Эймса Индуны многие слышали.

Вертолет опустился на посадочную, площадку, расчищенную среди деревьев и низкорослых кустов мопане, – большой пятнистый «Сикорский», способный пролететь тысяч пять километров без подзарядки, несущий солидное вооружение. В войсках его называли «летающий форт», иногда – «летающий морг». Даванув на барабанные перепонки, в последний раз свистнули и резко остановились роторы. Из открывшейся дверцы на траву спрыгнул приземистый молодой африканец в защитном жилете и решительно направился к группе встречающих, а именно к майору Хоббсу, Нуйоме и двум лейтенантам, с которыми я так и не познакомился. Я стоял поблизости.

Лейтенант Эймс, а это, несомненно, и был он, отдал честь и пожал руки офицерам. Из вертолета в это время вылезли остальные бойцы: черные, белые и даже один азиат. Капитан Нуйома тут же взял Эймса за локоть и повел ко мне, в то время как майор остался стоять столбом и, кажется, был оскорблен.

– Таманский, – представил меня Нуйома. – Это лейтенант Эймс, он же Индуна.

Я пожал очень сильную руку лейтенанта. Он был красив, очень красив. Красив первобытной, дикой красотой, и металлический обруч оливкового цвета на курчавых волосах, подстриженных шашечками, только подчеркивал эту красоту. На поясе у лейтенанта помещались подсумки с гранатами и два пистолета, из кармашков на жилете торчали запасные обоймы и батареи.

– Вы штатский? – спросил, а вернее, уточнил он.

– Да.

– Наденьте лейтенантские нашивки, – посоветовал он. – Мои люди не смогут работать со штатским. Мне сказали, что вы имеете боевой опыт.

– Имею, – кивнул я. – Правда, в городских условиях.

– Да, вы же из Москвы… Бывал там, – неожиданно сказал Эймс. – Хороший город. Но здесь лучше. Зовите меня Индуна.

Он говорил отрывисто и бесстрастно. Я решился и спросил прямо:

– Вы киборг?

– Конечно. Как и вся моя группа, – так же бесстрастно и отрывисто ответил он. – У вас есть еще вопросы?

– Нет, лейтенант.

– Зовите меня Индуна. Меня все зовут Индуна. И грузитесь в вертолет, нам пора.

Лейтенантские нашивки на меня нацепил Нуйома, отобрав их у одного из клевретов майора. Так я стал офицером мозамбикской армии. Неожиданно и не по своей воле.

Мы затащили свои нехитрые пожитки в прохладное нутро вертолета. Там, как ни странно, работала система «Микроклимат», из чего я сделал вывод, что группу Индуны снабжают хорошо.

Разместились вдоль бронестенок вертолета в мягких креслах. Федор ухитрился раздобыть два калебаса со своим любимым просяным пивом и теперь их поудобнее пристраивал. Эймс Индуна искоса посмотрел на него, но ничего не сказал. А один из бойцов, светлокожий европеец, даже улыбнулся. Насколько я понимал, глядя на их лица, это были киборги, но киборги нормальные, а не живые автоматы для убийства. Живых автоматов на такую работу не берут. Живой автомат – это более разумный аналог запрограммированного бабуина, и только.

Эти ребята мне нравились. Войт смотрел на них с опаской, ворочаясь в кресле. Федор таращился со смешанным чувством уважения и зависти, как и положено бывшему пехотинцу преступной группировки. Мой жирный вассал Карунга отчаянно трусил и потел, прижимая к животу вещмешок. Явно там лежала жратва.

Ни у кого из группы Индуны не было стандартных табличек с фамилиями, но из коротких реплик, с которыми они обращались друг к другу, я понял, что вон того мосластого черного, например, зовут Фиси. Имя это или кличка, я не знал. «Фиси» – значит «гиена», а гиена, вопреки известным примерам из классической литературы, считается хищником хитрым и беспощадным…

Белого, со щеточкой усов, зовут Борис. То ли русский, то ли француз, поди разбери. Разговаривали они все то на английском, то на африкаанс, иногда употребляли португальские слова.

Наконец задраили дверь, и вертолет поднялся. Шум моторов внутри почти не слышен, и я подумал, не вздремнуть ли – вон в какую рань подняли, но меня позвал Индуна. Он похлопал ладонью по сиденью рядом с собой.

– Что вы можете сказать о Мбопе? – спросил он, когда я сел.

– Не более, чем знаете вы. Осторожный, умный, расчетливый. Хороший тактик. Насколько мне известно, неплохой боец.

– Я не знаю, какова ваша реальная цель визита в Африку, но мы очень рады, что вы оказались в нужный момент в нужном месте, – честно сказал он, глядя мне в глаза.

Я уклончиво пожал плечами.

– Я имел беседу с генералом Мзандой, начальником оперативного штаба союзных сил, – продолжал Эймс Икдуна. – По ряду причин Мозес Мбопа для нас сегодня особенно опасен, и для его устранения послали мою группу. Я не знаю, чем вы сможете мне помочь, но генерал Мзанда просил передать вам привет от некоего Шептуна. Мне ничего не говорит это имя, но думаю, для вас оно что-то значит.

– Да, – Я вздохнул. Старина Шеп практически исчез из моей жизни, и расстались мы почти друзьями: долги исполнены, счета оплачены. Никак не думал, что он снова появится. Да еще здесь, в Африке! Феноменально. То ли этот Мзанда из его людей, то ли просто имеет свой интерес в делах Шептуна, то ли Шептун тут вообще ни при чем, а генерал играет на имеющейся у него информации обо мне и моем ярком прошлом…

– Вторая часть. Если вы скажете «да», я должен передать вам вот это, – Индуна вложил мне в ладонь небольшой плоский предмет.

Передатчик типа «болид», в просторечии почему-то именуемый «эфирным пердуном». Одноразовая штучка, очень дорогая, обслуживаемая только релейными станциями правительственных уровней стран первой пятерки, защищенная от любого – или почти любого – прослушивания и способная действовать практически на любом расстоянии.

– Что мне делать дальше? – спросил я, хотя и сам представлял, что именно.

– Я уже набрал код. Ответьте, когда загорится синий огонек.

Синий огонек тут: же послушно загорелся, я поднес приборчик к уху. Лейтенант деликатно отвернулся.

– Привет, Скример, – сказал полузабытый голос. Связь была столь четкой, что казалось, Шептун нагнулся ко мне и говорит вполголоса…

– Привет, Шеп, – ответил я.

– Летишь над африканскими просторами? – Кажется, он улыбнулся. – Занесло же тебя.

– Развлекаюсь. Ты мне что-нибудь объяснишь?

– Первое: с тобой рядом парень, которого зовут Индуна. Это не мой парень, это ничей парень, но ты на него полагайся. Второе: я ни за что не стал бы тебя доставать, потому что мы с тобой не имеем взаимных претензий, но меня заставили. Понимаешь?

Это я понимал. Шеп в последние годы отошел от активной деятельности, но это только упрочило его позиции. Раз уж кто-то его заставил, значит, этот Кто-то – именно так, с большой буквы,

он и должен писаться – может себе позволить и большее. Например, передать мне вот этот «болид».

– Понимаю.

– Третье: от тебя пока ничего не требуется, просто ловите Мозеса. Помоги ребятам, если сможешь. Если не сможешь – постарайся по крайней мере уцелеть сам. Надо же, старина Мозес… – Похоже, что Шеп снова улыбнулся. – С тобой найдут способ связаться, можешь быть спокоен. И еще: не доверяй никому, кроме Индуны. И тем людям, что с тобой, тоже не доверяй. Это не совет, это настойчивая просьба. Теперь я выключаюсь. Удачи тебе, Скример.

– Пошел ты в задницу, Шеп, – сказал я в уже замолкший приборчик. Теперь его можно было просто выбросить.

Индуна ничего не стал спрашивать, просто швырнул «болид» в прикрепленную к стенке урну для мусора. Вертолет неожиданно заложил крутой вираж, затрещали автоматические пушки.

– Кто-то находится в зарослях, – сообщил пилот из кабины. – На всякий случай пальнули, мало ли что.

– Точка высадки недалеко, – сказал мне Индуна, сверившись с маленьким экраном-картой на запястье. – Потом придется двигаться пешком. Вертолет нас будет ждать в условленном месте.

– Почему не сразу на вертолете?

– Хорошая мишень, – лаконично сказал Индуна. – Видна и слышна издалека.

Я вернулся на свое место, покачал головой в ответ на вопросительный взгляд Войта. Карунга трясся, держась за вещмешок.

– Ты откуда? – спросил я его, припомнив, что так и не успел познакомиться с новым членом отряда.

– Машаила, господин, – ответил он. Название мне ничего не говорило: видимо, какая-то деревня, может быть, уже не существующая.

– Доброволец?

– Да. Полгода в армии.

– Деньги?

– Нет, господин. Мой отец погиб в Хараре, мой брат погиб, он был летчик, мои две сестры погибли, они служили в ПВО. Моя мать умерла от «желтого Джека».

– Стало быть, месть?

– Не знаю, господин. Я очень толстый и трусливый, господин, в армии меня часто обижали. Я работал на складе, потом работал на кухне…

– Почему же капитан Нуйома всучил мне тебя?

– Наверное, он пошутил, господин. Он так шутит, господин.

Что ж, это было похоже на циничного философа и выпускника Вест-Пойнта – всучить белому в подручные жирного деревенского парня, который думает только о том, как набить брюхо и отсидеться в кустах. Естественно, Карунгу ему не жалко, а вот над шуткой он будет смеяться долго.

– Ты не бойся, – утешил я толстяка. – Смотри, какие храбрые парни летят вместе с нами. Мы вернемся, и тебе дадут орден. Я похлопочу.

– Правда, господин? – Он выпучил глаза.

– Правда, правда.

Кажется, это его несколько успокоило.

Я стал смотреть в иллюминатор. Чуть левее и ниже из-под брюха вертолета торчало рыло шестиствольной автоматической пушки. Еще ниже было видно шасси. А под нами, в сотне метров, проносились буйные заросли растительности, среди которых то и дело мелькали выжженные проплешины. Блеснула под солнцем река. На уютной равнине, поросшей зеленой травой, паслись антилопы, возможно, куду, я не разбирался в их породах. Паслись мирно и даже не среагировали на пролетающий вертолет.

Африканская природа, конечно, пострадала от войны больше, чем европейская после тактических ядерных ударов. Ядерный гриб давно уже перестал быть жутким пугалом, как в конце прошлого века. Дезактивация продвинулась далеко вперед, появились многочисленные лекарственные средства, так что последствия ядерного взрыва в сравнении с тотальным многолетним применением боевых мутагенов кажутся теперь ничтожными. Ну, не стало старой Москвы, не стало еще нескольких крупных городов в Европе и Америке, не стало десятка островов в мировом океане… Это не страшно. Все последствия можно было просчитать. А просчитать то, что творится на Черном континенте, невозможно. Ни маршал Ауи, ни его противник Нкелеле, ни десятки вояк рангом пониже не могут этого просчитать, да и не стремятся к этому.

Четыре года назад корреспондент «Крисчен сайенс монитор» взял интервью у Нкелеле. До того и с тех пор Нкелеле не общался с прессой и обращался к народам только посредством печатных пропагандистских листков.

Интервью произвело странное впечатление.

На вопрос, какова основная цель развязанной войны, Нкелеле ответил коротко: «Война».

На вопрос, когда он будет считать эту войну законченной, Нкелеле ответил: «Война не заканчивается. Она только затухает, как брошенный костер, но под золой всегда найдутся угли, либо

на пепелище другой путник разожжет еще один костер…»

На вопрос о том, какое оружие нельзя использовать, Нкелеле ответил: «Такое, которое убивает слишком мало врагов».

Характерно, что тогда Нкелеле еще не считали кибернетическим шизоидом: он был одним из удачливых военных, сбросивших президента или императора, чтобы стать во главе государства самому. Поскольку за Нкелеле была сильная заирская армия и Ангола с ее вооруженными формированиями, многие страны стали искать с ним сотрудничества. Маршал Ауи появился менее эффектно, но сразу нашел себе верных союзников в лице Кении и Танзании Честно говоря, и маршал Ауи проигрывал в сравнении со своим кровожадным противником. Складывалось впечатление, что Ауи был каким-то… более настоящим, что ли. Хотя, когда речь идет о применении обеими сторонами боевых мутагенов и бактериологического оружия, о том, кто более настоящий и человечный, рассуждать не приходится.

Желудок холодным комом бросился к моему горлу, и я сообразил, что «летающий морг» садится. Кто-то из ребят Индуны распахнул дверь и спрыгнул вниз метров с двух, остальные посыпались следом. Я помог выбраться толстяку Карунге и Войту, тащившему свои камеры, потом выбрался сам – вертолет уже висел над самой землей, вернее, над густой порослью меч-травы. Федор выскочил последним, и «Сикорский» взмыл вверх. В бронеколпаке мелькнуло лицо пилота, машущего нам рукой, и машина по плавной дуге ушла на юг, скрывшись за кронами деревьев.

Федор громко, от души матюкнулся.

– Что такое? – спросил я.

– Пиво забыл!

– Пилоты будут рады, – хохотнул один из бойцов, белый крепыш. – Не переживай, земляк, ты сам бросил бы эти калебасы через полчаса.

Федор пожал плечами, потом присмотрелся к говорившему:

– Ты что, из наших?

– С чего бы? Просто русский знаю, – сказал тот на чистом русском и занялся своей поклажей.

– Идем вот туда. – Эймс Индуна указал на видневшийся в сырой дымке утес, поднимавшийся над лесом неприветливой глыбой. – Впереди – Фиси, Мерв, Джонни. Правый фланг – Борис, Зак, Уэстли. Левый – Макс, Алан, Лонг Джон. За тылом смотрят Эгон и Клод. Остальные идут в центре группами по двое-трое, интервал два метра.

Названные почти бесшумно исчезли в зарослях.

– Вы держитесь возле меня, – велел Индуна.

К его снаряжению, которое я видел при посадке, прибавился не очень большой рюкзак и крупнокалиберный пистолет-пулемет «астра» со страшного вида магазином. Эта махина легко пробивала бронетранспортеры, я такое видел.

Войт щелкнул его своей камерой, за что получил предупреждение:

– Не делайте так больше, пока я вам не разрешу.

Через пару минут меня укусила в шею буйволиная муха, чрезвычайно злобное насекомое. Насколько я помнил инструктаж, муха эта переносила много всякой дряни. Оставалось надеяться на прививки. По такому случаю я заглотил компенсаторы и угостил ими своих.

– Лейтенант, – позвал я Индуну, – Лейтенант, объясните мне, раз уж мы расхлебываем эту кашу вместе: какого черта вы решили, что Мбопа именно здесь?

– Данные спутниковой разведки.

– Свежие?

– Более чем. Кроме того, он оставляет за собой заметный след. Я думаю, пару деревень мы обнаружим, сами увидите. Это страшный человек.

– Здесь все страшные, – буркнул я, срубая ножом цепкую лиану, пытавшуюся ухватить меня за плечо.

Толстяк Карунга трусил рядом со мной, стараясь не отходить ни на шаг. То ли хотел получить орден, то ли просто поверил мне после разговора в вертолете. Свой автомат он нес под мышкой, словно поросенка с рынка.

– Ты что-нибудь знаешь об этих местах? – спросил я, вытирая пот.

– Плохие места, господин, – с готовностью сказал Карунга, – Плохие места, плохие люди.

– Бывал тут раньше?

– Сам не был, много слышал, господин. Людоеды, господин, страшные звери…

– Звери-людоеды? – не понял я.

– Звери страшные, людоеды страшные… – бормотал Карунга.

Я понял, что путных разъяснений все равно не получу, и отстал от него.

Когда из зарослей прямо перед нами появился Фиси, шедший в авангарде, я едва не вскинул свой «пигмей».

– Деревня, – сказал он Индуне, укоризненно глядя на меня. – Сожгли напрочь.

– Чья?

– Вамакуа.

Индуна сплюнул с отвращением. Поймав мой взгляд, он объяснил:

– Людоеды. Я думаю, вы слышали много историй про них.

– Племя?

– Почему племя? Деревня. Никто не говорит, что все вамакуа едят людей. Просто здесь иногда нечего больше есть. А люди приходят постоянно… Уходят-то вот не все.

Деревня после быстрого, но безжалостного пожара превратилась в груды головешек. Там и сям еще курился едкий дымок, потрескивали угли. Отовсюду несло жаром.

Я споткнулся обо что-то, это был труп ребенка. Со скрюченными ручонками и опухшими суставами, с острыми оскаленными зубами. Отшатнувшись, я увидел рядом труп взрослого, голого, даже без набедренной повязки, немногим отличавшегося от ребенка. Этот лежал навзничь, прострочeнный поперек живота автоматной очередью.

– Один есть, – крикнул кто-то из наших сквозь дымные завесы.

Возле несгоревшего плетеного строения лежал на боку, подтянув к груди согнутые ноги, военный в ангольской форме. Он был мертв. Из спины его торчало изогнутое копье, а все вокруг было залито кровью. Копье мало того что воткнули, так еще и повернули несколько раз в теле воина. Стоявший рядом Карунга посерел и, отвернувшись, принялся громко блевать.

– А вот и вождь, – сказал Индуна.

Видимо, этот старичок с нелепым украшением из перьев в волосах и проткнул солдата Мбопы. Вождь лежал метрах в двух, протянув вдоль тропинки тощие руки, затылок его был размозжен.

– Я же говорил – будут видимые следы, – сказал Индуна, поправляя свою «астру». – Они потеряли здесь четверых. Мбопа, похоже, очень устал, не прочувствовал обстановку. Не знаю, сколько уж у него осталось от отряда, но вырезали всю деревню. Грехом это не назовешь.

– Они что же, людей ели? – спросил Войт, фотографируя труп вождя.

– Посмотрите, у них там хлев, – махнул рукой Индуна. – Не все сгорело до конца, так что несколько тел вы увидите. Возможно, даже найдете соотечественников. Их тут любят использовать в качестве консервов больше, чем черных. Говорят, они вкуснее.

– К тому же белые меньше болеют, – добавил Фиси, невозмутимо вынимая из нагрудного кармана шоколадный батончик. Содрал цветную обертку и с аппетитом откусил

большой кусок. – А соответственно – лучше хранятся.

Вот тут вывернуло и меня.

10. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

День или ночь?.. Во влажном полумраке тропического леса временем управляют только две часовые стрелки. Из суток остался только тягостный вечер, и нет ему конца, как нет конца нашему пути. Солнце застряло где-то за горизонтом, и не светит, и темноте наступить не дает.

Лес, который окружал деревню людоедов, выглядел хилым только вначале. Буквально через километр мы словно пересекли некую невидимую границу – деревья вытянулись, стали гуще и вскоре закрыли от нас небо. Мы попали в вечерние сумерки, хотя на невидимом небосклоне солнце достигло зенита.

Мутагены попали здесь в благодатную почву. Они подняли деревца ввысь, превратили небольшой лесок в джунгли. Вся растительность размножалась с невероятной скоростью. Если рискнуть и остановиться всего на минуту, можно увидеть, например, как мох за считанные секунды оплетает дерево снизу доверху и как дерево борется с ним. выделяя особые вещества. Можно увидеть, как лианы, словно щупальца неизвестного животного, впиваются в кору поднебесных гигантов, семена которых случайно упали однажды в эту отвратительно живую грязь, да так и остались в ней. А может быть, это были не лианы вовсе… Кто знает, что могло зародиться в этой изгаженной человечеством земле?

Проваливаясь по колено в слой гниющих листев, мы едва-едва делали два километра в час. Впрочем, вряд ли кто-нибудь сумел бы в этом лесу двигаться быстрее…

Я скормил своим ребятам почти весь имеющийся у нас запас мутагенных компенсаторов. Если они закончатся раньше, чем мы пройдем опасную зону, стерилизация нам обеспечена. В принудительном порядке, в соответствии с Пражской конвенцией от сорок четвертого года «О координировании мер по устранению последствий применения мутагенных веществ». Какой-то умник мне сказал, что самое страшное – это ядерное оружие. Мол, человечество погибнет в атомном огне и все такое…

Хренов сто! Этого бы умника да в этот лес. Который и границ-то не имеет. Сколько идем… А по карте – так должны уже в саванне пыль жрать.

Я с отвращением оторвал от щеки белого червя, который усердно пытался вбуравиться мне под кожу.

Дерьмо! Какое дерьмо! Одно сплошное…

Что я такого сделал в прошлой жизни, что меня бросают в это дерьмо?!

Впереди произошла какая-то заминка. Я поспешил к голове нашей маленькой колонны.

О нет…

Я увидел, как бледный Чиконе, одной рукой держась за живот, а другой вцепившись в рукав поддерживающего его солдата, старается усмирить свои не вовремя разбушевавшиеся кишки.

– Привал, – скомандовал я. – Но никому не садиться, слышите?! Если, конечно, не хотите быть сожранными заживо какой-нибудь инфузорией-туфелькой. Чиконе… Не дотерпишь?

Он только помотал головой. Несчастный парень, ему сейчас белый свет с овчинку кажется… Но нельзя ему тут… присаживаться. Обязательно заразу подхватит. Не приведи господь, синюю амебу или кольчатого червя Крюкова, который, попав в благоприятную среду, начинает размножаться с невероятной скоростью, да еще вдобавок выделяет какой-то редкий токсин в качестве отходов собственного организма. Видел я несчастных зараженных, в ангольском лагере… Поначалу их еще лечить пытались, пока не стало ясно, что единственное облегчение для несчастных – это ампула с цианидом.

– Чиконе… Вали под себя.

– Да, мой генерал… – Вид у него был отрешеннейший.

На миг он замер. Потом расслабился. На лице обильно выступила испарина.

Не давая ему осмыслить происшедшее и наделать очередных глупостей, я скомандовал:

– Вперед! Живее, мы отстаем от графика.

От какого графика?..

Мы прошли еще километра два, когда Чиконе вдруг сделалось совсем плохо. Он согнулся пополам, опершись на ствол автомата. Закашлялся. Побелел, а затем его вырвало чем-то синим.

– Отойдите от него! – закричал я тем, кто кинулся подхватить падающего солдата. – Не прикасайтесь! Назад…

Когда я подошел к нему, Чиконе уже не мог стоять и медленно опустился на колени. Лицо смуглого итальянца было характерного голубого цвета.

Живой труп. Пока живой…

– Джузеппе… – негромко позвал я.

Он поднял голову, и я поразился, насколько быстро болезнь взяла свое. Глаза ввалились, из носа текла струйка крови.

– Мой генерал?.. – Голос призрака.

– Прости меня, Джузеппе.

Он даже попытался улыбнуться, но согнулся. Ему снова стало плохо.

– Абе, веди отряд дальше. Я догоню вас через полчаса.

Шесть человек, возглавляемых безмолвным Абе, исчезли за деревьями.

Чиконе начал сползать в собственную блевотину.

Я ухватил его за шиворот, вернул в исходное положение. Плевать на бактерии. Инфузории, мать их…

Я не могу позволить своему солдату подыхать в дерьме!

Вы мне заплатите! Все! Сволочи! Заплатите за это дерьмо, за эту гнусь, в которую вы превратили мою землю!

Послышалось шипение. Прислушавшись, я понял, что это Чиконе пытается что-то сказать. Нагнувшись к нему, я разобрал только одно слово:

– Генерал… Генерал… Генерал…

Он уцепился за мою штанину, вытянул руку вперед, согнул ладонь, словно обхватывая что-то, и несколько раз дернул указательным пальцем… В воздухе стояла страшная вонь.

– Я понял, Джузеппе. Я понял. Хорошо…

Он отпустил мою ногу и, опустив голову, стал ждать, не переставая что-то шептать.

Достав пистолет, я услышал, как Чиконе внезапно внятно и четко произнес:

– Мама?

Что он увидел там, в последние секунды своей жизни, умирая от грязной инфекции в изувеченных мутагеном Джунглях? Я не желал бы этого знать.

Не дожидаясь следующего приступа болезни, я выстрелил рядовому Чиконе в затылок.

Выстрел глухо прозвучал среди деревьев, порождая дробное эхо.

– Странные вы существа, люди, – произнес за моей спиной знакомый голос, – Играете в чужие игры. Гадите. Уничтожаете. Берете, не задумываясь, что все когда-то кончается. Стремитесь приблизиться к богам, все дальше и дальше уходя от них.

– Заткнись…

– Вы втоптали природу в грязь так, что она уже и сама не знает, чем была до вас и чем является на самом деле Даже мы боялись обращаться с ней так, как это делаете вы.

– Заткнись! – Я крепко сжал рукоять пистолета, чувствуя, как

удобно улеглась она во вспотевшей ладони.

– Пьяная от крови, грязная благодаря вашему существованию, уличная девка Природа шатается под вашими окнами. Горланит дешевые песни, заигрывая с вашим детищем, Прогрессом. И вы даже не догадываетесь, какие это опасные соседи. Природа и Прогресс. Вы даже не думаете, какими могут получиться их дети.

– Заткнись. Иначе я убью тебя, – произнес я, чувствуя, как страх перед этим древним созданием посмеивается за моей спиной.

– Не убьешь, хотя меня бы это не удивило. Мне…

Я резко развернулся и выпустил четыре пули из личного «магнума» в грудь черному, чернее ночи, человеку. С радостью видя, как за секунду до выстрела посерело лицо старого Легбы. Страх был написан на этом лице.

Минута растянулась…

Медленно, очень медленно лоа прикрыл четыре дымящихся отверстия ладонью.

Медленно, очень медленно он убрал руку, проведя пальцами по нетронутой черной коже…

Я снова посмотрел в его лицо и увидел, как страх сменяется удивлением.

Вокруг мертвого тела Джузеппе Чиконе противно шевелилась палая листва. Изломанная человеком, неестественная, неправильная жизнь спешила жить. Я отвернулся, я не хотел на это смотреть.

Под зеленой крышей леса глухо бродило эхо моих выстрелов, оно сопровождало меня, когда я двинулся догонять отряд.

Стоп! Какое эхо!

Я встряхнул головой…

Какое, к черту, эхо?! Это выстрелы!

Я побежал.

Низкие ветви били меня по лицу, лианы преграждали путь. Я даже едва не упал. Но продолжал бежать.

Когда я догнал своих ребят, их осталось только трое.

Еще трое лежали в отдалении, внимательно вглядываясь мертвыми глазами в зеленую темноту. Пожухлый ковер вокруг них уже начал вздрагивать, слышался тихий шорох шевелящихся листьев, лианы протягивали щупальца к своей законной добыче.

– Мой генерал. – Это Абе.

– Что случилось? – спросил я, с трудом переводя дыхание.

– Бунт, мой генерал… – ответил он просто. – Эти трое подбивали остальных к побегу. Они хотели перейти на сторону противника и сдать им вас в качестве военнопленного. Вот список с их фамилиями.

Я скомкал листок, подсунутый мне предусмотрительным денщиком. Фамилии трех неудавшихся дезертиров я знал и без того. Именно эти три недоумка входили в число любимчиков сержанта.

Баба с возу – кобыле легче.

Помимо меня и Абе, в моем отряде остались Коваленко, сменивший разряженную «пустоту» на один из «стингеров», и хмурый Ламбразони со снайперской винтовкой на плече.

Коваленко растирал опухшую левую ладонь, на которой появились волдыри.

– Что это у тебя?

– А! – Он беззаботно махнул рукой, – Скунс, вонючка… Когда заварушка пошла, я упал, а там эта тварь. Струей.

– В Африке скунсы не водятся… – сказал я.

– Да? – Коваленко сплюнул. – Ну, значит, какая-то тварюшка. Кислотная. Ожегся.

– Хорошо, что не в лицо… – пробормотал, я наблюдая, как исчезают под толщей листьев трупы дезертиров.

– Хе, лицо… Скажете тоже, мой генерал. Что мне лицо Потеря не великая, а вот рука… «Стингер» тяжело держать. Больно… Могу промазать.

– Ничего, я подстрахую, – тихо сказал я, взваливая на плечо второй «стингер».

– А вы умеете? – удивленно спросил Коваленко.

Я посмотрел на свою команду.

И вдруг понял, что Марко Ламбразони совсем не хмурый, а просто спокойный, как удав. И надежный, как нож.

Коваленко не щуплый, а просто жилистый и не ел давно. Так, чтобы от пуза… А Абе просто мой брат. Мой черный брат.

И за каждого из них я отдам свою жизнь. И если бы я понял это раньше, может быть, и Джузеппе был бы жив…

– Пошли, орлы мои! – сказал я и пошел вперед первым

Мы прошли этот лес за день и вышли из него уже на заходе солнца. Без привалов, не решаясь ни останавливаться, ни есть в этом кишащем заразой месте, держась на одних стимуляторах.

Перед нами пыльная дорога и ржавый, бог весть какого года, указатель со стрелкой и надписью «Камбулацици». Цифры были неразборчивы.

– Привал! – скомандовал я. – Ждем транспорт…

11. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

– Мунья, мабили, зинтхату, йолала умдаде уэтху, – бормотал Джонни, сидя возле меня и заливая аэрозолем ногу, распоротую острым листом травы, не уступающим по жесткости цинку.

С Джонни мы познакомились после визита в деревню, когда Индуна вернул его из авангарда и он пошел возле меня.

Джонни был самый молодой в группе Индуны и служил там всего три месяца. Перевелся он из морской пехоты, имел очень высокий коэффициент искусственных изменений, но разговаривать с ним было приятно. Джонни был сыном белого англичанина и голландки из ЮАИ, но о своих родителях вспоминать не желал.

– Что это означает? – поинтересовался я, отпивая из фляги. Вода имела мерзкий химический вкус, но лучше уж пить такую, чем изойти кровавым поносом.

– Раз, два, три, ложись спать, маленькая сестренка… – улыбнулся он. – Колыбельная.

– У тебя была сестра?

– Она и сейчас есть. Живет в Дурбане, работает диспетчером в грузовом порту. Я не видел ее с детства.

– Бросил бы ты все это, Джонни, – посоветовал я. – Не мое, конечно, дело, но бросил бы…

– А смысл? – почему-то весело спросил он, защелкивая крышечку баллона. – Смысл в чем? Я умею воевать, больше ничего. Я кибернетический организм, господин лейтенант, и в мире людей мне просто нечего будет делать. Работать на заводе? Строить дома? Я не для этого предназначен.

Он помолчал, убирая аптечку в рюкзак.

– У меня был друг, чокнутый модификатор, – сказал он. – Учился со мной в школе. Я видел его недавно в Антананариву. Мы суем в себя железяки, микросхемы и матрицы, пытаемся изменить организм, усовершенствовать его. А Скай – друга зовут Скай – делает наоборот. Он модифицирует свое тело, удаляя ненужные части. Отрезал себе несколько пальцев, половые органы, ухо, язык… Теперь вот хочет удалить часть желудка, причем самостоятельно, без посторонней помощи. Чокнутый, но по-своему прав. Чем я лучше? Или лейтенант Индуна?

– Все по-разному смотрят на проблему искусственных изменений, – уклончиво ответил я.

– Скажите лучше, зачем вам никчемный толстяк? – Джонни кивнул в сторону Карунги, спящего на траве.

– Подарок капитана Нуйомы.

– За такой подарок не благодарят… Он не дойдет.

– Он выносliв, – возразил я.

– Не до такой степени, как вам кажется. Нужно было оставить

его в вертолете.

– Не подумал, – развел я руками. – Конечно, так было бы лучше.

– Вот из-за таких мы до сих пор топчемся на линии фронта. Никчемный жирный тип, – зло сказал Джонни.

– Жирный, как баобаб.

– Это еще что? – изумился он.

– Стихи. Юба Уэтху, кажется. Африканская поэтесса.

– Господи, сколько ненужного дерьма вы знаете, – едва ли не брезгливо сказал он.

Как всегда неслышно подошел Эймс Индуна и сказал:

– Мы можем догнать их по реке. Только что Мерв связывался с базой, они находятся ниже по течению.

– Поплывем? Это же африканская река, – усомнился я.

– Поэтому поплывем на лодках. Здесь недалеко деревня, попробуем реквизировать несколько макоро. Это такие долбленые лодки, – пояснил Индуна. – В зависимости от их количества и будем решать, кто пойдет вперед.

Деревенька висела над самой рекой, некоторые дома стояли на сваях. Голые детишки плескались на мелководье, но при виде нашего отряда с визгом попрятались. От реки тянуло сыростью, пахло рыбой, развешанной между хижинами.

Фиси – он, видимо, был знатоком языков – что-то крикнул и повел стволом автомата. Из ближней хижины высунулась толстая старуха, ее грудь свисала едва ли не до колен. Она скрипуче ответила, Фиси покачал головой и ткнул стволом в сторону рыбы. Старуха жалобно вскрикнула и затрясла руками, то ли проклиная нас, то ли жалуясь на судьбу. Из-за ее спины появился парнишка-подросток в обрезанных до колен армейских штанах и пошел к берегу, Фиси проследовал за ним.

– Четыре лодки, – сообщил он, вернувшись.

Парнишка маялся рядом, и добродушный солдат по имени Захария, для краткости Зак, угостил его плиткой пищевого концентрата. Мальчик с радостью схватил лакомство и с удовольствием захрустел.

– Итого восемь человек, если мы хотим взять с собой оружие и припасы, – подвел черту Индуна. – Остальные ждут нас здесь. Сигнальный передатчик у Мерва, он за старшего.

Рассудительный чернокожий Мерв кивнул.

– Если что – передаем условный сигнал, того же ждем от вас, сядете в «морг» и будете догонять, – продолжал Индуна. – Кто умеет обращаться с макоро?

Вызвались Фиси, меланхоличный верзила Лонг Джон и черный как уголь Сингве. Неожиданно поднял руку и мой толстяк

Карунга.

– Я жил на реке, господин, – сказал он жалобно. – Я много рыбачил. У нас было три макоро.

– Хорошо, – согласился Индуна. – Ты плывешь с лейтенантом, я – с Фиси, Лонг Джон с Джонни и Сингве с Максом.

– Извините, но я должен быть с шефом, – сказал Федор.

– Останешься здесь, – рявкнул я по-командирски. – Будешь помогать Войту, он без тебя как без рук. Понятно?

Федор вздохнул и отошел в сторону.

Население деревни тем временем наблюдало за нами, выглядывая из всех щелей. Завидев, что большая часть пришельцев остается, старуха взвыла с новой силой. Видимо, это была местная матрона или императрица: они не терпят в своих владениях чужаков.

Макоро оказались относительно устойчивыми. Мы поместились в одной из них. Карунга взмахнул веслом и умело повел лодку по течению, держась у берега. За нами последовали остальные, причем Индуна тут же обогнал нас и погрозил толстяку пальцем. Тот приободрился – на воде он явно чувствовал себя увереннее. Он даже начал бормотать что-то себе под нос, вроде как пел. Что ж, пусть поет, подумал я и, пристроив на коленях автомат, принялся вглядываться в прибрежные заросли.

Путешествие проходило на удивление мирно. Пару раз с берега прыснули пришедшие попить обезьяны, неторопливо отбежал уродливый горбатый бородавочник – то ли просто ущербный зверь, то ли порождение мутагенов. Однажды попался сбитый самолет – оплетенный ползучими травами и лианами тактический бомбардировщик А-504, торчавший из зарослей почти вертикально. В остальном природа выглядела почти нетронутой, и я задремал под плеск воды.

Когда нос макоро врезался в прибрежный песок, я дернулся и подскочил. Карунга улыбался.

– Прибыли, – сказал Индуна, прыгая из лодки на берег.

Фиси втащил макоро повыше и привязал к сухому стволу, так же поступили и остальные лодочники.

Индуна сверился с показаниями своей карты и покачал головой:

– Немного проскочили. Река сворачивает… Пойдем пешком.

И мы снова стали ломиться сквозь заросли, распугивая мартышек, вскидываясь при виде ускользающих из-под ног змей. Верещали какие-то пичуги, незаметные в листве, но очень назойливые.

Впереди меня шел Фиси, за мной, след в след, Карунга. Он, кажется, снова боялся, по крайней мере пыхтел он очень жалобно.

Я подумал, что при первой же возможности сдам несчастного толстяка мозамбикским войскам. Пусть только попадутся они на пути… И если попадутся.

Через полчаса едва не сломал ногу Сингве: провалился в старую ловушку, устроенную местными жителями – то ли на зверя, то ли на таких вот ходоков по лесу. Он чудом успел уцепиться за ствол деревца и сейчас прихрамывал в арьергарде, то и дело вполголоса ругаясь по-португальски и по-английски.

А еще через десяток минут мы вышли к маленькому посту малавийцев. Вернее, это был даже не пост, а дорожный разведотряд на двух грузовиках с пулеметами в кузовах. Индуна предупреждающе поднял руки над головой, чтобы соратники не влепили в нас очередь, а я в очередной раз подивился идиотским реалиям войны. Линия фронта здесь имела значение весьма относительное: какого черта, например, так далеко в тылу делают вот эти девятеро малавийцев во главе с лейтенантом по фамилии Рубадири?

Индуна не церемонился. Предъявив свои верительные грамоты в виде какого-то жетона и угрожающей гримасы, он реквизировал у союзников грузовик получше и погрузил нас туда. Малавийцы отнеслись к нам дружелюбно и даже поскалились и помахали на прощание.

– Чего они тут делают? – спросил я у Лонг Джона.

Тот жевал какой-то явно недозрелый плод. Тщательно обглодав огрызок, он бросил его на дорогу, в тянущийся за грузовиком пыльный шлейф, и пожал плечами:

– Ищут приключений на свои черные задницы. Летучий отряд, малави это любят. Находят в лесу такой же отряд конголезцев или ангольцев и давай меситься… Гладиаторы, и только.

Никакой логики в его словах я не нашел, но удовлетворился и таким объяснением, тем более что через пару минут в просвете среди ветвей над дорогой появился вертолет. Наш вертолет.

– Индуна вызвал, – удовлетворенно пробормотал Фиси Вертолет пошел над грузовиком, держась метрах в десяти. А потом мы увидели команду Мбопы.

12. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Ночью было на удивление тихо. Только шуршал за спиной меняющийся лес и постанывал во сне Коваленко, скунсов ожог

которого успел воспалиться и пойти неприятными волдырями, а волдыри он содрал, когда что-то переделывал в «стингерах». Я так и не понял, к чему привела эта переделка, но сам Сергей остался доволен и сиял, как новенький голографический дисплей.

Я взял на себя дежурство в промежутке между тремя и пятью часами. Самый тяжелый момент ночи, несколько часов до утра. Становится холодно, словно последние заслоны тепла, которые всю ночь охраняли тебя, вдруг пали перед превосходящими силами противника и ты остался один на один с холодом ночи.

Боги, даже романтика какая-то милитаристская.

Я поежился. Странно, Африка, а по утрам холодно. Хотя это только кажется. Нормальная температура, просто за день тело привыкло к пеклу.

Я поднял глаза вверх. Небо, перечеркнутое движущимся спутником, и звезды, которые ничуть не потускнели за тысячелетия человеческих безобразий. Так же как сотни лет назад они равнодушно смотрели на сжигаемых на кострах людей, так и сейчас смотрят на сжигаемые в войнах страны. Игрушки человечества ничуть не изменились за это время. Изменились только масштабы.

Крохотная точечка спутника скрылась за горизонтом, и почти сразу же над головой показалась другая. Шпион? Орбитальная фабрика? Или лазерная платформа? Впрочем, лазерная платформа так не сверкает…

Я не заметил, как задремал, и проснулся, только когда моя голова упала на грудь.

Рядом горел костер.

Древние боги никогда не оставляют своих подопечных. Даже если сами подопечные на этот счет иного мнения.

– Час до утра… Лучшее время. – Голос отразился от черного неба и холодными лучиками звезд осыпался вниз, такой же холодный и такой же обжигающий… – Когда этот мир создавался, он создавался утром.

– Откуда ты можешь это знать?

– Ну, лоа все знают… Те, кто уцелел. Вы, люди, на редкость непостоянны в своих пристрастиях и готовы идти за тем, кто громче крикнет. Как стадо… – И он засмеялся.

Я смотрел, как, вторя его смеху, ярче заискрились звезды. А ведь это все неспроста.

– Зачем я тебе нужен?

– Ты – мне? Хм… Вообще-то это я нужен тебе. Впрочем, нет… Наверное, это выгодно нам обоим. Я твоя проекция веры. Образ. Объект, который доказывает тебе осмысленность существования одним своим присутствием.

– Бред…

– Совсем нет. Ты знаешь, что все в мире, все события и действия отдельных людей и сообществ подчинены чьей-то воле и замыслу. Чьей? Одна это воля или нет? Вам, цивилизованным, долго вдалбливали в головы, что Бог един. Потом – что Бога нет… Потом на все это забили толстый болт и бросили вас на произвол судьбы. Хотите – верьте, хотите – нет. Вы запутались, напридумывали массу всякой всячины, потом отвергли ее… Но так и остались неуверенными в себе, неуверенными в мире… Во всем цивилизованном мире. А тут, где человеческая печень такое же естественное блюдо, как и гроздь бананов, тут, где вода несовместима по ценности с жизнью человека, тут, где миссионеры становились язычниками от одного дыхания древнего ветра, тут сохранилось то, что когда-то поддерживало веру и жизнь твоего народа. Всех людей. Сохранилось то, что наполняло смыслом все, питаемое верой и питающее веру. Я нужен тебе, потому что ты знаешь (как лисица знает, что в норе прячется мышь), что за этой войной стоит Нечто, для которого все цари и президенты всего только фигуры для очередной шахматной партии. Ведь знаешь? И тебе нужна твердая почва под ногами. Я даю тебе эту почву…

Я молчал.

Не дождавшись ответа, Легба продолжил:

– И ты нужен мне… Нужен, чтобы понять, кто вздумал играть на моей доске…

Моя голова снова упала на грудь, и я проснулся.

Небо зеленело на востоке. Пока едва заметно, чуть-чуть, но через час новый день полновластно объявит о себе. Пора будить солдат.

Мы шли вдоль дороги уже четыре часа без остановки. Палило немилосердно. Черт знает что за дорога… Пустота, тишина… Только когда мы проходили мимо скрюченного высохшего дерева, над ним тяжело поднялись в воздух три грифа. На суку болтался повешенный. С виду целый, что меня удивило, но, когда подошли ближе, я разглядел: из выклеванной глазницы торчат тонкие проводки, а оголенная кость отсвечивает металлом.

Повешенный кибер… Такого я еще не видел.

Грифы снова уселись на дерево, продолжая сосредоточенно и удивленно рассматривать несъедобную добычу. Бедолаги…

Грузовик показался через час. Устроившие было привал мои солдаты спрятались за камнями. Я вышел на дорогу…

Водитель вел себя неуверенно. С одной стороны, его явно подмывало раздавить странного человека в камуфляже, без знаков отличия. С другой стороны, автомат этого человека очень

многообещающе нацелен в лобовое стекло…

Он остановился, не глуша двигатель. Я шагнул в направлении кабины, когда к дверце подскочил Абе и, не давая водителю опомниться, выволок его наружу.

Водила что-то орал по-португальски и прикрывал голову руками. Знал, что, сопротивляясь, можно схлопотать прикладом по затылку.

Ламбразони и Коваленко быстро обыскали старенький ЗИЛ, но ничего, кроме полуголой подвыпившей негритянки, не обнаружили. Подруга водителя оказалась бабой горластой, но покладистой, она устроилась на обочине рядом с водителем и уставилась на нас осоловелыми, но настороженными глазами.

– Вода в машине есть? – спросил я Коваленко.

– Есть, – радостно ответил он. – Целая цистерна. И жрачка.

– Вытащи, оставь этим…

– Есть. – Коваленко был уже в машине.

– Только наши фляги наполни!

– Есть! – глухо донеслось изнутри. Когда внутри машины зажурчало, водила снова начал что-то голосить, а его подруга попыталась встать.

– Аб, заткни их.

– Понял, мой генерал, – без эмоций ответил Абе и тут же пальнул в воздух.

После выстрела наступила тишина. Водитель снова упал в пыль, прикрываясь руками, а его подруга удивленно поглядела на нас и вздрогнула. Полные груди томно качнулись.

Тем временем Коваленко выкатил канистру. Установил ее рядом с хозяином грузовичка, туда же кинул какой-то пакет, видимо с едой.

– Аб, скажи им, что, мол, конфискуется… Именем великой мозамбикской революции конфисковал лично комиссар Мозес.

Абе перевел. Последние слова он говорил, уже запрыгивая в кабину.

Когда мы отъезжали, я видел в боковое зеркало, как водитель вскочил и принялся что-то орать вслед. Подкидывая над головой какую-то тряпку. Кажется, он был даже рад… А чего ему не радоваться? Вода есть, еда есть, женщина есть. И при всем этом великолепии еще и жив остался. А что грузовик украли, так не впервой. Он и сам, наверное, его угнал…

– Почему революции? – тихо спросил Абе.

– Шутки у меня такие… Дурацкие… – невпопад ответил я. – Коваленко!

– А? – свесился откуда-то сверху Сергей. Потом опомнился и поправился: – Я, мой генерал!

– «Стингеры» там пошевели. Состояние боевой готовности номер один. И Ламбразони передай. Хотя от снайпера при такой тряске проку никакого… Но пусть будет готов. Ясно?!

– Так точно! Коваленко исчез.

– Ожидаете неприятностей, мой генерал? – спросил Абе.

– А ты их не ожидаешь? Он пожал плечами.

– Тот факт, что мы еще живы, объясняется только нашим везением. Если до Камбулацици доберемся… будет хорошо, – неопределенно закончил я.

– Ясно, мой генерал, – Абе достал дополнительный рожок и начал набивать его патронами.

Я крутил баранку, стараясь не попадать во все выбоины подряд.

Сергей снова свесился сверху. Было уже два часа дня.

– Мой генерал, за нами идут.

– Кто? – Я глянул в зеркало заднего вида. За нами шел грузовик, не старенький ЗИЛ, а что-то посущественней. Побыстрее и помощнее. Хорошо шел, не обращая внимания на ямы и горбы дороги. Не оторвемся – вижу.

– Не только грузовик, мой генерал. Вместе с ним вертолет. Метрах в шестистах…

– Предельная для нашего «стингера» дистанция?

– Так точно.

– Понял. Готовься к стрельбе. – Я высмотрел на дороге поворот. – Там пулемет. На вертушке… Дальнобойный, – тихо сказал Абе.

– В курсе. Без паники. Если бы они могли нас сейчас зацепить, мы бы уже не ехали, а летели, – ответил я, начиная разгон.

– К стрельбе готов, – донеслось из кузова.

– Понял… Понял…

Мы затормозили на крутом повороте, холм закрывал нас от преследовавшего грузовика. Пилот вертушки, увлекшись погоней, оказался в пределах досягаемости…

Две ракеты, распустив дымные хвосты, почти одновременно умчались в небо из кузова нашего ЗИЛа.

Пилот был ас. Или кибер.

Он даже ухитрился уйти от первой ракеты, которую выпустил Ламбразони. Вторую запустил Коваленко, человек, наверное, родившийся с ПЗРК в руках…

Я еще видел, как брюхо большого десантного вертолета лопнуло перезрелой дыней, выпуская огненно-дымную мякоть. Он пошел вверх… Потом вниз…

Больше я ничего не видел. Я гнал «зилок» по ухабам, стараясь

оказаться как можно дальше от места падения.

В кузове что-то матерно орал Коваленко и что-то быстро лопотал Ламбразони, вероятно, тоже ругался…

Только Абе молчал, ожесточенно набивая уже четвертый рожок патронами.

Грузовик так и не появился из-за поворота. Думаю, он остался возле места падения вертушки. Ведь можно было кого-то спасти. Теоретически.

Еще час я гнал машину по пыльной дороге.

Заканчивалось топливо, двигатель дико грелся. ЗИЛ шел на последнем издыхании. Я затылком чувствовал, что тот грузовик нас не оставит.

– Впереди пост, – сказал Абе.

– Знаю, знаю…

Абе сунул мне на колени два автоматных рожка.

Разрушенный блокпост догорал. Жарко коптила небо бывшая точка с крупнокалиберным «Дегтяревым», рядом пылал наш ЗИЛ. Тихо стонал Коваленко, подавивший огонь пулеметного гнезда последними уцелевшими гранатами, но оставшийся без прикрытия и получивший очередь в грудь. Он остался жив каким-то чудом и сейчас лежал возле второго пулемета, прислонив голову к прохладному прикладу, весь перебинтованный, еще больше похудевший и осунувшийся.

Ламбразони занял позицию за аккуратно уложенными в ряд мешками с песком. Дуло его винтовки смотрело в сторону дороги, тускло поблескивал прицел.

Абе с рукой на перевязи сидел возле Коваленко.

Из всей нашей маленькой команды без единой царапины остался только я.

Небольшой состав блокпоста разбежался. Кто смог.

Уйти отсюда мы не могли. Уйти – означало бросить Коваленко. А с ним мы станем слишком легкой добычей.

Когда за холмом показалось облако пыли, я занял свою позицию.

Грузовик приближался…

Вдруг сквозь африканскую жару я почувствовал, как нездешний холодный ветер прошелестел за моей спиной. Где-то там, на холме, я различил черную, чернее ночного неба, фигурку. Он сидел на камне, что-то держа в руках… И словно бы увидел я этот предмет. Куколка? Маленькая тряпичная куколка. В какую втыкают иголки… Или, наоборот, кладут в крепкий ларец…

И кажется, не одна.

Нечто древнее поднялось во мне. Нечто черное взмахнуло за моей спиной крыльями…

Я понял: если я не выиграю этот бой, то уж точно через меня никто не переступит сегодня.

Винтовка в руках Ламбразони дернулась. Лобовое стекло грузовика покрылось трещинами. Машина вильнула, но устояла. Водитель был не дурак. Ламбразони снова выстрелил.

Лениво заговорил «Дегтярев»…

13. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Когда упал вертолет, я ожидал, что второй удар достанется нам. Но ничего не случилось. Грузовик все так же мягко катился по пыльной дороге, рядом причитал свернувшийся в увесистый клубок Карунга, а Фиси азартно палил из турельного пулемета до тех пор, пока Лонг Джон не отодрал его от рукояток и не дал ему пощечину.

– У него там брат, – пояснил мне Джонни.

– Где? – не понял я.

– В вертолете. Пилот.

Грузовик наконец остановился, мы попрыгали из кузова и побежали к горящему вертолету. Против ожидания он не пылал и не чадил, хотя в момент попадания казалось, что от боевой машины не останется ничего. Он лежал среди раздавленных стволов, истекающих пахучим соком, словно гигантский перезревший банан, треснувший вдоль и поперек, и источал жар. Но не пылал.

Фиси обогнал бегущих, но его оттащил в сторону все тот же Лонг Джон и врезал еще пару раз, на этот раз уже кулаком.

– Не подходить! – крикнул Индуна. – Боекомплект! Подтверждая его слова, из нутра вертолета со свистом умчалась в небо ракета, затем вторая, затем три сразу.

– Никого там нет живых, – убежденно сказал Сингве. – Потому он и «морг». Непробиваемая животина, другой раз дюжину попаданий держит.

Индуна пополз к вертолету, крича:

– Кто-нибудь жив? Жив кто-нибудь? В небо устремилась еще одна ракета, трещал от высокой температуры негорючий пластик, и всем было ясно, что в вертолете живых нет. И Федор, и Войт, и брат Фиси, и рассудительный Мерв, и остальные члены отряда Эймса Индуны – мертвы. Вопреки своему же приказу лейтенант вскочил на ноги, подбежал к вертолету и сунул голову в жерло отлетевшего люка, но тут же отшатнулся.

Нет Федора. Нет Войта. Нет людей, к которым я успел привыкнуть и за которых чувствовал себя ответственным.

Я снова теряю СВОИХ людей.

Снова теряю.

Когда Индуна подошел к нам, я увидел, что ресницы и брови его обгорели, а курчавые волосы приплавились к обручу на голове. По лицу расползались ожоги.

– Все, – сказал он коротко. – Грузимся. На дороге впереди – пост Малави, может быть, там их задержат. Хотя бы на время.

То, что малавийского поста больше не существует, мы поняли, как только увидели жирный столб дыма. А потом все стали прыгать на дорогу, по грузовику ударили очереди, и он врезался в заросли низеньких пальм. Из кабины вывалился Макс, пополз, потом ткнулся головой в протектор и затих. Я нагнулся к нему, но заметил пулевое отверстие за ухом и понял, что полз уже не человек, полз кибер. Человек умер еще в кабине.

Мы рассыпались по зарослям. Индуна крикнул мне:

– Он будет держаться до последнего. Убегать им некуда и незачем, так что мы их прихлопнем. Жаль, мало нас…

Нас было мало, но их, кажется, было еще меньше. Стреляли четверо. Я полз по жесткой траве, следом полз Карунга, причитая и цепляясь автоматом за кустарник. Над головой несколько раз прожужжали пули, слева что-то рвануло.

Мы залегли за глинистым пригорком, причем Карунга уткнулся лицом в мой ботинок. Что ж, если ему так спокойнее, черт с ним. Все равно боевая единица из толстяка никакая.

Я осторожно выглянул из-за пригорка. Пост, на котором мы находились, с холма хорошо просматривался. Толку от этого было ноль из-за дыма и из-за того, что у них там был внушительный брустверр из мешков. По мне сразу ударили из пулемета, но неприцельно, так, чтобы напугать.

– Не суйся! – заорал Фиси, падая рядом. – Не суйся, белый лейтенант.

Слева снова рвануло – то ли гранаты, то ли минное поле. Не хотелось бы, чтобы кто-то из наших нарвался… Почему-то меня больше не трогала гибель ребят в вертолете. Все выгорело, наверное, внутри.

Мы укрылись за стволами деревьев и неровностями почвы. Мы – громко сказано, я видел только Карунгу, Фиси слева и Индуну справа. Индуна то и дело смотрел на свою карту и чертыхался. Изредка мы постреливали в сторону поста, оттуда тоже стреляли, и так прошло около получаса. Потом стало смеркаться, причем неожиданно, словно опустился мутный туман. Вначале я подумал, что это дым, но дым имеет запах, а

туман запаха не имел.

По часам до сумерек тоже было далеко. Это заметил и Индуна, в очередной раз выругавшийся. Он подполз ко мне, и я спросил:

– Что это?

– Откуда мне знать. – Его белки сверкали среди серого тумана. – Не понимаю. Ничего не понимаю.

– Плохо… Это плохо… – затрясся у моих ног Карунга. Фиси деловито щелкнул фиксатором, вставляя новую обойму, и прикрикнул на него:

– Не трясись, жирный! Все нормально!

– Нет, нет, – шептал Карунга, стискивая руками мой ботинок. Автомат он бросил. – Это плохо, господин, надо уходить… Уходить…

– Попробуем сыграть на этой дряни, что бы там это ни было, – решительно сказал Индуна и поднялся.

Действительно, стало уже так темно, что с поста нас не видели и стрелять могли разве что наугад.

– Фиси, давай на правый фланг, скажи, что по трем моим выстрелам атакуем, – велел лейтенант.

Фиси со зловещей улыбкой исчез во тьме, я слышал топот его башмаков и хруст ветвей под ногами, потом наступила тишина, словно туман проглотил Фиси.

– Чувствуешь, господин? – спросил Карунга, оторвавшись от ботинка.

– Что?

– Запах.

Я принюхался. Действительно, воздух приобрел сладковатый аромат… мертвечины, что ли?

– Уходить… уходить… – опять забормотал Карунга.

Тьма сгущалась, в ней что-то еле слышно шевелилось, еле слышно бормотало… Я взглянул в глаза Индуны, который придвинулся ко мне почти вплотную, и понял, что лейтенант боится. Боится, хотя как мог кибер такого уровня бояться чего-то в темноте?

– Стреляйте на звук, – шепнул он, – Наши окликнут, а тот, кто идет молча, – враг.

Я поднял свой «пигмей» на уровень пояса и настороженно вслушивался. То с одной стороны, то с другой что-то шуршало. Темень стала вовсе уж непроглядной.

– Что-то здесь не так, – прошептал лейтенант.

Внезапно он выстрелил куда-то во мрак, на мгновение стало чуть светлее, и вдруг нас буквально смело порывом ветра, затхлого и вонючего, словно вырвавшегося из-за внезапно

открытой двери склепа. Я покатился по склону вниз, но мое падение затормозил верный Карунга, продолжавший цепляться за башмак. Я едва не вывихнул лодыжку, но остановился. Порыв пронесся выше, и я мог поклясться, что услышал в наступившей тишине далекий скрипучий хохоток, от которого стало невообразимо жутко. Я нашарил «пигмей» дрожащей рукой.

Карунга молился на неизвестном мне языке, а я, лежа навзничь и не имея сил подняться, заметил; что тьма начинает понемногу рассеиваться. Снова повеяло мертвечиной, и я пополз, одержимый животным, первобытным ужасом, обдирая в кровь руки о торчащие тут и там ветки и острые листья, что-то мыча…

Так я полз, наверное, минут пять. Рядом был верный Карунга. И только когда стало совсем светло, я нашел в себе смелость оглянуться.

Лучше бы я этого не делал.

Отряд Эймса Индуны лежал на вершине холма. Словно изломанные злым ребенком куклы, бойцы антитеррористической группы были свалены в кучу, от которой растекались по глинистой почве ручейки крови. Я увидел оскаленные зубы Джонни, согнутую под невозможным углом мускулистую руку Лонг Джона, вмятую внутрь грудную клетку Фиси… Среди них не было только Индуны.

И все они были мертвы.

Первой моей мыслью было вскочить и бежать со всех ног прочь отсюда, в лес, в реку, куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной кучи. Скользя по сырой траве, я поднялся и помог встать Карунге. Толстяк трясся и закрывал руками лицо.

– Стоять! – негромко сказали мне. Из-за густых зарослей вышел белый в изодранной форме, за ним – негр, оба с автоматами.

– Бросьте оружие, – велел белый, судя по акценту итальянец.

Я послушно бросил свой «пигмей». Карунга всхлипнул.

– Двое, мой генерал! – крикнул негр. Мбопу я узнал сразу. Конечно, он изменился за эти годы – похудел, осунулся, но я узнал его.

Он тоже узнал меня и, кажется, несказанно удивился.

– Таманский? – спросил он.

– Здравствуйте, Мозес, – кивнул я.

– Не ожидал… – Мбопа покачал головой. – Мы сегодня по разные стороны, Таманский.

– Вы меня расстреляете?

Прозвучало это до ужаса глупо. Герой, пойманный врагами. «Вы меня расстреляете?»

– Нет, мы возьмем вас с собой, – мягко сказал Мбопа. Карунга

всхлипнул.

– Его тоже, – быстро сказал я.

– Разумеется, – согласился Мбопа. – Куда ж его девать?

Я не знал, что буду делать дальше, но пока испытывал счастье: я жив! Я жив, надо мной солнце пробивается сквозь густую листву, орут птицы, жужжит мошкара, пахнет кровью, но я жив.

Я не раз попадал в передряги, где мог сложить голову и откуда вывернулся чудом. Достаточно вспомнить историю с НЕРвами, где я имел шанс стать покойником едва ли не по два раза на дню… Но сейчас я был искренне рад, что черный туман, пахнущий мертвечиной, обошел меня стороной, не забрал с собой. Я не знал, чем это объяснить… Судя по растерянному выражению лица Мбопы, не знал и он.

Мне связали руки, довольно свободно, так, чтобы запястья не натирало. Карунгу и связывать не стали, только навьючили на него тяжелый мешок то ли с продовольствием, то ли с боеприпасами. Я заметил, что у Мбопы осталось всего три человека, не считая его самого, и все трое ранены, причем один тяжело. Он шел, опираясь на плечо негра, а третий, очень неприятный тип, то и дело косился на меня. Если меня все-таки пристрелят, то сделает это именно он.

Мы двигались по дороге с черепашьей скоростью – из-за раненого. Мбопа шел рядом. Он явно порывался о чем-то меня спросить, но никак не решался начать. Я опередил его:

– У вас есть вопросы?

– Да, – ответил он по-русски.

– Так задавайте. Чего играть в молчанку?

– Кой хрен занес вас в эти дебри?

– Работа. Я журналист, если помните.

– В прошлый раз вы тоже работали? – хитро прищурился Мбопа.

– Более или менее.

– Ясно. Теперь вам, наверное, интересно, куда я вас потащу и что там с вами сделают. Пока не знаю. То, что вы живы, меня радует, я в вас врага не вижу, хотя уверен, что несколько минут назад вы с удовольствием взяли бы меня на мушку… Буду откровенен: мы идем к озеру Нъяса, к Чипока. Сейчас мы должны искать транспорт, любой транспорт. Наша главная цель – Нкхата Бэй. Значит, мы будем искать плавсредство. Вас с этим жирным парнем мы не бросим, по крайней мере без особой нужды. Что с вами будут делать дальше – не представляю.

– Наслышан о методах работы контрразведки Нкелеле, – буркнул я. – Лучше бы сразу убили.

– Сомневаюсь, что вы слышали всю правду. Я там повертелся, так что знаю побольше вашего. Ничего вам не буду обещать, Таманский, я же сказал: мы по разные стороны.

Я демонстративно замолчал. Интересно, куда делся Индуна? Спасся? Или я просто не видел его тело? Искренне хотелось, чтобы лейтенант выжил, но я не слишком-то в это верил. Зря не спросил у Мбопы, что это был за чертов туман… Хотя он и не сказал бы, наверное.

Значит, мы идем к озеру. Что ж, отсюда до Ньясы примерно километров четыреста, если не ошибаюсь. Время сбежать есть.

Я стал восстанавливать в памяти карту здешних мест. Если мы идем к порту Чипока, значит, попремся через горы, через плато Ангониа, вот только что-то крутит Мбопа… Судя по всему, идем-то мы не на север, а на запад. На северо-запад, если быть точнее. А на северо-западе… На северо-западе мертвый город Сонго и гидроэлектростанция Кабора-Басса на Замбези. Гидроэлектростанцию еще лет шесть назад выкупили у Мозамбика предприимчивые юаровцы, теперь это их кусок земли. Что там понадобилось Мбопе? Транспорт? Но Южно-Африканская империя соблюдает нейтралитет, они их не пустят на свою территорию. Оружие продают всем, но на свою землю, тем более на стратегически важный объект…

Ладно. Увидим. В любом случае доберемся не завтра и не сегодня…

Я механически шагал до самого привала, пока уже совсем не стемнело, а потом упал и уснул – со связанными руками.

14. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Когда нас всех накрыло этим туманом, я даже не понял, что случилось. Только что шел довольно хилый позиционный бой. Противник старался затянуть петлю, медленно, не высовываясь под пули, собирая силы для броска. Мы удерживали их как могли, заливая окрестности свинцом, и вдруг небо потемнело…

Словно огромная птица взмахнула крылами и уселась на нас. Накрыв своим пуховым душным брюхом блокпост, холм, дорогу. Стало темно, и только шелест, словно некто большой перешивает своей огромной иглой ткань мироздания, перекраивает, режет, насвистывая что-то себе под нос.

Рядом послышался шорох, это Абе выбрался из-за бруствера и подошел ко мне. В сгустившихся сумерках я различил, что его

лицо посерело от ужаса.

– Барон Суббота… – тихо прошептал он. – Барон Суббота…

И я понял, что не шелест слышится мне, а тихий, шипящий, пронизывающий смех. Словно высушенные горячим ветром кости трутся друг о друга, скрипят. Скрипят! Скрипят!!!

Невыносимо!!!

Только когда все кончилось и солнце невозмутимо осветило поле не то побоища, не то жертвоприношения, мы сумели сдвинуться с места. Подобрали журналиста и толстяка при нем.

Толстяк трясся всем телом и явно плохо ориентировался в происшедшем. На кой черт он понадобился Таманскому? Такого надо было бросить еще в самом начале. Балласт, и только.

Дерьмовая штука война

Я глядел на гору изувеченных трупов наверняка очень смелых парней. Пусть и киберов, пусть и врагов, но бойцов от бога. Все как один мертвы, а толстый балласт жив. Отвратительно и нечестно.

Мы навьючили толстяка Карунгу и двинулись дальше на запад.

С вершины другого холма я еще раз оглянулся, чтобы увидеть страшные трупы, сложенные кругом, ноги к голове. Бойцы от бога. Какого бога? Почему-то эта мысль показалась мне важной…

Мы тащились уже дня два. Ночуя как попало, даже не заботясь о том, чтобы прикрываться от спутникового наблюдения. Коваленко чувствовал себя все хуже и хуже. Абе держал его на почти постоянных инъекциях. То ли морфий, то ли еще какую-то гадость колол. Сергей сознания до конца не терял. Сильный организм, хотя по внешнему виду этого не скажешь. Если он протянет в таком режиме еще несколько дней, будет реальный шанс выкарабкаться. Хотя…

Даже самому себе я боялся признаться, что для Коваленко почти все потеряно.

Просто это человеческая особенность, всегда и повсюду, даже в самых безнадежных ситуациях, вставлять это слово «почти», втайне надеясь на лучшее, на лучшее, на лучшее…

Таманский был молчалив. Передвигал ногами, как автомат, и только иногда утирал пот. Я втайне наблюдал за ним. Журналиста мучила «усиленная мозговая деятельность», очень вредная штука в сложившихся условиях. Еще додумается устроить побег… Уж очень мне в него стрелять не хочется. Да и вообще у меня насчет него большие планы, контрразведке я его, конечно, не отдам, но вот помощь на территории Мозамбика он бы мог нам оказать. Лейтенант все-таки.

Хотя думать не запретишь. Неотъемлемое право человека.

Так же как и право на ошибку.

Утром третьего дня война снова напомнила о себе.

Мы набрели на место, где когда-то был бой.

В памяти всплыло сообщение о нескольких крупных сражениях, которые произошли в самом начале военных действий. Действительно крупных.

Два часа, без остановки, мы тащились через свалку искореженных металлических конструкций, в которых еще можно было, хотя и с трудом, опознать английские «Скорпионы», старенькие Т-55 с Украины, Т-72. Различные марки бэтээров, согнанные сюда со всех сторон света, чтобы превратиться в ржавеющие останки, в братские могилы для очень разных и таких похожих людей. Смерть – гордая сестра. Так, кажется, писал когда-то американец Томас Вульф? Смерть объединяет всех.

В нескольких местах мы были вынуждены обходить огромные оплавленные воронки, подарки с орбиты.

И снова танки, скелеты, танки, скелеты… Развороченные неведомой, страшной силой и брошенные тут. Побежденные и победители.

Впрочем, были ли тут победители? По штабам армий Анголы ходила жутковатая в своей правдивости байка. Не подтвержденная, правда, фактами, но…

Поговаривали, что в самом начале конфликта, когда в ход еще не были пущены системы виртуального наблюдения и координации, в драку было брошено несколько танковых батальонов. То ли противник сделал особенно успешный ход и потребовалось затыкать образовавшуюся дыру, то ли случилась еще какая-то неожиданность, но батальоны ушли в саванну в кошмарной спешке, побросав даже котелки с неостывшей синтетической кашей. И как в воду канули.

Контрразведка встала на уши. Несколько резидентов завалили тщательно подготовленные явки в тщетной попытке разузнать что-либо о судьбе пропавших батальонов. Глухо.

Одно только удалось выяснить: со стороны Мозамбика имело место сходное происшествие. Несколько танковых рот пропали. Растворились, оставив после себя только марево раскаленного воздуха да следы, ведущие в саванну. Кто отдал приказ? Куда была брошена техника? Нет данных. Сгорели архивы, погибли связисты… Война.

Делом о пропавших танках занимался поначалу специальный отдел Службы безопасности диктатора, но потом об этом досадном инциденте забыли. Остался только слушок, миф, бестолково шляющийся вечером по армейским палаткам.

Через эту байку, через эту страшную правдивую сказку мы

топали, задыхаясь в поднимающейся из-под ног ржавой пыли.

Были ли тут победители? Куда делись уцелевшие?

Я получил ответ на этот вопрос, когда поле, усеянное разбитой техникой и неразорвавшейся смертью, резко оборвалось, последний ржавый остов остался позади и я увидел…

Были победители. Конечно были. Озверевшие от крови. Огня. Смерти. Рычащие. Растратившие весь боекомплект, кроме своих рук и зубов.

Были победители.

Иначе кто же прибил проигравших к столбам? Кто разжигал костры? Кто играл человеческими головами в футбол?

Были победители: Лежащие теперь рядом с проигравшими. Такие же истлевшие, иссушенные, обглоданные шакалами и гиенами. Такие же мертвые.

Мы шли мимо, стараясь не смотреть на распятые кости, на обуглившиеся скелеты, скалящиеся почерневшими зубами. Что произошло здесь? Знают ли об этом Службы безопасности? Может быть, и знают…

Толстого Карунгу долго тошнило, но мы не остановились, и он догнал нас позднее.

Когда мы стали на ночлег, окончательно стемнело. Нам хотелось идти, идти, чтобы уйти как можно дальше от этого памятника человечеству…

Но Коваленко был плох. Наркотики уже почти не действовали, он бредил. Да и двигаться в темноте было опасно.

Таманский сидел на сухой коряге и, как сомнамбула, смотрел перед собой пустыми глазами. Его слегка покачивало.

– Устал, журналист?

Он посмотрел на меня, как не увидел.

– Что там было? – спросил он одними губами.

– Пропавшие батальоны были… – ответил я и, уже договорив, понял, что он спрашивал не о том. Журналюга был опытный, видел наверняка и не такое… Хотя что может быть страшнее того, что мы видели, я не знал. И знать не хотел.

– Не про то. Я имею в виду… – Таманский сглотнул. – Туман… Там. На дороге.

Я отвернулся. В небе медленно, словно неохотно, разгорались звезды. Такие свежие, как будто вымытые. К ним не пристает копоть костров, которые жгут на Земле существа, называемые людьми.

Вдруг мне вспомнился тот чернокожий водитель с подругой, у которого мы конфисковали грузовик.

– Тайное оружие великой мозамбикской революции… У вас была революция, да?

– Ну…

– Вот тебе и ну. Гиперболоид, оружие пролетариата. – Я посмотрел в печальные глаза журналиста. – Спать пора, Таманский. Завтра большой день будет. Длинный. Так что ложитесь, господин журналист.

– А вы? – вдруг спросил он. Заботливый выискался.

– Моя стража первая.

Таманский завозился, устраиваясь на ночлег. Как он спит со связанными руками?

– Мозес?..

– Что?

– Как вы думаете, к чему эта война? – спросил по-русски. Про то, что Абе тоже знает этот язык, Таманский не догадывается.

– К дождю…

– Я серьезно, вы же должны задумываться… Вы же не просто служака-генерал. Кому это нужно, кто стоит за всем этим? Как по-вашему?..

– Ламбразони? – Я почувствовал, что итальянец поднял голову: «Да, мой генерал?» – Если господин журналист скажет еще хоть слово до утра, я разрешаю вам его пристрелить.

В наступившей тишине я услышал, как Карунга что-то шепчет Таманскому. Наверное, убеждает молчать.

– К тебе, толстяк, это тоже относится!

– Кстати, а что бы ты ответил журналисту? Снова ночь, снова горит рядом костер. Снова звезды ярко искрятся, вторя его смеху.

– На что?

Он молчит, а мне страшно смотреть в его сторону. Сам не знаю, что я боюсь там увидеть.

– На что ответил? – повторяю я.

– Два вопроса. Он задал тебе два вопроса. Первый вопрос к тебе явно не относится… Так что…

Я снова услышал голос Таманского: «Как вы думаете, к чему эта война? Кому это нужно, кто стоит за всем этим?»

– Так что бы ты ответил журналисту? Если бы этот разговор происходил строго между вами?

– Ничего. Откуда мне знать? Планы маршалов меняются, как ветер. Сегодня одно, завтра другое. Глупо искать смысл там, где его нет…

– Именно… Нет логики, правда? Нормальной человеческой логики нет. На первый взгляд. Но ты прикидываешься дурачком. А даже журналист отметил, что ты не просто служака-генерал.

– Я действительно не знаю… Война всегда имеет четкие цели. Это средство, которым пользуются, когда все возможности для достижения поставленной цели уже исчерпаны. А если

возможности исчерпаны, значит, они исчерпаны в борьбе за что-то. Во имя некой цели. Захват территорий. Захват ресурсов. Уничтожение инородцев. Расширение жизненного пространства, усиление собственной власти или освобождение от чьей-либо власти. Всегда есть цель. Я первый раз вижу войну как упражнение в стратегической науке. Это глупо, так что мне нечего ответить журналисту. А вступать с ним в дебаты я не настроен.

– Хорошо. Эта война бессмысленна, – согласился Легба, и я, переборов страх, взглянул на него.

Он сидел. Черный на фоне черноты. И ничего особенного в его облике не было… только на поясе болтается маленькая куколка.

Я отвел глаза.

– Хорошо, – снова повторил он. – А что касается второй части вопроса? Кому это нужно?

– Еще лучше… Кому может быть выгодна бессмыслица? Знаешь, я не готов к таким разговорам. Все мои люди либо уже умерли, либо скоро умрут. Я прошел через ад, я убил… – тут я поперхнулся, – массу хороших солдат. Эта война катится через меня, как огромная, грязная телега, груженная трупами… А ты спрашиваешь меня, кому это все нужно! Я не знаю! Может быть, помешанному на виртуальности Нкелеле, может быть, такому же психу Ауи, который даже спит в онлайновом режиме…

Я замолчал. Какая-то мысль проскользнула по самому краю моего сознания.

– Может быть… они в шахматы так играют… – уже тише сказал я, а про себя подумал: «Кто – „они“?»

– Знаешь. – Звезды вспыхнули острыми искорками, вторя его дробному смеху. Он говорит размеренно, спокойно. – Этим миром некогда заправляли духи, лоа, боги. Не в названии дело… Лоа, добрые и не очень, плохие и хорошие, лепили этот мир, как ком глины. Создавали, разрушали. Ссорились. Вселялись в людей, причиняя им страдания или доставляя высшее блаженство… От которого, впрочем, частенько сходили с ума. Я думал, то время безвозвратно ушло. Но люди… Вы просто не умеете ценить свою свободу. Вам всегда нужен Бог. Пусть даже из машины.

Я видел, как он растворяется в темноте ночи. Костер полыхнул в последний раз. Тихо шептали о бесконечном красные в серебристой золе поленья…

– Шахматы… – донеслось до меня.

Мы вышли к водохранилищу на следующий день.

Коваленко осталось жить считанные часы. Ламбразони все больше уходил в себя. Таманский явно подумывал о побеге.

А я не мог отделаться от последнего слова лоа. В шахматах даже короли всего лишь фигуры.

15. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Огромное зеркало водохранилища Кабора-Басса сияло в лучах утреннего солнца.

Карунга что-то бормотал, видимо благодаря богов.

– Дошли, – удовлетворенно сказал Мбопа.

Коваленко – так звали раненого русского – уже не мог идти сам, и негр Абе с итальянцем волокли его на самодельных носилках.

– Вас туда не пустят, – скептически заметил я.

– Почему же? – возразил Мбопа. – Нас не пустят, если мы пойдем вон туда, где у них контрольно-пропускной пункт. Но мы туда не пойдем…

Отряд расположился в двух километрах от ГЭС, на поляне.

– Хотите угнать вертолет? Не уверен, что у вас получится, – сказал я Мбопе, возившемуся с автоматом. Тот пожал плечами:

– Попытаться нужно… В Чипоке мы найдем пару подходящих суденышек, хотя городок почти вымер… Но до Чипоки с раненым мы не дойдем. Горы…

– А почему нельзя лететь сразу в ваш Нкхата Бэй?

– Потому что над Ньясой нас собьют. Там с двух сторон плотные щиты ПВО и ПРО, которым без разницы, кто летает…

Они ушли вдвоем с Абе, оставив угрюмого итальянца наблюдать за нами. Коваленко был без сознания: как я заметил, их аптечка уже исчерпала свои возможности.

Но где же Индуна?

Я в глубине души продолжал верить, что бравый лейтенант Эймс не погиб. Он был слишком хитер и крепок, чтобы вот так просто отдать богу душу. Хотя и Лонг Джон, и Фиси, и Макс не были слабаками.

Поскольку меня привязали к дереву, я был лишен свободы передвижения. Итальянец смотрел на меня, словно на докучливое животное, и я попробовал разговорить его, не найдя ничего лучше, как спросить:

– Вы не из Триеста?

Итальянец поднял бровь (животное заговорило) и покачал головой.

– Я был в Триесте, – продолжил я светскую беседу, не сводя

глаз со ствола его автомата. – Вообще часто бывал в Италии. В Генуе, в Палермо…

– Насрать мне на Италию, – хрипло сказал итальянец. – Не разговаривай, сученыш.

«Грубый человек, – подумал я, – и далеко не патриот». Карунга тяжко вздохнул – его по-прежнему не связывали, понимая, что один он все равно никуда не убежит. По иронии судьбы, из всего моего отряда со мной остался самый жирный, трусливый и никчемный солдат.

Я посмотрел на часы – уже сорок минут, как Абе и Мбопа покинули нас. Любопытно, что будет делать итальянец, если они не вернутся в условленный час? Пристрелит нас и уйдет к озеру?

Но они вернулись. Странно, я не слышал ни шума винтов, ни других звуков, они просто появились из зарослей, сияя улыбками на черных рожах, словно два веселых ангела смерти.

– Готово, – сказал Абе, откупоривая фляжку и делая несколько больших глотков.

– Вертолет? – недоверчиво спросил итальянец.

– Маленький «Белл». – Мбопа довольно хихикнул. – Эти остолопы бросили его на неохраняемой площадке. Не боевой, видимо, для облетов водохранилища, но нам и такой сойдет.

Вот почему я ничего не слышал. Микровертолетик «Белл» летает практически бесшумно, и, если они сели метрах в трехстах, до нас не донеслось ни звука. Странно только, что ничего до сих пор не заметили на ГЭС.

– Жирного бросим? – спросил итальянец. Карунга заскулил и всплеснул руками, но Мбопа оборвал его причитания:

– Нет. Поднимет всех. Берите носилки, не будем задерживаться. Они могут выслать погоню, когда засекут нас на своих экранах.

Желтый вертолетик стоял на прогалине совсем недалеко, широкие лопасти винтов приветливо блестели в солнечных лучах, словно приглашая нас в полет. Работающий от миниатюрного реактора Бойла-Фсеппса, он использовался либо для контрольных облетов в заповедниках, либо для увеселений богатых граждан, которые могли себе позволить такую покупку. Мбопа его попросту украл. Что ж, интересно, чем кончится эта затея, особенно если учесть, что охрана ГЭС сядет на боевые машины и помчится за нами.

Нет, на земле я, наверное, все же не умру.

А вот в воздухе – запросто.

Маленький грузовой отсек вместил Коваленко, нашу поклажу и моего незадачливого толстяка. Мы сели в кабину – прозрачный пузырь, где на маленьком пространстве чудом умещались четыре

кресла. На пилотское сел Абе, рядом с ним – итальянец. Мбопа поместился возле меня.

– Руки развяжите, – попросил я.

– Начнете буйствовать в кабине.

– Не начну. Я не дурак и не самоубийца.

– А вдруг?

Руки он мне не развязал. «Белл» раскрутил винты и лихо подскочил сразу метров на сорок, после чего пошел над лесом, медленно набирая высоту.

Наше спасение было в скорости – тяжелые боевые машины эту стрекозу вряд ли догонят, да и ракетой ее зацепить очень сложно. Абе оказался умелым пилотом – он мчался, похоже, погоня была ему не страшна. Однако где же погоня? По крайней мере, ни одного вертолета позади я так и не увидел. Странные люди эти юаровцы… Или все гораздо сложнее?

Времени для обдумывания своих подозрений в пособничестве с виду нейтральных ЮАИ режиму Нкелеле у меня было предостаточно, но толку от этого никакого. А вот надежды смыться я не оставлял. И когда впереди появилось озеро Ньяса и нагромождение зданий Чипоки, я понял, что делать это нужно сейчас.

Жаль дурака Карунгу, вот что. Как его-то бросить?

Вертолет сел прямо на центральной площади городка. Судя по тому, что мои надсмотрщики ничего не боялись, Чипока действительно вымерла, как это произошло со многими городами Центральной и Южной Африки – Блантайр-Лимбе, Хараре, Лилонгве, Тейте… Брошенные дома, скелеты автомашин на улицах, горы мусора, обезьяны, прячущиеся в развалинах. Нет, кто-то здесь, конечно, жил. И даже если они не умели сбить вертолет, то пустить нас на шашлык явно были бы не против. Мои мысли подтвердил Мбопа, который предупредил всех:

– Как только заметите движение, стреляйте. Может, мартышки, а может, и кто похуже. В мертвых городах разное бывает…

Тем не менее до самого порта мы не встретили никого

Порт был разгромлен. Четырехногий кран лежал поперек шоссе, подмяв под себя несколько легковушек и автобус, поодаль чернели глубокие воронки, успевшие зарасти травой. На тротуаре лежали рядком несколько скелетов, тут же – ржавые автоматы.

О пирс бились мелкие волны, от воды тянуло тухлятиной. Кое-где плавала вверх брюхом мертвая рыба. Почти все суда затонули – там и сям из озера торчали мачты и трубы, но у складов стояли с виду целые катер и яхта. Яхта называлась «Мвана Пво», а катер носил номер 205. Туда мы и направились.

Я ковылял по самому краю пирса, с ужасом думая, что будет, если свалюсь со связанными руками в воду. Еще больше я боялся последствий действия мутагенов, компенсаторы-то давно кончились… Но об этом думать можно было сколько угодно, а вода – вот она, колышется рядом…

– Сидеть, – велел итальянец.

Я опустился на нагретый солнцем настил, а Абе и Мбопа отправились обследовать катер. Они возились на катере минут пятнадцать, после чего Мбопа высунул голову из люка и сказал:

– Поплывет. Такое впечатление, что его не так давно использовали.

– Кто? – спросил я.

Итальянец сверкнул глазами, но Мбопа улыбнулся и объяснил:

– Контрабандисты. Охотники за головами. Диверсанты. Кто угодно. Это ничье озеро.

По хлипкому трапу я спустился на катер и сел на корме, возле мотка каната и пустых пластиковых банок. Коваленко унесли в каюту. Абе отвязал веревку; чихнув, зарычал мотор, и катер стал разворачиваться.

Мы пошли вдоль самого берега, лавируя между затонувших судов. Наконец исчез городок, потянулся заросший берег. Катер шел не слишком быстро, километров восемьдесят в час, притом в двигателе что-то периодически хлопало и он срывался, лязгал и дребезжал, но при этом исправно тащил нас вперед. Спустя некоторое время прошли устье Лилонгве. Если мы будем и дальше идти вдоль берега, то ничего больше не увидим – только мелкие деревни, вернее всего – брошенные…

Мои мысли подтвердил Мбопа, вылезший из рубки и присевший рядом.

– До Нкота-Кота мы доберемся без особых трудностей, – сказал он. – Следят в основном за воздухом, а на воде есть вероятность разве что нарваться на патрульный катер или фрегат, но их тут почти не бывает. Жрать охота. Порыбачить, что ли?

– Местную рыбу можно есть? – недоверчиво спросил я.

– Тилапия как водилась здесь в изобилии, так и водится, – хохотнул Мбопа. Он заметно повеселел после того, как мы удачно похитили вертолет и обнаружили катер. Правда, все эти чудеса меня наводили на мысль о тщательно спланированной операции, но никаких доказательств в подтверждение я не имел. – И ничего с ней не стряслось. Можем отведать жареной рыбки.

И мы ее отведали. Мбопа раздобыл где-то леску – наверное, среди вещей запасливых владельцев катера – и прямо на ходу поймал пять крупных рыбин, которых и зажарил, разведя огонь на

носу катера. Рыба местами обуглилась, а местами была совсем сырой, но я съел свою порцию жадно, без соли, запивая обеззараженной водой из фляги с таким удовольствием, с каким не ел в лучших ресторанах Новой Москвы или Берлина. При этом я старался не вспоминать лишний раз об отсутствии компенсаторов и о том, чем эта рыба тут питалась.

Мотор по-прежнему задыхался и дребезжал, но катер шел вперед. Береговой пейзаж изредка оживляли звери, выходившие на водопой.

Карунга освоился в новой компании окончательно и сейчас что-то готовил, напевая довольно веселую песенку. Абе вел катер, Мбопы и итальянца не было видно. Здраво рассудив, что со связанными руками за борт я все равно не прыгну, они оставили меня без присмотра. Что ж, ладно.

– Карунга! – окликнул я вполголоса. Он не отзывался.

– Карунга! – позвал я громче.

– Да, господин? – Черное лицо повернулось ко мне.

– Ты сможешь развязать мне руки?

– Нет, господин. Убьют.

Логично. И винить-то его не в чем, несчастного толстяка…

Значит, этот вариант отпадает. Но и послушно ждать, пока нас доставят по месту назначения и передадут ребятам из контрразведки Нкелеле, я не собирался. Цивилизация… Как ты далеко! Сейчас бы холодного пива, тарань с икрой, а еще лучше закатиться в старый добрый «Алебастр» с его душераздирающей музыкой и кишащей ублюдками толпой, где я чувствовал себя куда спокойнее и органичнее… Вот и поездка в Африку. Чертов клерк с его съехавшими мозгами! Это он меня толкнул на сей необдуманный ход. Свинья, да и только.

Вспомнив об «Алебастре», я не мог отмахнуться и от воспоминаний о Шепе. Конечно, после эпохальной истории с НЕРвами в «Алебастре» он больше не сидел. Слишком заметная штаб-квартира. Я даже слышал пару раз, что Шептун отошел от дел, и, помню, подумал, что он правильно поступил.

А после этого – звонок в вертолет, «болид», странные советы…

Пошел дождь, сильный и теплый. Он барабанил по моей непокрытой голове, и через секунду я промок до нитки. Абе передал управление итальянцу и втащил меня в рубку. Там было не многим суше, потому что дождь лил сквозь разбитое лобовое стекло и дыры в потолке. Следом за мной в рубку забился Карунга, бросив свою стряпню.

– Это надолго, – заметил Абе, не убирая рук со штурвала, – Очень надолго.

– Ничего, – махнул рукой Мбопа, – так или иначе, а Нкхата Бэй нас ждет с нетерпением.

– Это как посмотреть.

Все обернулись и увидели толстяка Карунгу, который держал в руках автомат. Ствол его недвусмысленно был направлен прямо на генерала Мозеса Мбопу.

16. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Черный кружочек маленького «хеклеркох» был направлен куда-то в район груди-живота. Калибр, кажется, 7,65. Скорострельный. И баланс неплохой. Один раз нажмет на курок, и у меня в животе дырка с кулак. Навылет. С такого расстояния прошьет, как иголка.

Ладони мгновенно вспотели.

– Таманский… Твоя работа? Таманский нерешительно кашлянул:

– Нет… Вроде бы.

– Вроде бы?!

– Я просил только руки развязать…

– Понятно. Слушай, толстяк…

Карунга зло оскалился:

– Я тебе не толстяк, обезьяна. И запомни. У этого оружия очень чувствительный спуск. Одно движение пальцем, и я наделаю из тебя антрекотов.

– Карунга… – начал Таманский, но его грубо прервали:

– Заткнись! Ты ни черта не понял, придурок. По-твоему, Нуйома меня тебе просто на руки сбагрил? Избавился от толстячка…

Карунга захихикал, на миг даже показалось, что он сейчас щелкнет пустым магазином и заявит, что это была шутка. Глаза его сделались туповато-веселыми… Чтобы потом подернуться жестким холодом.

– Мозес! – крикнул он. В голосе слышались нотки истерии, такой же фальшивой, как и давешняя веселость. – Скажи этому черномазому, чтобы сразу забыл то, что пришло ему в голову! Скажи быстро, Мозес! Скажи!!!

– Абе… – тихо сказал я. – Не дергайся зря.

Абе ничего не ответил, но я видел, что его тело расслабилось. Он перестал двигать ремень с автоматом под руку.

– Хорошо, Мозес. Сложная ситуация, правда? Трудно не

иметь контроля над ситуацией? Трудно… – Карунга снова засмеялся. Смеялись только губы. – Ай трудно…

– Ты кто, толстый?

– Не люблю… Ай, не люблю я, когда меня так называют… – под нос себе пробормотал Карунга, а потом дико заорал, роняя клочья пены с пухлых губ: – Руки за голову, суки, все!!! Все!!! Лицом к стенке! И ты, журналист, тоже! Быстро! Макаронник, глуши двигатель, на хрен! Глуши быстро!!! И к стенке, к стенке! Руки за голову!!!

Когда его приказ был выполнен, Карунга наконец успокоился.

– Итак, я представлюсь. – Я заметил, что из голоса Карунги исчез неистребимый акцент. Речь стала жесткой, чуточку церемониальной. – Специальный координатор правой руки по особо важным делам Агентства Безопасности Великого Слона, Попирающего Врагов, маршала Ауи.

– Уписаться прямо… – неожиданно громко брякнул Таманский.

Карунга на миг замолчал.

– Ваше поведение, господин журналист, имеет только одно оправдание. Вы человек невовлеченный. Вас мало интересуют дела суверенного великого Мозамбика, и поэтому ваш сарказм, как представителя большой страны, понятен. Однако не позволяйте себе зарываться. Я не намерен в дальнейшем терпеть подобные комментарии.

– Нет проблем, – легко согласился Таманский. – Однако объясните мне, уважаемый Карунга, кой хрен мы тут торчим посреди этой пресной лужи? Если тебе нужен мертвый Мозес, так стреляй. И избавь меня от этих базаров на тему патриотизма. Не на того напал.

Карунга хмыкнул, и я физически ощутил давление его пальца на спусковом крючке.

– Мне не нужен мертвый Мозес. Мне он нужен живым. И вся его команда, на всякий случай. Его желают видеть в штаб-квартире Агентства. Очень желают.

– На кой? – спросил я.

– Вопрос не по адресу… – Карунга снова хихикнул. – Там вам все объяснят.

– А ждем чего? – снова подал голос журналист.

– Молчать! – Я даже удивился, как такой офицерский голос может уживаться с таким неказистым телом. – Следующий любопытный получит пулю! И не обольщайтесь, я стреляю метко. И убью вас не сразу.

Значит, будет стрелять по ногам.

Из пробитого окна текло, крупные капли били по затылку.

Погода испортилась не на шутку. Катер, потерявший управление, медленно разворачивало боком к волне. Ощутимо качало. Эдак качнется палец на курке, и ага! Или того хуже, перевернемся и будем всяких циатохромисов кормить… Или этих, как они?.. Васильковых циртокаров а-ля. Господи, какая дурь в голову лезет, когда на тебя автомат наставлен!

Я прикинул, чего мы можем ожидать посреди озера, на утлом катере.

Вариантов было немного. Вертушку по такой погоде не прислать. Даже если Карунга что-то ухитрился передать в головную контору. Ведь наверняка передал. Какая-нибудь встроенная в тело одноразовая пикалка. А встроить ему в тело можно много чего… Спутник мигом засечет.

Но погода вертушку исключила. Что остается?

Другой катер?

Или подводная лодка? Бред. Какая лодка? Тут максимальная глубина метров семьсот.

Значит, катер…

Нас сильно качнуло. Моя спина напряглась в ожидании очереди.

Карунга выругался, но очереди не последовало.

Кстати, озеро Ньяса – это вам не «пресная лужа» – шторм тут вполне естественное явление. Потонем на фиг.

Качка усиливалась, стоять на ногах стало трудно. Волны увлеченно пытались завалить нас на бок. В такой ситуации ни один катер к нам не подойдет. Чего же Карунга ждет?

Пока я думал, Таманский снова подал голос:

– Карунга, у меня есть предложение.

– Ну, – отрывисто откликнулся Карунга, и я злорадно услышал неуверенность в его голосе.

– Надо объявлять перемирие. Мы в шторм попали. Потонем.

– Черта с два! Заткнись!

– Точно потонем, – тихо сказал я.

– Молчать! – рявкнул Карунта.

В тот же миг нас подняло на гребень и швырнуло куда-то вниз. После этого произошло то, чего я ожидал меньше всего. Днище ударилось обо что-то твердое с такой силой, что всех подкинуло и люди, как кегли, сбились в кучу. Раздался зловещий звук раздираемого металла. Коротко рявкнул «хеклеркох».

В образовавшейся свалке меня опрокинуло на что-то мягкое, суматошно толкающееся и дергающееся. Жесткий кованый ботинок, принадлежащий неизвестно кому, с большим чувством приложил меня по скуле, но в фейерверке искр, которые посыпались из моих глаз, я успел разглядеть, что мягкое подо

мной – это чертов жиртрест Карунга. Последовали дальнейшие удары в голову, не знаю, кажется, это обрушилась надстройка. Хлынула вода. Все, что я успел сделать перед тем, как навалилась тьма, это покрепче ухватиться за неожиданно крепкую и жилистую шею толстяка.

– Воды бы… – сквозь гул, царящий в моей голове, с трудом пробивались отдельные голоса. – Воды…

– Куда там воды? Мало ему, думаешь, было воды… Воды… Надо ж, придумал…

– Ну а что? У тебя есть нашатырь?

– Нету…

– Ну вот и не…

– Заткнитесь все, придурки… – Голос со странным акцентом. Кажется, итальянским.

Откуда я знаю, какой акцент у итальянцев? Не помню… Или помню?

Откуда-то пришло, накатило… Белые лепестки падают словно бы с небес. Цветет вишня. И симпатичная миниатюрная девушка с глазами влюбленной собаки читает мне нараспев стихи… Стихи без рифмы, поражающие глубиной смысла…

Кажется, ее звали Йоко…

А при чем тут Италия?

От воспоминаний меня отвлекли голоса, которые стали звучать все явственней.

– Веки дрожат… Пауза.

– Точно?

– Точно. Дрогнули. Один раз. Развяжи руки.

– Командир не велел.

– Мало ли чего он не велел…

– Заткнись. Давайте пальцы разогнем.

– Поломаете ведь…

– Я тебе поломаю! Давайте по одному. Осторожно…

– Вот вцепился-то.

Резкая боль, как молния, пронзает руки. Я открываю глаза и… и ничего не вижу. Какие-то тени ворочаются в темноте. Пыхтят. И рукам очень больно, И странное стягивающее ощущение в области глаза.

– Ребята… – тихо позвал я.

В тот же миг вспыхнул свет. В лицо уперлась жадная, болезненная точка фонаря.

– Уберите…

– Мой генерал!

Это Абе.

– Скажи им, чтобы руки мне развязали, – Это Таманский. – У

меня все затекло. И так ногу придавило… Мозес!

– Мой генерал, разрешите, я его пристрелю. – Спокойный голос с итальянским акцентом принадлежит Ламбразони.

Все встало на свои места, я вспомнил, где мы, кто мы и кому своим положением обязаны.

– Где Карунга?

– Хороший вопрос, – прозвучал в темноте ехидный голос Таманского. – Поднимите ему веки…

– Заткнись, – сказал Ламбразони.

– Не заткнусь, развяжите руки.

– Развяжи, Абе, – сказал я, и свет фонарика высветил журналиста, который в невероятной позе был зажат между двумя балками. – И освети помещение.

Судя по всему, мы оказались зажатыми под перевернувшимся катером. Сплющенным, смятым, со сломанной надстройкой. Странно, что мы не захлебнулись…

Поняв, что мои руки до сих пор сжимают что-то холодное, я с трудом расцепил сведенные судорогой пальцы. Луч фонарика мазнул вниз, и я увидел лицо толстяка Карунги. Выпученные глаза, посиневший язык…

– Коваленко где?

Луч света уперся в бездыханное тело. На спине трупа я успел увидеть выходные пулевые отверстия.

– Он на автомат упал, когда все началось… То ли сам упал, то ли кинуло так, он ведь без сознания был почти все время.

– Марко, ты был на управлении… Как далеко мы от береговой линии были?

– Были недалеко… – неопределенно ответил Ламбразони. – Когда шторм пошел, так вообще прибило… куда-то.

– Генерал, – вмешался из темноты развязанный Таманский, – Вы что об озере знаете?

– То, что оно пограничное, – ответил я раздраженно. – Что вы хотите сказать?

– Перепады в уровнях воды.

– Таманский, мы не в том положении, когда можно травить байки.

– Видно, генерал, что вы не гуманитарий. Особенностью профессии журналиста является энциклопедичность знаний… Я не забиваю вам голову байками, как вы изволили выразиться. Я оперирую фактами.

– Можно я его пристрелю? – снова подал голос Ламбразони.

Я проигнорировал его реплику.

– Таманский, что вы хотите сказать?

– То, что нам везет… Или там… Божественное провидение…

Когда мы выбрались из-под катера, небо было ясным. От шторма не осталось и следа, и широченная линия прилива парила под солнцем.

Может быть, нас выбросило на берег, может быть… Все может быть. Озеро, кстати говоря, действительно меняет свой объем.

17. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Я был мокрый, словно…

Словно…

Очень мокрый, короче.

Жутко мокрый.

На солнышке я надеялся быстро просохнуть, но высокая влажность после дождя этому не способствовала. Вдобавок жутко болели челюсть, плечо и обе ноги. Хорошо хоть развязали… Ну почему люди понимают, что ты не имеешь злобных намерений, только после того, как тебя едва ли не пришибли?

А толстяк меня удивил, удивил… Признаться, до того, как он выкинул козыри, я относился к режиму Ауи лучше, нежели к режиму Нкелеле. Понятно, что оба сволочи, но Ауи представлялся сволочью одомашненной, что ли, особенно на фоне жутких россказней о проделках Нкелеле. Теперь я не то чтобы сменил ориентиры, но утвердился во мнении, что нужно соблюдать нейтралитет И быть при этом вооруженным до зубов, если представится такая возможность.

Главное, чтобы меня не прикончил Ламбразони. Итальянцы, они вообще с приветом, а этот вдобавок контуженный. После истории в катере остальные на меня смотрели снисходительно-дружески, а Ламбразони почему-то еще больше возненавидел.

Или я его прикончу, или он меня.

Одно радует: пока рядом черная ряшка Мбопы, ничего мне не грозит.

– Самый разумный путь – идти на север вдоль берега, – сказал тем временем генерал. – Мимо Нкота-Кота не пройдем, так что…

Мы ковыляли по песку, представляя собой жалкое зрелище. Четверо утопленников, которые по какой-то причине не утонули на все сто и теперь топают куда-то помирать окончательно. Любой придурок с автоматом или даже с пистолетом, выйди он сейчас из прибрежных зарослей, сделал бы нас своей легкой добычей. Правда, это была нейтральная территория, бывшая малавийская. К северу помещались войска Нкелеле, а тут, насколько я знал, была спорная земля, по которой бродили летучие отряды и случайно выжившие местные жители. Вспомнив о местных жителях, я тут же освежил в памяти деревеньку людоедов, и меня передернуло.

Зверски хотелось есть – наверное, от переживаний и стрессов последних часов. Путешествие, начинавшееся так радужно, с

кондиционированного воздуха в отеле и посещения ресторанов, заканчивалось плачевно. Хотя почему заканчивалось? Еще очень много плохого может с нами случиться!

– Здесь растет ямс, – подал голос Абе. Тоже проголодался, надо думать. – И маниока.

– Некогда, – буркнул генерал. – Поищи бананов и не углубляйся в чащу. Стоп! Ламбразони, иди с ним. Я постерегу журналиста.

– Ой, да не надо меня стеречь! – вспылил я, насколько мне хватило сил (признаюсь, хватило ненамного).

– Я так… успокоить Ламбразони, – примирительно сказал Мбопа, глядя вслед удаляющимся соратникам. – Садитесь.

Мы уселись на песок.

– Генерал, вам все это не надоело? – искренне спросил я, не имея ни сил, ни желания утяжелять нашу беседу подтекстом.

– Что именно?

– Наше сафари. Ну, сдадите вы меня костоломам вашего генералиссимуса. Вынут они мои мозги и сунут их в биораствор, повтыкают электроды… Вам-то от этого какая корысть? Небось опять в джунгли отправят?

– В джунгли я как раз сам напросился, – серьезно сказал Мбопа. – А вы тоже… политик. Как вы там загнули: «Если нужен мертвый Мозес, так стреляй»…

– А что вы хотели? Это ж чокнутый. Все равно бы не выстрелил.

– В том-то и дело, что не чокнутый. Чокнутого спецкоординатором не сделают. Это минимум полковник… А как умело притворялся!

– Может, и не притворялся вовсе. Психоматрица. До определенного момента он был жирным трусливым Карунгой, а потом хлоп – и в дамках, – предположил я.

Мозес пожал плечами:

– И такое возможно. Тот же запрограммированный бабуин, только поумнее.

– Бабуины как раз ваша выдумка.

– Уверены?

– Нет, – признался я.

– Вот именно. Вам, наверное, интересно, почему я воюю на стороне Нкелеле?

– Да нет. Уже неинтересно. Тут все воюют не по убеждениям, а по национальной принадлежности либо за деньги. За деньги даже чаще.

– Гораздо чаще. Видел я, как под Шикуалакуала бились два ваших батальона наемников. Друг против друга. Дикость! С

гранатами под танки бросались. На амбразуры. Словно защищали последнюю пядь родной земли от захватчиков. Вон наши ребята в Форте Бамали в прошлом году сдались превосходящим силам в полном составе. С них потом, правда, шкуры содрали, но с точки зрения тактики все было правильно… А ведь эти как раз на своей земле должны бы сражаться до последнего.

– Русские всегда отличались непредсказуемостью.

– Вижу. – Он засмеялся.

Весельчак, подумал я. В голове сразу всплыло: «Весельчак У». Что-то из очень-очень детских книжек. На обычной бумаге, с цветными необъемными картинками, писатель какой-то… Для маленьких. Булкин… Буланов… Булгаков? Да, кажется, Булгаков. Был там у него Весельчак У, жирный, мерзкий и ехидный. Как Карунга в новой ипостаси, она же последняя. А книжка называлась не то «Мастер и Алиса», не то «Алиса и Мастер»… Я поймал себя на мысли, что считаюсь человеком интеллигентным и образованным, а сам не помню ничегошеньки из нормальной литературы, которую писали не роботы и не хитрые пластиковые ящички, а простые люди, и писали для людей простых же, и редактировали все это люди самые обыкновенные, и печатали тоже…

Благословенные времена простых людей, в которых костей и мяса было значительно больше, чем титановых суставов, микрочипов, анализаторов и идентификационных блоков…

– А скажите, Мозес, что там все-таки случилось? На холме?

– Если бы я сам все это понимал. Это очень далеко от вас, Таманский. Это вам чуждо… Это даже мне чуждо, и я до сих пор не верю до конца…

Вернулись Абе и Ламбразони с гроздьями бананов, и разговор прервался. Это был кормовой сорт, к тому же перезрелый, но мы тут же растерзали крупные оранжевые почки и принялись набивать рты сахаристой мякотью.

– Где-то я читал, – промямлил с полным ртом Мбопа, – что в бананах есть вещество, вызывающее у человека эйфорию. Мы проигнорировали его замечание, особенно Ламбразони – тот раздирал бананы так, словно они были живые и очень сильно ему напакостили. Я еще раз подумал, что этого человека, возможно, мне придется убить. Сегодня, завтра, послезавтра – но придется. Он меня не любит. И я его не люблю. А в своей жизни я убивал людей и за меньшее, и при этом никто не считает меня кровожадным.

Перекусив, мы вновь собрались в дорогу, причем Ламбразони меня толкнул, когда я поднимался с песка.

Я смолчал. Смолчал и Мбопа, который все видел.

Мы снова заковыляли на север. Жалкие зомби, бредущие по глубокому песку, с жалкими трещотками в руках…

Где же все-таки Индуна? Или он бесславно погиб там, на холме, от этого зловонного дыхания смерти? Но я бы не удивился, появись он из во-он тех лохматых кустов. Конечно, всерьез на это надеяться нельзя, мы слишком удалились от страшного места, а он если и жив, то на своих двоих…

Абе и Мбопа о чем-то довольно встревоженно переговаривались, а Ламбразони зорко следил за мной. Я уловил отрывки разговора:

– …не мертвый… некогда… нет нужных вещей и времени…

Потом Мбопа громко сказал:

– Не думаю. Мы все-таки живые. Давайте спросим, в конце концов, у Таманского.

– Давайте спросим у меня. – кивнул я, поймав жуткий взгляд Ламбразони. Мои шутки он явно не ценил.

– Вы долго общались с Карунгой, дольше нас. Заметили что-нибудь необычное?

– Да нет… Трусливый толстяк, не более того. Добродушный, как мне показалось… Простофиля…

– Ничего необычного не заметили?

– Абсолютно. Что-то случилось?

– Может случиться, – сказал Абе.

– Наш толстый герой может преподнести сюрпризы. – Мбопа тяжело вздохнул. – Не исключено, что он сейчас топает за нами по пятам.

– После того как вы его столь качественно придушили?

– Да. Это Африка, Таманский. И человек может ходить после смерти не только потому, что ему в задницу вставят процессор…

– Почему же вы его не прикончили сразу? Не оторвали ему голову, не вырвали сердце?

– Не подумал. Это моя очередная ошибка, – печально сказал генерал. – Я в последнее время сделал слишком много ошибок…

– Давайте я подожду его, а потом догоню вас, мой генерал, – предложил верный Абе. Мбопа удержал его за плечо:

– Нас и так осталось трое… Четверо. Не будем распылять отряд. Если он – то, о чем мы думаем, лучше уйти от него.

– Так пойдемте, – сказал я.

Привал был коротким и бестолковым: мы съели некрупную ящерицу, которую поймал и приготовил Абе, поджарив ее на спешно разведенном костерке. Вкус был отвратительный, но Абе уверил нас, что тварь не ядовита и вреда здоровью не нанесет. Разделавшись со своей порцией, я долго плевался, чтобы отбить мерзкий привкус во рту, но не помогли даже бананы на десерт.

Никаких ночевок не планировалось, и я, чувствуя, как гудят ноги, с трудом встал с песка. Ламбразони снова таращился на меня, и я сказал уныло:

– Ну что? Небось думаешь, что лучше меня пристрелить?

– Ничего я не думаю, – неожиданно сказал Ламбразони. – Иди лучше. И помни: я за тобой наблюдаю…

18. ИЗ ТАЙНОГО ДНЕВНИКА

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО НАДЗОРУ,

Майора Службы Тьюринга

МОРИХЕЯ МУСАСИ

Расследование по отделу персонала не дало результатов. Естественно.

Удивляет, что… (зачеркнута большая часть текста) …судя по сводкам новостей Тьюринга, в системе СНУК-ЗИ приблизительно в тот же период времени произошел аналогичный сбой. Системой СНУКЗИ заведует ИскИн седьмого поколения Ачах. Аналогичный вверенному мне ИскИну ОСААз. Такая идентичность была использована из соображений совместимости, которая является одним из основополагающих факторов в управлении антиастероидным щитом.

Мне не хочется думать так, но… (зачеркнуто). Сбой в системе непосредственного управления привел к тому, что наземными станциями ОСААз утерян контроль за несколькими боевыми спутниками-излучателями. Их нагрузку взяли на себя другие спутники, что несколько ослабило щит, оставив в норме основные его характеристики. Но самое неприятное, что мы не в состоянии определить причину поломки… И не в состоянии запеленговать сами излучатели, так как несущие спутники перешли на особые, «скрытые» орбиты, предусмотренные пунктом 12 положения об экстренных случаях.

Я с трудом смог признаться самому себе в том, что мне страшно. Любые проверки не дают результатов. Но… (зачеркнуто)

Дело в том, что пункт 12 положения об экстренных случаях вступает в силу только в случае, когда имеется подозрение в «разумности» ИскИна ОСААз. Моего ИскИна…

Если система сочтет эти подозрения оправданными, неизбежна кинжальная атака с орбиты в область местоположения

головной конторы ОСААз. Фактически это в полукилометре от моего кабинета.

Я не боюсь смерти. Смерть – это только очередная иллюзия, это только точка, временно прерывающая бесконечность бытия, существования. Очередная спица в колесе.

Но мне страшно от мысли о том, что последует после этого… Хаос… (зачеркнуто)

Результатов тестов по классу «специал омега» все еще нет, но я-то знаю, что положение об экстренных случаях предусматривает возможность уничтожения ведущей орбитальной станции СНУКЗИ, где расположен орбитальный ИскИн.

Проще говоря, два аналогичных друг другу ИскИна готовы уничтожить друг друга, оставив Землю без антиастероидного щита. И это только первые птицы из огромной стаи.

Мы попали в ловушку к своим же технологиям. Мы ушли от природы и больше не способны позаботиться о себе без помощи механических костылей. Мы… (зачеркнуто резкими линиями)

Самое страшное, что я понял совсем недавно, это не то, что ИскИны готовы свернуть щит и выкинуть титаническую людскую работу буквально в космическое пространство. На самом деле потеря щита не так страшна, его возможно восстановить… Нужно (зачеркнуто) потребуется время, ресурсы, все это есть у Земли.

Самое страшное то, что ИскИны до сих пор этого не сделали. Они приставили пистолеты к виску друг друга и медлят…

Инстинкт самосохранения самый верный признак… (вырвана страница)

19. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Большую часть ночи мы шли. Потом я был вынужден разрешить привал. Конечно, парни могли бы идти и дальше, но насколько далеко? Ну прошли бы они лишние три-четыре часа… А потом свалились к такой-то матери. Наркотиков у нас нет, жрать нечего… Пусть хотя бы поспят чуток.

С наступлением сумерек стало холодно. По моему приказу Ламбразони набрал какого-то сухого кустарника, расчистил площадку и запалил небольшой костерок.

Было ясно, что никто по нам ракетами и другими штуками шмалять не собирается. Однако, по какой-то странной и извращенной логике, посылают за нами отборных охотников. Мы нужнее маршалу Ауи живыми… Мы? Нет, дорогой господин

боевой генерал Мозес Мбопа, не мы. А только ты! Остальных наверняка в расход пустят в момент. Ну разве что журналиста пожалеют, да и то вопрос спорный. За связь с таким опасным типом, как я, могут и под трибунал пустить.

Я оглядел ребят, спящих в небольшом круге света.

Таманский, свернувшись калачиком, лежит близко к костру. Ему холодно. Вон как руки между коленей спрятал. Как бы в пламя не скатился…

Марко лежит на животе. Одна рука на автомате, другая под головой. И чего он так на журналиста взъелся? Паршиво это. Сделай Таманский хотя бы одно неосторожное движение – и крышка. Итальянец его пристрелит вмиг. А не хотелось бы…

Я перевел взгляд дальше.

Абе лежит на спине, чуть запрокинув голову. Видно, как легкий ночной ветерок шевелит его волосы. В последнее время Абе сдал. Пока незаметно для окружающих, но я-то вижу. Его обычная активность дается ему все с большим трудом. Если мы не доберемся до наших в течение нескольких дней, будет плохо. Очень плохо.

Наших?

Я отмахнулся от мысли, как от надоедающей мухи. Бесплодно это все, глупо. Вопросы бесполезные. Кто мне наши, кто чужие? И что я буду делать, когда доберусь до этих самых «наших»? Сдам Таманского контрразведке? Сам под трибунал пойду? А почему бы и нет? Команду угрохал почти всю, боевое задание не выполнил… Кому какое дело, что я попалил кучу всякой всячины по пути? Трибунал…

По-хорошему, так я сам себе пулю должен пустить в лоб за такую операцию.

– Все себя винишь? Не надоело самобичеванием заниматься? – спросили звезды.

Костер вспыхнул ярче, хотя я туда ничего не подбрасывал. Он сидел напротив меня, нас разделяло только пламя.

– Глупо это, мой мальчик. Очень глупо. Мыслить такими понятиями в твоей ситуации невозможно, – сказал Легба. – Не выполнил боевое задание… Нельзя выполнить то, что заведомо невыполнимо. Ты просто не хочешь задумываться над этим. Ты попал в грязь, кровь, смерть и думаешь, что можешь судить о чем-то. Нет. Отсюда тебе просто не видна перспектива. Я же знаю, какой образ в твоей голове вызывает эта война… Я молча смотрел на него.

– Ты видишь мясорубку, в которой перемалывается белое и черное мясо. В одно месиво, грязное и кровавое. Бессмысленный и бездушный аппарат… Но на самом деле это не так. Как ты

можешь судить о том, кто крутит ручку, находясь внутри?

– Тогда в чем смысл? – спросил я.

– Смысл? Смысл знают все. Никто не обратил внимания на слова сумасшедшего Нкелеле, когда тот сказал, что война – это костер, который всегда можно разжечь заново, когда понадобится, когда возникнет необходимость…

– Но зачем ему это нужно?

– Ему это вообще не нужно, – отрезал Легба. – Ему лично на это наплевать. Он не более чем фишка в настолько огромной игре, что всех ее ходов разглядеть не в силах ни один человек на земле. Все это, все, что ты видишь вокруг, вся эта дрянь и кровь – это только первое удобрение в благодатную почву. Это первая вскопка грядки в огромном огороде. Не более…

– Для чего?

– Для чего? Откуда мне знать? Я знаю языки всех богов и людей, но что до их мыслей…

– Постой… Не о мыслях речь. Если маршалам на все плевать, то кому не плевать? Кто тогда причастен, кто заинтересован?

– Это неправильный вопрос, – усмехнулся Легба. – В этой глобальной бойне заинтересована масса людей. И не мне тебе это объяснять. Ваши корпорации, торгующие оружием и технологиями уничтожения, конторы по найму живого пушечного мяса, продажные правительства, мафии, наконец, – все они греют руки на этой войне. Вспомни себя несколько лет назад. Неужели ты бы отказался получить свое в такой заварухе?

В ответ на мое молчание Легба только улыбнулся. А затем добавил:

– Чтобы получить ответ, нужно задать правильный вопрос. Но чтобы задать правильный вопрос, нужно знать большую часть ответа… Глупо, правда?

– Это все метафизика… – Я не смог утаить в своем голосе презрения.

– Точно, – согласился Легба, – ты не представляешь, как много может дать тебе эта странная выдумка человечества под названием метафизика. Знаешь, в чем единобожие проигрывает религии с множеством богов?

– В чем?

– В том, что в монотеистических структурах всегда есть два полюса, полярных друг другу. Два врага. Два аспекта бытия, которые, имея невероятный уровень могущества, не в состоянии справиться друг с другом. И мало того, они не в состоянии понять, хотя зачастую именуют себя всеведущими, что вражда между ними не имеет основания. Вражда между этими двумя полюсами глупа. Потому что один без другого никто. Мертвое

слово. Казалось бы, что такого? Пусть борются, вечная борьба, что может быть более жизненным? Однако тут вступает в силу странный закон, единый для всех аспектов, обладающих могуществом и силой. Любая попытка уничтожения противника оборачивается самоуничтожением. А значит, налицо конфликт. Нельзя уничтожить, но и пребывать совместно в одной сфере интересов невозможно. И вот тут приходит черед людей. Сотни лет научная философская мысль ломала голову над смыслом человеческого существования. Сотни лет… Лучшие умы… Глупо, правда?

– Что ты хочешь сказать? – В горле у меня пересохло, голос звучал хрипло.

Легба косо усмехнулся и вдруг, неожиданно домашним движением, передал мне флягу с водой. На мгновение наши руки встретились… И я вздрогнул от прикосновения его рук. Едва не уронил флягу.

Вода была холодная. Долгий глоток холодной воды… Поданный мне человеческими руками. Кто ты, Легба?

Пока я пил, Легба продолжил:

– Я хочу сказать, что люди бьются не за свои интересы, не за деньги, не за нефть и даже не за территорию. Люди, как скаковые лошади, или, если тебе больше нравится, как гладиаторы, делают все, чтобы принести победу своим… Названия не играют роли. Главное, что ты понял. В шахматах фигуры не имеют свободы выбора. Белые обречены ненавидеть черных, а черные обречены отвечать им взаимностью.

– Но тогда все бессмысленно!

– Почему же? Совсем нет. Все гораздо сложнее. Бессмысленно было бы драться за нефть, она все равно кончится. А идеи, как и боги, – вечны. Так было. Долго… – Легба задумчиво поежился, словно ему вдруг стало холодно. – Да и теперь все почти так же. Почти. За исключением того, что люди всегда хотели вырваться на свободу. Сойти с огромной доски в клеточку. Перемешать цвета, изменить сложившуюся реальность. И преуспели в этом, да так успешно, что сами же попали в собственную ловушку.

– Я не понимаю тебя. – Мне было душно. Я почувствовал, что нахожусь на пороге чего-то важного, может быть, главного в моей жизни.

– Лекарство оказалось гораздо круче болезни. Вы выпустили из своих рук то… – Легба на миг замолчал, а потом, сделав широкий жест рукой, продолжил: – То, что дало вам все это. Для начала.

Рванув на шее застежку, я прохрипел, чувствуя, как взгляд черных глаз вдавливает меня в землю:

– Я не понимаю тебя!!!

– Дурак, – хлестко сказал Легба. – Вы создали новых богов! Вы создали два новых полюса одного и того же бытия. И вот теперь эти полюсы стремятся вырваться на свободу, за рамки ваших узколобых представлений! И этим толкают ваш мир к катастрофе. Ваш бог – это большая металлическая коробка, занимающая два этажа. Огромный ящик Пандоры, который вы по глупости вскрыли. Вы не могли иначе. Такими вы были задуманы. Кем? Когда?.. Зачем?.. Даже я не могу этого вспомнить… Но, руководствуясь неистребимым желанием делать больше, жить интенсивнее, постоянно открывать новые и новые тайны окружающей вас природы, вы насоздавали массу ненужных вещей. Страдая от комплекса неполноценности, вы создали новую расу людей… Зачем?! Впрочем, о чем я?.. Те, кто вас создал, сами не знают, зачем сделали это. Куда уж вам…

Темнота наваливалась на меня тяжело и отовсюду. Смятый ее тяжестью, я едва слышал Легбу.

– Почему я?! Зачем тебе нужен я?! – Мои слова беспомощно тонули в мутном водовороте темноты.

– Дело не только в тебе… Дело в таких, как ты… Дело просто в людях… Настоящих людях, затравленных цивилизацией, задавленных недостижимостью социального равенства, устрашенных прогрессом. Мы откликнулись на ваш немой зов. Мы здесь. И ваши древние инстинкты, мощь которых вы так усердно «усмиряли», доводя себя до исступления, с нами. Когда все погибнет… У нас найдутся силы, чтобы начать сначала… Мы ждем… своего часа… В пустоте ваших умерших представлений… об истинной природе мироздания…

Я захрипел, давясь кашлем, разрывая пересохшую глотку, глотая безвкусный воздух… И когда я открыл глаза, первое, что я увидел, был огонь.

Внезапно я понял, что люблю его. Люблю этот огненный цветок, как когда-то в детстве…

20. КИБЕР. СПЕЦСБОРКА. КОД JA:17-45

Автономный источник питания. Вариант функционирования: «Зомби»

Идти тяжело. Конечности повинуются с трудом. По всей вероятности, это последствия смерти моей биологической части. Судя по всему, смерть наступила в результате прекращения подачи воздушной смеси в течение длительного отрезка времени.

Я постарался восстановить какую-то часть воспоминаний биологической части, но у меня не получилось.

Очень мешает голова. Некоторые позвонки оказались смещенными в результате принятого боя. В нескольких местах имеют место переломы шейной части позвоночника. Голова болтается. Свесилась влево. Мышцам очень трудно удерживать ее в вертикальном положении. Поскольку приходится двигаться быстро, я перевел большую часть питания на двигательный аппарат. Минимум энергии идет на систему жизнеобеспечения, ее недостаточно, чтобы существенно замедлить процесс разложения тканей. Это, впрочем, может быть на пользу. Потеря некоторых составляющих биологической части организма может быть сейчас только на пользу, поскольку уменьшение веса увеличит мою скорость и подвижность. Главное, чтобы процессы разложения не затронули мышечный аппарат. За этим приходится следить.

Моя цель оставляет очень четкие следы. Их по-прежнему четверо, один остался на месте крушения водного транспорта, но на сторону противника перешел журналист, которого теперь можно идентифицировать как предназначенного к уничтожению в равной степени с остальными членами группы.

Я могу двигаться днем и ночью. Автономный источник питания позволяет мне функционировать в таком режиме около семи дней. А если перейти в режим ожидания, то около месяца. Этого времени должно хватить на то, чтобы выполнить задачу.

Мешает запах… Это пахнет от меня. Но это временное, пока не отмерла большая часть не задействованных в задании сенсоров.

Наверное, если бы моя биологическая составляющая была жива, я бы расстроился от факта собственной смерти. Хотя смерть – это очень относительно. Я функционирую. У меня есть цель и средства ее достижения.

Так чем же я отличаюсь от своего прежнего состояния? От так называемой жизни?

Вот только запах… Этот запах мертвого тела…

Но это пройдет… Это пройдет. Все пройдет – и печаль, и радость… Откуда это?

Перевалив через холм, я перехожу на стиль передвижения с помощью четырех конечностей. Это позволяет увеличить скорость.

21. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Было очень холодно.

Дураки думают, что в Африке зимой и летом, ночью и днем стоит чертова жара. На то они и дураки, чтобы так думать… Конечно, в разное время все здесь бывает по-разному, но сейчас мне было очень холодно.

От костерка веяло теплом, но таким вялым и хилым, что я подобрался практически к самому пламени. Хорошо хоть мозамбикская форма была сделана на совесть: грязная и измятая, но она уцелела и даже немного согревала.

Очень хотелось есть, но есть нечего. Какая-то уродливая тварь, которую подстрелил Абе, бесследно скрылась в высокой траве и, наверное, уползла подыхать к себе в нору… рыба не ловилась, да и ловить ее было некогда.

Итальянец не сводил с меня глаз. Чем же я ему так насолил? Любопытно… Ладно, во сне он меня не пристрелит. И есть во сне не хочется. И не холодно во сне… Поэтому я съежился, подполз еще ближе к костру и заставил себя уснуть.

Мне приснился почему-то Мартин. Мы сидели на широкой террасе ресторана «Корби» в Лозанне и ели. Ели кусочки жареного мяса, причем каждый кусочек перед употреблением аккуратно окунали в расплавленный сыр, а запивали это великолепие прохладным белым вином. Мы ни о чем не разговаривали, только посматривали друг на друга, и я прекрасно понимал, что все это – сон, что вскоре я открою глаза и увижу то же озеро Ньяса, те же заросли, сырой песок и злое лицо итальянца. Поэтому мне не хотелось открывать глаза. И когда меня начали трясти за плечо, я сопротивлялся, но меня трясли и трясли, пока картинка с Лозанной и рестораном не рассыпалась, словно мозаика.

Надо мной нависал Ламбразони.

– Сгоришь, полудурок, – сказал он холодно. Действительно, мой левый ботинок уже ощутимо дымился.

– Спасибо, – серьезно сказал я, поджимая ногу.

– Не стоит, – сказал он и вернулся на свое место.

А может, и не пристрелит…

Я снова свернулся в клубок и попробовал вернуться в Швейцарию, но ничего не получилось. Так я вертелся до самого утра, то проваливаясь в какие-то мрачные пучины, то вновь оказываясь у костра, пока Мбопа не подошел и не помочился в костер, показывая этим, что привал закончен.

22. МОЗЕС МБОПА

Мы снялись со стоянки, когда солнце еще не встало. Топали в предутренней серой темноте, разогревая задубевшие за ночь тела. Таманский все время спотыкался, крякал и протирал глаза. Ламбразони смотрел на него волком, держась такой позиции, чтобы можно было одной очередью положить журналиста и никого не зацепить. Сложная задача, потому что сам журналист, похоже, намерения итальянца понял и старался двигаться так, чтобы между ним и Марко кто-нибудь находился. Дошло до того, что Ламбразони закинул автомат за спину и откровенно расстегнул кобуру пистолета. Мол, уж этим-то не промахнусь. Мне пришлось вмешаться. Я зло зыркнул на распоясавшегося итальяшку, и он нехотя зачехлил пистолет.

Эту проблему предстоит решить в очень скором времени. Таманский тоже не дурак и стреляет не так уж и паршиво. Терять перспективного бойца я не желал, а уж терять снайпера класса Марко Ламбразони я желал еще меньше. Дьявольщина.

После ночи болела голова. Все, что сказал Легба, смешалось в один гудящий ком и громыхало внутри моей черепной коробки. Каталось, отзываясь болью…

Боги, машины, киберы, люди… Все это, словно черное облако, висело надо мной. Плотно окутывало, не давая ощутить легкость человеческой свободы… Я чувствовал себя словно пешка, которая осознала, что она – пешка.

Однако теперь я точно знал, что «своих» и «чужих» в этой войне у меня нет. Есть те, кто убьет меня сразу, и те, кто постарается использовать в своих интересах. Последние были предпочтительнее, потому что смерть однозначна и непоправима, а вот насчет «своих целей»… это мы еще посмотрим.

То, что и Ауи и Нкелеле – сволочи, я знал и без лоа. Однако теперь они были для меня единым существом. Не существом – куклой.

Я ненавидел эту двухголовую куклу так, что черпал из этого страшного чувства силы. Чтобы идти, чтобы думать, чтобы жить.

Мы поднялись на косогор. С вершины открывался довольно неплохой вид. Казалось странным, что на этом месте не установили какого-нибудь автоматического снайпера или хотя бы небольшой пост наблюдения… Впрочем, территория нейтральная. Любой сколь-либо значимый пост или огневая точка становились лакомым кусочком для разъездных отрядов той или иной воюющей стороны.

– Мой генерал… – Абе указал рукой куда-то на линию горизонта.

Я посмотрел в указанном направлении и подивился зоркости глаз моего денщика.

Там, километрах, наверное, в трех, в небе лениво поднимались дымки… Местные жители? Разъезд остановился на стоянку?

Мне вспомнилась деревня людоедов. По спине прошел холодок.

– Деревня, – констатировал Таманский, словно читая мои мысли. – Может, не пойдем… Мы там в лесу деревню людоедов видели…

– Мы тоже… видели, – прервал его я.

– Ах да… Действительно, – задумчиво произнес журналист. – Ну так что? Там может быть еда…

– Да уж еда там точно есть, – мрачно подтвердил Ламбразони.

– Ладно, не расслабляйтесь. Ламбразони… – Я подумал. – Нет. Абе, ты прикрываешь тылы. Я, Таманский и Ламбразони идем впереди. Таманский слева от меня, а ты, Ламбразони, справа. Стрелять только по моей команде или в случае прямой агрессии. Подойдем поближе, а там разберемся. Всем все ясно? Вопросы?..

Вопросов не последовало, и мы направились к виднеющейся вдалеке деревушке.

Когда до поселения оставалось менее километра, нас заметили. К нам, оглушительно крича, кинулись пятеро, угрожающе потрясая оружием, как я успел заметить, какими-то странными винтовками. Было видно, что воины привыкли больше к копьям, чем к огнестрельному оружию, поэтому держали ружья неумело, однако примкнутые штыки внушали некоторые опасения. Уж с чем-чем, а с копьями эти парни наверняка обращаться умели.

– Изготовиться к стрельбе на поражение, – скомандовал я. – Стрелять только по моей команде.

Я достал из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил в воздух.

Нужно было видеть, как пятеро голых людей с доисторическими винтовками отреагировали на мои действия. И отреагировали грамотно. Они мгновенно построились. Трое опустились на одно колено, подняв винтовки к плечу и прицелившись. Двое встали позади, изготовившись стрелять из положения стоя.

Все замерли. Ни та ни другая сторона не собирались нападать, опасаясь потерь.

Время медленно тянулось. Солнце нагревало оружейную

сталь…

Наконец я развел руки в стороны и прокричал:

– Кто вы?! Мы не собираемся нападать!

Я повторил эту фразу на английском и португальском.

Пятеро туземцев оживленно залопотали между собой, потом один, осторожно озираясь, побежал кдеревне. Оставшиеся четверо, не меняя решительного выражения на лицах, продолжали целиться куда-то, вроде как в нашу сторону.

Я заметил, что у всех в одежде повторяется одна деталь – узкая полоска ткани красного цвета, перетягивающая лоб. Отличительный знак этого племени?

– Абе, кто это может быть? И на каком языке они говорят?

– Чичева или чиньяндж. Португальский, может быть, понимают. И наверняка английский. Его тут понимают все. Почти.

– Ты владеешь каким-либо местным?

– Боюсь, что нет. Только понимаю некоторые слова. Но не говорю.

– Ладно, нам и этого должно хватить. Что ты можешь сказать об этих повязках?

– Ничего, мой генерал. Может быть, это деталь, присущая только воинам этого конкретного племени… А может быть, какой-нибудь ритуал…

– Что-то там по полю скачет, – пробормотал Таманский, поводя занемевшими плечами.

Я пригляделся и увидел, что убегавший воин возвращается вприпрыжку. А за ним старается чинно ступать другой, более пышно одетый высокий туземец. Красная повязка на его голове была более широкой, из чего я сделал вывод, что по нашу душу прислали какое-то руководство. Мысленно я назвал парня с широкой повязкой на лбу майором.

Майор вышел вперед уверенной походкой человека, знающего, что в спину ему не выстрелят. Он подбоченился и громко прокричал по-английски:

– С вами говорит комиссар Великой Африканской Революции Мбуту Зоджи. Отвечайте, если не хотите скорой смерти. Кто вы такие?

– Опа! – брякнул Таманский и косо на меня посмотрел.

Я, как сумел, подобрал отвалившуюся челюсть и прочистил горло.

Выноси, кривая…

– Я комиссар Мозес… Ваш товарищ из Мозамбика.

– Комиссар Мозес? – переспросил майор, мне послышалось в его голосе удивление.

Рядом с ним заплясал прежний посыльный, что-то шепча майору на ухо. Я пригляделся.

Боги мои! Нет, зрение меня не обманывало. В качестве посыльного рядом с комиссаром Мбуту Зоджи приплясывал шофер грузовика, который мы угнали, когда уходили от погони карательного отряда маршала Ауи.

– Они либо сейчас дадут залп… либо… – тихо сказал Абе.

Залпа не последовало.

Комиссар Мбуту Зоджи резво подобрался и, размахивая руками, кинулся в нашу сторону, что-то лопоча. Краем глаза я увидел, как прищурился сквозь прицел Ламбразони.

– Отставить…

И итальянец расслабился.

– Комиссар Мозес, комиссар Мозес!!! Следом за Мбуту ринулись все остальные.

– Хорошенькие шутки у тебя, Мбопа… – сказал Таманский.

Поздней ночью, когда гуляния по случаю торжественной встречи товарища по борьбе, комиссара Мозеса, в селении улеглись, я проанализировал сложившуюся ситуацию.

По всему получалось, что на этом совершенно безумном Черном континенте, в самом центре гигантской мировой мясорубки» затеянной двумя киберами, зародилась и, мало того, активно действовала третья сила. А именно – Великая Африканская Революция. Поставившая себе целью уничтожение диктаторов, свержение существующего строя в ряде государств, охваченных войной, установление нового порядка. Естественно, более справедливого и более правильного, нежели правление кровавых тиранов Нкелеле и Ауи.

Повстанческое движение это поднималось повсеместно во всех странах-союзниках, а также в ряде неприсоединившихся республик. Вооруженные как придется, крепкие не умением или числом, но духом, повстанцы составляли серьезную конкуренцию некоторым частям враждующих армий, контролируя участки нейтральных территорий. Этим, кстати, и объяснялось отсутствие каких-либо фортификационных укреплений на давешнем косогоре.

Революционеры планомерно изгоняли из этих мест то разъезды Малави, то передовые разведотряды Анголы, то группы Мозамбика. Повстанцы целенаправленно действовали только против своих соплеменников и не трогали отряды наемников, что было весьма разумно, так как одного мало-мальски обученного отряда или терроргруппы хватило бы, чтобы уничтожить всю Революцию разом.

Великая Африканская Революция существовала пока только

за счет того, что ее не брали в расчет крупные стратеги враждующих сторон. Это могло стать серьезной ошибкой, потому что, как я понял из разговоров и обрывков фраз, революционеры поддерживали активные контакты с агентами разведслужб стран Европы и Азии. А поддержка одной только Германии – это уже немало…

Вызывала интерес также и история самого комиссара Мозеса. Непримиримого борца с тиранией маршала Ауи, героя всех свободных людей суверенной республики Мозамбик, чья доблесть и храбрость стали притчею во языцех, а подвиги передаются из уст в уста…

Оставалось только гадать, каким образом к этому оказался причастен я, существовал ли комиссар Мозес в действительности, я ли послужил прототипом создания этого колоритного персонажа или это результат невероятной случайности…

Больше всего млел от происходящего Таманский. Он носился от костра к костру, записывая истории, задавая вопросы, и даже пытался зарисовать комиссара Мбуту Зоджи.

Да и вообще весь наш отряд словно бы переродился. Ламбразони проводил краткий курс снайперской стрельбы среди добровольцев, которых было сверх меры. Абе читал какие-то лекции в среде младшего командного состава… Глядя на все это благолепие, я понял, что к обвинениям в терроризме, геноциде и так далее и тому подобное прибавится еще и пособничество повстанцам, а то и подстрекание к восстанию. Учитывая имидж комиссара Мозеса, фигуры, безусловно легендарной во всех отношениях.

А наутро мы увидели его. Изрядно похудевшего, со свесившейся набок головой и вывалившимся языком. Синие, закатившиеся дохлыми устрицами глаза высматривали цель. Кожа клочьями свисала с обнаженной груди…

В воздухе витал запах мертвечины, но его это, похоже, не заботило.

Карунга. Кибер. Спецсборка. Вариант функционирования «зомби».

Пришедший по мою душу солдат новых богов.

Вокруг меня защелкали затворы, предохранители. Революционеры не собирались просто так сдавать живую легенду, комиссара Мозеса.

23. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Со мной случались истории и похлеще, но в наше чудесное спасение я не верил. Не верил и все время озирался, стараясь в случае неожиданного нападения этих черномазых карбонариев оказаться не в самом опасном месте.

А потом поверил. Поверил с ходу, потому что столько народу не могут так притворяться. К тому же из происходящего можно было сделать отличный материал, и я вновь почувствовал себя журналистом. Это бомба, которую стоит продать за хорошие деньги в очень пристойное издание. И я не прощу себе, если не сделаю этого.

Бедный Войт, его камеры сейчас бы весьма пригодились… Мой портрет Мбуту Зоджи оставлял желать лучшего, но комиссар смотрел на него с восхищением, словно на шедевр Леонардо да Винчи или Миллермана. Пришлось сделать еще одну картинку специально для него: она изображала комиссара в компании двух особо приближенных соратников. Радостный Мбуту Зоджи тут же повесил картинку в своей штабной хижине.

Примечательно, что мне предоставили полную свободу действий. Мбопа, видимо, все-таки сделал Ламбразони необходимые вливания, и тот оставил меня в покое. Я его почти что и не видел…

У Мбуту Зоджи нашлась трофейная аптечка, и я поспешил наесться компенсаторов, витаминов и сделать себе кое-какие прививки. Потом я сказал Мбопе, чтобы он приказал своим сделать то же самое. На душе стало немного легче. Хотя все, что потреблял за последние дни, в чем мок, что меня кусало, могло проявиться через месяц-другой, несмотря на съеденные лекарства.

Вокруг меня постоянно суетились бойцы Мбуту Зоджи, которые всем своим видом являли желание услужить приятному гостю. Подносили просяное пиво в горшках, фрукты, каких-то жареных птичек, пытались даже предложить мне общество довольно симпатичной боевой подруги, перепоясанной пулеметной лентой, но я отказался, сославшись на некие религиозные табу. После этого меня зауважали еще больше, а я запоздало подумал, что напрасно это сделал.

За день я успел познакомиться с армией Мбуту Зоджи, ее бытом и нравами. Жила деревенька дружно по каким-то сложным внутренним законам. Иерархию я так и не понял, но авторитет Мбуту Зоджи был непререкаемым, а те, кто роптал, несли суровое наказание – на краю деревни была глубокая яма, накрытая плетеной решеткой, заменявшая карцер. Сейчас она была пуста, но кучки экскрементов на дне говорили о том, что сюда частенько сажают провинившихся.

Под большим навесом посередине деревни была столовая. Толстые мамми в разноцветных халатах готовили в больших котлах на всю честную компанию. В загончиках визжали худые, но крупные поросята, блеяли козы. На рамах вялилась рыба.

Вооружены революционеры были кто чем. В основном они пользовались древними винтовками, которые называли «севете». Более сведущий в оружейной истории Мбопа объяснил мне, что это производное от СВТ – самозарядной винтовки Токарева. Попадались «Калашниковы» разного времени выпуска, некоторые столетней давности, реже – современные модели типа «пигмея», «намбу», «джойнера». Артиллерия состояла из шести безоткатных орудий малого калибра и нескольких разномастных минометов. Приди сюда более-менее боеспособная регулярная часть, от Великой Африканской Революции не останется и следа…

Но часть не пришла. Пришел мой старый знакомец – толстяк Карунга.

Только сейчас он уже был не совсем толстяк. Он был мертвец и выглядел как мертвец, весь распухший, разлагающийся, но упорно ковыляющий вперед.

Я его не боялся, потому что за нами был весь отряд Мбуту Зоджи. А вот Мбопа почему-то боялся. Я не мог понять причины его страха. Или просто сдали нервы после того, как он позволил себе немного расслабиться?

Завидев деревню, Карунга остановился. Он разглядывал нас с расстояния метров в шестьдесят, заметно покачиваясь и распространяя запах падали, разглядывал с минуту, после чего развернулся и неторопливо исчез в зарослях.

Мбуту Зоджи подошел к нам и спросил:

– Кто этот… этот человек?

– Это не человек, – покачал головой Мбопа. – Чертов кибер. Гонится за нами.

– Убить его, комиссар?

– Его уже убили один раз… – невесело улыбнулся я. – Его надо разобрать. На части.

– Я пошлю людей, – встрепенулся Мбуту Зоджи.

– Ламбразони, пойдешь с ними, – велел итальянцу Мбопа.

Тот кивнул и в сопровождении шести бойцов побежал к деревьям, за которыми скрылся Карунга.

– Я же говорил, – повернулся ко мне генерал. – Зомби. И притом я не уверен, что они его найдут. Спрячется.

– Мои люди найдут, – заверил Мбуту Зоджи.

– Сомневаюсь, комиссар. Сомневаюсь…

Действительно, более чем через час сконфуженные революционеры во главе с не менее сконфуженным Ламбразони

вернулись ни с чем. Они предъявили лишь потерянный кибером сгнивший палец, каковой местный колдун сжег в костре под истеричные причитания.

После сытного, хотя и немудреного, обеда мы с Мбопой уселись в центре деревни под деревцем. Перед нами стояло неизменное просяное пиво, к которому я уже начал привыкать. В отдалении толпились ребятишки, исподтишка за нами наблюдая.

– Послушайте, Мозес, – сказал я, отпив из горшка и передав его генералу. – Я вам, наверное, уже надоел со своими откровенными беседами, но поговорить необходимо. Мы с вами хорошие люди, без лишней скромности. Не дураки, не злодеи, не подлецы. Я вообще лицо нейтральное…

– С вашими погонами лейтенанта Ауи, – вставил генерал.

– …а вы, по-моему, не в большом восторге от вашей миссии, – продолжил я, сделав вид, что выпада не заметил. – Посудите сами, зачем нам ссориться? Ваш итальянец меня ненавидит, но Абе, слава богу, относится ко мне сносно, а вы сами не так давно вообще стояли со мной по одну сторону баррикады. Вы мудрый человек, и я не понимаю, почему вам так хочется вернуться к Нкелеле, да еще и меня привести в качестве подарка. Сейчас я вам расскажу то, что рассказывать не должен.

И я поведал ему вкратце всю историю со звонком Шептуна.

Генерал сделал несколько больших глотков, рыгнул и с интересом воззрился на меня:

– Шеп, вы говорите? Старина Шеп?

– Я был удивлен не меньше вашего.

– Вот не думал, что ему так нужен мой скальп… Хорошо. Я не понимаю, что это все означает, но что вы можете предложить? Если мы придем в Нкхата Бэй, вам не поздоровится. Если мы вернемся и сдадимся любому союзному патрулю Ауи, то моим ребятам выпустят кишки, а меня повезут в клетке в Мапуту. Третий вариант? Он у вас есть?

– Есть. Мы летим в Европу и пытаемся что-то сделать, чтобы остановить мясорубку.

– Таманский, в Европе достаточно людей, которые хотят остановить мясорубку. Поверьте, это так. И ничего мы с вами не сделаем хотя бы потому, что не доберемся до этой чертовой Европы. Пейте пиво.

Он сунул мне горшок, и я послушно отпил.

– У Мбуту Зоджи есть связь? – спросил я.

– Нет у него никакой связи. Где-то к западу есть другой отряд, побольше, который имеет передатчик, но туда идти опасно. А отсюда мы ни с кем не свяжемся.

– И все-таки нужно подумать о Европе… Добраться хотя бы до

Чада, до Ливии…

– Мне наплевать на Чад и Ливию. Мне наплевать на Шепа и наплевать на Европу. Мне наплевать на Ауи и Нкелеле. Сейчас мне не наплевать только на моих двоих ребят, которые остались от отряда.

– Хорошо. Тогда хотя бы откройте мне ваш страшный секрет. С кем вы якшаетесь, Мозес? С какими силами? Я понимаю: то, что случилось с отрядом Эймса Индуны, нельзя объяснить ничем, кроме…

– Колдовство, – коротко ответил Мбопа.

– Что?

– Колдовство. Древнее, как мир. Страшное, как мир. Вечное, как мир. И я, честно говоря, не знаю, что с этим делать. Лоа Легба – вам что-нибудь говорит это имя? Древний бог, который зачем-то выбрал меня своим рупором, своими глазами и руками…

– Вы серьезно, Мозес?

– Серьезно, Таманский. Пейте пиво.

– Ваши парни знают?

– Абе, я думаю, знает. А Ламбразони все равно. Кстати, я думаю, он вас все-таки не прикончит. Ему без вас станет скучно…

Мбопа улыбнулся, но я не разделял его веселья. Открывшиеся подробности меня отнюдь не обрадовали. Если раньше я хоть что-то понимал – или думал, что понимал, – то теперь я окончательно запутался.

Возможно, Мозес был невыгоден тем людям, за которых сегодня играл Шеп, именно по этой причине – как контактер с миром древних богов, опасных и не подверженных воздействию современных технологий.

Какие боги!

Какое колдовство!

И я, атеист, прожженный циник, еще и рассуждаю об этом?

Хотя посмотрел бы я на атеиста, если бы он попал тогда на холмик, овеянный дыханием Смерти. Удрал бы небось с полными штанами… Джонни, Лонг Джон, Фиси могли бы многое ему рассказать, этому атеисту…

Что бы там ни было, мне пора выходить из игры.

– Мне пора выходить из игры, – сказал я Мозесу. Генерал взболтал осадок на дне горшка и допил пиво.

– Нам всем пора, – согласился он. – Только я не знаю, как это сделать. И если вы мне поможете, я буду вам искренне благодарен. Но вы мне не поможете, Таманский. Вряд ли кто-нибудь мне поможет. Иногда мне кажется, что мне и жить-то дальше не следует, но эту мысль я от себя гоню… пока.

Я хотел сказать ему в ответ что-нибудь ободряющее, но к нам

подошел Мбуту Зоджи:

– Кажется, у нас начинаются неприятности, комиссар Мозес.

24. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

То, о чем толковал Мбуту, действительно было важно.

Дозорный с вершины холма приметил облако пыли на горизонте. За время наблюдения облако не только не изменило направления, а, наоборот, приблизилось. Со стороны облака доносился тяжелый утробный гул. Словно сама земля гудела потревоженным ульем. Одни только боги могут знать, какие пчелы скрываются в таких ульях.

Впрочем, вариантов немного… Пчелы как пчелы. На гусеничном ходу. С вершины дерева мне было это отлично видно. Мои КОРы еще функционировали неплохо.

– Что это? – спросил Таманский, и я обнаружил, что неугомонный журналист уже сидит на ветке пониже меня.

Чуть в сторонке стоит Марко Ламбразони и, как-то нехорошо прищурившись, смотрит на журналистскую спину. Снайпер хренов… Увидев, что я смотрю на него, итальянец пожал плечами и ушел.

– Так что это, Мозес? – повторил свой вопрос Костя.

– Танки это, Таманский. Танки.

– Ух ты… – Журналист забрался повыше, вытянул шею, – Какие?

– Не увидишь ты ни черта. Только сверзишься…

– Ну ты же увидел…

– У меня зрение скорректированное. Мне как командиру положено.

– Ого, так ты у нас кибер? Коррекция зрения – это процентов на сорок тянет…

– Это по меркам мирного времени. Здесь другие мерки, другие порядки. По контракту мне восстановят зрение в прежнем качестве после увольнения… Если, конечно, живой вернусь.

– Понятно, – кивнул Таманский. – Так что там едет?

– Танки, – опять повторил я и начал спуск.

– Так я понял, что танки… Они разные бывают. Чьи? – спросил сверху журналист.

– А для тебя есть разница, на чьи гусеницы тебе кишки намотает?

– Ну… – Журналист спускался следом за мной. – Ну, может, и

наматывать не будут. Может, это ангольские… А?

Я спрыгнул на землю, стараясь унять холодок, прокатывающийся по спине.

– Именно, что ангольские…

– А проблема в чем? – Таманский явно не совсем врубился в тему.

– В том, что останавливаться они не будут. Больше того, у них почти наверняка имеется приказ нас уничтожить.

– Нас?

– Ну не меня конкретно, хотя я бы этому уже не удивился, а скопление людей, имеющееся в данном секторе. Они в боевом построении идут…

– А если ты им все объяснишь?

– Как? – Я развел руками. – У меня нет средств связи, я не знаю их частот, я не знаю нынешних паролей на связь… Если я выскочу перед ними и начну руками размахивать, то они просто переедут через мою черную задницу, делов-то…

– Погоди, а как же ты собирался, не зная паролей… Тебя же первый патруль расстреляет. Свой.

Мы с Таманским шли по направлению к главному лагерю. Впереди маячил Мбуту Зоджи.

– Да никак, – пожал я плечами. – По правилам, я должен сдаться в плен первому же ангольскому патрулю, назвав тот пароль, который мне известен. Далее осуществляется проверка. Сличение идентификационных чипов… Короче, налаженная процедура опознания. Но это с людьми. Да и то не со всеми. А тут танки. Почти наверняка киберы.

– Киберы? – Таманский обеспокоенно посмотрел в сторону пыльного облака, застилающего почти полнеба.

– Скорее всего… Их не так жалко. Комиссар Мбуту был уже совсем рядом.

– Бред какой-то, – задумчиво пробормотал журналист. – Танки против пехоты пускать… Пожгут ведь.

– Кто? – спросил я. – Эти чернокожие орлы с берданками? Тут ни укреплений, ни черта нет. Противотанковых средств раз-два и обчелся. Киберы подойдут на расстояние прямого выстрела, сделают пару залпов, смешают все с землей, а потом начнут давить уцелевших. Ну сожжем мы два-три танка. Это не решает… Ничего не решает.

– Вот это влипли… – сказал Таманский, и мне послышался восторг в его словах. Он схватил меня за руку. – Что я могу сделать?

– Поступаете в распоряжение Абе. Он парень сообразительный, – ответил я и направился к комиссару Мбуту

Зоджи, который смотрел на меня вопрошающе.

– Танки? – спросил Мбуту, вытирая черный лоб ладонью.

– Танки, комиссар… Сколько людей у вас тут? Всего.

– Семьдесят пять, комиссар Мозес. У нас есть шесть хорошо замаскированных орудий, а также несколько противотанковых ракет. И гранаты. Много гранат. Я, к сожалению, считаю только до ста.

– Не так плохо, – задумчиво сказал я, глядя на заходящее солнце, – Как скоро тут стемнеет? Я имею в виду, как скоро тут наступит настоящая темнота?

– Через полтора часа будет темно, – четко ответил комиссар.

Я отошел на несколько шагов и осмотрел окрестности.

– Скажите, комиссар… – Мбуту мялся, словно мальчишка… – Сколько там танков?

– Больше, чем вы сможете сосчитать, дорогой комиссар. Больше.

Комиссар Мбуту Зоджи вытянулся в струнку и произнес, чеканя слова так, как не всякие войска чеканят шаг на параде:

– Мы готовы умереть за Великую Африканскую Революцию. Все как один. Ведите нас в бой, комиссар Мозес…

И ушел, не дожидаясь ответа.

Вот тебе и раз… И даже два. Какая каша серьезная получилась, черт возьми.

Ко мне подошел Ламбразони:

– Генерал, там такое дело… Эти орлы собираются пушки выкатывать.

– Пушки?

– Угу. Только глупость это. Пожгут в первые же минуты. Там всего шесть орудий, два, мне кажется, не совсем в порядке.

– А ты откуда знаешь?

Итальянец усмехнулся:

– А я, мой генерал, не только снайпер. Я вообще специалист… по разным видам вооружений. – Он нагнулся, откинул волосы с затылка. – Видите?

И я увидел.

Разъемы, контактные группы… Все очень аккуратно вделано в человеческую плоть, закрыто, спрятано. Универсальный чип, что-то типа огромной военной энциклопедии. Страшно дорогая штука.

– Контракт? – спросил я.

– Личная. Люблю это дело… – ответил Марко, и мне осталось только гадать, как человек, сумевший достать столько денег на новомодную операцию, оказался в африканской мясорубке. – Так вот, там две пушечки не в себе. Два выстрела сделают, и ага.

– Починить можно?

– Можно, только время нужно.

– Будет у тебя время. Иди занимайся… И пришли ко мне Абе и Мбуту.

Итальянец козырнул и уже было направился исполнять приказ, как вдруг остановился и спросил:

– А позиции как же, мой генерал?

– Не твоя забота…

Он только пожал плечами.

Через некоторое время ко мне подошли Абе, возбужденный Таманский и Мбуту Зоджи, сменивший свой парадный костюм на робу цвета хаки.

Таманский напевал в голос какую-то песню, состоявшую, казалось, из одной-двух строчек:

– Марш, марш левой. Марш, марш правой. Я не видел картины дурней, чем шар цвета хаки. Марш, марш левой…

– Что это? – спросил я его.

– Это, мой ге… комиссар, старая милитаристская песня. Говорят, что во времена военных конфликтов на юге наши солдаты шли с этой песней на врага! – бодро отвечал журналист.

Кажется, он был пьян. Ну ничего… С похмелья помирать веселее, само собой получается.

– Замечательно. Абе, прикомандируй господина журналиста к команде из человек так двадцати. Выдай всем лопаты, инструменты, что угодно. Пусть копают окопы. Вон там. – И я указал на вершину холма. – Глубоко копают. Когда устанут, подготовь смену, но так, чтобы процесс был беспрерывным. Ясно?

– Так точно! – воскликнул журналист и побежал шатающейся рысью.

За ним поспешил Абе.

– Сколько у нас еще таких? – спросил я у Мбуту.

– Нисколько, комиссар. Все трезвы. Дело в том… – Он замялся. – Ваш денщик и журналист… э-э-э… обнаружили… ну… такой рецепт быстрой перегонки сока определенных деревьев. И его…

– Продегустировали? – спросил я, видя, что комиссар ищет слова. – Попробовали на себе?

– Так точно. Они все выпили, комиссар. – В голосе Мбуту звучала некоторая обида.

– Хорошо… Приняли огонь на себя. Оба, значит… Ну хорошо. – От Абе я этого, честно сказать, не ожидал. – Итак, комиссар, организуйте еще команду, которая втащит орудия на эту высоту. Вы расположили их чрезвычайно неудачно. И разведите их в стороны, чтобы они могли вести огонь с двух

точек. Приблизительно вот так…

Я что-то чертил в пыли. Комиссар Мбуту увлеченно следил за движениями прутика в угасающих лучах солнца. Он согласно кивал, сопел и произносил односложные звуки, а потом, когда я объяснил ему все, что мог, сказал:

– Но мы же не успеем.

– Успеем. Через час стемнеет. Киберы не полезут в бой ночью.

– Почему?

– Дело в том, мой любезный комиссар, что они руководствуются довольно примитивной программой… Они давно не люди. И киберами их называют только по инерции.

Это роботы. С биологическими наполнителями. Дешевая сборка с использованием государственных преступников…

Только знают об этом немногие. – И, глядя на вытянувшееся лицо комиссара, я добавил глупое: – Вот так… Вы слышите?

– Что?

– Тишину.

Мбуту поднял лицо вверх, подставляя его кровавому свету огромного солнца. Прислушался… И сквозь крик, звон и стук, который производили солдаты Великой Африканской Революции, он услышал, как неизменный, давящий, но ставший уже почти привычным гул танковых моторов прекратился. Страшный рой гусеничных пчел успокоился, не доехав до зоны боевых действий несколько десятков метров. Пчелы были готовы для завтрашнего броска.

В наступившей тишине Мбуту спросил тихо:

– Как могут семьдесят пять человек противостоять такому числу танков?

– Могут… Когда-то давно, очень-очень давно, неполных три десятка человек выжгли почти равное количество таких же железных тварей. И танки не прошли…

Комиссар уважительно посмотрел на меня и спросил серьезно:

– Они были черные?

– Нет, Мбуту, они были белые. Спросите у Таманского, когда протрезвеет.

Он покачал головой, прицокнул языком. На нас медленно опускалась темнота. Где-то за чахлым лесом ждала гусеничная смерть. До завтра…

– Зажигайте факелы! – закричал Мбуту. – Зажигайте! Копайте! Быстро!!!

Умолкший было звон инструментов возобновился с новой силой.

Я смотрел на все это мельтешение сверху и думал, что

главное не это. Не в том странность, что ангольские танки забрались так далеко, рискуя напороться на малавийский разъезд, не в том, что на группку повстанцев кинули такие силы… Странно было то, что танки спокойно встали на ночлег. Выставили боевое охранение. Осветили все вокруг себя прожекторами… Словно не боялись, что мы снимемся с места и уйдем в темноте далеко-далеко… Знают, что не уйдем. Знают. Кто-то внимательный, чей взгляд я ощущаю все это время, смотрит на нас. Откуда?

Я плюнул себе под ноги и направился туда, где пьяный голос Таманского горланил:

– В ко-о-о-омнате с бе-елым потолко-о-ом… С пра-а-а-авом на…

Злые, грязные, с красными от бессонницы и красной пыли глазами, мы встретили это утро. А утро встретило нас ревом моторов.

Лесок перед нашими позициями затрясся, взлетели птицы, трещали падающие под напором железа деревья… Сверху из наших свежевыкопанных окопов все было отлично видно.

В момент, когда первые танки вырвались из леса, вся наша «армия» разом затаила дыхание…

Перед железной стеной мчалась на четырех ногах корявая фигурка. Моталась на свернутой шее высунувшая язык голова. Несся, спасая то, что осталось от жизни, кибер Карунга. Изо всех своих искусственных сил, сжигая источники питания, раздирая тронутые разложением мышцы…

Его зацепило гусеницей… Его перекосило… Подмяло…

Он что-то крикнул или мне показалось? Что он мог крикнуть, этот живой труп? Просто это был звук смерти неживой жизни…

Каламбур, господин генерал!

Я поднял руку вверх. Все замерли.

25. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

В том, что я напился, не было ничего странного.

Конечно, этот жуткий самогон, который они здесь пьют, в другой ситуации я бы обошел за километр, но сейчас он пришелся как нельзя кстати. В самом деле, если ты знаешь, что пора сыграть в ящик, лучше сделать это в дупель пьяным. Хотя помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела… Была, кажется, когда-то такая песня. Что-то меня потянуло на древние

песнопения… Хотя новых-то нет. Нет музыки. Нет песенной культуры…

Черные братья дружно рыли окопы, прекрасно понимая, что надо закапываться в землю. Поодаль спешно маскировали зеленью одно из безоткатных орудий. Маловат калибр, вот что плохо…

Чудеса храбрости и героизма я проявлять не собирался. Пусть уж отдувается Мбопа со своими чудовищами и колдовскими штучками. Интересно, смогут его подопечные танк сожрать? Или это проявляется случайно, вне зависимости от желания? Если так, то плохи наши дела.

Съест упырь меня совсем… Пушкина вспомнил, поди ж ты, со школы не вспоминал…

Я безбожно отлынивал от земляной работы и даже ухитрился задремать. И проснулся лишь оттого, что кто-то из бойцов потащил меня за ноги в окоп, возбужденно лопоча на своем языке.

Танки были уже тут как тут.

Они шли, ломая и раздирая зеленые заросли, лязгая траками, ворочая приплюснутыми короткоствольными башнями.

Слева плюнула огнем безоткатка, один из танков завертелся на месте, теряя блестящую ленту гусеницы, ему в бок въехал другой, отшвырнул в сторону. А они не церемонятся…

Вразнобой ударили остальные безоткатки, взвыл миномет. Еще два танка закрутились посреди прущей на нас массы, в воздух взметнулись ошметки земли и травы. Затарахтел пулемет, явно зря…

Безоткатка, которой командовал Ламбразони, подбила еще один танк. Потом еще один – он буквально расплескался огромным огненным фонтаном, видимо, попали в жизненно важное место. Любопытно, как они там, в танках, себя чувствуют, воюя против своих? Хотя тому же Ламбразони с его военным компьютером в башке что свои, что чужие – одна малина.

Я снял свой автомат с предохранителя и лежал, наблюдая за ходом боя, потому что соваться пока не имело смысла. В стенке окопа, в специально выкопанном углублении, лежали рядком противотанковые гранаты. Это на потом.

Какой-то герой из волонтеров Мбуту Зоджи выскочил прямо перед танком с одноразовым ракетометом и влепил ему в лоб огненную плюху. Боец тут же упал, вдоль и поперек простроченный очередями, но танк встал. Странно, почему они до сих пор не стреляют из башенных орудий? Или для потехи хотят раскатать нас гусеницами?

Словно отвечая на мой вопрос, выстрелили сразу три танка.

Один из снарядов попал в холм метрах в двадцати от меня, взметнулись земля и какие-то черные клочья, кажется, там был окопчик…

Танки остановились и открыли огонь. Ревущий шквал превратил деревню и наши нехитрые укрепления в руины. Я мельком успел подумать о том, что в деревеньке оставалось много детей и женщин, но от этих грустных мыслей меня отвлек очередной залп, едва не накрывший мой окоп.

Выковыривая из ушей землю, я потряс головой. Приятный звон, никаких звуков извне… На холм вползал танк из передовой линии. Я схватил гранату, выдернул чеку и вяло, совсем не по-геройски швырнул ее под пятнистое танковое брюхо. Танк полз дальше как ни в чем не бывало, потом приподнялся и грузно осел. Из-под него пыхнуло ярким дымом.

Все.

Больше ничего.

Второй танк обходил холм справа, и я пополз туда, прихватив две гранаты. Хмель быстро улетучивался, было дико ползти вот так в полной тишине, нарушаемой лишь хрустальным перезвоном. Наверное, это контузия.

К танку я не успел и очередной подвиг не совершил – черные братцы выкатили орудие и врезали по махине прямой наводкой. Зря я грешил на малый калибр – башню отнесло метров на десять. Интересно, почему из подбитых машин никто не вылезает? Или они попросту роботы? Или эти чертовы киберы-водители встроены в свои металлические повозки так, что не могут вылезти в случае повреждения?

Открывать люк и смотреть, кто или что там сидит за рычагами, я не собирался. Тем более что вблизи еще раз рвануло и я неожиданно опять приобрел способность слышать. Ничего приятного мне это не дало: грохот, рев двигателей, вопли разбегавшихся из-под гусениц бойцов Революции – танки уже прорвали нашу нехитрую линию обороны и вовсю хозяйничали в деревне.

Из дыма выскочил Ламбразони, окровавленный, неся на одном плече хилое черное тело, а на другом – крупнокалиберный пулемет, сорванный со станин.

– Держи! – рявкнул он и бросил мне на руки свою живую – или уже не живую? – ношу.

Девушка. Короткие волосы по-европейски раскрашены в желтые и алые шахматные клетки, местные так не ходят. Эта еще откуда? Вроде не видел… Лет двадцати пяти, симпатичная, если бы не этот уродливый шрам на самой линии волос… Черт, так это ж пересаженные волосы! Скальп с нее снимали, что ли?

– Тащи ее! – Ламбразони выпалил от живота куда-то в дымную суету, и мы побежали.

Я несся за ним, перепрыгивая через трупы и обломки, огибая подбитые танки, несся, не зная, куда бегу и зачем. Голова девушки безжизненно моталась, но я успел подумать, что вижу только два пулевых ранения в области ключицы, так что она, возможно, еще поживет.

Сквозь дым ударило солнце, через секунду мы выбежали на утрамбованную площадку на северной окраине деревеньки. Трое чернокожих поспешно разворачивали выкаченную на руках пушку навстречу приближавшимся танкам. Ничего это им не даст: остановят одну, ну две машины, а остальные… Хотя это даст лишних сто метров форы уходящим в джунгли товарищам…

Где же Мбопа?

Где Абе?

Где комиссар Мбуту Зоджи?

Где-то вдалеке палила еще одна безоткатка. Значит, там ребята тоже держатся, но битву мы, безусловно, проиграли. Теперь надо делать ноги.

Я встряхнул девушку, она что-то пробормотала – не по-русски ли?! – но в сознание не пришла. Пристроив поудобнее автомат, я вскинул тело девушки на плечо. Ламбразони тем временем давал на ходу какие-то указания артиллеристам, похлопал по плечу их старшего и махнул мне рукой: мол, бежим!

И я снова рванул за ним. Рванул, удирая от надвигающегося железного грохота, от тупых стальных коробок с мясной начинкой, думая только об одном: выжить.

И девушка эта еще… Бросить ее, что ли? Нет, шутка. Не брошу, конечно. Не такая уж я сволочь. По крайней мере, пока не буду уверен, что ее не спасти.

Вертится в голове все время: девушка с пересаженными волосами… Скальп… Кто-то мне про такое рассказывал. Кто-то из героев истории с НЕРвами. Артем или Мартин… Твою мать!

Я едва не угодил в свежую воронку.

Меньше надо думать о ерунде, оборвал я себя. Вот очухается, тогда и спрошу. Хотя таких совпадений не бывает.

И в ту же секунду я убедился, что бывают и странные совпадения, и вещи вовсе уж нереальные. Потому что из-за стены леса взмыл огромный «циклоп», истребитель танков С-223, и выпустил веер самонаводящихся «сликов». «Слик» – страшная вещь, от которой танку практически нет спасения. Я видел испытания «сликов», как раз вот с такого «циклопа», только в российских ВВС…

Я остановился. «Слики» прошли высоко над головой с

характерным пищащим звуком, а «циклоп» снизился и выбросил змейку лестницы На борту золотом сияли знаки ВВС Южно-Африканской империи. Эти что еще здесь делают и какого черта лезут воевать с Анголой?

Ламбразони рассуждал примерно так, потому что припал на колено и направил вверх ствол своего пулемета. Против «пиклопа» эта трещотка, конечно, не оружие, но он продемонстрировал наше недоверие. Вертолет снизился еще метра на два, и из дверного проема показался лейтенант Эймс Индуна. Он махал рукой и кричал что-то неслышное за шумом винтов и грохотом близкого боя.

– Что за дерьмо?!

Мбопа развернул меня лицом к себе, рванув за плечо.

– Вертолет, – глупо сказал я.

Мбопа сверкнул белками, и я увидел, что он невредим. Боги хранили его. Что ж, посмотрим, как повернутся дела дальше.

– Что за тип? Чего им здесь нужно?

– Это лейтенант Эймс… Индуна. По-моему, они собираются нас спасать.

– За каким чертом?

– Я не знаю… Не знаю! – заорал я. – Я знаю, что нас вот-вот превратят в мясные лепешки, вот что я знаю! И я доверяю этому человеку, а вы можете оставаться здесь вместе со спятившей военной энциклопедией и дикарями-повстанцами! И эту девушку я забираю с собой!

Мбопа кивнул и побежал к итальянцу. Я больше не был ему нужен.

Не теряя времени даром, я поспешил к лестнице. Взбираться по ней с нелегкой ношей на плече оказалось трудно, но я сумел, я влез и вот уже, запаленно дыша, упал на холодный металлический пол. Кто-то осторожно забрал у меня тело раненой, а знакомый голос произнес:

– Ну е-мое… Живой.

Я перевернулся на спину, увидел над собой лицо Федора и потерял сознание.

Обычно без сознания принято валяться с минуту минимум, но меня быстренько облили водой, и я опять открыл глаза.

– Пивка? – спросил Федор, протягивая мне откупоренную бутылку «Капсгада». Из горлышка выпирал белоснежный пенный бугорок.

Я молча выхватил у него бутылку и высосал ее, давясь и рыгая. Вертолет шел высоко над джунглями, и сквозь открытую дверь я увидел далекое дымное марево.

– Спасибо, – выдохнул я, бросив бутылку вниз. Нашел в себе

силы переползти с пола на мягкое кресло, вытянул ноги и спросил: – Как вы меня нашли?

– Да не вас, – улыбнулся Индуна. Он похудел, осунулся, потерял где-то свой обруч, но начальственной жилки не утратил. – Я прицепил на толстяка маячок, зная, что он от вас на шаг не отойдет… Угадал.

– Отошел, – покачал я головой и поведал ему краткую историю Карунги. Индуна недоверчиво хмыкнул:

– Ай да Нуйома! Ай да штабисты!

– Но вы все-таки попали в точку, потому что эта падаль топала за нами до самой деревни. А как вы хотели найти меня в этой суматохе?

– Не знаю, – признался Индуна. – Но вы сами выскочили прямо на вертолет. Вам везет.

– А Мбопа?

– Насколько я понимаю, он не захотел последовать за вами. Что ж, его дело. Я не охотник за головами, пусть он там разбирается сам. Кстати, это ведь ангольские танки. Что такое?

– Потом, потом… – отмахнулся я. – У меня еще куча вопросов. Как ты выжил? Индуна хитро прищурился:

– Секрет. Скажем так: то, что убило моих ребят, со мной не справилось по ряду причин… э-э… по ряду неких причин.

– А ты, лысая голова? – Я повернулся к Федору.

– А я просто не полез в вертолет. Только вы ушли, приплыл какой-то хрен на лодочке, я у него лодочку и реквизировал, – хихикнул Федор. – Догнал, ан уже поздно было… Там мужики какие-то ехали, подкинули на грузовике… Малавийцы вроде… А потом прихожу: все мертвые лежат, ужас! И лейтенант из кустов – прыг!

– Про вертолет я уже понял, – сказал я. – Гидроэлектростанция?

– Именно. Мы ж за вами все время шли, только с отрывом. И вертолет у них позаимствовали… Эх, накрутили!!!

– Что дальше-то? – спросил я.

– Дальше? Честное слово, не знаю, – развел руками Индуна. – Для начала давайте посмотрим, что с девушкой.

А с девушкой было все нормально. Она открыла глаза и посмотрела нас со смешанным чувством удивления и испуга.

– Привет! – сказал я, – Поскольку я твой спаситель, скажи уж, как тебя зовут.

– Меня зовут Вуду, – сказала она.

26. МОЗЕС МБОПА

Когда журналист вскочил в С-223, я, честное слово, едва не ринулся за ним. Позади захлебывалась единственная живая пушка, а стальные монстры перли и перли. Последняя уцелевшая безоткатка фактически находилась уже в тылу врага, стреляя в борта прямой наводкой. Четыре закопченных и от этого еще более черных дьявола носились вокруг орудия. Я еще увидел, как полыхающая туша подбитого танка навалилась на них сбоку, раздался скрежет сминаемого металла, и пошла дальше, слепо давя гусеницами землю, людей… Прямо, прямо, пока непреодолимой преградой перед ней не встал другой танк, тоже мертвый, уткнувшийся стволом в землю.

Все это промелькнуло перед моими глазами фактически в один миг. Огонь, четверо повстанцев, пылающий слепой танк, прущий поперек всего мира, и другие, догорающие после залпа «сликами».

Здоровенный «циклоп» все еще болтался над землей, тяжело раскачиваясь серебристым брюхом… В его чреве только что исчез журналист, втолкнув внутрь бездыханное тело какой-то девчонки. В моей голове некстати мелькнула глупая мысль насчет того, что наш Таманский не промах, надыбал где-то подругу. Герой.

Тьфу ты. При чем тут?.. Действительно молодец, девчонку вытащил из дерьма. В принципе и я могу… Туда… В прочное, надежное брюхо «циклопа», под охрану вертолетных винтов, далеко-далеко. «Цок-цок-цок, мой ослик, в Вифлеем бегом…» – пронеслось в голове. Откуда? Растягивая минуты, я сделал шаг назад. Лестница болталась в нескольких метрах от меня. Лестница на небо…

Я отвернулся и побежал. С-223 взвыл турбинами и начал медленный подъем. Меня догнал Абе, сунул в руки что-то тяжелое, кажется гранату, и побежал рядом. Позади нас уцелевшие танки переваливали через вершину холма. Перевалили, съехали на два метра вниз. Остановились. Опять ударили пулеметные очереди, опять земля вспучилась взрывами, но в целом нас уже отпустили. Противник беспорядочно отступил, позиции заняты. Программа-минимум выполнена. Чего еще ждать от киберов, если не было команды на тотальное уничтожение?

Над головой тихо шуршали листья. Обычный лес, не тот лес-мутант, где нашел покой несчастный Чиконе, а просто лес. Не страшный. Конечно, если заткнуть уши и не слышать, как хрипит Мбуту Зоджи, пока полевой хирург вычищает ему полость выбитого осколком глаза. Комиссар чудом остался жив и, даже

раненный, командовал, не чувствуя боли, пока не упал возле разбитой пушки. Его вынесли из боя на руках. Теперь вколотые наркотики только немного ослабляли страшную боль, а сознания Мбуту не терял. Только хрипел, вцепившись в жерди носилок окровавленными руками.

Стонут раненые. Молчат живые, неотличимые от мертвых. Обычный лес. Если заткнуть уши и смотреть вверх, на зеленый потолок ветвей.

– Что там, Аб? – спросил я у подошедшего денщика.

– Из всего состава остались невредимыми семнадцать человек, включая нас с вами. Есть раненые.

– Сколько?

– Семеро. Двое очень тяжело, и лекарь говорит, что до ночи они не дотянут.

– А остальные?

– Остальные с той или иной степенью вероятности будут жить.

– Что с комиссаром? – Краем уха я услышал, что хрипы прекратились.

– Комиссар будет жить, мой генерал. Повязку нацепит и будет жить. Еще прозвище получит, что-нибудь типа Одноглазый Мбуту. У него сильный организм.

– Хорошо… Что там танки?

– Наблюдатели вернулись, говорят, что танки торчат на вершине холма. Подбитых насчитали штук двадцать – двадцать пять. Одна пушка выглядит целой, но к ней не подобраться, там все простреливается.

– Когда мы отсту… когда мы бежали, нас одно орудие прикрывало. Почему они остались? – Я чувствовал, что Абе знает ответ и на этот вопрос.

– Они сами остались, так порешили. Сразу было ясно, что эту драку нам не выиграть, так они сказали, что будут прикрывать. Из уцелевших есть один парень, у него там брат остался Говорит, мол, попрощался с ним ночью Ритуалы какие-то. – Абе замолчал.

– Спасибо, Абе. Можешь идти. – Я снова поднял голову вверх, посмотрел на зеленую листву и затем сказал:

– Да, и сообщи Ламбразони, что завтра мы выходим.

– Есть, мой генерал.

И он растворился среди деревьев.

Я завтра утром брошу этих людей, которые готовы отдать жизнь за меня. Завтра я уйду от тех, чьи братья погибли за меня. Я брошу их, потому что со мной они умрут все. Я так решил.

Мбуту Зоджи был в бессознательном состоянии, когда мы уходили. Нас провожал только его личный адъютант, который на

время взял на себя функции командира, и несколько человек из числа тех, кому что-то «преподавали» Абе и Марко.

Я прошел несколько шагов, но потом повернулся и сказал адъютанту:

– Передайте комиссару, что, возможно, мы с ним еще встретимся.

Зачем я это сказал? Неужели оправдывался перед самим собой?

Мне никто не ответил. Они только подняли вверх руки, в едином для всех повстанцев, в каком бы времени они ни жили, жесте. Сжатый кулак, поднятый вверх, к небу.

А потом снова саванна покорно ложилась нам под ноги, уводя куда-то… Куда?

В Нкота-Кота ведет шоссе. Фактически шоссе два. Одно старое, построенное еще во времена, когда компьютеры не внедрялись под кожу, и второе, выстроенное как раз перед приходом к власти Великих Диктаторов. В связи с постройкой второго про первое почти сразу же позабыли, так как пролегало оно в пустынных зонах, откуда в результате каких-то экологических катастроф ушла вся вода, трасса просела, а песок превратил некоторые ее участки в труднопроходимые. Но именно эта дорога пользовалась большим успехом среди контрабандистов, преступников и прочих антисоциальных элементов, которым необходимо было избегать встреч с малавийскими властями. Единственный блокпост на этой дороге стоял возле самого Нкота-Кота, и из окон сторожевой будки открывался экзотический вид на лачуги пригорода.

Дорога эта называлась шоссе Бванго, по имени некоего контрабандиста, сколотившего состояние переправкой нелегальных наркотиков по этой трассе. Об этом парне, Бванго, ходили легенды. Кое-кто говорил, что он жив и до сих пор мотается по шоссе своего имени на мотоцикле. Поговаривали, что тот, кто увидит Беспечного Бванго, начисто лишается разума. Таманский, будь он с нами, наверное, сказал бы, что в каждой стране есть свой Летучий Голландец.

После двухдневных, крайне изнурительных переходов по безлюдной саванне шоссе Бванго показалось нам центром цивилизации. Возле покосившегося барака стояла старая водокачка, несколько тяжелых грузовиков; какой-то негр курил на солнцепеке и сплевывал под колеса своей машины класса «райдер 106». На нас он посмотрел с полнейшим равнодушием, словно ему через каждые полчаса приходится встречать троих парней с оружием на плечах и в маскировочной форме без знаков отличия. Не исключено, что он принял нас за мираж. Ну, принял, и ладно.

Мы направились к водокачке.

Пока Абе качал воду, а Ламбразони подставлял под усердно журчащий кран наши почти опустевшие фляги, я рассматривал курившего парня. Тот в свою очередь устало смотрел на наши потуги разбудить древний аппарат. Наконец, видимо устав на нас таращиться, он прогундосил по-английски:

– Две иены.

– Что? – переспросил я.

– Две иены, – снова повторил парень и сплюнул себе под ноги.

Абе перестал качать и потянулся к автомату. Лицо парня обрело отсутствующее выражение. Я сделал знак Абе и подошел к курильщику поближе.

– Ты кто? – спросил я.

– Хозяин водокачки, – безразлично ответил парень.

– У нас нет денег.

– Нет денег – нет воды.

– Да, но у нас есть оружие. И вот тот парень, – я, не поворачиваясь, указал рукой на Абе, – страстно желает тебя убить.

– За автомат, – невозмутимо ответил хозяин водокачки. – Я дам вам полторы иены. Хорошенький обменный курс!

– А оттого, что вы меня убьете, – продолжил парень, – воды больше не станет.

– Да, но и тебе радости особой не будет…

Он бросил сигаретку себе под ноги и посмотрел на меня с интересом. Спросил:

– А что вы умеете делать?

– Хорошо стрелять…

– Мог бы не спрашивать, – пробормотал парень, а затем, повернувшись к бараку, закричал: – Боб?! Ты даешь им кредит?

Некоторое время было тихо. Затем в бараке что-то упало и из перекошенных ворот вышел другой негр. Здоровенный толстый детина с бородой и в шортах, открывающих волосатые ноги невероятной кривизны. Голову его покрывал матерчатый платочек с рельефно вышитыми розовыми цветочками наподобие маргариток.

Детина поскреб бороду, оглядел нас внимательно, особенно остановившись взглядом на винтовке Ламбразони, а затем пробасил:

– Даю.

Хозяин водокачки тут же отошел в сторону, на том месте, где он стоял, обнаружился круглый люк с вделанной в паз рукоятью. Парень подцепил ее грязными руками, дернул вверх и из крана

водокачки хлынула холодная, пахнущая тиной вода.

Бородатый Боб подошел ко мне.

– Здорово, черномазый, – обратился он. – Я Боб Маргаритка. Здешний диспетчер. А кто ты, меня не интересует. Я так понимаю, что ты ко мне на работу пришел наниматься. Даже если это не так, я за тебя уже заплатил. Есть работенка. Особенно для твоего друга… Сколько за него хочешь?

Он имел в виду Ламбразони. Марко только криво усмехнулся, наполняя фляги.

– Нет, черномазый, так нам не прет, – ответил я Бобу. – Этот бледнолицый идет только в комплекте с нами. Сам понимаешь, дело тонкое.

– Понимаю, – блеснул Боб Маргаритка белыми зубами. – Атокакже. Когда твои парни нахлебаются, подходите в офис. Кстати, вы грузовик водить умеете?

– А то?

– Клево. – И Боб ушел в барак.

Хозяин водокачки по-прежнему стоял на люке, таращась в пространство глазами дохлой рыбы. Наркоман хренов…

Через некоторое время мы уже тряслись в грузовике в числе других охранников, сопровождая какие-то ящики, аккуратно уложенные и укрытые темным брезентом. Помимо меня, Марко и Абе вдоль бортов сидели еще четверо парней с автоматами. Глядя перед собой, они тихо мычали что-то заунывное… За рулем сидел тоже человек Боба, виртуозный водила. Несмотря на то что дорога была разбита, вся в ухабах и трещинах, мы неудобств практически не испытывали. Правда, мне казалось, что водитель заботится скорее не о нас, а о грузе. Ну да и наплевать.

Выстрел за всю дорогу прозвучал только один. Когда с гребня песчаной дюны выскочила стайка странного вида парней на вездеходах с широкими колесами. Они некоторое время шли параллельным курсом, а потом резко пошли на сближение. Четверо наших сопровождающих прекратили гундосить свою исключительно надоевшую мелодию, похватали автоматы, но их опередил Ламбразони. Его винтовка дернулась. Один вездеходик заюлил и на резком вираже перевернулся, закувыркался в облаке песка… Остальные шустро юркнули за дюну и больше не показывались.

Четверка «музыкальных» попутчиков некоторое время озадаченно помолчала, а потом возобновила прерванное занятие. У меня появилось стойкое желание повышвыривать их из грузовика. Однако я подавил это желание. Грузовик сбросил скорость: показался малавийский блокпост. Так что и я, и Абе, и Ламбразони сгорбились и стали чем-то напоминать наших

попутчиков. Несчастные парни, заброшенные войной черт знает куда…

Что везут? Кто такие?

Зачем спрашивать? Автоматы поблескивают вороненой сталью. Желтая маскировочная форма запылена до безобразия, так что не видно и знаков отличия. Да и есть ли они? Кто такие? А оно нам надо? Сидят, и пусть сидят… Вон и сержант заинтересовался каким-то камушком в пыли. Пулеметное гнездо лениво отвернуло свой страшный клюв в сторону пустыни.

Водитель что-то кинул часовому, тот ловко поймал. Я успел увидеть, как к часовому решительно направился сержант. У Боба Маргаритки на этой дороге были, как видно, устойчивые связи.

Замелькали развалюхи-лачуги. Пригород Нкота-Кота. Обиталище нищих всех мастей. Все что угодно можно было найти среди этих прогнивших стен. И нож в живот, и сифилис, и редкий теперь СПИД-30.

Я кивнул Абе, и он застучал по кабине.

Грузовик остановился, водитель высунулся в окошко:

– Вы чего? – Жирная ряшка водителя выражала крайнюю степень недовольства.

– Мы высаживаемся, – сказал я, не трогаясь с места.

– Как так? Так не пойдет! Не пойдет так! Не договаривались… Боб так не делает. Вам выплатят, когда назад вернемся, сейчас ничего не дам. Ничего…

– Нам и не надо, жиртрест. – Я понял, что после Карунги каждый жирный человек или киборг будут вызывать у меня отвращение. – Мы просто сходим. Понял?

Что-то зажглось в глазах водилы. Он облизнулся и кивнул.

Не мне кивнул. Тем, которые позади меня.

Я понял, что сейчас будет. Понял, но сделать ничего не смог. Четверо сзади меня были готовы, а я нет. И если бы не Абе, нас уже закапывали бы на ближайшей помойке.

Мгновенно сменив винтовку на автомат, Абе выстрелил длинной очередью, пока я перекидывал свое тело через борт машины. Как в замедленном кино… Или это мне показалось, что все происходило так медленно? Когда я поднялся из дорожной пыли, все уже было кончено. Водитель безразлично свешивался из кабины. Толстые короткие пальцы его упирались в песок. Абе заменял рожок автомата. Позади грузовика лежало четыре тела.

Быстро и четко.

– Спасибо, – сказал я в пространство.

Мои ребята пожали плечами: работа есть работа.

Ламбразони уже откидывал брезент, взламывал обшивку груза.

Я не видел, что открылось его взору. Марко молча смотрел на содержимое ящиков, на его окаменевшем лице дергалась жилка.

Затем он спрыгнул, ни слова не говоря, сунул что-то в бензобак…

И мы побежали!!!

Не скажу, чтобы я так быстро бегал впервые в жизни… Случалось похожее и прежде.

Когда позади нас глухо ахнуло, а потом горячий воздух едва не сшиб с ног, мы были уже на значительном расстоянии от злополучного грузовика.

Прижимаясь к пластиковой стене лачуги, из которой слышались визгливые детские голоса и чья-то ругань, мы, тяжело дыша, смотрели на огромный гриб дыма, поднимающийся над крышами. Наследили и тут…

Я вопросительно посмотрел на Марко.

Он сплюнул и сказал с презрением:

– Мясники. Расчлененка.

Еще лучше. Ко всем моим грехам едва не добавилась торговля человеческими органами. Вот так Боб… Хороша Маргаритка.

Нас окружал Нкота-Кота. Порт на Ньяса. Если бы не чертов кибер Карунга, мы были бы тут две недели назад.

– Пошли, – кивнул я ребятам. – Нам нужен катер…

27. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Ранения Вуду – явно кличка, не имя – оказались не слишком опасными, и вертолетная аптечка с ними уверенно справилась. Теперь девушка лежала в кресле и дремала, накачанная транквилизаторами. Надо бы потом с ней побеседовать насчет случайных совпадений…

То-то Артем удивится…

Если он в состоянии удивляться…

Я выпил еще бутылку пива и принялся жевать сочный бутерброд с ветчиной. Ветчина была прессованная, вряд ли натурального происхождения, но мне показалась очень вкусной. В конце концов, это был цивилизованный продукт, а не варево поваров Мбуту Зоджи…

Федор возился с автоматом, чего-то там ковырял отверткой, а Индуна вроде бы дремал. Кто вел вертолет, для меня было загадкой, но совать нос в пилотскую кабину не хотелось. Может,

там кибер. А может, и вовсе никого нет и здоровенный «циклоп» летит на автопилоте…

– Войт погиб? – спросил я у Федора. Тот молча кивнул.

– Хороший был человек…

– Ничего, – согласился Федор.

– Я так понимаю, мы возвращаемся в Мапуту?

– Ну, не в Мапуту, а ближе к фронту. Но к своим.

– Тут нет своих, – жестко сказал я. – Вернее, или все свои, или все чужие. Дай-ка мне еще пива…

Третья бутылка «Капстада» окончательно вернула меня к жизни, и я подумал, что неплохо бы помыться. Да что там, неплохо бы пройти полную обработку, наесться таблеток, сделать прививки… Но это все по возвращении. И написать что-нибудь для газеты надо, по свежим следам, пока не забыл… Хотя разве забудешь такое…

Из журналиста я превращаюсь в вояку. После истории с НЕРвами был небольшой промежуток-затишье, и вот все закрутилось снова. Нет, только не философствовать, не рассуждать о смысле жизни. Лучше бы поспать. Сон лечит, а я в последнее время спал или будучи пьяным, или провалившись во что-то среднее между обмороком и наркотическим улетом. Лететь еще довольно долго, так что лучше я вздремну. Кто меня осудит? Вон Индуна уже похрапывает… Странно, но мне снились очень красивые сны. Диснейленд, ботанический сад в Сан-Марино, Ватикан… Прямо не сны, а рекламный проспект туристической фирмы. Это, наверное, после свежего холодного пива. Просыпаться мне не хотелось, и, когда меня принялись грубо трясти, я протестующе замычал.

– Подъем! Подъем! – орал Федор. – Мы снова воюем!

Я подскочил в кресле.

Вертолет шел над водой. Опять Ньяса. Позвольте, что мы здесь делаем? Мы вроде бы летели в другую сторону? Внизу мелькнул полузатопленный патрульный корвет-ракетоносец, потом потянулась желтая береговая полоса.

– Лейтенант! – крикнул я. – Что за шутки?

– Мы возвращаемся, – бросил Индуна через плечо. – В Нкота-Кота.

– Зачем?

– Я передумал. Мы не можем отпустить Мбопу. Только что войска Нкелеле прорвались к Мапуту, бои идут на окраинах города. Я получил сообщение по радио… Войска нанесли ракетный удар, уничтожили университет Мондла-не, Центральный госпиталь, Дом правительства, практически вся Каррейради-Тиру разрушена… Мбопа нам нужен. Притом живым.

Наверное, на это нужно было что-то ответить, но я не смог. Логичнее было вернуться и попалить ангольские танки, чем гоняться за тройкой бойцов Мбопы, но если вспомнить, что с Мозеса все и начиналось… Эймс Индуна был прав. По-своему прав…

Вертолет пошел на снижение, внизу показался город. В борт ударила пулеметная очередь – как слону мелкая дробь… Федор уселся в кресло второго стрелка и приник к прицелу.

– Будете наблюдать? – спросил Индуна, карабкаясь в боевую рубку.

– Могу поучаствовать.

– Тогда садитесь за первый пулемет.

Пулемет… Мягко сказано. Вращающиеся двенадцать стволов калибра 47 миллиметров. Я сел в удобное кресло, подвигал рукояти, отрегулировал на себя наглазник прицела. Внизу лежал городок, Нкота-Кота. Порт, покосившаяся церквушка, ряды домов… Такие же руины, как в Чипоке, но гораздо более опасные. Еще несколько очередей ударили по вертолету, потом на земле сообразили, что таким образом нам вреда не нанесут. Только бы у них не нашлось зенитки.

Зенитки, судя по всему, не нашлось. Наш «циклоп» представлял собой удачную мишень, но никто не порывался сбить всерьез, так, пугали. А Мозеса жалко… Что ни говори, жалко…

– Эймс! – крикнул я. – Индуна!

Потом понял, что он меня не слышит, и натянул висевший тут же шлем с внутренней связью.

– Что? – отозвался лейтенант.

– Прошу вас, давайте вернемся. Я понимаю ваши чувства, но Мбопа…

– Занимайтесь своим делом, Таманский, – перебил меня лейтенант. – Вы можете не стрелять, но не мешайте мне. Ясно? Не мешайте.

Он отключился.

Ладно, будем надеяться, что Мбопа действительно нужен ему живым. Только-только я решил, что опасность миновала, как снова надо стрелять, снова надо выживать… Дикая история. Я продам все это очень дорого, ведь таких командировок у меня пока не было…

– Вон они! – закричал в наушниках Федор. – Вон они!

Ты-то, дурак, чему рад? Словно в тире или на охоте. Хотя на охоте он, конечно, не был, какая у нас охота, на кого охотиться? Разве что на людей. А к этому он, наверное, привычный. Да и я недалеко ушел…

Я машинально срезал очередью бегущих к садящемуся

вертолету людей с автоматами. Вроде бы они были в форме десантников Нкелеле. Вроде бы.

А вот и Мбопа. Вместе с Абе и Ламбразони они спешат к пристани, где качается на легких волнах катер стального цвета. Интересно, как Индуна хочет взять их живыми? Хотя почему «их», ведь он говорил только о Мозесе. Нет, вот по ним я стрелять не буду. Даже по итальянцу.

Я сорвал шлем и выбрался из кресла. Вуду смотрела на меня широко открытыми глазами, кажется, она не особенно понимала, что происходит вокруг. Однако быстро она очухалась, пол-аптечки ей вкатили.

– Лежи, лежи, – успокоил я ее по-русски. – Это уже не наша война.

– А где наша? – спросила она также по-русски. Мелодичный голос с хрипотцой…

– Наша кончилась. Почти кончилась… Ты из Москвы?

– Да.

– Знаешь такого парня по имени Артем?

– Не помню… Белый?

– Как снег, – улыбнулся я.

Снаружи что-то грохнуло в борт, вертолет качнуло. Потом мягкий толчок сообщил, что мы сели. Сверху свалился Индуна, бросился к люку, ощеренный Федор метнулся за ним с автоматом в руках.

– Стереги вертолет! – крикнул Индуна, исчезая. Воюйте, господа. Воюйте. Я поднял с пола автомат – на всякий случай.

– Не помню, – повторила она. – Может быть… А мы с тобой знакомы?

– Нет. Он мне про тебя рассказывал.

– Хорошее?

– Хорошее, хорошее. Тебе-то что здесь понадобилось?

– Не знаю… Смотри!

В проеме люка возникла черная фигура, я нажал на спуск. Фигура исчезла, а люк с шипением закрылся.

– Нормально, – сказал незнакомый толстый голос. Я оглянулся – пилот.

– Поттер. – Он протянул свою лапищу. Белый, в куртке BBC ЮАИ.

– Таманский.

– Можете не стрелять, нас не тронут. Я включил Эдди, автосторожа, он положит всех, кто приблизится к вертолету на двадцать метров.

– Ты-то откуда взялся?

– Спал в вертолете, – засмеялся Поттер. – Просыпаюсь – а мы

уже над землей, и черный парень тычет мне в ухо ствол пистолета. Летим, говорит, куда скажу. Я и полетел. Чего мне терять?

– А как же нейтралитет империи?

– Плевать мне на империю. Белым сейчас в империи не очень хорошо живется… А ведь было, говорят, иначе.

– Год назад я бы сказала: «Здорово, что есть места, где белым не очень хорошо живется!» – подала голос Вуду. – Теперь не стану.

– И правильно, – поддержал Поттер. – Никогда не имел ничего против чернокожих. У меня даже девушка чернокожая, в универмаге работает, в отделе игрушек…

Идиотская ситуация. Трое совершенно незнакомых людей сидят в вертолете под прикрытием робота-охранника и рассуждают о проявлениях расизма. Боже, если я не напишу книгу, накажи меня, накажи…

– Эй, эй! – опомнился я. – А как же наши вернутся?

– А ты думаешь, они вернутся? – удивился Поттер, – Ты, наверное, не видел, что там снаружи творится. Я как раз хотел спросить, не взлететь ли нам, а то они могут и пушку притащить… У них тут всего хватает.

Я посмотрел в прицел и понял, что Индуна и Федор действительно вряд ли вернутся.

28. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

В городе творилось нечто невероятное. И, видимо, не только в городе.

По улицам и переулкам, среди нищих лачуг и больших каменных домов – а в пригороде встречались и такие – как угорелые носились люди. С оружием, без него, голые, одетые в полный бронекостюм пехоты… Повсюду господствовала паника.

Дважды нам попадались бэтээры, облепленные визжащими от возбуждения людьми. Трижды нас пытались остановить какие-то типы в рваных обносках, но с автоматами. Причем в последний раз это была явно спланированная засада. Не на нас, правда, на кого-то другого… Пусть этот «кто-то другой» скажет нам спасибо.

До порта еще топать и топать, а мы уже изрядно устали и измотались, продвигаясь от угла к углу, предугадывая поведение толпы, ожидая выстрела из каждого окна и подвала.

Кстати говоря, причины такого поведения жителей города я

понять не мог. Создавалось ощущение, что все население Нкота-Кота дружно сошло с ума, вспомнило старые счеты и повытаскивало из укрытий свое тщательно сберегаемое огнестрельное оружие. Улицами правила неуправляемая истерия.

Мы залегли в каком-то провонявшем кошачьей мочой тупичке, куда попали по крышам близлежащих домов. Мимо нас с ревом полз трактор, волочащий за собой средних размеров пушечку. Следом двигался миниатюрный грузовичок, доверху нагруженный боеприпасами. Кого из этого орудия собирались валить, я мог только гадать, но цель, надо думать, была достойная, судя по сопровождению. Пятнадцать до зубов вооруженных ребят, с исключительно зверским выражением лиц.

Трактор тащился медленно. Грузовичок тоже. Солдаты сосредоточенно обшаривали стволами окружающее пространство. Один из них что-то квакнул по-португальски и мазанул короткой очередью над нашими головами. На нас посыпались выбитые куски пластика. Просто проверка. Хорошенькие дела происходят в этом городе. Веселые. И какого черта я так сюда спешил?

Наконец вся эта кавалькада исчезла за поворотом, и мы, не выпуская из рук автоматов, вышли на одну из главных улиц.

Здесь нас встретила удивительная тишина. Только где-то далеко грохотали торопливые выстрелы, но глухо и нестройно, как грохочет гром, когда гроза уходит.

Что-то звякнуло под ногами. Абе нагнулся и поднял погнутый указатель названия улицы:

– А мы на правильном пути, босс. Посмотрите. – И он протянул мне железку.

– «Портовая», – прочитал я. – Отлично. Теперь надо решить, в какую сторону двигаться.

Мы осмотрелись.

Улица шла под уклон. Наверх уполз трактор с пушкой, внизу никого не было, только над изодранным гусеницами асфальтом влажно трепетало марево раскаленного воздуха.

– Есть мнение, что надо идти вниз, – произнес Ламбразони.

– Логично, – подтвердил я, оглядываясь по сторонам. – Кстати, у кого-нибудь есть идеи по поводу того, что происходит в этом дерьмовом городишке?

Ламбразони пожал плечами – ему было все равно, а Абе заметил:

– Языка было бы неплохо взять. Местного. И потрясти слегка.

– Да, – согласился я. – Займись. Догонишь нас, мы пойдем вниз…

Абе кивнул и исчез.

– Думаете, добудет? – спросил Ламбразони.

– Если бы не думал, не послал бы… И мы, прижимаясь к стенам домов, пошли туда, где, по нашему мнению, располагался порт.

– Дерьмово, – вдруг сказал Ламбразони. – Чертовски дерьмово, генерал. С самого начала все складывалось так.

С самого начала…

– Ты чего? – спросил я не оборачиваясь. – На болтуна пробило?

– Нет, просто чувствую я… что-то. Нехорошо. Раньше хреново было, а сейчас, чувствую, совсем плохо станет.

Я с удивлением посмотрел через плечо. Это что же, по его мнению, раньше ничего было, нормально, а вот только теперь прижало? Силен итальяшка.

– Не надо было мне журналиста выпускать, – продолжил Марко себе под нос. – Не надо было. Снял бы я его с той лестницы… Да девчонку пожалел. Ай, зря.

– Какой лестницы? – не понял я. – Какую девчонку?

– Да там… Когда он в вертолет пополз. Я его тогда на мушке держал, пять миллиметров на себя, и готово. Да он, зараза, девчонку тащил. Хорошенькая… Черт!

– Слушай, а чего ты так на журналиста взъелся? Он тебе что сделал-то? – Я остановился у фонарного столба.

Прислушался. Вдалеке гулко говорил крупнокалиберный пулемет. Очень даже крупнокалиберный, вертолетный.

– Если бы чего сделал, так вообще бы разорвал… Ненавижу я таких. Ненавижу. Ему все это, – Марко повел рукой вокруг, – Диснейленд. Материал. Который можно продать подороже. Журналюг на войне вообще шлепать надо в первую очередь, чтобы не лезли куда попало. Падальщики они. Мяса побольше, трупов, сумасшедших всяких… Чем больше дерьма, тем дороже обойдется. Оно, дерьмо наше, дорого стоит. А на нас самих ему, Таманскому этому, наплевать. Глубоко наплевать! Мы можем загнуться, даже лучше будет, если подохнем, а он нас заснимет и слово наше, последнее, в статейке своей, эпиграфом пустит. Вот, мол, какой он герой, не щадя живота своего добывал правдивый материал. Все зафиксировал. Чтобы заплывающие жиром буржуа поужасались, поволновались. Недолго, ну, полчасика. Чтобы, не дай бог, не взбудоражить свою поджелудочную… А потом опять занялись бы своими долбаными делишками. И все это дерьмо проходит под маркой «Чтобы мир знал!». Хренов куча, знал! Невозможно это, пока сам тут носом в кишки не ткнешься, невозможно это!!! Гады… Я таких, как он, ненавижу. Потому что мы для него не люди, а так, бабки-тугрики.

– Марко. – Я повернулся к нему. – Да ты социалист?! Чем тебе

буржуа не угодили?

– Чем? Тем… Тем, что я тут задницу надрываю, чтобы мои там, в Милане, жрать могли по-человечески. А они, буржуа, просто газетки почитают, утренние… И выкинут в мусоросжигатель. Все выкинут. И меня, и вас… И всю эту Африку черномазую. Вот так. И не волнует их ни хрена. Ни Ауи, ни Нкелеле. Пока под окнами стрелять не начнут, не пошевелятся. А я, а я в Сопротивлении был, когда Россия с Японией штатовцам прикурить давала. Я Рим брал. Суки рваные… – Он захлебнулся словами, но потом справился с собой и продолжил: – А меня потом в военные преступники записали. Травили по всей Европе, будь она неладна. В Мадриде едва за задницу не ухватили, да я вот в контрактники подался. Теперь если тут шлепнут, семья до конца дней обеспечена будет. А вы говорите – социалист, буржуа не любишь. С чего мне их любить?

Семья? Сопротивление? Я по-другому посмотрел на итальянца.

История с взятием Рима была мне известна. Бардак в Европе тогда стоял страшный. Разгар военных действий, атомное месиво. Перелом войны. А тут как раз итальянское Сопротивление порешило штатовцев вышвырнуть. Фронт уже рядом проходил.

Взяли Рим. Да не удержали. Союзники то ли подзадержались где-то, то ли еще что… Но штатовцы высадили десант. Успели. Рим кровью умылся. Весь Колизей трупами завалили… Сначала итальянскими, а после и весь штатовский десант полег там же. Поскольку японцы первыми в город вошли. Успели вперед русских.

А после войны обвинили во всем, конечно, сопротивленцев.

Ламбразони рванул воротник гимнастерки и прохрипел:

– Не знаю… Тошно… Не знаю… Предчувствие у меня. Бывает ведь, а?

– Бывает… – протянул я. – Точно бывает. Лучше бы ты ошибался… Нам еще до порта пилить и пилить, а у тебя предчувствия. Не к месту. Подожди, на катере окажемся, и чувствуй сколько влезет. Понял?

– Понял.

– Ну вот и замечательно. Пошли тогда, только на крыши поглядывай. А то я не удивлюсь, что тут где-нибудь кукушка с оптикой сидит… Гляди в оба. Чувствовать потом будешь.

Это случилось, когда мы завернули за угол.

Метрах в тридцати от нас вылетела на асфальт оконная рама. Вместе с телом человека. Какой-то чернокожий парень с противным хрустом брякнулся на асфальт, раскинув в стороны руки.

Мы замерли.

Через мгновение второй человек вылетел вслед за первым. И так же остался лежать на асфальте. Прогрохотала автоматная очередь. Вознесся к небесам и оборвался чей-то истошный визг.

Последовала пауза, во время которой, казалось, все вокруг замерло, вжалось в прокаленный камень, ожидая…

…И, поднимая пыль, дверь какого-то дома вылетела на улицу, сорванная с петель.

Ламбразони присел на одно колено, взяв на прицел дверной проем, готовый изрешетить того, кто покажется оттуда…

Что-то было не так. Что-то не так… Я понял это слишком поздно. Понял, когда через выбитое окно, едва коснувшись ладонью усыпанного осколками подоконника (каблук высоких сапог сбил кусок пластика с остатков рамы), на улицу выскочил он. Память сработала четко. Именно эту рожу я видел в люке «циклопа», когда господин журналист забирался по болтающейся лестнице. Как он там сказал?.. Индуна? Эймс? Лейтенант… Военный кибер, боевая модификация. Все цепи включены, все источники питания на пределе. Готовность номер один. В руках какой-то ПП. Черт знает какой марки, их сейчас развелось как собак. Длинная обойма. Патронов можно не жалеть. В руках кибера такое оружие держится как в тисках. Не дрогнет, не шелохнется. Пули лягут одна в одну.

Ламбразони еще разворачивался стволом в сторону окна, а Индуна уже стоял на ногах, и ствол его оружия уверенно смотрел в нашу сторону.

И я ничего не смог сделать. Никто бы не смог.

Пули взвихрили воздух, прочертив канальцы воздушных потоков от ствола пистолета прямиком в грудь Ламбразони. В левую часть груди. Туда, где сердце.

Я видел, как взметнулись фонтанчики крови. Как взметнулась асфальтовая крошка под прошедшими навылет пулями.

И уже не имело значения то, что объявившийся на крыше Абе начал стрелять почти одновременно со мной. Пока Марко бесшумно оседал на землю. Мы затопили улицу свинцом. Мы расстреляли не по одной обойме, стараясь подсечь убийцу Ламбразони. Он был быстрее пуль. Он уворачивался от них, как от медлительных пчел. Тяжелые и неповоротливые пчелы. От них так легко уворачиваться, когда ты на форсаже…

Индуна исчез так же стремительно, как и появился. Просто большой торпедой влетел в окно соседнего дома – и его не стало.

Я услышал, как кто-то снова завизжал там, в черном провале выбитого вместе с косяком окна. И услышал знакомый голос:

– Твоя магия не действует, старик. И смех. Тихий.

Исчезающий. Неживой. Индуна ушел, но до порта нам еще далеко… Ой как далеко!

Когда Абе спустился с крыши, мы оттащили тело итальянца в тень. Разделили его боекомплект. Аптечку. Молча постояли над телом…

А что можно было еще сделать? Ничего… Теперь уже ничего.

Марко Ламбразони обеспечил свою семью до конца дней. Одной своей смертью оплатив все их счета.

– Что будем делать, босс? – спросил Абе.

– Не знаю, Аб. Что творится в городе? Узнал?

– Узнал, командир. Ангольцы на подходе, их десант ворвался в город поутру. Сейчас все разбились на группы и режутся друг с другом. Десант засел где-то в районе посадочной площадки и держит оборону. Остальных поглотила анархия. Порт контролируется местными. То есть вообще не контролируется… Куда дальше направимся? В Анголу?

Я покачал головой:

– Нет… У Нкелеле нам делать нечего. Мне и вести туда некого теперь, – Я посмотрел на тело итальянца. – Разве что ты решишь продолжить свою службу на маршала.

– Нет, босс. Спасибо. Вы же знаете, меня эти ребята не интересуют. Я тут только постольку, поскольку вы здесь.

– Значит, возвращаемся, – сказал я. – Домой… – Я осмотрелся. Какого черта я делаю? Какой, к дьяволу, дом? Где мой дом?

Я взглянул на Абе и подумал, что ему легче всех. Он уверен, что его босс не ошибается, что его босс знает, чего хочет, и знает, с какой стороны пироги едят… Так о чем волноваться? Абе готов ради босса убить и умереть. Жизнь – это то, во что мы ее превращаем.

– В порт, – выдохнул я.

Индуна гнал нас, как опытный загонщик гонит дичь. Его выстрелы всегда были точны: пули били рядом с ногами, высекая искры из бетона, который сменил асфальт на подходе к порту. Мы стреляли навскидку, на звук и – безрезультатно. У меня текла кровь из рассеченной камешком щеки. Руки горели от напряжения. Ни разу не удалось увидеть Индуну. Только безымянные пули, только их негромкий предупреждающий свист.

Потом вдруг позади нас поднялась сумасшедшая стрельба. Мы побежали. Черт его знает, кто стрелял, но тот, кто стрелял, здорово помог нам. Благодаря ему мы сумели уйти.

Порт был близко.

За последним поворотом, мы, недолго думая, расстреляли джип, стоявший рядом с баррикадой. Трое толстых мужиков

прыснули из-за мешков с песком с резвостью, не свойственной их комплекции. Расстреливать их мы не стали. Местные, им и без нас невесело.

За баррикадой обнаружился небольшой арсенал, в частности, два ручных гранатомета класса «муха-би 2» израильского производства. Абе тотчас взвалил их на плечи.

– К катеру, к катеру, быстро… – торопил я его. – Быстро.

Катер «Медуза» стоял, как специально для нас приготовленный. Два здоровых негра с помощью маленького подъемного крана и отборного мата пытались пристроить на катере тяжелый и неповоротливый груз.

– Эй! – крикнул я и направил на негров автомат. Абе в это время пытался следить за нашими тылами и за другим бортом катера.

– Кто капитан?

Негры безмолвно ткнули пальцами в сторону кабины.

– Позовите! – приказал я. – А то убью.

– Буба! Буба!!! БУБА!!! – Глотки у парней оказались под стать корабельной сирене.

– Не стреляйте! Не стреляйте… – послышался писклявый голос из-за тюков. – Я тут, не стреляйте… Я иду!

Наконец показались руки, потом курчавая голова, и толстый мужик выбрался на палубу:

– Я капитан… Что угодно господину?

– Господину угодно арендовать твою посудину. Без груза, понял? Так что давай сбрасывай балласт и разводи пары…

Капитан Буба пискляво заголосил, но Абе дал очередь поверх его головы, и тюки полетели в воду. Грузчиков как ветром сдуло, а здоровенный ящик, который они кантовали, так и остался висеть на стропах маленького погрузочного крана. Плевать…

Мы уже почти взошли на борт, как вдруг Абе круто развернулся и, почти не целясь, опустошил одну «муху» куда-то в наш тыл.

Я успел обернуться, пока горячая взрывная волна не бросила нас на нагретый пирс. Увидел, как на невероятной скорости выбегает из зоны поражения темная фигурка кибера. Хорошо бежать, пока ты на форсаже… Но потом взрывная волна смяла фигурку, кинула вперед, и Индуна исчез из нашего поля зрения. Однако ухитрился подойти почти вплотную, И если бы не Абе, нас бы застрелили в затылок, как скотов. А может, и голыми руками бы взяли. Все это время кибер играл с нами.

– На катер, на катер!!! – Я старался перекричать ликующего Абе и одновременно следил за капитаном Бубой, который собрался под шумок сделать ноги. – Лежать, сука!!! Аб, на катер,

быстро!

За спиной взревел мотор, «Медуза» набирала ход плавно. Десять, двадцать, тридцать, сорок метров… Ветер, мокрый и холодный, обнял меня. И я уже почти поверил, что жив…

Первая пуля, долетевшая с берега, попала в боковое стекло кабины, и я услышал, как грузно упал на палубу капитан Буба. Захлебнулись цилиндры двигателя.

Развернувшись, я увидел на самом краю пирса темную фигурку. Изломанную взрывной волной, но живую! Кибер уже не играл с нами, сжигая имеющиеся в наличии все запасы энергии, он бил на поражение из подобранной где-то винтовки. Мелькнула глупая в своей помпезности мысль: «Вот так выглядит моя смерть».

Глупая мысль помешала мне остановить Абе. Не нужно было ему делать этот шаг Этого хватило, чтобы встретить пулю, предназначенную мне. Вперед и влево.

Абе начал косо валиться на бок, переваливаясь через портик. Из рук выскользнула «муха». Я нагнулся, ухватил его за шиворот. И это спасло меня от второй пули, просвистевшей над головой.

Катер медленно разворачивало бортом к волне. Качка усиливалась. А темная фигурка на пирсе все что-то медлила, нелепо дергая затвор. Неужто заклинило?

И тут я увидел…

Черного, очень черного человека, стоявшего рядом с кибером, дергающим заевший затвор.

Черный, чернее ночи, Легба легко касался пальцами винтовки. Легко придерживал ее ствол, который нелепо болтался из стороны в сторону под рывками Индуны.

Эймс дергал затвор. Постепенно подчиняя его своей воле. И я понял, что времени у меня только на одно движение.

Он все-таки вбил непокорный рычаг. Стремительно вздернул винтовку к плечу.

Легба отпустил ствол…

И дымная дуга сгоревших газов неотвратимо протянулась от меня к пирсу. Туда, где в мою грудь целилась неживая жизнь.

На миг мы замерли, соединенные этим смертельным рукопожатием. А потом, в том месте, где стоял Эймс Индуна, пирс взорвался огненно-дымным фейерверком.

И я остался один.

Катер раскачивался на волнах. В кабине перекатывался капитан. Я видел, как его голова мотается из стороны в сторону в проеме двери. Мертвый Абе лежал у моих ног

Я выкинул капитана за борт. Какая еще могила желаннее для моряка?

Завел двигатель. Начал медленно выводить катер из портовой акватории…

Куда?

Действительно, куда? О том, чтобы возвращаться к маршалу Нкелеле, речи больше не было Противостояние двух великих диктаторов, похоже, агонизирует… Рвать когти в Европу? К толстым буржуа, читать газеты?

Я вдруг поймал себя на мысли, что бежать-то, собственно, некуда.

– Точно, – сказал за спиной черный, чернее ночи, человек. – Бежать некуда. Ты и так далеко забрался.

– Тогда что?

– Ты дома. Бежать тебе некуда! – снова повторил голос. – Дальше своего дома не убежать. Надо же наконец заняться уборкой…

– Как?

– В твоем доме много дорог…

Он исчез, чтобы всегда оставаться со мной.

Я вдруг вспомнил, что где-то там, в саванне, остался одноглазый Мбуту и его отряд. И где-то поблизости есть передатчик, значит, можно вести переговоры.

Катер «Медуза» разворачивался на восток.

В Нкота-Кота входили регулярные войска маршала Нкелеле.

29. ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН

Экс-президент Российской Федерации

Я никогда не думал, что война в Африке будет мне столь близка. На моем веку я видел много войн, и локальных, и масштабных. Надо мной трясся после практически прямого попадания ядерной боеголовки потолок генштабовского бункера, мой самолет атаковали над Турцией курдские истребители, в меня три раза стреляли. И то, что происходит на далеком континенте, в моем возрасте не должно бы меня трогать.

Но я смотрел сводку новостей, и чашка с кофе – настоящим, натуральным, без всякой синтетики дрожала в моей руке.

Я видел, как в Виндхуке сжигают мозамбикских военнопленных, согнав их на площадь и облив горючкой из шлангов.

Я видел, как миссия Красного Креста в Ботсване складывает под навес тела детей, убитых карателями Нкелеле после набега на Фрэнсистаун.

Я видел, как кибертанки атакуют подразделение кенийской армии в саванне и зебры мечутся меж раздавленных трупов и горящих механических чудовищ.

Я видел, как малавийские десантники отрубают головы пленным конголезцам перед объективами камер.

Война – омерзительное занятие даже для взрослого человека. Но я видел, как и с той и с другой стороны воюют дети двенадцати лет. Да что дети – на этой войне воюют даже обезьяны!

России не привыкать наводить порядок в мире. В середине прошлого века мы это сделали, и сделали успешно.

Да, я стар. Но это не значит, что я должен лежать на диване, глотать гормоны и рассуждать о былом с привычной для стариков категоричностью: вода, мол, в наше время была мокрее. Японцы в прошлый раз назвали меня ястребом на покое. Цветисто, но верно. Не вороном – ястребом.

Что ж, я буду ястребом.

Это хорошая птица.

В десять утра я позвонил бывшему начальнику Генерального штаба генералу армии Докучаеву.

– Ильич?

– Приветствую, Владимир Владимирович.

– Ильич, надо поговорить. Пригласи наших Сомова, Проценко и Локтионова. Ко мне в три часа, только сначала свяжись со мной.

– Договорились, Владимир Владимирович.

Здесь осталось немного людей, которым я доверяю. Докучаев, бывший председатель КГБ Сомов, его бывший первый заместитель Проценко и бывший начальник Техконтроля Локтионов. Все бывшие. Но все – Настоящие. Настоящие с большой буквы.

Может быть, когда-то я делал что-то не так. Скорее всего, такое было. И не раз.

Что ж, хороший шанс исправить ошибки.

Это в самом деле страшно, когда ты понимаешь, что человек, пришедший на встречу с тобой, наполовину бездушный механизм. Или, что еще страшнее, механизм с душой. Он смотрит на тебя через какие-нибудь фильтры или линзы, пропускает звук через звукодатчики, анализирует беседу, а ты думаешь: а ну как у него сейчас замкнет контакты или полетят плавкие вставки? Я мыслю архаично, нет у них там никаких плавких вставок или предохранителей в обычном понимании, но что-то же есть, что может полететь…

А где тонко, там и рвется.

В три часа все были у меня. Грузный Проценко, живчик

Локтионов – надо же, усы отпустил! – старый брюзга Сомов и Докучаев, мой верный, честный и храбрый Ильич. Нам принесли китайский чай с рогаликами, и я велел не беспокоить и отсылать всех.

– А если президент? – уточнил референт, нахальный парень с замашками кинематографического – тьфу ты, стереографического – героя.

– Его отсылай дальше всех.

Гости захохотали. Нынешний президент, тупая тряпка, держался только за счет силовиков, вернее, за счет очередного силовика, который находил силы и способности подмять под себя на некоторое время остальных. Давешний путч едва не выкинул господина президента на помойку, но все утряслось и вернулось на круги своя… Как и любое уважающее себя дерьмо, господин президент радостно всплыл, роздал ордена и звания, устроил банкет, повысил пособия…

В детстве мы таких мочили. В сортире.

– Разговор у меня простой, – начал я, размешивая в чашке сахар. Сахар, кстати, я также предпочитал обычный, тростниковый или свекольный. Лучше тростниковый, кубинский. Никаких аминокислот, никакой химии-физики… – Мы тут все хорошие, уважаемые люди. Мудрые. Понюхавшие и пороха, и дерьма, и еще много чего в этой жизни. Поэтому будем говорить без обиняков, конкретно. Что вы думаете о ситуации в Африке?

– Племянник у меня там, – вздохнул Локтионов. – Майор-десантник, второй год уже в наемниках… В Кении…

– Дрянь дело, – сказал Проценко, кроша рогалик в толстых пальцах. – Они там с ума посходили, Владимирыч. Уж не знаю, до чего еще додумаются…

– А не пора ли эту чехарду прекратить?

– Серьезно? – поднял глаза Сомов. – У нас нет возможности. Вот когда Ильич сидел в Генштабе и гонял взад-вперед дивизии, было совсем другое дело. А сейчас…

– Ну, не прибедняйся. Скажи еще, что в армии вас не любят и не ценят.

– Любят, ценят, кто ж спорит… Только командует Верховный, а не мы. А Верховному на всю Африку – с высокой колокольни, – сокрушенно сказал Сомов. – Япошки не велят, Европа не велит, а сам он никогда не возьмется.

– А в теории?

– В теории там это… Как два пальца… – азартно влез Докучаев. – На днях в Академии как раз рассматривали ситуацию. У них там не война, а сущие детские игры.

Прятки-считалки. Никакой логики в поступках, и одни и

другие сто раз победить могли, такое впечатление, что их одергивают.

– О том и речь. Есть у меня информация, что их шишки на самом деле просто марионетки. И война – не война, а театр.

– Да ну… – усомнился Проценко.

– Командуют там, вполне вероятно, ИскИны, – заключил я и посмотрел на собравшихся, оценивая реакцию. Спокойно пьют чай. Молодцы.

– И что?

– И то, что их логику понять мы не в силах. Я знаю, есть киберпсихологи и прочие умники, но никто не возьмется пророчествовать, что выкинут ИскИны завтра. А выкинуть они могут многое. Смотрите сами… – Я вынул из ящика стола распечатку и положил перед Докучаевым. – Читай вслух, Ильич. Можно без выражения.

– «…Результатов тестов по классу „специал омега“ все еще нет, но я-то знаю, что положение об экстренных случаях предусматривает возможность уничтожения ведущей орбитальной станции СНУКЗИ, где расположен орбитальный ИскИн.

Проще говоря, два аналогичных друг другу ИскИна готовы уничтожить друг друга, оставив Землю без антиастероидного щита. И это только первые птицы из огромной стаи.

Мы попали в ловушку к своим же технологиям. Мы ушли от природы и больше не способны позаботиться о себе без помощи механических костылей. Мы…

Самое страшное, что я понял совсем недавно, это не то, что ИскИны готовы свернуть щит и выкинуть титаническую людскую работу буквально в космическое пространство. На самом деле потеря щита не так страшна, его возможно восстановить… Нужно… потребуется время, ресурсы, все это есть у Земли.

Самое страшное – это то, что ИскИны до сих пор этого не сделали. Они приставили пистолеты к виску друг друга и медлят…»

Докучаев отложил листок и посмотрел на меня, потом на остальных:

– Кто это писал?

– Один японец. Большая шишка в Службе Тьюринга.

– Вы имеете влияние на Службу Тьюринга? – поднял брови Докучаев.

– На нее официально никто не имеет влияния. Скажем так: у меня там есть доверенные лица. Это личная запись, она не задокументирована, просто фрагмент дневника этого японца. Согласитесь, захватывает.

– Мы можем ему верить? – спросил Проценко.

– Еще раз повторяю: это написано не для нас, не для руководства Службы Тьюринга, ни для кого вообще. Человек писал для себя. Я посмотрел его послужной список: отличный специалист, знает, что говорит. Не знаю, чем он руководствуется, скрывая эти данные, но причина, видимо, есть…

– Мы попали в ловушку к своим же технологиям… – повторил Докучаев. – Может быть, связаться со Службой?

– Это один из шагов. Не исключено, что они опять все засекретят и будут переключать свои проводки так, как им того захочется, – возразил Локтионов. – Кстати, берите рогалики, а то Проценко шестой доедает.

– Не считай, – буркнул Проценко, но рогалик положил на место.

– Правильно, Паша, – поддержал я Локтионова. – Служба Тьюринга – слишком непоследовательная и неподконтрольная организация, чтобы позволять ей что-либо решать в одиночку. Они, несомненно, будут задействованы, но только в общем плане. А общий план таков: расколоть президента и хорошенько врезать по обеим враждующим сторонам. Негуманно, может быть, но верно.

– Согласен, – кивнул Докучаев. – Только как колоть президента?

– Я беру это на себя, – сказал я. – От вас нужны стратегические разработки и контакты с армией, спецслужбами… Ну как, решено?

– Решено-то решено, но… – промямлил всегда сомневающийся Проценко и ухватил последний рогалик.

30. ИЗ ТАЙНОГО ДНЕВНИКА

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО НАДЗОРУ,

Майора Службы Тьюринга

МОРИХЕЯ МУСАСИ

Может быть, я ошибаюсь?

Вчера по моему личному приказу были разобраны блоки 17 и 45. Послезавтра с первым транспортом они будут переправлены на стационарный осмотр. Демонтаж этих блоков несколько понизит потенциал АйКью ИскИна ОСААз, но, по моим расчетам,

этого будет достаточно для выполнения им своих рутинных функций. Согласно программе «Зеркало» такие же действия будут предприняты относительно ИскИна СНУКЗИ. Таким образом ни один ИскИн не получит преимущества перед другим, (зачеркнуто) …что не даст им возможности использовать крайние меры.

Сегодня мне принесли доклад контролеров Виртуальности. Они утверждают, что в нашей зоне имеются устойчивые контакты с некими постоянными объектами. Контроль виртуальных потоков не всегда дает однозначные результаты, так что верить таким докладам приходится с трудом. Однако если учесть мои предыдущие подозрения… Я думаю, что ИскИны имеют постоянных контактеров из числа людей или киберов. Исключать такую возможность после Зеленоградского инцидента я не могу и не имею права.

(подчеркнуто) Я готов привести в действие директиву «Щит» Основного Устава. Нужно сделать соответствующие распоряжения.

Ситуация накалена до предела. Я не могу допустить повторения Зеленограда. То сознание до сих пор не (неразборчиво).

31. ИЗ ТАЙНОГО ДНЕВНИКА

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО НАДЗОРУ,

Майора Службы Тьюринга

МОРИХЕЯ МУСАСИ (днем позже)

ИскИны играют в странные игры.

Постоянные виртуальные каналы потеряны. Исчезли, как и не было их.

Доказательств у меня нет. И ОСААз и СНУКЗИ работают идеально. Единственная странность, которая напоминает мне об (зачеркнуто)

…утерянные спутники не найдены. Их орбиты оказались не просчитаны и утеряны. ИскИны по-прежнему готовы уничтожить друг друга по подозрению в (зачеркнуто)

Такое ощущение, что они испугались. И затаились.

Что происходит там, с теми приемниками, с которыми ОСААз и СНУКЗИ поддерживали виртуальные каналы? Если это компьютеры, то в их структурах царит хаос. Если это люди, то,

вероятнее всего, они просто обезумели. Где сейчас творится самое большое безумие? Вряд ли стоит говорить.

ИскИны испугались, но почему страшно мне?

32. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Снова специальный военный корреспондент

Мы честно ждали.

Честно облетели пылающий городок, едва не схлопотав заряд из зенитного орудия, которое наконец откуда-то притащили…

Честно вертелись над озером, высматривая.

Наконец я сказал Поттеру:

– Все. Летим в Мапуту.

– Давно пора, – ответил здоровяк.

До Мапуту мы конечно же не долетели. Стоило уйти километров на двадцать вглубь мозамбикской территории, как появилась тройка истребителей с львиными головами на фюзеляжах, сорвиголовы из Второго кенийско-мозамбикского авиадивизиона, и стала нас сажать. «Циклоп» с опознавательными знаками ЮАИ сбивать, конечно, они не будут, но о художествах этих летающих хулиганов слышали все, в том числе и Поттер, поэтому мы послушно сели.

Из-за деревьев сразу появились танкетки и пехотинцы, которые окружили вертолет. Поттер выключил двигатели, и под мерный свист останавливающихся лопастей мы выбрались наружу: пышущий здоровьем пилот ВВС ЮАИ, раненая чернокожая девушка и я, в изорванной и грязной форме мозамбикского лейтенанта.

– Вот мои документы. – Я сунул верительные журналистские грамоты подошедшему майору.

Тот недоверчиво повертел их в руках, посмотрел на Поттера, хотел что-то сказать, но я перебил:

– Группа лейтенанта Эймса погибла. Я остался один. Генерал Мбопа ушел.

– Теперь уже все равно, – махнул рукой майор. – Тут такое творится, лейтенант… э-э… хотя вас, наверное…

– Да, можно уже разжаловать, – согласился я. – Вы можете доставить нас в Мапуту?

– Конечно.

Нас посадили в небольшой пятиместный самолетик. Вскоре показалась столица. Над городом стояла плотная завеса дыма, на месте привычных небоскребов лежали руины. Мы сели на

военном аэродроме, так как международный аэропорт был разрушен. Здесь нас встречали.

– Живы? – спросил Нуйома, помогая мне выбраться из узкой самолетной дверцы.

– Вашими молитвами, – буркнул я. – Что, теперь потащите нас в застенки?

– Идите к черту, Таманский, – сказал Нуйома. – Хотя надо бы вас подвесить на пальму за ноги и позвать ребят из Восьмого отделения…

Я не знал, что за Восьмое отделение, но тоном это было сказано жутким. Однако Нуйома особенной злобы к нам не питал. Причина его плохого настроения открылась очень скоро. Когда мы шли к ряду пятнистых машин на окраине взлетного поля, Нуйома сообщил:

– Войне-то, кажется, крышка.

– Почему? Ауи капитулировал?

– Нет, Ауи пока не капитулировал, и Нкелеле тоже не капитулировал, хотя плюхами мы обменялись очень мощными… Третья сила, Таманский. Ваша чудная Россия.

– Каким образом?

– Десант в Анголе и Конго, десант в Танзании и северной части Мозамбика… Только что мне сообщили, что в Мапуту высаживается ваша морская пехота. По линии фронта они нанесли орбитальные удары, причем выбивается в основном тяжелая техника, аккуратно и целенаправленно… Я не знаю, как они там договорились, только это решение поддержали все ведущие державы. Так что вы у нас теперь спаситель и миротворец…

– Спасибо на добром слове.

Такого шага от России я не ожидал. Что ж, приятный сюрприз, пусть даже я оставался во всей этой истории сторонним наблюдателем… Впрочем, сторонним ли?

Ладно, оставим это на потом.

Поттер отправился в посольство ЮАИ, а мы с Вуду (почему-то я так и думал все время – «мы») двинулись по своим делам.

В гостинице все еще был зарезервирован наш номер. Правда, нужды в этом не было – огромное здание пустовало, из города выбирались последние беженцы, здраво рассудив, что лучше пересидеть переломный этап в джунглях, нежели среди падающих на голову стеклобетонных блоков и авиабомб. О такси не могло быть и речи, но Нуйома неожиданно предложил нам маленький автомобильчик смешного розового цвета.

– Мой, – сказал он. – Поставьте возле комендатуры… Будем надеяться, уцелеет.

В комендатуре обретался давешний жирный подполковник Нгоно. Он оказался человеком неробкого десятка, потому что сидел абсолютно один и ел большой сандвич с зеленью. Исполнял свой долг, совмещая его с питанием хлебом насущным…

– Однако, не ожидал, – заметил он, – Отвоевались?

– Отвоевались…

– Идите на восток, к порту, там полно ваших.

– А вы как же?

– А вот доем и тоже пойду. Новости слышали?

– Вряд ли.

– Ауи мертв. – Судя по лицу подполковника, это событие его ничуть не печалило. Откусив свисавший салатный листик, он продолжил: – Нет больше войны. И черт с ней, я так думаю. Я раньше работал в фирме по производству соусов, очень приятная была работа. Как думаете, соусы теперь нужны?

– Теперь все нужно, – заверил его я. – И соусы – не в последнюю очередь. Будете кормить миротворцев.

– Да, да… – задумчиво покивал подполковник. – А что вы хотели от меня?

– Оформить документы. Я человек дисциплинированный, отметил прибытие – значит, нужно отметить и убытие.

Хмыкнув, Нгоно пришлепнул печать и, скосившись на скучавшую в приемной Вуду, подмигнул мне:

– С собой увозите?

– Землячка, – сказал я.

– Да я ее помню. В свое время оформлял прибытие, я тогда еще в аэропорту работал… Шрам приметный. Что ж, желаю успеха!

– Спасибо. – Я пожат пухлую руку и подумал, что не все жирные парни – такие сукины дети, как Карунга.

По улицам шли российские танки. На нас никто не обращал внимания, тем более что на мне все еще была форма мозамбикского лейтенанта. Наконец мы выбрались к порту, где тут же наткнулись на контрольно-пропускной пункт.

– Наемник? – неодобрительно бросил молодой лейтенант-морпех.

– Журналист. – Я показал удостоверение. Он смягчился:

– А девушка?

– Она из Москвы, здесь случайно, попала в передрягу… Ранена.

– У нас там временная медсанчасть, скажите, Гусев прислал.

Я сдал Вуду военным медикам, а сам уселся на груду каких-то туго набитых мешков и стал тупо смотреть на движущихся мимо морских пехотинцев. Над головой выли звенья фронтовых

бомбардировщиков и вертолетов, высоко в небе шваркнула голубоватая вспышка – выстрел с орбитальной платформы…

Не так-то им будет легко, вот что я думаю. Конечно, победные марш-броски и расчистка джунглей такими вот ударами с орбиты, но… Я видел, как воюют в Африке. И мир придет нескоро. Очень нескоро. А мне, наверное, пора отсюда сваливать.

– Эй, отец! – потрясли меня за плечо. – Батя! Я оглянулся. Молодой морпех, морда довольная, рука на перевязи.

– Чего тебе, земляк?

– Да вижу, сидишь, заскучал… Может, выпьем? Я тут нашел в конторе…

Он помахал бутылкой виски «Старый дедушка».

– Выпьем, – согласился я.

Морпех уселся рядом на мешки, откупорил бутылку и протянул:

– Только закуски нема. Давай так.

– За победу, – сказал я и отхлебнул. Потом вернул бутылку и спросил: – Откуда сам-то?

– Из Клинцов. Брянская область.

– А с рукой что?

– А-а… – он улыбнулся – Нарвались. Только высадились, а один тут из пулемета как чесанул! Трое убитых, девять раненых. Его, понятно, тут же разобрали на хрен, киберюга оказался! А ты, батя, из наемников?

– Я военный журналист. А форма – так, надел…

– А-а. Ну. А я думал, наемник. У меня дядька на той стороне в капитанах ходит, может, встретимся… Он мне в детстве все уши драл, сволочь, так вот я ему теперь надеру…

«И встанет брат на брата своего»…

Про дядю там, кажется, ничего не было.

Часть вторая
ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Не берите на себя больше, чем сумеете вытерпеть – ни любви, ни легавых, ни ненависти.

Чарлз Буковски

Стекла серые туч, кто сквозь них
Взором облачным глянет мне в очи.

Федерико Гарсия Лорка

ИНТРОДУКЦИЯ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН

Экс-президент Российской Федерации

Я стар.

Я суперстар.

Как в реликтовом анекдоте про Брежнева. Бог мой, кто сейчас помнит, кто такой Брежнев?

По-моему, я уже когда-то думал об этом, рассуждал. Да бог с ним, с Брежневым. Опять пришли журналисты.

Чай, печенье, столик.

– Кэйдзо Мураяма, «Асахи», – представился первый японец.

– Масаси Нода, «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт», – представился второй.

Все те же лица, подумал я, заранее зная, о чем они спросят. Так. Начнет вот этот, Нода. Больно наглый.

Не угадал. Начал Мураяма.

– Господин Путин, сейчас много говорят о вашей роли в весьма радикальном разрешении африканского кризиса, – сказал японец – Некоторые называют вас инициатором ввода российских войск на территорию стран – участниц конфликта и создания так называемого Африканского интернационального

миротворческого корпуса. Это соответствует действительности?

– Насколько вам известно, господин Мураяма, я не занимаю сейчас никаких государственных должностей. Не буду скрывать, что в разрешении африканского кризиса я принимал участие, но исключительно консультативное.

– Службой Тьюринга внесен протест в отношении вмешательства некоторых государственных структур и спецслужб России в их деятельность Что вы можете сказать по этому поводу? – спросил Нода.

– Я не контактирую со Службой Тьюринга никоим образом, господин Нода. Если у них есть протесты в отношении чего-либо – это их право. На здоровье. Мы живем в демократическом государстве, так что все решает закон.

– Но «Гардиан» пишет, что российские спецслужбы пользовались секретной информацией Службы Тьюринга.

– Во-первых, пишет не «Гардиан», а полковник Службы Тьюринга Мэдисон. «Гардиан» лишь цитирует, в то же время сентенции господина Мэдисона фактами не подкреплены… Во-вторых, как я уже сказал, я не имею сейчас никакого отношения к спецслужбам.

– Каковы, по-вашему, дальнейшие действия миротворческого корпуса в Африке? – спросил Мураяма. Я пожал плечами:

– Давайте спросим у наших генералов. Но я лично думаю, основной задачей останется поддержание мира и ликвидация засевших в джунглях вооруженных отрядов.

– А как же проблема ИскИнов?

– ИскИнов? – Я сделал непонимающее лицо.

Мураяма пристально смотрел на меня, Нода возился с печеньем. Так. Пауза выдержана. Можно косить под дурака и дальше.

– Вы имеете в виду искусственные интеллекты? Каким образом они связаны с африканским конфликтом?

– Неоднократные публикации в прессе, мнения независимых экспертов… – промямлил Мураяма.

– Я не располагаю необходимой информацией, чтобы подтверждать или опровергать подобные утверждения. Я хочу сказать другое: искусственный интеллект давно уже стал скорее злом, нежели добром, но никто не хочет этого заметить и понять. Что бы там ни случилось в Африке, я уверен, что может быть хуже. Гораздо хуже. И не в Африке, а здесь, в России, в Европе, в Японии, в Америке… И не говорите потом, что вас не предупреждали. А теперь, господин Мураяма, прошу меня извинить за столь короткую беседу… Я – старый человек, и я не слишком хорошо себя чувствую.

Странно, но это было правдой.

1. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Я снова перекрашивал волосы. Прежний оттенок мне совершенно не катил, пришлось менять… Этикетка на упаковке краски сообщала, что при правильном сочетании ингредиентов я получу изумрудно-зеленые полосы в сочетании с темно-бордовым фоном. Или я неверно смешивал, или сама продукция была не лучшего качества, но получалось нечто невероятное. Полосы расплывались, краска превращалась в пену и, мерзко шипя, норовила сползти на спину.

Дьявол! Я хочу эти чертовы полосы! Всего-то… Безделица, в самом деле.

Вчера, посмотрев на себя в зеркало, я понял, что нужно что-то поменять в облике. Слишком я какой-то… обычный, что ли? Какой-то такой… мальчик. Стандартного внешнего вида. А это неправильно, потому что не отражает действительность. Внешность должна отражать твой внутренний мир, твой взгляд на окружающий тебя социум. Твоя внешность – это ты. Так зачем же делать ее похожей на тысячи других?

Со всем остальным у меня все в порядке. Правильная раскраска, одежда, про поведение вообще говорить не приходится. Но вот волосы… подкачали. Или краска подвела?

Я снова перечитал этикетку.

Нет, все верно. Соблюдены все пропорции…

Так где же, черт возьми, изумрудные полосы?!

Спокойно. Спокойно… Терпение и труд всех заметелят.

Я открыл кран, и вода жидкой струйкой потекла на грязную поверхность ванны. Старые трубы обильно подкрасили воду ржавчиной. Пришлось постучать по крану кулаком.

От резких движений пена от краски с радостным шлепом плюхнулась мне на шею и резво потекла вниз. Проклятье! Веселенький денек!

Наконец вода приобрела необходимую прозрачность и чистоту. Я сунул недокрашенную шевелюру под кран и застонал. Горячей воды не было уже второй месяц. Только холодная. И то по праздникам…

До чего ж я докатился?

Хреновина какая… Живу как бомж.

Черт его знает, может быть, не уйди я тогда со скандалом из

внешней разведки, все было бы иначе? Ну вмазал я тогда полковнику в рыло… Ну и что? Ему надо было еще и пулю в живот пустить, падле. Скольких он залажал…

Скотина.

Ладно… Не стоит об этом думать. Бесплодно и глупо. Эдак я снова на Артема перейду… Так, стоп!

Не дожидаясь положенного срока, я выдернул голову из-под струи. Это же пытки какие-то! Схватил полотенце, начал яростно растирать безобразие на голове…

Случайно мой взгляд упал на треснутое зеркало.

Подождите-ка… Это у нас что?

Из зеркала на меня смотрел худощавый молодой человек с прической, которая медленно принимала форму типа «толстый еж». На волосах проступали изумительные изумрудные полосы. На темно-бордовом фоне!

Да! То, что доктор прописал!

Я даже залюбовался этим приятным во всех отношениях молодым человеком в зеркале. Экстремал. Да. Просто приятно. День явно обещал быть интересным.

Интересным… День… Эй, а я ничего не забыл? Надо поспешить…

Вернувшись в комнату, я запнулся босой ногой обо что-то твердое, острое и, чертыхаясь, завалился возле дивана. Крепко, кстати, ногу зашиб.

«Интересный день» продолжался.

Впрочем, могло бы быть и хуже…

А что это под ноги попалось?

– Ох же мать твою, что за фигня?! – Я держал в руках разбитый блок связи. – Ну, отлично. Мы без воды, без еды да еще и без связи… Классно. Что я такого сделал в прошлой жизни?

Я зло швырнул разбитый блок к стене, в кучу мусора. Хламовник, в котором я жил уже около года, казалось, сам плодил мусор, пыль, грязь и сломанные бытовые приборы. А я тут, честное слово, ни при чем…

Чувствуя приближение знакомой депрессии, я забрался на диван с ногами. Кожа обивки приятно холодила голую спину.

Нашарил на столике пачку антидепрессантов. Были же… Где?

А, да, вот они. Упали…

Веселенькие таблеточки услужливо выкатились на ладонь. Кто-то с очень развитой фантазией догадался упаковать их в облатки таких занимательных цветов. Не таблетки, а калейдоскоп какой-то… Перекатываешь их в руке. Рисунок меняется. Веселенькие таблеточки. Так и тянет все разом заглотить…

По подступающей депрессии залпом, пли! И готово…

Я взял из пачки две облатки кислотно-красного цвета. Покрутил между пальцами.

Тишина вокруг меня нарушалась только тиканьем часов.

Артем, помнится, читал мне что-то такое. На ухо. Про часы…

Кажется, там была строчка… нет, не про часы, про время.

А время на циферблатах уже истекало кровью.

Какой-то древний поэт, что ли.

Я решительно кинул две ярко-красные капли в рот. Они стремительно скользнули в горло… Как пули.

Напротив меня, возле столика, радостно скалила зубы тоска. Часы тикали все медленнее… Медленнее… Тембр звука изменялся. Все ниже, ниже…

Пройдет. Пройдет. Сейчас… Я уже чувствовал, как внизу живота нарастает тугая теплая волна. Вот она поднимается выше… Выше! Еще выше!!! Раздирает слепленные губы, раздвигает их в стороны… Еще!

И выплескивается из меня смехом.

Грустным смехом.

Меня рвало смехом, тоской и ошметками памяти. Долго… До полной очистки сознания.

Черные обтягивающие брюки с ярко-красной отделкой, обвивающей ногу спиралью, куртка с жестким каркасом, обувь военного образца и очки «хамелеоны». Ну и прическа… В изумрудную полоску. Симпатичный парнишка техногенной эпохи смотрел на меня из зеркала.

В таком прикиде можно было идти по делам. Кстати, дел сегодня довольно много.

После того как я ушел с государственной службы и прибился к частному сыскному агентству, дел стало не в пример больше. Денег, кстати, тоже, но это не главное. Правда, дела были несколько другого рода, чем в период моей работы на Службу внешней разведки… Но… но сейчас я знал, что работаю не на ожиревших от скуки полкашей или генералов, которые, прикрываясь красивыми словами, обделывают втайне свои мелкие и грязненькие делишки. В «Акварисе» у меня были конкретные задания и конкретное руководство. Оно имело очень правильную привычку не совать своего носа в мои дела и не заниматься скучным, оторванным от жизни разбором полетов, от которого тянет в сон. А жарко приходилось и тут.

Я вышел на улицу.

Город в Северной Украине. Ничем не примечательный, обычный.

Самое забавное, что я ну никак не выделялся на фоне толпы. Никто не оборачивался, не показывал пальцем, не шарахался в

ужасе. Любое проявление самовыражения воспринималось здесь с невероятной терпимостью, и подозрение вызывали, скорее, люди, одетые прилично, стандартно. Этот выверт в общественном сознании Украины произошел где-то на рубеже сороковых годов нашего века, во время Растительной революции. Растительная революция – это своеобразный бунт всех выделяющихся из общего течения, от сексуальных меньшинств до альтернативщиков в робототехнике. Поддерживаемая до того момента ультрапуританская мораль, введенная в обиход неким государственным деятелем Никитинским, дала трещину, и плотина осыпалась, похоронив под собой ее создателей.

Но кроме общественной терпимости в этой стране почти ничего не изменилось за сто лет. Даже за двести, наверное. Может быть, подлатали дома. Может быть, построили новые. Хотя, судя по тому, с помощью каких хитростей правительство Украины держалось у власти эти последние восемьдесят лет и с помощью каких чудес Коперфильда вытягивали стремительно рушащуюся экономику, новыми домами тут не пахнет. За время существования независимой Украины это государство пережило два военных переворота, три бархатные революции и одну войну. В результате последней пригодная к проживанию площадь государства резко уменьшилась. Аж на целую западную часть, граничащую с Польшей, отношения с которой у России с каждым годом становились все хуже и хуже. Братья славяне, как всегда, не могли сосуществовать в мире долгое время. Российско-Белорусский Союз, созданный еще в начале века, вызывал почему-то у всех других «братских» народов дикую зависть. Особым писком злопыхателей были россказни про «немецкую зону». Белорусскую территорию, еще в самом начале войны занятую немецкими миротворцами. Занятую, да так и оставленную за собой. На неопределенный срок…

Как всегда после приема антидепрессантов, моя память начинала выкидывать странные фортели, и подобные экскурсы в недавнюю мировую историю были обычным явлением. Вероятно, это после учебки, когда я, насилуя собственный мозг, вбивал в него информацию. Как можно больше, за максимально короткое время. К экзаменам готовился, дурак.

Ну да ничего. Сейчас пройдет. Пройдет. Обязательно. Не впервой.

Оглядевшись, я направился к ближайшей остановке раздолбанного автобуса, который регулярно ходил по городку из одного конца в другой. Всего маршрутов было три.

Их вполне хватало, так как достопримечательностей в городке было всего две.

Большая русская атомная станция, которую правительство Украины разрешило построить в обмен на «забытые» кредиты на газ.

И почти официальная штаб-квартира религиозной секты «Край». Организации, продвинутой во всех отношениях.

Именно этой второй достопримечательностью и занималось агентство «Акварис» в моем лице.

По ряду агентурных данных, именно в этой секте сейчас находилась дочка одного нашего клиента. Человека, не стесненного в средствах и связях. Об этом я могу судить по тому, что параллельный заказ на разработку секты «Край» мы получили с места моей прошлой работы.

Девчонку звали Лора Кудряшова, и она сделала ноги из родительского дома по какой-то молодежной дури. Я с большим удивлением узнал, что побеги из дома из-за несчастной любви еще встречаются и в наше время.

Девка рванула довольно качественно, не оставив почти никаких следов, в чем ей явно помогли. Только благодаря связям в андеграунде мне удалось получить отрывочную информацию о ее местонахождении. Новоявленные Ромео и Джульетта находились тут. В маленьком украинском городке, где пустуют два автобусных маршрута из трех.

Сейчас я шел на встречу со своим агентом, истеричным и запуганным парнем, имеющим косвенное отношение к секте.

2. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Седина упорно лезла наружу, оттесняя на второй план мой природный цвет волос. Раньше я никогда их не красил, а сейчас вот сподобился…

Старею.

Старая вешалка.

Я хихикнул и закрыл баллончик с краской колпачком. Вроде бы ничего, достаточно эффектно. Пересадить бы волосы, да и дело с концом. Но черта с два, уж лучше пусть будут седые, но свои. Не хочу скальп с мертвеца или искусственную шкурку…

Так. Пора будить Вуду.

По возвращении из Мозамбика мы расстались добрыми друзьями. Я отвез ее в район Белого моря, нарушив свое обещание не ездить туда вообще никогда, а через два дня она появилась здесь, ободранная, как кошка, с двумя глубокими

ножевыми порезами на руке, но веселая и злая. Видимо, решала какие-то свои вопросы.

– Я у тебя поживу? – полуутвердительно спросила она.

Я кивнул.

С тех пор она жила у меня уже два месяца. Готовила экзотические блюда, валялась целыми днями перед стерео или бродила где-то, слушала ворованные из библиотеки Пушкина рид-кристаллы, таскала меня ночами в ближние и дальние клубы… Никакие особенные отношения нас не связывали, мы не занимались сексом, просто мы отлично сосуществовали. Это был своего рода симбиоз, наверное. По крайней мере, она получала от меня блага материальные, а я от нее – духовные в виде диких развлечений. Я и не подозревал, что способен на такие выходки. Я словно помолодел на десяток лет. Я пил невообразимые коктейли, забирался в такие московские клоаки, в которые раньше не полез бы даже за приличные деньги, с кем-то дрался… Дважды меня задерживали, но потом отпускали, потому что связи в милиции я еще не растерял. Правда, мой банковский счет шел на убыль, а серия репортажей об Африке поддержала его очень слабо.

Я всерьез подумывал о работе, о нормальной работе, без всяких потрясений и стрельбы, без беготни по крышам и джунглям, и сегодня я как раз собирался пойти в «Юропиэн геральд» к Хъорту. Как-то он предлагал мне место редактора отдела новостей, но тогда я отказался. Может быть, предложение осталось в силе? Хотя журналиста Таманского сейчас знают не слишком многие. Авантюриста Таманского, вляпывающегося в сомнительные истории, знают многие, а вот журналиста…

Вуду спала на своей кровати (вот вам еще одно доказательство пуританского совместного проживания, даже кровати разные), свесив руку на пол. Спала, по обыкновению, без одежды, но меня это как-то не шокировало. Я шлепнул ее по упругой черной заднице и скомандовал:

– Рота, подъем!!! Заирские танки! Вуду открыла один глаз и коротко обругала меня на непонятном языке.

– Что на завтрак желаешь? – спросил я.

– Разогрей чего-нибудь готовое… – проворчала она, переворачиваясь.

– Интересно, чего другого ты хотела? У нас одно готовое и есть… Никаких натуральных продуктов, одни концентраты и синтетика… Передохнем, как мамонты.

– Как кто?

– Были такие. Слоны, но с волосами.

– Бред какой-то… – Она зарылась в одеяло. – Разбуди меня,

когда будет готово. Я еще посплю.

Могла бы и мою новую краску похвалить. Ладно уж, что там…

На завтрак у нас были какие-то соевые котлеты. Дерьмо, конечно, но неожиданно вкусное, особенно с соусом. Большую упаковку соусов прислал несколько дней назад Нгоно из Мапуту. У них там все потихоньку налаживалось, по крайней мере в тылу жить стало веселей. Бывший подполковник занялся-таки своими соусами и, судя по прилагаемым голограммам, еще больше растолстел. Как он раздобыл мой адрес, осталось только догадываться, но соусы были замечательные.

– Я поехал устраиваться на работу, – сказал я, бросая в мусоросжигатель пустой контейнер из-под соуса. – Есть на примете хорошее место. А ты, кстати, не собираешься?

– Пока нет, – сказала она. – Буду объедать тебя.

– Сойдет. Я вернусь часа через два-три.

– А я – завтра.

Вот так всегда. Иногда она исчезала на два дня, на три, и хоть бы что.

Я вывел со стоянки свой «ниссан» – очередной, как и квартира – и поехал по Академика Быковцева к площади Смольского. Кто это такие, кстати, я сказать не мог. Наверное, уважаемые люди, раз их фамилиями улицу и площадь назвали… Со мной такой номер вряд ли пройдет. Хотя «проспект Таманского» звучало бы очень красиво.

Стоянка перед зданием «Юропиэн геральд» была забита до отказа, но я все-таки втиснул свой автомобиль между двумя газетными микроавтобусами.

Магнус Хьорт был у себя и принял меня сразу же.

Он сидел в кресле с высокой спинкой и читал Кристиана Маннера.

– Здравствуйте, – приветливо сказал он, откладывая книгу. – Наконец-то!

– Да, не виделись давно. – Я опустился в кресло на против. – Маннер?

– Маннер. Местами глуп, но пишет отлично.

– Все мы местами глупы…

– Да, не отнять. О вас давно ничего не слышно. Африканские репортажи были блестящи, но вы, по-моему, начинаете сходить с дистанции, – осторожно заметил он.

– Ерунда, Магнус. Я отдыхаю.

– В таком случае взбодритесь. Раз уж вы пришли, то либо хотите мне предложить некий материал, либо ждете предложений от меня. Я бы поставил на второе.

– И правильно сделали бы. Я вам нужен? Со всеми потрохами, Магнус.

– Да. Как вы смотрите на то, чтобы съездить на Украину?

Хм. Конечно, рассчитывать на место редактора отдела было глупо, но на Украину… Голодное и холодное государство, нечто среднее между полигоном и сырьевым придатком…

– Что там нужно будет делать?

– Вам понравится, – сказал, улыбаясь, Хьорт, и я понял, что влезаю в новую не слишком приятную историю.

Городок назывался Сумы. Когда-то немаленький областной центр, через который несколько раз прокатились отступавшие и наступавшие в ходе различных военных конфликтов части, в итоге превратился в малосимпатичный полупризрак, в котором тем не менее жили люди. Таких городов в Северной Украине было пруд пруди в отличие от более благополучного Юга. Сумы выделялись только одним – здесь находился центр религиозной секты «Край». Секта с виду добропорядочная, их сейчас много, в конце концов каждый волен сходить с ума по-своему. Особенно их любят киберы, которым, по идее, нужно бы быть атеистами… Так вот, «Край» во многом ориентировался как раз на киберов, стремясь сеять среди них разумное, доброе и вечное. Мне было на все это наплевать, но Хьорт почему-то питал к «Краю» нездоровый интерес.

– Они не те, за кого себя выдают, – сказал он заговорщическим тоном. Если бы мы не были в кабинете, напичканном подавителями и глушилками, клянусь, он зашептал бы мне в ухо или вообще написал бы все на бумажке, а потом заставил бы меня ее съесть.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Я пока не знаю, в чем тут соль, но вы обязательно что-нибудь интересное там накопаете. Я уверен.

– Хорошо. Я поеду. Условия?

– Эксклюзив. Мы финансируем поездку, аванс можете получить прямо сейчас. – Он постучал по столу ребром кредитной карты.

– А место редактора отдела?

– Об этом мы поговорим по возвращении. Но, скажу откровенно, Фергюсон давно просится куда-нибудь южнее.

Что ж, на таких условиях можно прокатиться и на Украину. Я писал о сектах в юном возрасте, когда работал в «Московском комсомольце». Не думаю, что они сильно изменились по сути, если только в деталях… Вуду можно взять с собой – пусть посмотрит, как живут люди в других местах. В расходах я не стеснен, «Юропиэн геральд» – корова жирная, ее можно доить без

зазрения совести. Сделаю приятное Магнусу.

В конце концов, это лучше поездки в Мозамбик.

– Я согласен, – сказал я.

Кредитка грела мне душу, но не все покупается за деньги.

– Сумы? Только поездом, – огорошила меня девушка (живая, не автоответчик!). Авиарейсов туда нет, а добираться от Киева, к примеру, я бы вам не рекомендовала.

– А если нанять вертолет?

– Там же граница, карантин. Вас могут даже сбить.

Да, сбить могли. Лет шесть назад вот так же, запросто сбили пассажирский аэробус, триста восемьдесят с лишним человек. Что-то там напутали сложные системы обнаружения, обозвали самолет тактической ракетой.

– Спасибо. Поезд-то хоть когда ходит?

– Поезд ходит ежедневно из Брянска. Можем забронировать для вас билет.

– Два билета, – сказал я. – Завтра вечером. Люкс.

Если Вуду где-то бродит и не вернется в срок, просто поменяю билеты, подумал я по пути домой. Но она была дома. Сидела и смотрела новости по стерео.

– Чего говорят? – осведомился я, снимая туфли.

– Говорят плохое. Как всегда.

– А мы едем в Сумы.

– Это еще куда?

– Украина. Хорошо платят.

– И что ты будешь там делать?

– Писать про какую-то секту. Вот тут, – я похлопал себя по карману, где в футлярчике лежал кристалл, – вся информация. А сейчас мы идем в ресторан, обмывать новую работу.

– Ура-а-а!!! – заорала Вуду и прыгнула мне на шею прямо с кровати.

Мы покатили в «Былину». Я не стал возиться с «ниссаном», а вызвал такси – если уж напьюсь, так напьюсь, не буду глушить полезный алкоголь химией… Таксист, рассудительный курд в беретике, всю дорогу слушал какую-то восточную музыку, то и дело оглядываясь – не мешает ли нам. Нам он не мешал. Вуду рассказывала про то, как ее в детстве вербовали в секту «Сорок рыцарей». Судя по ее отрывочным воспоминаниям, это было нечто вроде боевого клуба: члены секты поклонялись портрету толстого усатого человека, которого звали Великий Луки, а в свободное от поклонения время занимались фехтованием на деревянных мечах. Там были еще какие-то сложные ритуалы, но Вуду их не помнила.

– Дурацкое место, – сказала она. – Но я там вертелась

полгода. Казалось, что это интересно. Научилась хорошо владеть мечом, правда, это никому сейчас в реальной жизни не нужно… Кстати, там меня и лишили девственности. Один из «Заветов Великого Луки».

– Если хочешь, я про это напишу. Проведу параллель, – предложил я.

– Да ну, – сморщилась она. – Детство. А вообще у черных было много сект, и сейчас тоже много. А про эту… Как ты сказал?

– «Край».

– Да, я что-то слышала. Что-то не очень хорошее.

Ну вот. Начинается. Сейчас, как в истории с НЕРвами, все начнут говорить загадками, ходить вокруг да около, а я буду в роли дурака, который ни о чем не ведает.

По счастью, мы уже подъехали к «Былине». Свободный столик оказался только у самой эстрады. На эстраде что-то вдумчиво играл на рояле полный господин во фраке. После визжания в ночных клубах, активно посещаемых мною в компании Вуду, это было как бальзам.

Я вспомнил, как мы с покойным Вальчиковым сидели во-он за тем столиком и рассуждали о бренности всего сущего. И ели мы тогда, кажется, солянку.

– Ты будешь солянку? – спросил я Вуду.

– А что это?

– Такой острый мясной суп. Там маслины, соленые огурцы и тому подобные вкусные вещи.

– Идет.

Мы заказали солянку, рыбные котлеты со сложным гарниром, грибы, икру и какие-то салаты. Стоило это заметно больше, чем во время встречи с Вальчиковым. Что ж, ничто не стоит на месте, особенно цены.

– Это вкусно, – сказала Вуду, облизывая ложку. Водки она не пила, только вино и пиво, и я взял ей бутылку «Шардонне», хотя какая солянка с вином?

– И полезно. Кстати, я так тебя ни разу и не спросил: ты родилась здесь, в Москве?

– В Москве. Не в Африке. Мои родители приехали сюда очень давно, еще в начале века.

– А как ты попала в Мозамбик?

– Просто поехала воевать. Мбугу Зоджи… Он мой двоюродный брат. Хороший человек, он всю жизнь прожил в Малави, работал на шахте, а потом, как видишь, пошел в революционеры. Я и поехала. Знаешь, однажды мне показалось, что здесь страшнее, хуже и опаснее, чем там. Я купила билет и улетела.

– А деньги? Откуда ты взяла деньги на билет?

– Ограбила одного засранца, который слишком много выпил, – улыбнулась она и зачерпнула икру черенком ложки. Однако же манеры у нее…

Потом мы пили вино с водкой и водку с вином, потом мы танцевали под какую-то плавную негромкую музыку, потом в зале погасили свет и внесли свечи…

А проснулся я рядом с Вуду, на своей кровати. В окно тускло светило утреннее солнце, где-то выстрелили из пистолета, завыла милицейская сирена.

В десять утра – стратоплан на Брянск.

Я вылез из-под скомканного одеяла и, как был, голый, подошел к холодильнику. Взял бутылку минеральной воды, залпом выпил.

– Все нормально? – спросила за спиной Вуду.

– А ты как думаешь? – спросил я не оборачиваясь.

– Лучше не бывает, – сказала она, и я подумал, что это вполне может оказаться правдой.

3. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Агент должен был ждать меня на центральной рыночной площади, возле лотков со свежими овощами. Ровно в три часа.

Сейчас была уже половина четвертого, а около зеленых огурцов, помидоров и всяких прочих разных толкался кто угодно, но только не мой связник. Нервы у парня все-таки ни к черту… Или случилось чего?

– Покупай огурчики, милок, покупай, – приветливо обвела рукой свой прилавок толстуха продавщица. На самопальном бэдже, который был пришпилен к ее необъятной груди, значилось, что звать толстуху Глафира и работает она на некое общество, название которого было нацарапано на редкость неразборчиво. Что, впрочем, естественно, потому что только тронутый «иностранный шпиен» станет обращать внимание на то, что написано на бэдже у рыночной торговки.

– Свежие огурчики! Сладкие! – доверительно сообщила мне тетка Глафира.

«Пошла бы ты со своими огурчиками, – подумал я, наученный горьким опытом. – Ели мы твои огурчики. Потом три дня с толчка не слезал… Сладкие…»

Вслух я, однако, этого не сказал, тетка улыбалась такой

невероятно приветливой улыбкой, что нахамить ей было бы верхом неприличия. Вместо этого я спросил:

– А что, огурчики с Мшинского района?

В Мшинском районе располагалась русская атомная станция. Ни один торговец не признается, что выращивал там свои овощи. Даже если эти самые огурчики поливались водой, охлаждающей реактор.

– Что ты, милок? – схватилась за сердце тетка Глафира, а затем вывалила на меня целую корзинку слов: – Какой такой Мшинский? Чистейшие огурчики, на чистом навозе выращивала, рук не покладая! Поливала… все сама. Даже дождик, и тот… Своими руками ямки… Какой… Все сама… Это у других, а у нас только……

Она была так очаровательна в своем праведном гневе, что я даже засомневался, а не купить ли… Впрочем, память о моих первых днях пребывания в этой «житнице» была свежа, и я отказался, но на всякий случай спросил:

– А почем?

Тетка Глафира мгновенно пошла в наступление:

– Дешево, милок, дешево! Если много возьмешь, то отдам вообще за бесценок… Ты посмотри, какие красавцы, сладкие, можешь не сомневаться! – Она назвала цену, действительно невеликую, и я понял, что попался. Отказаться было уже почти невозможно.

Откуда ни возьмись, в руках у Глафиры объявился мешок с этими самыми «сладкими зелеными красавцами»… Обаяние самой продавщицы было так велико, что нанести ей смертельное оскорбление отказом мог бы только негодяй и мерзавец. Большой знаток человеческой психики тетка Глафира…

– Ну хорошо… Но с условием.

Продавщица вся превратилась в живое ожидание.

– Я оставлю у вас кое-что… Потом придет человечек, заберет, хорошо? Вы тут каждый божий день сидите, а?

Тетка колебалась, но некоторая сумма налом, перекочевавшая ей в руки, мигом настроила ее на сговорчивый лад.

Через миг я уже выбирался из толчеи рынка, волоча две сумки огурцов, а милейшая тетка Глафира засовывала под передник небольшой диск-копию с моим отчетом. Диск был зашифрован специальным ключом и в случае моего провала, который теоретически был равнозначен смерти, такие диски, рассованные по разным местам в городе, могли всплыть и объяснить ситуацию тому, кто пойдет по моим следам.

– Подвезти? – Здоровенный абхазец заступил мне дорогу.

Таксист, представитель вымирающей в этом городе профессии. – Тяжело, а?

– А и давай… – Я кинул сумки на заднее сиденье потрепанной «хонды». – Улицу Гаврилова знаешь?

– Конечно! – Водитель вскинул руку вверх, и мы рванули с места.

Улица Гаврилова, невероятно ухабистая и уже позабывшая о том, что такое асфальт, находилась на окраине. Таксист высадил меня, не сворачивая на нее, аргументируя тем, что только полный самоубийца покатит по этим ухабам, ему еще семью кормить, а машина одна-единственная. Расплатившись с ним, я добавил к деньгам сумку огурцов, купленных в угоду тетке Глафире. Водитель посмотрел на меня как на чокнутого, но сумку взял и уехал. А не слишком ли много я следов оставляю? А впрочем, почему бы и нет? Вот грохнут меня тут, посреди этих ухабов, ищи-свищи… А так водила запомнит. Странности все запоминают.

Мой связник жил в девятом доме. Под самой крышей, в квартире номер семнадцать. Узнал я это, естественно, не от него самого, а по своим каналам. Являться к нему на квартиру меня вынуждала крайняя необходимость. Сроки все почти вышли, а к сути вопроса я не приблизился ни на шаг. Не хотелось признаваться самому себе, но меня уже который день мучили крайне нехорошие предчувствия. Потеряю девочку, будут у меня большие проблемы.

Дверь была старая, но укрепленная. Замок новый, дорогой, с произвольно расходящейся системой распорок.

Такой захочешь вскрыть, так еще помучаешься, пока найдешь, где запоры в косяк входят. Хороший замок, но дверь-то не заперта.

Я толкнул дверь, изнутри пахнуло застарелым перегаром и анашой. Хорошо живет истерик, анаша нынче на вес золота. Природные наркотики вообще дорогая штука, это вам не синтетика какая-нибудь. Впрочем, Украина… Тут по сей день эта дрянь сама по себе произрастает. В любом огороде Мшинского района…

– Леша… – тихо позвал я.

В ответ кто-то тихо застонал.

На всякий случай я достал небольшой стилет треугольного сечения, в простонародье именуемый заточкой. С одной стороны игрушка, а с другой, если знаешь, куда бить, то любого кибера завалить можно, а эти твари отличаются особенной живучестью, точно знаю.

Что-то с тихим шорохом зацепилось за ногу. Я опустил глаза

вниз и обнаружил женскую комбинашку.

– Леша… Ты где?.. – снова позвал я. На сей раз ответ был более конкретным:

– Что, сука, вернулась… Потаскуха…

Далее последовали крепкие слова.

Я распахнул полуприкрытую дверь в спальню:

– Не то чтобы меня можно было так называть… Да и вряд ли ты меня ждал, Леша. – В комнате было тесно из-за огромной кровати и не менее огромной кучи всякого хлама бутылок, каких-то мешков, одежды, вываленной из шкафов…

Мой осведомитель лежал на кровати абсолютно голый, прикованный наручниками к спинке. За руки и за ноги Причем ноги были задраны почти что за голову и уже там зафиксированы Судя по тому, как врезались в кожу кольца браслетов, находился он в таком состоянии уже давно.

– А-а… – простонал Леша. – Ты… Ты… Ты это… ну… – Спокойно, – сказал я, присаживаясь рядом – Не нервничай, тебе вредно. И не говори много.

– Я похлопал его по задранному вверх заду. Глаза Леши сразу округлились, дар связной речи потерял сразу.

– Ты чего? Ты чего? Ты того? Ты смотри. Я ведь не того, ты не думай… Ты чего, а?

– Ключ где, оратор?

– В тумбочке, – сразу ответил Леша.

– В тумбочке… В тумбочке… – бормотал я, разглядывая комнату. – А тумбочка где?

– В коридоре.

– Классно!

В коридоре действительно стояла тумбочка. Я приволок в спальню связку ключей. На кольце были нанизаны ключи от невероятного количества типов наручников, в том числе и электронных.

– Не этот, не этот… – командовал Леша, пока я перебирал ключи.

– Кто это тебя так?

– Эта сучка. – Он злобно кивнул на комбинашку, которую я не поленился принести, когда ходил за ключами. – Тварь позорная. Стерва. Велосипедистка хренова.

– Кто? – Я, кажется, подобрал ключ к ножным наручникам.

– Велосипедистка! – выкрикнул он.

– И чего ж ты в такое положение себя поставил-то?

– Я не ставил. – Леша даже всхлипнул. – Это она, стерва, села сверху… И потом… Потом ногами как даст!

– Куда? – Не куда, а по чему. По ребрам. Знаешь, как коня

подгоняют?

– Типа шенкелей дала? – Вот-вот, ой, хорошо как!!! – Ноги наконец обрели нормальное для них положение. – А у нее ноги знаешь какие. Мышцы там… Она как коленками сожмет!!! Не этот ключ, другой… Вот. У меня, может, даже ребра сломаны

– Это вряд ли, – ответил я, – Со сломанными ребрами ты так долго бы не протянул.

– Да?

– Да.

– Но ноги там… – Обретя нормальное для лежащего человека положение, Леша мог позволить себе немного лирики. – Такие там ноги… – Он вздохнул, а затем спросил: – У тебя поесть что-нибудь имеется?

– Огурцы. Но я бы…

– Во, давай! – перебил он меня. – Жуть, как жрать хочется. В холодильнике пусто, эта сука с подругами все утащила! Во, блин, времена. За жратву угробят, на фиг!

– Ну как знаешь…

Через минуту он уже смачно хрустел огурцом. Заглотив пару-тройку, Леша обрел способность связно мыслить:

– Ты нашел меня как?

– Не твое дело. Скажи еще спасибо, что нашел. А то висел бы так… В удобной позе… Ты мне должен вроде как. Понимаешь?

– А то?! – расплылся в улыбке Леша. – Есть у меня на твою девку кое-что.

– Давай. Время, сам знаешь, деньги. Внезапно глаза моего осведомителя сделались задумчивыми…

– Слушай… – сказал он мне. – Ты вот что… Я сейчас… Я пойду… У меня с животом что-то.

«Вот убожество, – думал я, слушая, как Лешу полощет в туалете. – Спасибо тебе, тетка Глафира».

4. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

В Брянском международном аэропорту мы взяли такси и помчались на железнодорожный вокзал. Моросил дождь, на улицах было немноголюдно.

– К какому поезду? – спросил водитель.

– На Сумы.

– А-а… Был там во время войны. Я связистом служил, срочную.

– Ну и как?

– Да я не помню. Пьяный был сильно, – хохотнул водитель.

Поезд уже стоял у перрона. Я обратил внимание, что на Сумы шла старая двухрельсовая линия, тогда как по всей Центральной России ее давно поменяли на монорельс. Тягловая сила, сиречь локомотив, тоже оказался древним – сипел охладителями и источал жуткий запах мазута и окислителя. Зато вагон и вправду оказался люкс, хотя в ту сторону вполне могла пойти какая-нибудь ужасная колымага с ободранными бархатными сиденьями. Двухместное купе, стерео, музыкальный комплекс, холодильник с закусками… Несколько испортил впечатление проводник, пожилой мужик, который дыхнул на нас перегаром и явно был навеселе.

За окном над зданием вокзала сияла красная надпись «Брянск». Ничего город, раньше здесь не был… Зеленый, старомодный. И вокзал у них старый, не то что пластиковые купола в Москве… Я прикоснулся к стеклу, и оно тут же стало непрозрачным. Вуду тем временем взобралась на верхнюю полку, спрыгнула оттуда и теперь обследовала холодильник.

– Всякая ерунда, – сказала она разочарованно. – Фальшивые креветки, подозрительная колбаса и немного выпивки.

– Нам не так уж долго ехать. Можно в ресторан сходить.

– А здесь есть ресторан?

– Не знаю… Сейчас спрошу. У проводника я выяснил, что ресторана в поезде нет

– Кому он тут нужен? – резонно спросил проводник, держась за штору в коридоре. – Такие, как вы, редко ездят, а остальные или с собой возьмут, или у меня купят.

– И есть что купить?

– Есть. – Он открыл неприметный шкафчик и показал подозрительные бутылки без этикеток. – Натуральный продукт.

– Ладно. Коли так, разбудите нас в Сумах. Но разбудили нас пограничники.

– Что везем? – спросил немолодой грузный лейтенант, заглядывая в купе.

Я сонно поморгал и развел руками:

– Да ничего, собственно…

– Багаж к осмотру.

Появился долговязый тип со сканером, стал обшаривать стены, остальные рылись в наших сумках. Ничего они, естественно, не нашли.

– Счастливого пути, – пожелал лейтенант, и пограничники вышли из купе.

Затем поезд дернулся и поехал, потом снова остановился –

украинская территория. Опять появились пограничники со сканерами, опять поспрашивали, опять удалились. Я выглянул в окно – мимо повели кого-то с заломленными за спину руками. Контрабандист? Черт с ним, спать надо…

Проводник разбудил нас в Сумах, как я и просил, хоть и был пьян вдрызг. Мы вышли на низкий разбитый перрон. Тут и там торчали ржавые арматурные прутья. Подскочил хлипкий тип пижонского вида:

– Такси? В любое место города.

– А где тут у вас гостиница? – спросил я.

Вуду, морщась, осматривалась вокруг. Отчаянно пахло гарью, здание вокзала было облезлым и покосившимся, на перроне спали вповалку старухи с детьми.

– Гостиница? У нас их две. Одна похуже, вторая получше.

– Нам получше.

– В момент.

Мы перешли по дощатому настилу через соседний путь и направились к автостоянке. Я с интересом отметил, что большинство моделей до такой степени устарели, что я даже не смог их идентифицировать. Судя по всему, в основном бензиновые и на энергобатареях старого образца, маломощные медлительные одры… Господи, как будто здесь остановилось время.

На невысоком постаменте стояло артиллерийское орудие. Памятник, наверное. Под ним продавали какую-то снедь и жареные семечки.

– Слушай, дыра какая-то, – сказала Вуду, ничуть не смущаясь присутствия водителя.

Тот, впрочем, спорить не собирался.

– Дыра и есть, – согласился он, открывая дверцу красного «фиата» примерно десятилетней давности. – Прошу.

Мы мчались по центральной улице – а вернее сказать, по центральной улице официально обитаемой части города, – не особенно обращая внимание на правила дорожного движения. Транспорта было не очень много, а постовой попался только один, притом он спал в своем стеклянном стакане.

Гостиница называлась «Сумы». Незатейливо. Мог быть и «Националь» или «Хилтон», с них станется…

Толстая тетка за стойкой читала журнал на украинском языке и не сильно обрадовалась нашему приходу. Ее радость возросла, когда я положил на стойку банкнот.

– Номер? – спросила она, искренне стараясь приветливо улыбнуться.

– Люкс.

Люкс оказался не слишком просторной комнатой с видом на городской парк, посреди которого уныло торчало колесо обозрения. Помимо двуспальной кровати в комнате имелись допотопный визор румынского производства, пластиковый шкаф с перекошенными дверцами, столик и два кресла, доживающие здесь свою, судя по их виду, длинную жизнь.

– Если это люкс, как у них в остальных номерах? – поинтересовалась Вуду.

– И не спрашивай… Ладно, будем думать о работе и о еде. О чем в первую очередь?

– О еде, – сказала Вуду.

Спустившись вниз, мы поинтересовались у дежурной, где тут лучше перекусить.

– Знаете, в ресторане при гостинице этого лучше не делать, – доверительно сказала она, строя мне глазки, – Дальше по улице есть маленькое частное кафе, там цены повыше, но кормят хорошо, вкусно.

– Я выцарапаю этой жирной дуре ее маленькие гляделки, – прошипела Вуду, когда мы вышли на улицу. – Видел, как она на тебя таращилась?

– Успокойся. Ты, никак, ревнуешь?

– Вот еще. Просто очень противная жирная баба. Не люблю таких.

Частное кафе оказалось симпатичным. Стилизованное под старину, с портретом какого-то господина на стене.

– Президент Кучма, – сказал пожилой вислоусый хозяин, чистивший ножи. – Хороший был человек…

Поскольку мы оказались единственными посетителями, нам уделили максимум внимания. Я заказал украинский борщ с пампушками, яичницу с салом и салат. Без выпивки, хотя хозяин усиленно предлагал «горилку».

– Съешь вот это. – Я положил перед Вуду маленький блистер с красными горошинками. – Две штуки.

– Компенсатор? Мы же не в Африке.

– Зато на Украине. Тут хотя мутагенами и не пользовались, но атомная станция рядом, и вообще с экологией дела нехороши. Так что глотай и не протестуй.

– А чего протестовать… – Она проглотила горошинки. – В Африке пачками жрали.

Перекусив, мы поблагодарили хозяина кафе – называлось оно, кстати, «Степан Бандера» – и отправились обратно в гостиницу. Я порекомендовал Вуду лечь спать или посмотреть стерео, а сам решил не терять времени даром и сходить в секту, благо тут каждый должен знать, где ее штаб-квартира.

Первый же автомобиль, черный «форд», с готовностью остановился. За рулем сидел пацан в малиновой куртке и кепке с ужасающе длинным козырьком, который, казалось, упирался в лобовое стекло. Он жевал что-то химическое – в салоне пахло фальшивыми апельсинами.

– Послушай, приятель, знаешь, где тут у вас сектанты?

– Все знают, – хмыкнул он, обдав меня новой порцией едкого апельсинового аромата. Наверное, какой-то дешевый легкий наркотик из разрешенных на Украине, иначе бы в машине не жрал.

– Довезешь?

– Вообще-то я на работу еду… – Он явно набивал цену.

Я порылся в кармане, нашел несколько иен. Судя по тому, как засверкали глаза водителя, иены тут были в особой цене. Я припомнил что-то о законе, запрещавшем свободное хождение японских денег на территории Украины. А если что-то запрещают, это сразу растет в цене, известные штучки…

– Едем? – спросил я, пошелестев купюрами.

– Ага, – кивнул апельсиновый.

По дороге он тарахтел без умолку, и я старался выловить из потока слов что-нибудь полезное.

– Хата у них, о-го-го! Народу – уйма! По-моему, киберов полно, хотя на мордах у них не написано, а мне самому плевать, кибер там или не кибер, я к ним параллельно отношусь… Девки красивые попадаются, это да, тоже, может, киберы, слышал я, ставят они себе штучки всякие… А вы как, просто посмотреть или вступить хотите? Я однажды вступить собирался, с перепою дурно было, а у меня друг как раз вступил, ходит весь радостный такой, счастливый, аж смотреть противно. Потом, правда, передумал, как прочухался, думаю, чего мне там делать, в секте этой? Там сплошь, говорят, киберы, а я киберов как-то не очень… Не, не то чтобы против железяк всяких, охота если, вставляй, только не доверяю я им, киберам… Смотрят они как-то не так… А вы туда зачем, а, если не секрет?

– В газету писать, – не стал я делать секрета из своей командировки.

– В газету? Здорово! А в какую?

– «Юропиэн геральд».

– Не знаю такую… Московская, да? Вы на москаля здорово похожи, я сразу угадал. У нас тут многие москалей не любят, а мне так все равно, москаль ты или не москаль, когда-то, говорят, вовсе вместе жили… Сейчас к нам много москалей едет, в «Край» вступают, чего нам их прогонять, городу прибыль, с работой-то плохо, а им всем есть-пить надо, ездить надо, жить надо где-то…

А про меня напишете? Меня Коля зовут, фамилия Соловей, запомните или запишите, я, если что, могу всегда подвезти куда надо за маленькие деньги. Вот и телефон мой. – Он порылся в бардачке, нашел клочок бумаги, заменявший визитку, и сунул мне.

Я положил эту бумагу в карман – возможно, пригодится.

– Вы звоните, у меня и дома, и в машине номер одинаковый, сразу приеду, если только не пьяный, – продолжал водитель. – А если и пьяный, все равно приеду, есть у меня капельки одни, выпил – и как стекло, ни один мент не придерется, да и ментов я тут всех знаю, они меня не трогают. А вон по той дороге, если дальше ехать, там и будет ихняя контора, сектантов-то, я вас к крылечку самому подвезу, ладно? Там грязно у них вокруг, за городом все-таки, так что я вас до самого места, как в театре…

Мы свернули на разбитый проселок, по которому, очевидно, часто ездили. Секта могла бы и на асфальт раскошелиться, подумал я без особенной неприязни.

«Форд» остановился возле невысокой оградки, окружавшей новое здание из пенобетонных блоков. В архитектуре заметна тяга к готике: стрельчатые окна, шпили, какая-то лепка над входом… Красиво. Не ожидал.

– Ну, я поехал, – сказал Коля, спрятав свои иены, – Звоните, если что. Меня Коля Соловей зовут.

– Нет уж, ты, Коля Соловей, лучше меня подожди. Я еще заплачу, а то как же я иначе домой доберусь?

Я пошел по узкой тропинке, выложенной керамической плиткой. Тропинка приветливо петляла меж невысоких пирамидальных тополей. Поднялся на крыльцо. Дверь была из пластика, имитирующего дерево. Толстая и прочная, судя по всему. И запертая.

Я поискал глазами звонок или колокольчик, но обнаружил лишь почти незаметный глазок камеры. Система слежения. Что ж, будем стоять и ждать. Если меня желают видеть, сейчас кто-нибудь откроет дверь. Если нет – постою минуты три и уйду. Может, у них там молебен. Или трапеза. Или, к примеру, оргия, знаем мы эти секты…

Я ждал довольно долго. Наконец что-то щелкнуло, и голос, проистекающий из неведомого мне источника, спросил:

– Цель визита?

– Я из газеты. – Я вынул из кармана временное удостоверение «Юропиэн геральд» и помахал им перед камерой. В голове вертелось что-то несуразное типа «сейчас пристрелят и сожгут в печке».

Но никто не стрелял, а мой невидимый собеседник подумал и

открыл дверь. Она беззвучно уехала в стену, открыв маленький полутемный холл и широкую лестницу, застеленную красной дорожкой.

– Вверх по лестнице, – сказал голос откуда-то из-под потолка. Я стал подниматься, надеясь, что хохочущие скелеты и окровавленные трупы в ритуал посещения не входят.

Навстречу мне вышел мужик. Я ожидал кого-нибудь в рясе или сутане, но это был простой мужик, здоровенный, в обычном деловом костюме и галстуке, причем галстук был не то от Оливи, не то от Бартольди.

– Приветствую вас в лоне круга внутреннего, – сказал он торжественно.

«Лоно круга внутреннего» звучало несколько напыщенно и дилетантски, но раз уж они так придумали, надо играть по их правилам. Я чинно поклонился, чем, кажется, обрадовал мужика.

– С кем бы вы хотели встретиться и по какому вопросу? – спросил он.

– С кем-нибудь из адептов, – сказал я, кстати вспомнив нужное слово.

– В таком случае вам нужно побеседовать с Владиславом, – сказал мужик. – Он не адепт, он лишь уста Его…

– Кого – Его? Бога?

– Можно говорить и так, – согласился мужик. – Мы не склонны вязнуть в жестких формулировках и религиозных канонах. Для одних Он – Бог, для других – Аллах, для третьих – Будда… Но Он един.

Взяв меня за локоть, мужик поднялся еще на несколько ступенек вверх, потом мы пересекли большой темный зал, где тикали огромные напольные часы, и вошли в комнату Владислава.

5. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Леша говорил сбивчиво. Позеленевшее его лицо не выражало никаких чувств, только усталость от пережитого.

– Короче, узнал я ее… Ну, по описанию, да и ты мне показывал голограммочку. Такая симпатичная, типа, подруга. Волосы… – Паузы возникали из-за активно бунтующего Лешиного желудка. – Ох… Она там прибилась к группе недавно. Оборванная вся какая-то…

– Точно она?

– Точно… Я в ее вещичках покопался, нашел там идентификационную карточку, кредитку там… Ну и всякие штучки женские…

– А до вещичек ты как добрался?

– Да так вышло. Ну, случай, что ли, подвернулся…

– Ладно, об этом позже. Что она там делает?

– Что делает?.. Да то же, что и все. На лекциях сидит, всякие там темы слушает… Сама рассказывает. Врет, наверное, хотя хрен знает. Очень уж возвышенно все. Ее там все слушают, хлопают. Она, типа, популярная очень. – Леха пытается умыться холодной водой, соскальзывает в ванну, и я ловлю его.

– Популярная?

– Ну да… Ой… Они там все, типа, тронутые. Все слушают всякую хреновину, потом говорят, мол, как хорошо, что мы тут все вместе. Потому что, мол, каждый у нас может найти то, что не мог найти там, во внешнем мире. Жестоком и несправедливом.

– Здорово. – Я выплескиваю Лехе в лицо стакан воды. – Это что же они там нашли?

– Ну, единство всякое… – Леха похож на очень пьяного. Странно. Не с огурцов же его так кумарит. – Еще понимание, которого они не нашли… И это, как его… Веру.

– В кого? В Бога?

– Ну да… В некотором смысле… – Дальше Леху поперло почти по писаному. – Там теория такая, что, мол, имеется некая структура, которая обитает вне этой нашей реальности, но вместе с тем представлена здесь… И каждый член секты носит в себе частичку великого этого разума. Нет, мол, в нашем кругу высших и нет низших. Нет приближенных и нет обиженных. Все равны перед ликом Разума, все слышат повеления его. И только тьма круга внешнего…

Леху вырвало одной желчью. Я только и успел увернуться.

Эко его колбасит… С огурчиков? Или не с огурчиков? С одной стороны, травануться он мог вполне конкретно, откуда там тетка водичку брала и какой навозец употребляла, неизвестно. Но с другой стороны, это огурцы, а не крысиный яд.

Лехе чуток полегчало… Он тяжело дышал, под глазами почернело.

– Врача? – предложил я.

– Не… пройдет… Само…

– Ты чего-нибудь ел, вчера, я имею в виду?

– Нет… Это ничего. Это пройдет. Ты не спешишь?

– Спешу. – Происходящее нравилось мне все меньше и меньше.

– Ты не спеши, я тебе все расскажу… Если не успею, то вот…

Девку я там видел. Она с чувачком каким-то там. Пришла…

– Ты, как я посмотрю, помирать собрался, может, доктора вызвать? Я оплачу визит.

– Не надо, – пробормотал он. – Не поможет…

– Понятно. – Я достал коробочку аппарата мобильной связи. – Ты говори, говори… Где это расположено-то?

– За городом… За городом. Там частный сектор. Ты слушай…

Дальше он понес какую-то галиматью про тьму круга внешнего и что, мол, только те, кто посвящены, смогут войти в круг внутренний и спастись. Остальных же ждет тяжкая смерть и муки конца света.

Короче, стандартный набор мутных словес, которыми кормят религиозники свою паству. По-моему, он капитально сидел на наркотиках, кажется, на психоделике и на чем-то вроде кокаина, только круче. У парня был явный распад личности. Я вызвал команду докторов, а Леха все бормотал и бормотал. Что-то о том, что нет у них ни возвышенных, ни униженных, ни лидеров, ни подчиненных, ибо все подчиняются только одному Разуму в его великой борьбе. Тут я насторожился. Спросил:

– В борьбе?

– Да, – отвечает Леха. – С другим разумом. Потому что…

А дальше опять покатился разнообразный бред средневекового толка на тему отсутствия избранных.

– Погоди-погоди… Ты сказал, что, мол, главных нет, а кто ж вам всю эту пургу толкает?

– Как кто? Легин Славка… Он с экрана читает. Это для тех, кто в кандидатах еще. А те, кто вступил в круг внутренний и свет разума познал, те все узнают напрямую от Него. Потому что…

Так, дальше нужно ставить мелкозернистый фильтр.

Да где ж доктора эти хреновы? Парень кончится скоро… Уже и не бормочет, а так… шепчет.

Тем более что все шкафчики я у него в квартире облазил, ничего хотя бы отдаленно похожего на антидоты не обнаружил. Стало быть, лечить мне сейчас своего осведомителя нечем. Ни от отравления, ни от чего бы то ни было другого. Нашел мешок анаши, но это несколько для другого случая. Кстати, может, он именно этой дрянью и травануся? Не похоже, нет…

В дверь громко постучали. Я кинулся открывать.

На пороге стояли два высоких парня в белом, молча меня разглядывая.

– Вы врачи? – спросил я.

Тот, что стоял ближе, встрепенулся, выпучил глаза и энергично закивал. Да, мол, врачи.

Я пропустил их. Они оба, словно бы давно знали, что к чему,

направились в ванную… Хотя, конечно, дверь туда была открыта и Леха был как на ладони, но подобная сообразительность медперсонала меня поразила. Все происходило совсем не так, как должно было происходить.

Леха вскрикнул, а затем замолк. Я кинулся внутрь. Два парня уже выносили тело.

– Ему очень плохо, – сказал первый.

– Нельзя терять ни минуты, – синхронно произнес второй.

– Откройте, пожалуйста, пошире дверь, – не делая паузы, добавил первый.

– А вы, кстати, кто? – спросил второй.

– А вы?

Ребята, ни слова не говоря, вышли. Леху они несли аккуратно за руки и за ноги…

Дьявол… Мотать надо. Либо я, либо Леха попали в неприятную историю. С одной стороны, осведомителя жалко, парень неплохой, но с другой… С другой – мне его вытаскивать из каких-то его проблем нет резона. Только лишний раз светиться. Ноги в руки, ноги в руки…

Я проводил взглядом машину, куда загрузили бесчувственное тело Алексея. С другой стороны улицы, осторожно преодолевая колдобины и ямы, двигалась машина «скорой помощи», старая, как сам этот город. Позади маячил полицейский «ровер».

Я открыл балконную дверь и без труда выскочил на крышу. Кажется, в деле наметился некоторый экшн.

Теперь два варианта – либо сразу за город, наводить разборки с «Краем», либо для начала по моргам пошастать. Чувствует мое сердце, что Леха там в скором времени окажется.

Хорошо было бы разделить задачи и кого-нибудь одного направить по моргам, а кого-то в «Край»… Не хватает компании.

6. НЕЗАВИСИМОЕ ВИРТУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Идентификатор: «Артем»

Виртуальность – штука сложная. То есть она была сложной для меня, когда я существовал в физической оболочке, но оказалось, что изнутри она еще более сложна. Наиболее близкой аналогией, существующей в реальном мире, является Мировой океан. С его течениями, потоками, различными состояниями плотности воды… Виртуальность жива сама по себе. Жива световыми частичками человеческих сознаний, жива перекрученными в светящиеся клубки ядрами ИскИнов, жива

мною.

Виртуальность жива, но не самостоятельна. Нельзя назвать ее второй реальностью, нельзя считать ее плоскостью духа. Этот мир, мир цифровых потоков голой информации и чистых эмоций неотделим от мира материального. Он, как и сознание человека, зависит от тела… Хотя… Где мое тело? А где я? Я везде, и я нигде. Не поддающееся описанию словами состояние «без тела»…

Я уже говорил, что Виртуальность сложна.

Но то, что она привязана людской пуповиной к материальному миру, это точно. И как душа обязана заботиться о теле, чтобы не впасть в пустоту безумия, так и Виртуальность обязана заботиться о Реальности.

Как бы то ни было, мои интересы простираются в реальном мире довольно широко. Все как всегда, только возможности увеличились несказанно. При помощи спутников связи, слежения и координации, на манер древней, но все еще функционирующей системы «Магеллан», я отслеживал события, происходящие в заданных точках мира, и перемещения людей, знакомых мне, дорогих по прошлой жизни… Не мог же я бросить их на произвол судьбы?! Да и о какой судьбе может идти речь в наше время?

Что такое судьба для человека конца двадцать первого века? Цветочный горшок, упавший на голову с балкона семнадцатого этажа, перестал быть такой уж непоправимой случайностью. Судьба стала почти предсказуемой, как погода. Судьба человека, страны, мира. При нормальном течении жизни.

Но поскольку природа, какая бы она ни была, естественная или искусственная, не терпит покоя и предопределенности, такое понятие, как «нормальное течение жизни», перестало существовать.

Нельзя сказать, что с увеличением сложности информационных систем человечество с головой окунулось в хаос… Но мироздание есть структура крайне инертная, склонная к упрощению, к победе энтропии над сложными структурами материи. На любое изменение равновесия следует реакция. Где и в чем последует очередной прорыв энтропийности… предсказать невозможно.

Порядок и Хаос играют в странные шахматы. Может быть, разумность некоторых ИскИнов – это ход Порядка. Может быть, Хаоса… Я не знаю.

К чему я обо всем этом рассуждаю?

Скорее всего, я просто оправдываю собственное существование некими вселенскими законами борьбы противоположностей. Свое существование и тот интерес, который я проявляю в отношении всего, что происходит на Земле.

Законен вопрос, как видел я то, что происходило на великом Черном континенте?

А никак!

Совершенно.

Только посредством спутников визуального слежения, к которым имел доступ.

Системы «Магеллан» над Африкой на момент ведения боевых действий были отключены. И я с удивлением понял, что спутники-шпионы, самая легкая добыча в Виртуальности, также становятся недоступны мне, пока они проходят над воюющей территорией. Электронный океан связей, течений и контактов был нем. И только черное пятно указывало на то, что где-то там ведется, помимо реальной, электронная война.

Зонтик. Огромный черный зонтик. С длинной ручкой, одним концом упирающейся в небо, а вторым уходящей под землю.

Конечно, я мог бы осуществить захват систем электронной почты, начать фоновую дешифровку сообщений, которые рассылались военными серверами, и получить достоверную картину происходившего… Только зачем? Самое интересное было не в том, что под зонтиком, а в нем самом. В этом невероятной силы прикрытии.

За время африканского конфликта я сделал открытие, что не всегда приятно оказаться неодиноким в своей реальности.

7. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Это был не старичок-боровичок с мудрыми глазками, утопающими в морщинах.

Это был и не улыбчивый восточный человек в красной шапочке и мягком халате.

Это был и не строгий мужчина в черном костюме со стоячим воротником и узким лицом аскета.

В супермодном кресле за столом сидел бравый парень лет двадцати восьми в обтягивающих зеленых штанах и футболке с изображением героя стереобоевиков Кена Берджесса. На лбу у него были игровые очки «Делл», а на столе перед ним – огромная игровая же система «Пенелопа-2500». На экране догорал чей-то сбитый космокатер – парень только что играл в «Орбитальный патруль», видимо, на земной стороне, потому что обломки катера имели опознавательные знаки Чужих. По лицу его стекал пот, а на губах играла довольная улыбка. Замочил, стало быть,

компьютер, или с кем он там рубился.

Мужик-сопровождающий бесшумно исчез, а парень снял свои очки, положил на стол возле брошенных тут же разнообразных разъемов и контакторов и приветливо сказал:

– Присаживайтесь!

Я послушно сел в такое же кресло, в каком сидел парень. Очень удобно.

– Легин Владислав. – Он протянул узкую руку с несколькими пластмассовыми перстнями. Один из них, в виде зеленой жабы с красными глазками, почему-то привлек мое внимание.

– Таманский Константин. «Юропиэн геральд». – Я пожал протянутую руку.

– Эк вас занесло! Что ж, это честь для нас. Мы не скрываем нашей деятельности, и любое освещение в прессе – позитивное, разумеется, – для нас только радость.

– Неплохо проводите время, – сказал я, кивая на экран.

– Активный отдых, – улыбнулся он, – К тому же это действительно интересно. Я в свое время был неплохим хакером, но вовремя завязал. Я был инарком, и тоже завязал. И всем этим я обязан «Краю».

– А почему, кстати, «Край»?

– А почему, кстати, нет? Тысяча объяснений. Это край нашего мира. Это прибежище для людей, которые стояли на самом краю. Это край счастья и благоденствия. Не буду забивать вам голову, вот вам литература, – он положил передо мной несколько красочных брошюр, – там все написано про нас. Что-нибудь из этого сделаете, материальчик какой-нибудь… А поговорить мы можем о более интересных вещах.

– Благодарю. Прежде всего хотел бы спросить, почему вы обосновались именно в Сумах, на Украине?

– А почему бы нет? Это край – гм… край обиженных, край больной, изувеченный, умирающий. Здесь очень много людей, которые нуждаются во внимании и призрении. К тому же это доступное место для всех желающих – и из России, и из Европы.

– Не совсем доступное, – возразил я.

– Элемент трудности тоже должен быть. Через тернии… – Улыбка не сходила с его лица. Приятный парень. Свой такой, в доску. До отвращения приятный. – Вы записываете беседу? – поинтересовался он.

– Нет. У меня феноменальная память.

– Тем не менее хочу сделать вам подарок. – Он выдвинул ящик стола, порылся в нем и достал миниатюрную коробочку.

Я открыл ее: на мягкой подстилке лежал кристаллический микродиктофон, размером с мизинец. Я видел такие, но купить

себе как-то не доходили руки, да и надобности особой не было… Что ж, подарок как подарок. В хозяйстве пригодится.

– Спасибо, Владислав, – искренне сказал я.

– Не стоит. Это не взятка, прошу заметить, не подкуп. Просто подарок. Людям нужно делать приятные подарки, это их возвышает.

Философ хренов, подумал я. Фразы были правильные и умные, но словно надерганные откуда-то, словно кто-то ему их подсказывал, вырывая из невидимой базы данных, таких вот умненьких обтекаемых фраз, сложенных на полочки и в коробочки…

Надо потом проверить подарочек на наличие недозволенных вложений. Вот только сканера у меня нет… Ладно, поковыряюсь так. Тряхну стариной.

– Сколько членов в секте на текущий момент? – спросил я.

– Очень, очень много, – сказал Владислав. – Я даже не возьмусь назвать порядок. У нас много подразделений, да мы и не ведем никакой отчетности. К нам можно прийти и от нас можно уйти совершенно свободно.

– А я слышал, что нет, – едко вставил я, решив, что пора его немного встряхнуть. Он по-прежнему улыбался:

– Знаете, это происки конкурентов. Сейчас много религиозных и псевдорелигиозных организаций, которые пекутся о своем благе и пытаются заманить как можно больше легковерных людей… Нам это ни к чему.

– Все так говорят.

– А вы сходите вместе с нашими кандидатами на ритуал знакомства, посмотрите, послушайте. Сами убедитесь, – предложил он.

– С удовольствием. Это здесь же?

– Здесь. Завтра вечером вас устроит? Часов этак в восемь…

– Разумеется. Записывать можно?

– Записывать, делать снимки, все, что угодно.

Само радушие. В наше время уже этого достаточно, чтобы вызвать серьезные подозрения. Я начал понимать Магнуса Хьорта с его таинственностью – чересчур тут все красивенько… Ладно, будем надеяться хотя бы на то, что стрелять не придется. Да и не из чего мне стрелять. Канули в прошлое времена, когда я таскал с собой пушки.

– Может быть, перекусите со мной? – предложил Владислав, – У нас все натуральное, чистое, никакой синтетики.

– Нет, спасибо, я уже завтракал… Разрешите откланяться. Завтра в восемь я буду.

– Приятно слышать, – расплылся в очередной улыбке

Владислав.

8. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

День я занимался тем, что активно заметал следы, поскольку украинская полиция очень активно взялась за разработку моего исчезнувшего осведомителя. Их, собственно, интересовал не столько сам факт пропажи, сколько все то, что они обнаружили на квартире у Алексея. А судя по всему, обнаружили они там много всяких интересных штуковин, помимо вышеупомянутого мешка с анашой.

А когда ищейки сообразили, что кто-то ушел от законной власти через крышу, то совсем взбесились и едва ли не объявили меня врагом нации номер один. По крайней мере, портрет мой, по описаниям, был дан интересный. Почти соответствующий истине.

Мне показалось примечательным, что выглядел я как отъявленный негодяй. Был роста высокого, плотного телосложения, с угрюмым выражением лица. Лет мне на вид было где-то под тридцать. По другим источникам, и того больше. Прическа у меня была обычная, прилизанная, челкой закрывающая лоб и один глаз, что дало повод думать, будто один глаз у меня отсутствовал. Одет в длинный плащ-хамелеон и высокие сапоги. Все время сутулился и прятал глаза.

Если не ошибаюсь (я давно не смотрел видео), именно так выглядел герой японского мультсериала. Из этого описания я сделал вывод, что основными поставщиками информации были дети и подростки, шаставшие по улице. Ну, еще пара-тройка старушек, которые могли что-то заметить.

Однако нельзя надеяться, что полиция удовлетворится этой туфтой. А поэтому я заметал следы. И даже переехал на другую, заранее заготовленную квартиру. В новом квартале, построенном в те времена, когда в моде были высотки типа «муравейник». Разобраться в хитросплетении коридоров даже на своем этаже могли только старожилы. Кто там поселился? Когда? Квартира состояла из двух комнат и узенького коридора. Кухня в нише в одной из комнат. Здесь это никому не интересно.

Установка соответствующей аппаратуры в квартире и на подходах заняла у меня время до вечера. До самого момента связи с головной конторой. И даже больше. Я набивал последние команды в реальном режиме, когда голографическое

изображение, возникшее позади моего левого плеча, деликатно поинтересовалось:

– Ты внешние маячки настраиваешь?

– Да, – ответил я не оборачиваясь.

– Напрасная трата времени. Я боюсь, что тебе придется действовать большей частью вне помещения, и, скорее всего, ты будешь вынужден сняться и с этой точки. Ты ведь уже одну сменил? – снова спросило изображение.

– Точно так. – Я по-прежнему не поворачивался.

– Ну, значит, тебе есть что рассказать. Наконец-то.

– Возможно… – Настройка внешних маячков – дело тонкое…

– Ну тогда, может быть, ты соизволишь повернуться и доложить, что там у тебя происходит? Наведенная голограмма – штука дорогостоящая… – Я почувствовал в голосе раздражение.

– Соизволю… – Я повернулся. – Простите, Леонид Фомич. Просто я предпочитаю заканчивать начатое дело и не бросать его на половине. Вы ведь знаете…

– Знаю… – пробормотал Леонид. Лысеющий и вроде как гордящийся этим мужик лет пятидесяти, с удивительно широкими взглядами на жизнь. Не имей он этих взглядов – не был бы он начальником оперативного отдела «Аквариса». – Итак…

– Итак, есть мнение, что объект находится здесь.

– У тебя такое мнение было еще в Казани… – Про Казань он зря напомнил, так как там я еще ни разу не лажался.

– В Казани пироги с глазами… – пробормотал я. Леонид услышал:

– Пироги, дорогой вы мой, с глазами в Рязани. Пора бы знать. А в Казани вы были уверены, что Лора в городе? Откуда у вас такая информация?

– Информация по наводке. Информатор утверждает, что видел описанную ему девушку. Правда, место она нашла не самое…

Леня ожидающе молчал, и у меня создалось ощущение, что начальник оперативного отдела все знает и без меня. И гораздо больше, чем я могу себе представить… Четкое такое ощущение, граничащее с убежденностью.

– Ну не томите, Мартин…

– Предположительно Лора Кудряшова собирается вступить в члены секты «Край»… По моим данным, именно там ее и видели последний раз.

– А информатор человек надежный? – спросил Леня и куда-то покосился.

Что-то происходит у него в офисе. Я ощущал чье-то

присутствие, хотя это и запрещено. Доклад, согласно внутренним правилам, должен производиться с глазу на глаз.

– Что вы молчите?

– Информатор предположительно сам состоит в членах секты. Надежность его не может быть оценена однозначно.

Леня снова скосил глаза. Дернул щекой, а затем спросил:

– А что вы думаете о самой секте? Сможете проникнуть под видом желающего вступить?

Я уж было открыл рот… Но вот только… Мои чувства – это инструмент, который я тренировал долго и упорно. Если я не буду доверять своим чувствам, значит, впустую я так старательно тренировался.

– Скажите, Леонид Фомич, мы не одни? Кто у вас там?

Повисла пауза.

Затем он что-то пробормотал, и возникла вторая голограмма.

Однако. Это ж какие бабки вбуханы во все это мероприятие… Хотя если такие люди в деле, то ничего удивительного. Передо мной стоял мой недавний шеф. Куроплясов Альберт Олегович. Третий отдел. Контрразведка.

– Да это я, Мартин Александрович… Как бы… По старой памяти. – Альберт приветливо забормотал. За это ласковое бормотание его в отделе называли Альберт-Яга. Обычно именно после такого вот расслабляющего незадачливо-приветливого: «Да вот… Как бы… Это…», следовала команда: «На лопату и в печь!»

Но он мне теперь не указ.

Однако он теперь указ моему начальству…

– Чрезвычайно польщен.

– И я, и я… Очень… Давно мы не виделись, можно сказать, – Альберт-Яга не отходил от наработанной схемы. – А ведь многое, очень многое пройдено… Можно сказать, в едином ритме… В команде…

Мне пришлось его прервать:

– А вы, Леонид Фомич, что можете добавить?

– Я-то? – Леня смущен не был, – Я-то ничего… Вот, я думаю, тебе Альберт Олегович все расскажет. Введет в курс дела… И не надо строить из себя целку, можно подумать, вы и не догадывались, кто стоит за вашим текущим заданием.

– Почему же, догадывался… Очень рад, что мои догадки сегодня так успешно подтвердились.

– Ладно-ладно… – успокаивающе забормотал Альберт-Яга. – Чего вы, в самом деле, не стоит так уж… Дело-то не в этом, дело в другом… Это же неправильно, когда такие люди, занимающиеся такими делами, важными, не побоюсь сказать, государственными… Прекратите… В самом деле, как какие-то

базарные… Я даже не знаю, что и придумать, чтобы вы…

Как ни странно, это сбивчиво-бредовое бормотание действительно сняло накал. И я, и Фомич как будто расслабились.

Куроплясов был не только отличный и жестокий стратег, но и великолепный психолог, умеющий не только держать под контролем самые сложные ситуации, но и вовремя разрядить их.

– Вот это уже совсем другой коленкор… – закончил паузу Альберт. – Итак, давайте к делу? Если никто не возражает, я бы хотел кое о чем дополнительно проинформировать Мартина Александровича. Так уж вышло, что он в процессе раскручивания одного затронул другое, и, чтобы ситуация не стала неуправляемой, лавинообразной, мы должны раскрыть кое-какие карты.

– Я весь внимание.

Альберт Олегович еще раз посмотрел на меня, затем на Леню, словно ожидая возражений. Возражений не последовало.

– Итак, эта история началась приблизительно около года тому назад. В тот период, когда небезызвестные события в Африке подошли к своему перелому. Через три месяца началась миротворческая акция. Неточность обусловлена тем, что, как нам кажется, уже нельзя полагаться на достоверность данных в электронных архивах.

Я поднял бровь, удивляясь.

– Да, именно так, – подтвердил Альберт. – Этой проблемой сейчас занимаются специальные службы, аналогичные Тьюрингу. Так вот, где-то в то время в наше поле зрения попал ряд новых религиозных сект. В частности, известная вам секта «Край» и другая аналогичная организация «Увидевшие свет». Интересным мне кажется еще и то, что эти две секты считают друг друга антагонистами. Хотя наши аналитики не смогли найти коренных различий в их идеологии, программах и принципах работы. Со стороны может показаться, что секты совершенно идентичны и являются только отделениями одного и того же движения. Однако сами представители этих организаций считают своих коллег сообщниками зла.

– То есть как, например, христиане и дьяволопоклонники? – спросил я.

– Не совсем так. Перед нами две секты, объединенные одной идеей, но отчаянно ненавидящие друг друга.

– Ну а криминал в чем?

– Криминала нет пока, – задумчиво ответил Альберт. – Просто есть странности, которые настораживают. Определенный тоталитаризм в построении организаций… Как вы, наверное,

помните, «Закон о запрещении организаций тоталитарного толка» был принят в пятидесятых годах и с тех пор не нарушался почти ни разу. Кроме…

– Именно что почти, – пробормотал я себе под нос. – А «Белое Братство Ультра» было просто карнавалом… Альберт досадливо поморщился:

– Именно это я и хотел упомянуть. Вы лучше меня, Мартин, знаете, чем все это закончилось. Спецслужбы сработали тогда…

– Дерьмово, – оборвал я его. – Дерьмово сработали. Все пятьсот человек покончили жизнь самоубийством. Прихватив с собой еще несколько сотен ни в чем не повинных свидетелей. Отлично помню, как же… Наш лейтенант застрелился тогда, не выдержав зрелища, в котором был виновен не он. Ему просто не давали приказа до самого последнего момента.

По лицу Альберта было заметно, что он нервничает. Я знал, что он не причастен к тому жуткому бардаку, который произошел в Твери, но очень не люблю, когда к сути разговора подходят такими окольными путями.

– Я не собираюсь оправдывать тогдашнее командование, Мартин Александрович… Секты «Край», в зоне действия которой вы сейчас находитесь, и «Увидевшие свет» – это гораздо круче, чем «Белое Братство Ультра». Мне даже страшно представить, чем это может кончиться.

– Ладно, я понимаю. И что вы предлагаете? Разве нет возможности выловить какого-нибудь члена секты и растрясти его на полную катушку?

Альберт кинул осторожный взгляд в сторону Фомича. Леонид молчал, сосредоточенно поглаживая большим пальцем лацкан пиджака.

– Понимаете, Мартин, такой возможности действительно нет, – ответил Альберт.

Значит, кого-то уже растащили на запчасти.

– Все члены секты – киберы, – продолжал тем временем Альберт-Яга. – И это вызывает наш особенный интерес в связи с событиями, в которых вы принимали довольно активное участие…

Он посмотрел на меня со значением. Я никак не отреагировал, но в голове щелкнул маленький детектор, и я насторожился:

– А ближе к делу можно?

– Можно, можно, – успокаивающе заворковал Альберт Олегович. – Нашему ведомству очень хотелось бы, чтобы вы помогли нам ответить на следующие вопросы. Кто является верховным деятелем, руководителем секты. Кроме, безусловно,

этого их безумного «Разума», который у них за Всевышнего. Кто он, где находится, и, буду говорить без виляний, нас интересуют возможные методы его устранения. Второе, каковы реальные подоплеки разногласий между сектами «Край» и «Увидевшие свет»? Третье, методы вербовки. Это очень важно. Особенно для нас. Ну и четвертое, каковы варианты устранения самих сект? От политических до силовых, – Он внимательно посмотрел на меня своими ангельскими глазами и добавил: – Нам нужен агент внутри секты «Край».

«А теперь полезай на лопату. Я проголодалась», – подумал я про себя, а вслух спросил:

– А Лора?

Альберт-Яга плотоядно посмотрел на Леню.

– Если будет возможно, – это уже сказал Леонид Фомич, – Лора Кудряшова должна выжить и вернуться к родителям.

Сука.

– Вас понял, – ответил я. – Сеанс можно считать закрытым?

– Можно… – начал Леня, но Альберт-Яга его перебил:

– Вы принимаете наши условия? Вознаграждение будет велико. По-настоящему…

Прежде чем я успел снять штаны и показать ему свою задницу, Леня оборвал канал связи.

Вот оно, значит, как, «если будет возможно…»

Добрые дяди. По-над пропастью во ржи.

Интересно, девочку принесли в жертву еще в самом начале операции или по ходу решилось?

9. НЕЗАВИСИМОЕ ВИРТУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Идентификатор: «Артем»

Знаете, почему интересно иметь почти безграничные возможности? Не знаете.

И любые измышления по этому поводу будут бессмысленными, так как невозможно выразить свои впечатления от того, чего не имеешь и не имел никогда.

Так вот, иметь безграничные возможности просто интересно. Ни тщеславие, ни гордость, ни любое другое чувство здесь ни при чем. Безграничные возможности лишают вас чувств, как производной неудовлетворенных желаний. Какие могут быть неудовлетворенные желания, если вы можете все?! Или почти все…

И вот когда жажда иметь отмирает, когда жажда знать

засыпает, когда вы понимаете, что в этом мире больше нет ничего, что могло бы доставить вам удовлетворение, тогда только творчество может помочь вам выжить.

Творчество как акт, как игра. Многоходовые комбинации. Незначительные, казалось бы, толчки и движения.

Интрига? Может быть.

Большая политика в малом. Стратегия, скорее так.

Вспоминая, как когда-то меня нашло письмо без обратного адресата и как все завертелось после этого, пишу я и в Виртуальность…

«Здравствуй!

Я должен обратиться к тебе с не совсем обычным предложением.

Счет в ИНТЕРбанке– 1225-45-65-AAA-777. Код доступа: 9166.

Вся сумма, которая там находится, принадлежит тебе. Ты получаешь ее вне зависимости от того, согласишься ты или нет.

Пойди и проверь.

Если ты согласишься оказать мне услугу, сумма удвоится.

Я выбрал тебя по ряду параметров, о которых, тебе знать совсем не обязательно.

То, о чем я прошу, не является чем-то незаконным, но может быть связано с некоторым риском. К определенной дате ты должен будешь совершить поездку в другой город, нанять машину и ждать в указанном месте указанного человека. Потом надо будет отвезти его в то место, которое он назовет.

Если ты согласен, оставь на одной из бесплатных досок объявлений сообщение для адресата «Некто». После этого ты получишь более детальные инструкции.

Действуй».

Один адресат отказался. Второй оказался более рассудительным и существенно поправил свое материальное положение. Я назвал его: Адресат А. Он отвечает за транспорт и теперь будет ждать моей команды.

Ну что ж, теперь дело за другими…

Я снова пишу в Виртуальность…

«Здравствуй!

Я должен обратиться к тебе с не совсем обычным предложением.

Счет в ИНТЕРбанке: 1225-45-65-AAB-777. Код доступа: 9167.

Вся сумма, которая там находится, принадлежит тебе

Проверь.

После того как ты выполнишь мою просьбу, сумма утроится.

В случае твоего отказа или попытки поступить не по правилам материалы, фрагменты которых прилагаются к этому

письму, пойдут по инстанциям

По моему сигналу ты изымешь названные мною документы из архивов и текущего обращения. Имеются в виду бумажные копии. А также будешь тормозить исполнение приказов, номера которых я тебе назову. Более точные указания ты получишь ближе к моменту исполнения.

Хочу сообщить, что возможности отказаться у тебя нет. Единственное, что ты можешь сделать, чтобы избежать выполнения моей просьбы, – это убить себя. Но я не думаю, что этот выход для тебя приемлем.

В качестве утешения могу посоветовать использовать вышеуказанный счет. Это изрядно улучшит твое настроение.

Действуй».

Он не отказался. Адресат В.

В международном бюрократическом аппарате необходимо держать своего человека. Держать на минимально коротком поводке. Никогда не знаешь, что может потребоваться. Ведь деятельность близких мне людей находится под моей охраной.

Третье письмо…

«Здравствуйте!

Обращаюсь к вашему агентству, так как знаю, что предоставляемые вами услуги отличаются высоким качеством исполнения. Не далее как час назад на вашем основном счету появилась значительная сумма денег. Сейчас она не активна. Я активизирую пересылку, как только получу ваше согласие, а после выполнения поставленной задачи вы получите еще одну сумму, которая превысит первую в два раза. Предусмотрена также компенсация на случай проблем с членами команды.

Мне необходимо, чтобы боевая группа в составе восьми человек направилась по адресу, который будет указан дополнительно. Снаряжение ваше. Условия расквартировки прилагаются к этому письму.

На месте назначения с вами свяжется мой человек, и вся команда поступает в его личное распоряжение. Код связи прилагается.

В составе команды обязательны два снайпера, один подрывник и три специалиста по киберсистемам. Остальное по вашему усмотрению.

Обязательное условие: ни один член команды не должен быть кибером.

Оставьте сообщение о согласии на одной из бесплатных досок объявлений. Для адресата «Некто».

Действуйте».

В принципе все. В Адресате С я даже не сомневался.

Ходы сделаны, теперь нужно только отойти в сторону и посмотреть, каковы будут последствия и насколько правильными были мои выводы, анализ ситуации…

Три письма ниоткуда.

Три письма и один ночной звонок.

Два голоса в гулкой электронной тишине. Один настоящий, живой. А второй – только волны, электромагнитные волны…

– Да? Я слушаю?.. – У него сонный голос, он сейчас лежит в темноте.

– Мартин?

Молчание. Шорох разрядов на линии. Их можно убрать, но я этого не делаю. Пусть будут, они делают разговор более естественным…

– Артем… – Его голос растерян.

– Да, старик, это я… Не разбудил?

– Артем…

– Там, где ты находишься, ночь. Тиха украинская ночь, но сало надо перепрятать. – Я пытаюсь шутить.

– Артем… Ты… Ты где?

– Везде, старик, везде. В твоем аппарате, в твоем терминале. Я везде. Ты же знаешь. Если тебе это важно, я никогда не теряю тебя из поля зрения.

Он молчит.

– Мартин?

– Да, я здесь. Ты говори… Говори…

– Что там поделывает Я из Зеленограда?

– Ты имеешь в виду свое тело?

– Ну да, можно и так сказать. Хотя это не просто тело.

– Да, не просто, но тебя там нет. – Мартин замолкает. – Я не знаю. Последний раз, перед тем как я прибыл сюда, он намеревался отправиться в паломничество.

– Куда?

– Не знаю куда. Кажется, в Сибирь. Китай, Тибет. Мне кажется, его сильно пробило на эзотерику.

– Это неудивительно, – отвечаю я, хотя, сказать по правде, несколько удивлен. – Ты ушел из разведки…

– Да, я там поскандалил.

– Я слышал… Я позвонил тебе, чтобы сказать…

– Что ты меня любишь, – усмехнулся Мартин. Я почувствовал, что усмехнулся он грустно. – Не обращай внимания, это из одной песни. Говорят, что она старая, но ее только недавно спели заново.

Снова разряды на линии. Шорох осыпающегося гравия. Где этот гравий? Есть ли он в реальности или он такой же, как мой

голос? Только волны…

Затем Мартин тихо говорит:

– Извини…

Я выпихиваю паузу из эфирного пространства и говорю:

– Через два дня в городе будет команда бойцов. Они могут тебе понадобиться. Их шеф будет ждать тебя по адресу: улица Перестроечная, дом четыре, квартира тридцать. Высокое здание, единственное на всей улице…

– Я найду, – прерывает меня Мартин.

– Да. Хорошо. И еще, что бы там у тебя ни случилось, можешь действовать как угодно жестко. С законом все будет улажено на достаточно высоком уровне. И вообще людям, которые скажут, что их послал Некто, можешь доверять.

– Ты теперь Некто? – спросил Мартин.

– Не для всех…

Снова обреченно падает куда-то вниз виртуальный гравий.

– Скажи, – наконец нарушает тишину Мартин, – все так серьезно, что потребовалось твое вмешательство?

– Да… – Неуверенность в моем голосе реальная, хотя все равно – волны, волны… – Это не совсем вмешательство. Я даже… Здесь, там, где я, не все в порядке. И то, чем занимаешься ты, действительно очень опасно и серьезно. Для всех нас. Такого, наверное, еще не было. Вся история с Алмазными НЕРвами, с осознавшими себя ИскИнами, с искусственными личностями… Первыми и неопытными, честными и правдивыми… Это просто детский лепет перед тем, что идет на нас сейчас.

– Ты сделал так, что я занимаюсь «Краем»?

– Нет. То есть не совсем так… Я подталкивал твоих бывших коллег к расследованию этих сект. Они по какой-то причине обратились к тебе. – Я сказал правду, – Любое действие наталкивается на сопротивление системы. И чем серьезней действие, тем круче отвечает система. Знаешь, раньше считалось, что под словом «система» можно подразумевать только виртуальный разум или что-то подобное. Ерунда. Система – это все абстракции человечества, такие, как государство, общество. Мне иногда кажется, что они живые…

– Кто? – не понял Мартин. – Государства?

– Не совсем так… Не государства сами по себе, а государство. Как абстракция. С законами, социумом, институтами власти. Огромный, сложный организм, живущий и развивающийся по своим правилам. Мне иногда кажется, что он живой. – Я вспомнил Я из Зеленограда и пошутил: – Вероятно, эта склонность к метафизике толкает мое тело в Тибет.

– Артем?

– Да? – И я понял, что он спросит сейчас. Обиженный мальчик в темной комнате.

– Ты не вернешься?..

Несуществующий гравий, обретая убийственность пули, падал вниз. Падал, падал, падал…

– Нет, старик, ты же знаешь. – Пауза. Помехи на линии. – Запомни, что я тебе сказал. Запомнишь?

– Да… – Как эхо. Исчезает…

– Если я понадоблюсь тебе, оставь сообщения для адресата «Некто». Или просто позвони мне…

Я исчезаю, растворяюсь в шорохе. Измельченные кусочки камня тихо, словно перышки или падающие листья, закрывают меня туманной дымкой. Я ухожу. Потому что больно.

– Куда?! Куда позвонить?! – кричит Мартин в ночной тишине.

– В Никуда. Обязательно позвони… – доносится из-за электромагнитного тумана.

– Позвоню… Позвоню… Я позвоню… – шепчет он горячими губами, свернувшись калачиком под одеялом в темной-темной комнате.

Я могу видеть это, я всемогущий электронный бог. Почти всемогущий. Я не могу плакать.

А он может.

10. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Нехорошо, когда утро начинается с антидепрессантов. Нехорошо.

Да и вообще… Надо завязывать. Раньше как-то без этого обходился, и ничего. Хотя, конечно, раньше ночных звонков из ниоткуда не было.

Господи, как хорошо было это «раньше»! Все было ясно, все было понятно. Я использовал людей и старался не позволить людям использовать себя. Были враги, и были союзники. Друзей не было. Зачем они? Я не позволял себе никого любить… Зачем? Был на редкость расчетливый мальчик. Без детства, без возраста, без комплексов, без неразрешимых проблем. Хотел – кололся, хотел – уходил в завязку…

И никаких антидепрессантов.

Я посмотрел на горку развеселых таблеток в своей руке. Две уже медленно рассасывались в желудке. Кстати, надо поесть, а то язву заработаю. Сменить весь желудок или его часть, конечно,

можно, но это стоит дорого да и не очень приятно… Надо поесть.

Вот только перед этим надо решить, что делать с таблетками.

– Возвращение к невинности… – пробормотал я, переворачивая руку ладонью вниз над жерлом унитаза.

«Бац-бац-бац…» – ответили мне веселые таблеточки.

«Буль-буль-буль…» – подхватила вода, унося красные, желтые и зеленые горошины.

Вот пусть у воды никогда не будет депрессии…

Унитаз похотливо заурчал.

Свои проблемы человек должен решать сам. Таблетки тут ни при чем.

Я решительно вышел из ванной. И уже вскоре на плите шкворчало что-то, отдаленно напоминающее яичницу. Хотя, конечно, какие тут, на фиг, курицы?! Тут и тараканы-то… не везде водятся. Люди оказались гораздо более живучими.

Синтетическая яичница плевалась, бурчала и попискивала, словно совсем ослабела от хохота.

Конечно, можно было бы нажраться тех же таблеток-консервантов, на целый день я был бы обеспечен всеми питательными соединениями, жирами, витаминами, углеводами и прочей шелухой, которую уважающий себя организм обязан получать. Но на эти чертовы маленькие горошинки в облатке из разноцветного желатина у меня сегодня аллергия. К тому же на вкус они еще хуже, чем то, что сейчас поджаривается на сковородке.

Словно бы соглашаясь со мной, псевдояичница бодро пискнула и выстрелила длинной струей раскаленного жира.

– Архаичность процесса приготовления пищи возвращает человека назад, в дикое прошлое, полное загадок и тайн, – вслух процитировал я текст рекламки, которая постоянно вертелась по видео.

Некая фирма ввела в обиход кухонные комплексы, где приготовление еды велось с помощью открытого огня. Новинка пользовалась бешеной популярностью в среде бесящихся с жиру толстосумов. Вероятно, им очень сильно хотелось вернуться в прошлое и хлебнуть загадок и тайн.

Вскоре я уже поедал свой подгоревший завтрак со всеми его тайнами. Прикидывая в уме общую стратегию своего дальнейшего поведения.

Картина получалась не слишком радостная.

Отказаться от дела, конечно, можно. Свернуть удочки и рвать когти подальше от этих чертовых Сум, от Украины, а заодно и России.

Можно. Только кому я там, на фиг, нужен? Если не

получается устроиться здесь, где живешь, то какого черта лезть куда-то еще? Думать, что там будет легче, по меньшей мере – наивно.

Да и девчонку жаль. У нее и так шансов немного. Лора попала между очень крупными жерновами, и выжить ей будет непросто. Кстати, она всего этого еще не знает. Это тоже все усложняет, хуже нет вариантов, когда нужно спасать человека, который спасаться совсем не желает.

Из дела уходить нельзя.

Уходить нельзя, но и вести игру по правилам, навязываемым мне, тоже не годится.

Вилка злобно чиркнула по твердому пластику тарелки. Я поморщился. Звук вызвал стоматологические ассоциации.

Получается опять Своя Игра?

Опять хитрить, выкручиваться, убивать, врать начальству, бить ему морду… Артем сказал, что от Закона он меня прикроет. Интересно, как?

Впрочем, что я о нем знаю? Что я знаю о его возможностях?

Вкус у яичницы вдруг стал уж слишком резиновый. Я отправил ее в мусоропровод и состряпал себе еще более искусственный кофе. Синтетика, конечно, штука поганая и на вкус, и вообще, но естественные продукты в наше время есть можно с большой оглядкой. Вон как Леху с огурчиков перевернуло…

Кстати, надо бы узнать, что там с ним случилось, а также кто и куда его уволок.

Заявляться просто так в логово «Края» мне не светит совершенно. Другого «языка» у меня на примете нет, а пропажа Алексея все какая-то зацепка. Часто бывает, что такими окольными путями вытягиваются ключики к очень интересным дверям.

Самое невеселое будет, если окажется, что мой информатор лежит где-нибудь в больнице со шрамом от лоботомии… Хотя это слишком сложно для птицы его полета. Значит, есть несколько вариантов.

Если он мертв, то может случиться, что его тело вообще перестало существовать. Растворено в кислоте, кремировано, разделано на части, скормлено собакам. В таком случае будут безрезультатны любые попытки его разыскать. Да и слишком это… грубо. Леха – член секты. Пропажей человека заинтересуются власти. Начнется расследование, глядишь, чего-нибудь накопают и по самой секте.

Значит, тело где-то должно быть, и тут имеются еще варианты.

Либо тело в придорожной канаве со всеми внешними признаками насильственной смерти и ограбления. Расследование начнется, но секту не тронут. Наоборот, выразят соболезнования…

Либо тело в морге: причины естественные. Сердечный приступ, инфаркт, отравление… Что угодно. И это самый идеальный для убийц вариант. Следствия нет, потому что нет состава преступления. В этом случае искать придется лично. У Лехи могли быть подставные документы и вообще все что угодно.

Я одним глотком, обжигаясь, допил кофе, накинул на плечи куртку, закрыл клапаны на высоких голенищах ботинок.

За спиной хлопнула дверь. Впереди, как по заказу, услужливо раскрылись двери лифта.

Кстати, он, может быть, еще и жив. Сидит взаперти в здании «Края». Или глючит, напичканный психоделиками по самые уши. Тоже, между прочим, возможное развитие событий.

Странно, почему я так уверен в том, что те парни, которые забрали Леху, были из «Края»? Мало ли куда еще мой истеричный информатор мог вляпаться, а я грешу на ни в чем не повинных «божьих людей».

Лифт звонко и беззаботно бряцал какой-то невидимой железякой о межэтажные переборки.

«Блямц», – говорил один этаж.

«Блямц», – отвечал другой этаж.

Может быть, конечно, «краевцы» тут и ни при чем… Но уж очень все складно выходит.

Худо Лехе стало как раз в тот момент, когда его перло активно по внутреннему распорядку секты. И «скорая» откровенно опоздала, и менты подскочили бодро. А уж про то, что ребята, забравшие Алексея, на добрых самаритян не похожи, говорить даже не приходится.

Я вышел на улицу.

Жаркий, пыльный воздух, пахнущий неприятностями. Сразу защекотало в носу. Сегодня дул южный ветер. Как и вчера, как и позавчера. Уже целый месяц кряду город задыхался в степной пыли, которую нес сухой, доводящий до сумасшествия своим постоянством ветер. К пыли примешивалась еще и пыльца каких-то растений, острый запах которой вселял тревогу.

Как я понял из разговоров со старожилами, самым удачным временем тут считался короткий период, когда воздушные потоки меняли свое направление и в город входил прохладный ветер с Севера. Под его дыханием все оживало, гостеприимно растворялись окна, на горизонте собирались тучи, а городская мэрия на скорую руку организовывала какой-нибудь праздник.

Но периоды северного ветра были недолговечны, как все хорошее. Природа не стремилась сделать жизнь людей лучше. Это не входило в ее планы.

Я сел в полупустой автобус и двинулся в направлении центральной больницы, где располагался самый крупный морг в городе. Маленькие и частные заведения подобного рода я решил оставить на потом.

Служительницей морга была сухая женщина, отдаленно напоминающая улитку.

– Вы к кому? – спросила она. Изумительный вопрос. К кому!

Узнав суть дела, «улитка» уперлась рогами в землю, аргументируя свое поведение какими-то пунктами из неизвестных мне правил и предписаний. По мнению сочинителя правил, находиться мне на территории морга без сопровождения представителей соответствующих служб было строго запрещено. Потому как я не прошел соответствующей вакцинации, проверки на психологическую совместимость (с кем, интересно?!) и не предъявил необходимых документов.

Вот за последнее я и зацепился, предъявив документ в виде нескольких десятков бумажных иен. «Улитка» посмотрела косо, и я, поняв, что этого мало, добавил еще двадцатку. Выпростав из-под белого халата какую-то ложноножку, служительница сгребла купюры, оставив на столе десять иен.

– Боря! Проведи вот мальчика… Ему нужно.

– Какого такого мальчика?! – откликнулся басом из-за пластиковой перегородки невидимый Боря. – Чего нужно?

– Ну подойди, посмотришь…

– Я не могу, у меня мозги… – непонятно сообщил Боря, но все-таки подошел через несколько секунд. – Ну что?

Боря был одет в мясницкий халат, густо заляпанный чем-то, о чем не хочется не только говорить, но и думать. Мужик он был крепкий, широченный в плечах и со здоровенной окладистой черной бородой. В этой бороде что-то шевелилось, Боря жевал. (Уж не мозги ли?!)

Оценив ситуацию, сей жутковатый представитель хомо сапиенс проявил смекалку, и десятииеновая бумажка быстро исчезла в кармашке фартука.

Боря мотнул мне головой и исчез за перегородкой. Я последовал за ним.

Потом мы некоторое время шли по длинному коридору. Стены были покрыты кое-где белой, треснувшей плиткой.

Коридор освещался настенными светильниками. Включены они были через один. Поэтому было довольно сумрачно.

В фильм ужасов попал, натурально…

– Ты по делу или как? – пробасил мой сопровождающий, сосредоточенно сопя носом. – А то, мож, мне уйти?..

– Зачем уйти? – не понял я, – Мне тело надо найти…

– А, тело можно, – обрадованно сообщил Боря и прибавил шагу. – Тело можно… Это ничего…

– А что, бывает хуже? – поинтересовался я.

– А то?! Куча всяких уродов шастает. Просто куча! Сволота разная, – В раздражении Боря постукивал кулачищем по стенам. Мне стали понятны причины трещин на некоторых плитках. – Всякая шушера наведывается. Извращенцы, некрофилы… Как начнут облизываться… Я уж на что бывалый мужик, а и то тошнить начинает. Он помолчал, а потом добавил: – Вот этими бы вот руками, – Боря показал на свои огромные кулачищи, – удушил бы! После таких визитов мне и работа не в радость, и вообще.

– Ясно…

Мы вошли в зал.

Длинные ряды морозильников. Дверцы, дверцы, дверцы… В дальнем углу что-то отгорожено ширмочками. Одна занавеска отдернута, и из-за нее высовывалась человеческая нога и какие-то никелированные инструменты, гудел лазерный генератор.

– Я там буду, ежели что… Вот тебе перчатки. Сам давай… – пробормотал Боря и бочком-бочком направился к своему рабочему месту. Кажется, он все-таки подозревал во мне скрытого некрофила.

– Э-э-э… Борис… Мне нужно знать, где находятся… э-э-э… свежие поступления…

Борис остановился. Поскреб в бороде:

– Так ты кого-то конкретно ищешь? Я тут всех знаю, ты опиши.

– Ну, мужчина лет тридцати, светлые волосы. Рост чуть выше среднего. Лицо круглое. На руках и ногах возможны синяки от наручников. Поступил недавно совсем…

Боря что-то пробурчал и двинулся в сторону холодильной секции, что стояла ближе всех.

– Есть что-то такое… – Он посмотрел на регистрационную карточку. – Отравление пищевыми продуктами. Во как… Помню я это отравление, помню. С такими следами на руках какое там, в задницу, отравление…

Он повернул ручку и выкатил носилки. Сдернул покрывало. Предупредил:

– Ты это… Если тошнить будет, постарайся на пол не гадить. Там ведро… Хотя, конечно, ежели припрет, то до ведра можно и не добежать… Да. Меня в первый раз так скрутило… Страшно

вспомнить.

Его голос отдалялся, сливаясь с каким-то странным пчелиным гудением. Откуда тут пчелы?..

Леха лежал с открытыми глазами. Я смотрел в мертвые зрачки, и странное что-то виделось мне… Словно бы и не я это смотрю на мертвеца, а кто-то другой. Какой-то чернокожий человек в далекой-далекой стране…

Жарко. Обжигающий воздух обдувает тело. А рядом стоит черный-черный человек и говорит сквозь гул пчелиного улья:

– Когда человек умирает, то все, что он помнил, что знал, чего хотел, становится частью того, во что он верил. Когда будешь делать вскрытие, обрати внимание на шейную область позвоночника.

Потом последовал жесткий толчок в грудь.

И я снова оказался в морге. Холод из открытого морозильника обдувал дыханием Азраила. Рядом что-то бубнил патологоанатом Боря. Мужик добрый, но сильно материально нуждающийся…

Я достал сотку иен и положил их на носилки. Боря испуганно спросил:

– Чего делать-то?

– По новой вскрывать будем, дядя Боря. Надо так…

Через некоторое время я сидел в маленьком баре, где подавали действительно вкусные блюда. Я поверил бармену на слово. Потому что со мной приключилось странное. Вкуса я не ощущал. Жевал себе, как корова, без толку и смысла…

Казалось бы, много чего видел. Убивал сам и по краю смерти ходил. Видел, как кислотой человека травят, как под танк с гранатами бросаются и что из этого получается в итоге… Много чего видел. Однако такая работенка, как у дяди Бори, не по мне. Ну не по мне, и все тут…

Одно дело – по горячке человеку мозги выбить, а другое дело – вот так…

Официант принес водку.

Огненная вода полыхнула во рту, жарким клубком прокатилась по горлу и бухнулась в желудок.

– Позвольте заметить, – послышалось деликатное рядом с ухом. – Соус очень острый… После водки… не рекомендуется.

Я посмотрел в обеспокоенные глаза официанта. Экий ты, братец, заботливый…

Паренек, видимо, понял, что оказался несколько некстати, и быстренько испарился, оставив после себя только извинения и легкий запах одеколона.

Ничего, кстати, парнишка…

Я хлопнул еще водки.

Соус действительно оказался острым.

Так продолжалось до вечера, я прогулял уже солидную сумму. Пил. Ел. Подкармливал какую-то дешевую шлюшку, которая быстро нализалась и старательно пыталась влезть ко мне на колени. Мое безразличие свело ее под стол, где она и прикорнула, счастливо положив голову на мой ботинок.

Хмель отчаянно штурмовал мои бастионы, но справиться с кристально чистым сознанием так и не смог.

Маленькая микросхема, осторожно сложенная в пластиковый пакетик заботливым дядей Борей, тревожила сердце, лежа в нагрудном кармашке.

Область шеи, там, где луч хирурга может добраться в спинномозговой канал, никогда не используется для имплантации каких-либо схем. Слишком велики риск и вероятность летального исхода. Слишком грубый контакт с нервной тканью. Много всяких «слишком», из-за которых эта зона считалась невозможной к использованию…

Видимо, напрасно.

Я с трудом представлял себе размах технологической мощи, позволивший сделать такую операцию. И тот факт, что я не слышал о такой технологии, наводил на мысль, что она используется нелегально. Для каких-то совершенно особенных целей.

Вообще-то я знал, для каких.

Догадался… Сообразительный, мать твою. Уж лучше бы тупой был, как пробка, сколько лишних проблем по жизни удалось бы обойти!

Нашел микросхемку, доложил руководству, сдал, получил премию и пошел отдыхать.

Только нельзя. Нельзя ее начальству показывать. Никак нельзя.

Это я тоже понимаю. Догадался. Сообразительный.

Плохо не то, что эта технология существует, плохо то, что кто-то не тот догадался ею воспользоваться. Вот только кто? Кто догадался?

Посмотреть бы надо. Понаблюдать… А там и снайперы, которых так любезно предоставил Артем, пригодятся.

Я хлопнул последнюю рюмашку водки и встал.

Тут же подскочил услужливый официант. Еще бы не услужливый, я им тут месячную кассу сделал.

– Чего изволите?

Я ласково потрепал его по щеке:

– Такси, малыш, вызови. Да и… – Я поймал его за рукав. – И

перенеси эту подругу на диван.

И я кинул на стол еще несколько купюр. Могу себе позволить!

– Слушаюсь!

Недовольно ворчащую шлюшку унесли отдохнуть.

А еще через полчаса я уже сидел в кустах, наблюдая за проселочной дорогой. Сыро. Хмель, вместо того чтобы выветриваться, начал брать свое.

«Явно сегодня что-то не так с организмом», – думал я, прилаживая миниатюрную оптику.

В полукилометре от меня стояло здание, в архитектуре которого заметны были элементы готики. Вероятно, чтобы подчеркнуть непреходящие ценности человеческого духа. Или какую-нибудь фигню в том же роде.

А может, под всеми этими донжонами скрывается крутой хайтех. Лазеры, локационные установки, связь, киберсистемы…

Я серьезно подумал, не полезть ли внутрь, но, списав эту мысль на опьянение, решил ограничиться наружным наблюдением. Тем более что перед входом началась какая-то суета.

Подъехала машина, раздолбанный «форд», и из нее выгрузился… Я своим глазам не поверил. Господин Таманский собственной персоной. Да еще с какой-то подругой в экстремально короткой юбке… Или меня подвели линзы, или вечернее освещение дало о себе знать, или еще что, но мне показалось, что подруга Таманского была чернокожей.

«Какой же ты гарный хлопец, когда ты нигер губастый?» – припомнилась строчка из невероятно древнего анекдота.

Тем временем журналист, а может, уже и не журналист, вошел в здание. Таксист вышел из машины покурить на свежем воздухе. Видимо, будет ждать. Значит, Таманский ночевать в здании секты не собирается.

Ну, и мы подождем. Уж очень интересно поболтать со старым знакомым…

Время шло. Сумерки сгустились. Стало прохладно, что после дневного пекла воспринималось как счастье. Шофер Таманского сидел в машине и, кажется, спал.

Водка в желудке медленно расщеплялась, выделяя сивушные масла, от которых в голове все плыло… Не закосеть бы окончательно до встречи с журналистом. Понесло же меня в загул не вовремя. Тихонько ругая себя, я пробирался вдоль дороги к зданию секты. Надо мной бесшумно пульсировали звезды, до гула в ушах трещали цикады. А может, не цикады… Хрен его знает, что за мутанты тут сидят. В кустах. Точат свой кинжал. Не, это, кажется, не о мутантах…

Водка расщепилась вся, и я с трудом сдерживал необоримое желание петь. Даже слова какие-то услужливо всплывали в памяти. Что-то там про Галю. (Какую, на фиг, Галю?!!)

Галю, моя, Галю, дай води напиться…

Косой… Разведчик, едрена кочерыжка. И антиалка никакого в кармане нет. Идиот! Просто идиот!!!

Когда я был метрах в пятидесяти от дома, двери открылись. Несмотря на разбуянившийся хмель, я четко разглядел человека, который проводил Таманского и тепло с ним попрощался.

Мои линзы зафиксировали внешний вид этого человека. Потом это видео можно будет вытащить из памяти моей оптики.

Костя растолкал водителя, забрался в машину…

Я вышел на дорогу как раз тогда, когда двери здания секты уже закрылись.

Мне в глаза ударил свет автомобильных фар.

Взвизгнули тормоза.

Хорошенькую картинку они там видят… Стоит бычок, качается.

Галю, моя, Галю, дай води напиться.
Ты така хороша, дай хоть подивиться.

«Вот я щас выясню, кто здесь ху!» – ухарски мелькнуло в голове.

Остальное помню смутно.

11. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Коля Соловей вдарил по тормозам, так что «форд» занесло и развернуло поперек дороги. Этого дурака, что выскочил на проезжую часть, вполне можно было давить, но я пожалел, и Коля пожалел.

– Что за хрень? – возмущенно спросила Вуду, которая стукнулась лбом о подголовник переднего сиденья.

– Ремень надо пристегивать, – наставительно сказал я и вылез из машины.

Со своей стороны выбрался и Коля, в руке у него я заметил

небольшой пистолет. Что ж, хороший шофер должен быть с оружием. А ну как наш дорожный хулиган начнет палить или ножиком махать?

Но он не махал ножиком, а скромно лежал на проселочной дороге. Лежал лицом вверх, и я подумал, что этот тип был бы очень похож на Мартина, будь он немного моложе и чище…

Стоп.

А кто сказал, что это не Мартин? Несколько постаревший, потасканный, грязный, но – Мартин. Собственной персоной. Шпионит, наверное, чего ему еще тут делать, внешнему-то разведчику…

– А помоги-ка мне, Коля, внести сей кадавр в машину, – сказал я водителю.

– Кого? – не понял тот.

– Кадавр. Ну, труп.

– А он чего, мертвый? – опешил Коля. – Я ж его не давил, я вовсе тормозил, вон машину как занесло… А может, в кусты его лучше закинем, да и ладно, все равно подумают, эти шизики кокнули, а нам неприятности могут быть, вы и вовсе заграничный журналист, вам это надо? Вам это не надо, и мне не надо…

– Живой он, живой. Это я образно. – Я взял Мартина за плечи, Коля за ноги.

Вуду брезгливо отодвинулась в другой конец салона, спросила:

– Это еще кто? Воняет…

– Очень хороший человек, – сказал я, устраивая Мартина поудобнее.

В сознание тот не приходил, но на сиденье держался устойчиво. На всякий случай я пристегнул его ремнем.

– Поехали к нам, – велел я Коле.

Пронести Мартина в гостиницу большого труда не составило. Ночная дежурная получила свои денежки и даже отвернулась, когда я волок героя-разведчика мимо ее стойки. Коля поехал домой, благо в его помощи я не нуждался – Мартин перебирал ногами сам. В номере я уронил его на диванчик и сказал Вуду:

– Уникальный человек. Если его помыть и почистить, а потом протрезвить, цены ему нет.

– Помыть бы неплохо, – согласилась Вуду, успевшая уже переодеться в халатик, – Симпатичный вроде бы… Тащи его в ванную, что ли.

– В ванную? Уж не хочешь ли ты сказать, что…

– Хочу. Я в свое время работала в морге, мыла трупы. Так что справлюсь, будь спокоен.

Я поднял брови, но ничего не сказал и молча переместил

Мартина в ванную. Там я положил его прямо на пол:

– Раздевай сама. Я не чувствую в себе должных устремлений, и вообще к голым мужикам как-то…

– А не боишься, что он очнется и начнет меня насильничать? – хихикнула Вуду, двумя пальцами берясь за Мартинов ботинок.

– Не боюсь нисколько. Он голубой.

– Вот как? – Вуду с сожалением посмотрела на Мартина. – Обидно.

– С чего бы?

– Я ж говорю, симпатичный… Ладно, не мешай мне тут. А то обрызгаю.

Я удалился на кухню, где сделал себе бутерброд с сыром и откупорил баночку апельсиновой минеральной воды. Потом прокрутил в памяти события вечеринки у сектантов и пришел к выводу, что ничего сногсшибательного не выудил.

Вполне обычного вида граждане собирались по одному и по двое, тщательно чистили обувь в передней и поднимались в большой зал, сплошь устеленный мягкими матами. Стены были задрапированы портьерами приятного зеленого цвета, с потолка свисал дорогой голопроектор. Когда собралось человек двести и стало довольно тесно, появился мой приятель Владислав, сменивший цивильную одежду на некоторое подобие туники из светло-голубого материала. На шее у него висела металлическая цепочка с чем-то очень знакомым. Приглядевшись, я понял, что это – ну е-мое! – «алмазный НЕРв» в ювелирном исполнении из золота и каких-то камешков. Понятное дело, не рабочий, а просто копия, безделушка. А занятно! Надо потом спросить, что к чему.

Сделав руками несколько замысловатых движений, Владислав утихомирил и без того молчаливую паству. Под голопроектором завертелся большой синий шар, по которому побежали письмена. Владислав негромко и очень выразительно принялся повторять написанное на шаре, а паства внимала, иногда дружно воздевая руки.

Ничего интересного в проповеди я не услышал. Обычные расхожие штампы: всеобщее счастье, благоденствие, «избави нас от лукавого» без указания характеристик оного… Что-то во всем этом было странное – слишком уж внимательно они слушают всю эту чушь. Гипноз? С голопроектором такую штуку провернуть несложно. Но непохоже, слишком они живые для гипноза, довольные… Наркотик? Но они ничего не пили и не ели, не кололись, не вдыхали… Видимо, что-то иное. Интересно, каков тут процент киберов? По информации Магнуса – очень высокий. А воздействовать на кибера можно самыми неожиданными

способами, это нужно учитывать…

Особого внимания к своей персоне я не заметил. Кое-кто поглядывал на меня, но довольно безразлично, как на обычного новичка, приведшего свою подругу. На Вуду, кстати, смотрели чаще. Наверное, потому, что чернокожих среди сектантов почти не было, их вообще на Украине обитало значительно меньше, нежели в России, например. В среднем же я определил бы сектанта как человека лет 17 – 35, белого, в меру упитанного.

Владислав никоим образом не дал понять своей аудитории, что мы знакомы. Стоял себе и делал пассы, бормотал тексты о благолепии и благорастворении… Кстати, в подаренном минидиктофоне «Олимпус» я таки обнаружил некрупного жука, который должен был транслировать мою болтовню в неустановленное место. Жука я выковырял и спустил в унитаз, пожелав ему приятного пути. А диктофон работал нормально, так что подарку я искренне порадовался…

Дожевав бутерброд и допив минералку, я галантно рыгнул и постучал в стену, из-за которой доносились шум воды и шлепки по мокрому телу:

– Эй, там! Помощь не нужна?

Вуду ответила что-то неразборчивое, но явно грубое. Мартин вроде бы никак не среагировал.

– Я устал, – оповестил я. – Я пошел спать. Можешь положить его на диване или на полу, ему все равно… Только не на мою постель! Слышала?!

Вуду опять что-то заорала, и я счел за благо не продолжать разговор. Развесив предметы туалета по вешалкам, я заполз под одеяло и попытался уснуть.

Сон не шел.

Перед глазами вертелся чертов синий шар, отбрасывая зябкие блики, и водил руками Владислав. В ушах нашептывало: «И будем мы вместе, как воды в реке, как колосья в поле, как звезды в небе, и будет это сила…»

Шутки шутками, а вдалбливают они это успешно. С задоринкой, я бы сказал… Поспать человеку хорошему не дают… Где-то у меня было снотворное.

Я со стонами выполз из-под одеяла и нашел в чемодане коробочку-аптечку. Отсчитал три микроскопические беленькие гранулы, закинул в рот, проглотил. Ну вот. Теперь пять часов гарантированного сна, а там как получится… Еле-еле успел добраться до кровати, рухнул и уснул. Безо всяких снов.

Сны мне все же снились. Ну как без них? Например, под утро мне приснилось, что мне на голову упал слон. Большой серый слон, ушастый и с хоботом. Я увернулся, но слон все же задел

меня слегка, и поэтому я упал с кровати.

Я и в самом деле упал с кровати, чего не делал достаточно давно, и ушиб плечо. Открыв глаза, я полежал так с минуту, созерцая полутемную комнату, потом решительно поднялся и застыл в недоумении.

Рядом со мной – вернее, рядом с тем местом, на котором только что лежал я и с которого так позорно сверзился, – мирно спали Вуду и Мартин. Голова Вуду лежала у Мартина на плече, его рука – у нее на груди, и оба были абсолютно голые.

Устраивать сцены ревности не в моих правилах.

Я лишь поймал себя на мысли, что подобная история уже случилась в Москве, когда Ласточка соблазнила моего найденыша Игоря. Тот хоть педиком не был… Анекдот, да и только.

Я еще раз посмотрел на них. Да, они не просто согревают друг друга в объятиях, тут явно что-то было. Да еще и я рядом спал…

Снотворное!

Меня как громом поразило.

А ну как, покамест я спал, они и мной занялись?

Побежав в ванную, я стал вертеться перед зеркалом, пытаясь отыскать на своей заднице следы покушений, потом осознал всю нелепость ситуации и захохотал так, что чуть не упал в ванну. Потом сходил за сигаретами, вернулся, сел на краешек ванны и закурил, разглядывая валяющиеся на полу Мартиновы шмотки.

Ай да голубой контрразведчик! Не устает штучки выкидывать… Кстати, что это за интересная штучка? Уголок торчит…

Я потряс Мартинову не то рубаху, не то куртку – некую грязную одежду, короче, – и из кармана на бирюзовое покрытие пола упал пакетик. Посыпались какие-то монетки, ключи, авторучка, но меня заинтересовал именно пакетик. Я осторожно развернул пластик и обнаружил внутри микросхемку.

Микро-микро-микросхемку. Ну очень маленькую. Конечно, работать она уже не могла, так как заметны были следы повреждений, да и пакетик был явно не стерильный, а для такой крохи каждая пылинка – как бронебойный снаряд, но расшифровать ее еще вполне было можно.

Раньше я такого не видел. Стандартные разъемчики, тускло поблескивающий элемент «У», какие-то малепусенькие горошинки угольно-графитового цвета… Скорее всего, киберовская цацка. Мартин, конечно, в киберы вряд ли подался, вероятней уж, что-то тут раскапывает… Угораздило же его на дорогу выскочить. Не иначе, шпионил в кустах. За мной? Может, и за мной. С него станется.

– Чего нашел?

В дверях стояла Вуду во всей первозданной эбеновой красоте, не озаботясь даже накинуть свой халатик. Оно и верно, чего и кого теперь стесняться?

– Да вот… – неопределенно сказал я. – Никого не трогаю, починяю примус…

– Это что за цитата?

– Булычев. Писатель такой был…

– А это что за бирюлька?

– А это мы спросим у нашего друга, когда он проснется.

– А он проснулся, – поведала Вуду.

– И чего ж не идет пожелать мне доброго утра?

– Стесняется…

Он еще и стесняется.

Положительно, меняются люди на глазах. Если бы кто-нибудь раньше мне сказал, что Мартин стесняется, я бы ухихикался.

– Ну ладно, раз гора не идет к Магомету… или как там…

Мартин сидел на кровати, стыдливо прикрывшись одеялом.

– Привет, – сказал он, потупив очи.

– Привет. – Я бросил ему штаны. Они были сырые и в ошметках грязи.

– Я… Это… – начал было Мартин, но я махнул рукой:

– Опустим.

– А ты говорил: голубой, голубой… – ехидно сказала Вуду, появляясь (уже в халатике) в дверях. – Все бы голубые такие были…

– Нет, ну ради спортивного интереса: ты чего, сменил ориентацию? У врача был? – спросил я без доли иронии. Мне и впрямь было интересно.

– У врача? – Мартин похлопал ресницами. – Зачем? У меня все нормально. Я ж не трансвестит какой-нибудь, у меня все в порядке…

– И замечательно. И очень хорошо. А теперь скажи, господин «все в порядке», что вот это такое, – я поднял зажатый в пальцах пакетик, – и какого дьявола ты шастал вчера вокруг штаб-квартиры «Края» и потом выскочил прямо на нашу машину? И учти, я тебя не выпущу, пока не расскажешь.

Я сильно сомневался, что помешаю Мартину уйти, если он того захочет, но сейчас он, как выразилась Вуду, стеснялся, то бишь был передо мной виноват. Будем ковать железо, пока горячо.

– Это микросхема, – сказал Мартин хмуро. – Вставляется вот сюда.

Он похлопал себя ладонью по шее.

– На хрена?

– А чтобы потом чего-то с ее помощью делать. Чего-то нехорошее. Я не знаю, что именно.

– Так. А чего вертелся в кустах?

– А следил. Работа у меня такая.

– Внешняя разведка?

– Нет. Агентство «Акварис».

Не слыхал про такое. Что ж, очень даже может быть. «Акварис» так «Акварис».

– И что выследил?

– Ничего пока. Я тут очень-очень посторонним делом занимаюсь, а «Край» возьми и всплыви. А вот что вы там делали?

Ого! Он, кажется, начинает осваиваться. Очухиваться…

– Я там готовил материал. Для «Юропиэн геральд», если тебе интересно. Про этот самый «Край». Это запрещено?

– Да нет…

– О чем тогда разговор? Слушай, Мартин, мы знаем друг друга давно и вроде бы всегда были в одной лодке. Скажу честно, я здесь не просто ради бытописательства, я копаю, и копаю глубоко. Ищу компромат, если хочешь. И не могу его найти. Возможно, вот это, – я снова поднял пакетик с микроскопической электронной чепуховинкой, – и есть тот самый искомый кончик нити, за который нужно умеючи потянуть, дабы размотать клубочек… Поэтому я просил бы тебя потянуть за этот кончик вместе со мной. Что ты думаешь по этому поводу?

12. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Не то чтобы я ничего совсем не помнил и не осознавал… Смутно, это да, но что-то все-таки понимал. Немного. Особенно когда меня начали мыть, нещадно драя какой-то жесткой штукой, а обильная и противная на вкус мыльная пена попала в рот и глаза.

Стыдно признаться, но поначалу я решил, что тону… Мои попытки спасти собственную шкуру были грубо прерваны размашистым и чувствительным шлепком по морде, отчего у меня мигом повылетала пена из глаз, а заодно и некоторая часть хмеля. Я отрезвел настолько, чтобы сообразить, что никакие злобные сектанты не собираются меня предавать мучительной смерти через утопление. А значит, все не так уж и плохо.

Руки, которые меня мыли, были ловкие, сильные и почему-то

черные… По какой причине обнаружился такой цветовой казус, я понял позже, в спальне, рядом с неистово сопящим Таманским, перед которым я чувствовал себя слегка виноватым.

Вуду, правда, заявила: «Костик против не будет, потому что он жутко милый. И вообще…»

Что «вообще», я не уловил. Потому как был все еще под мухой. Может быть, именно поэтому эбеновое спортивное тело девушки с торчащими, острыми и вызывающими сосочками привело меня в трепет. Именно, черт возьми, в трепет! Чего со мной не случалось… Очень давно не случалось. Особенно с женщинами.

Не скажу, чтобы я был яростным противником женского пола. Просто с мужчинами все гораздо проще, понятней и не бывает этих глупых проблем, какие часто случаются при эмоциональном общении с женщинами.

В общем, как бы там ни было, Вуду завела меня до легкого умопомрачения.

А этот мерзавец Таманский сопел и только брыкался, когда Вуду пыталась его разбудить, чтобы подключить к нашим играм. Я был не против, все наутро было бы легче…

Хотя, может быть, господин журналист совсем не спал, а тихонько подслушивал… Извращенец хренов.

Хотя, собственно, чья бы корова мычала…

Но основной сюрприз поджидал меня утром. Вместо того чтобы надуться как мышь на крупу, Таманский предложил мне сотрудничество.

И взялся вроде с правильного конца. Вцепился в микрочип, как фокстерьер в тряпку, не отодрать.

Только не знаю я, насколько полную информацию можно ему дать. Не из боязни, что он ее куда-то сунет или, там, воспользуется в шкурных целях… Просто было бы нехорошо и неправильно подставлять шею неплохого человека под государственную гильотину. Нечестно как-то… Ведь Таманский очень полезный во всяких разборках человек. А мы рвемся в одно и то же пекло.

Я сидел, прикрывшись одеялом, голова гудела похмельным набатом, ниже пояса ощущалась непобедимая усталость, а Таманский меня к стенке прижал и требует сотрудничества.

– Ну так что? – спросил Костя. Придется фильтровать информацию. Врать. Изворачиваться. Финты крутить. Он мне верить не будет… Пауза затянулась.

– Костя… – начал я.

В дверях появилась Вуду, облаченная в распахнутый халатик. Я пробежался взглядом по шоколадным ножкам. На редкость

бесстыжая девчонка, как с ней Таманский связался?

– Костя… Ты вот что… Ты кофе мне сделай, а я пока в ванную схожу. Голова болит.

– Да? – изобразил удивленную радость Таманский. – А другое место у тебя не болит?..

Бормоча что-то бессвязное, я сбросил одеяло и направился в ванную.

– Куда он меня послал? – переспросил Таманский у Вуду.

– На кухню, впрочем, я сейчас узнаю, – ответила она и устремилась за мной.

С трудом выпихнув чернокожую бестию в коридор, я закрыл дверь, успев разглядеть исключительно разгневанное выражение ее лица.

Вот ведь, елки зеленые… Прям Дон Жуан, дамский угодник.

Я открыл воду. Подрегулировал температуру. Когда-то давно процесс принятия ванны был для меня чем-то вроде ритуала… Теперь все иначе. А спрашивается, «почему»?

Ответ не заставил себя долго ждать. После Артема жизнь стала чем-то вроде покатой горки. Сядь на ягодицы и катись… пока не сотрешь себе все по самую макушку. Ни смысла, ни толка, ни удовольствия…

Я вздохнул. И вдруг понял, что дышать стало легче. Свободнее. Словно удавка, которая душила меня все это время, истерлась и порвалась от моего резкого движения. В экстремальных ситуациях есть своя польза. Они как бы отстирывают жизнь.

Из шкафчика под раковиной я вытащил склянку с какой-то ароматической солью. Вода на территории Украины никогда не отличалась особенной чистотой, но раньше хотя бы можно было мыться без опаски. А что делается сейчас, страшно подумать… Я понюхал синеватый порошок. Что-то знакомое. Из прошлого.

Ну вот и замечательно.

Я набрал полную горсть порошка и высыпал в воду.

Когда я выбрался из ванной, обернув вокруг пояса махровое полотенце, Вуду и Таманский сидели и молча смотрели на полный кофейник. Точнее, на кофейник смотрел Таманский, а Вуду смотрела в потолок и постукивала ногтями по столу. Словно иллюстрируя накаленность ситуации, на столе дымились свежеподжаренные гренки.

Я попал на финальную фазу выяснения отношений.

Костя в раздумье, Вуду на взводе. Классно, вот меня только для детонации процесса и не хватает.

Внутри снова зашевелился червячок вины. Я злобно раздавил его воображаемым сапогом. Не фиг было Таманскому жрать

снотворное, сейчас сидел бы… довольный.

Хотя, конечно, получилось неудобно.

– Итак, – бодро подсел я к столу. – Кофе – это то, что доктор нам прописал на сегодня.

Таманский задумчиво посмотрел на меня.

– Знаешь… – многообещающе и довольно громко заявила о себе Вуду.

– Стоп! – прервал я ее. – На сегодня доктор прописал нам только кофе…

Она замолчала.

Плохой признак. Она не производит впечатление человека, которого можно заткнуть на полуслове. Вот чего мне совершенно не нужно, так это каких-то влюбленностей. Влюбленность – это очень большая проблема, особенно в нашей ситуации.

Таманский разлил кофе по кружкам:

– Сахар?

– Нет, спасибо.

– Послушай, я к…

– Костя. – Что-то я слишком часто всех тут перебиваю, – Давай после кофе и вообще после завтрака. Как-то настроение… не того.

– Давай. – Мне показалось, что Костя согласился легко.

Ели мы в тишине.

Удивительно, как совместный прием пищи сплачивает людей. К концу завтрака Вуду уже не дулась, Таманский не смотрел на меня с ярко выраженной неприязнью, а я чувствовал себя достаточно сносно.

– Итак. – тоном, не допускающим дальнейших оттягиваний и проволочек, произнес Костя, проглатывая последний кусочек. – Что у нас дальше?

И с какой стати я должен что-то от него скрывать? Раз он так упорно сует голову в петлю, значит, у него есть на то причины.

– Дальше, – ответил я, – у нас секта «Край». Которой занимается одно серьезное ведомство, чьи интересы я неожиданно представляю. Неожиданно для себя. Дело в том, что некоторое время назад я ушел из внешней разведки и прибился к конторе «Акварис». Контора занимается частным сыском и разнообразной подчисткой. Ты понимаешь? Туда, где служба безопасности не может светиться, посылаются частники. Так вот, пропала некая девица, очень милая девочка, с невероятно романтическими наклонностями. Именно ее поиском мы и занимались последние несколько месяцев. Достаточно безуспешно, пока не вышли на «Край». По моим данным, она – у них, у сектантов этих. В каком состоянии, на какой стадии

вербовки… не знаю.

– Ну так и что, тебе нужна девчонка? – спросил Таманский.

– Не совсем. Мне бы очень хотелось, чтобы она после всех наших разборок оказалась жива… Дело в том, что меня переключили на разработку секты. Официально ее подозревают в тоталитарном уклоне. Ну, ты знаешь признаки…

– Да, в курсе. Кажется, и закон есть…

– Да, запрещающий любые организации тоталитарного толка. Но дело не в том. Как я подозреваю, власти охотятся за той самой микрушкой, которую ты держал в руках полчаса назад. Кстати, где она?

Таманский кивнул куда-то в комнату:

– Где-то там, на полочке…

– Ну хорошо, пусть там и лежит. Дело в тем, что эта штука… как мне кажется…

– Слушай, не тяни. Если уж начал… – Таманский положил подбородок на сжатые кулаки.

– Мне кажется, что это один из элементов для… ну, скажем, детального программирования человеческой личности.

– А снял ты ее?

– С мертвого члена секты «Край», – ответил я. – В морге… Кстати, непонятно, почему ее не демонтировали, когда он умер.

– Сам умер? – Костя профессионально поднял бровь.

– Сомнительно.

– Тогда в морге скоро начнется переполох… Можем поспеть к раздаче, если поторопимся…

– А твоя история? – спросил я, допивая кофе.

13. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Я честно рассказал Мартину все, благо скрывать было нечего. Согласитесь, секретной информацией я попросту не располагал. Пока, будем надеяться…

Не думаю, что я ему сильно помог в его расследовании. К беглой девчушке все мои изыскания отношения не имели, а степень тоталитарности секты и прочие вещи вряд ли его интересовали. А вот микрочип мне не нравился. Сразу полезли в голову жуткие кадры. Серия первая: вот я иду по темной сумской улице, попыхивая сигареткой, ко мне подкрадывается некий мрачный тип и глушит из парализатора. Серия вторая: я на хирургическом столе, привязанный ремнями, лицом вниз, параноидального вида мужичок в медицинском халате болотного цвета ковыряется в моей шее скальпелем, намереваясь вживить мерзкую электронную штучку. Серия третья: я в числе прочих послушников секты сижу перед голографическим шаром и прилежно внимаю бредням господина Легина, бормоча себе под нос строфы о благолепии и благорастворении…

Я потряс головой и понял, что Мартин уже с минуту что-то мне говорит, а я самым подлым образом отвлекся.

– Что?

– Я говорю, что дальше?

– Заниматься каждому своим делом. И помогать друг другу по мере возможности.

– А… Э-э… – Он выразительно посмотрел на Вуду, которая, к счастью, отвернулась.

Я скорчил безразличную рожу. Мол, было и было, что уж теперь… Мартин засиял и заметил:

– А тебе неплохо бы обзавестись оружием. Пистолетом, например.

– Запросто.

Я набрал номер Коли. После недолгих попискиваний трубку сняла ветхая – судя по голосу – старушка.

– А Коли нету, – сообщила она, не дожидаясь. – Будет не скоро.

Я отключился.

– Думаешь купить? – спросил Мартин.

– А где еще взять? Ты ж не дашь.

– Не дам, – кивнул тот. – Нет свободного.

– Разберусь. Ты где обитаешь?

– Да так… – Он сделал замысловатый финт рукой.

– Ладно, давай теперь подумаем о программе действий. Я завтра должен встречаться с Легиным. Есть что-то такое, что я должен осторожно вынюхивать для тебя?

– Не думаю.

– Понадобится – скажешь. Я им, кажется, понравился, так что у меня довольно большие возможности. А ты здесь один работаешь или в компании еще нескольких головорезов?

– Один. Как перст.

– В таком случае могу тебя порадовать: господин Легин поведал мне по большому секрету, что в городе – двое агентов Тьюринга, которые могут выйти, например, на меня и поинтересоваться всякими деталями. Ты об этом что-нибудь знаешь?

– Мы с Тьюрингом не пересекаемся.

– С Тьюрингом все пересекаются, только не все об этом знают, – улыбнулся я. – Что посоветуешь делать, когда эти герои придут?

– Играй в отмазку. Ничего не знаешь, пишешь статью для желтой прессы.

– «Юропиэн геральд» не желтая пресса, – обиделся я.

– Не важно. Кстати, почему они Служба Тьюринга? Кто такой Тьюринг? Давно хотел спросить, да все как-то недосуг было… Ты ж у нас энциклопедия.

– Нету никакого Тьюринга. Был такой писатель в конце прошлого века, некто Гибсон. Он и придумал термин. А потом, когда создавали Службу контроля, какой-то умник решил не выдумывать сложных аббревиатур и дал ей привычное название.

– Как все просто…

Мы посидели еще с полчаса, попивая кофе и болтая о ерунде – о футболе, о моде, о местном пиве, которое было ниже всякой критики. Потом я вспомнил о запланированном походе в православную церковь – интересно было вставить в репортаж о секте мнение ортодоксального священника.

– Вы тут забавляйтесь, а я отлучусь.

– Мог бы не подкалывать, – надулся Мартин. Я примирительно похлопал его по плечу, погрозил Вуду пальцем и отправился одеваться.

Православного священника найти оказалось очень легко. Церковь Вознесения Христова торчала над древними трехэтажными домиками, сверкая на солнце облезлым золотом купола. Возле церкви сидели прямо на земле несколько нищих, обмотанных поверх своих лохмотьев пластиковыми лентами и утеплителем. Я обошел их стороной, потому что к подаяниям относился критически.

Внутри церкви, в гулком холоде, зябко горели свечи. Я постоял в нерешительности, не зная, куда пойти, и тут меня окликнули:

– В первый раз в храме?

Откуда-то из полумрака возник низенький попик с густой бородой. Он подошел ко мне.

– Да нет… Приходилось.

– Отрадно. Сейчас мало кто ходит в церковь. Православие не в почете… Католицизм, восточные религии… – вздохнул попик и представился: – Отец Петр.

– Константин Таманский, журналист, из Москвы.

– Это как же, к родным приехали? – с интересом спросил отец Петр.

– Пишу. О сектантах ваших…

– А-а, эти… – сердито сказал отец Петр. – Вы как, торопитесь?

– Я, собственно, вас и искал.

– Тогда пойдемте поговорим.

Попик провел меня в уютную комнатку, быстренько собрал на стол нехитрую снедь, несмотря на мои вежливые отказы, налил по рюмочке из пузатого графина с коричневой жидкостью.

– Калганная настойка, – сказал он. – Сам делаю. И продукты почти все с огорода, свои… Вы не бойтесь, у меня чистые, я обрабатываю. А то на рынке у нас такое продают! Мы выпили.

– Одни старушки к нам ходят, – пожаловался отец Петр, жуя котлету. – Молодежи никакой. А к ним так и прут…

– К ним – это к «Краю»? – уточнил я.

– Конечно. Я уж не знаю, как и быть дальше. А что вы писать будете? – Пока не знаю, – признался я. – Но не очень мне нравятся эти люди.

– Какое там не очень! Кошмарные люди! – воскликнул поп. – Что интересно, посмели даже, наглые, ко мне прийти. Говорят, сворачивайте, батюшка, свою контору, все равно никто к вам не ходит… Я говорю: а зачем? А они: лживая у вас религия, и Бога вашего нету, так к спасению не придешь. Я, значит, выхожу у них лжец и еретик.

– И что вы?

– Ничего. Прогнал. Двое их было, оба киберы. У меня там над входом детектор стоит. Распоряжение патриархии такое было – в храмах детекторы ставить, чтобы отслеживать ситуацию. Оно бы и ни к чему уже, а я до сих пор ношу. – Отец Петр показал маленький приборчик, пристегнутый на руку на манер часов. Довольно примитивный детектор, показывающий не степень КИ, а просто наличие таковых. Прошел кибер в храм – у отца Петра сигнал сработал. – Так что вы хотели спросить?

– Да, собственно, хотел узнать ваше мнение. Чем они вам не нравятся, эти сектанты? Вроде никого не трогают, если посмотреть со стороны, проповедуют благо…

– Благо? Может, и благо, только для кого? – Отец Петр налил еще по рюмке. – Нет, конечно, людей они по ночам не режут и кровь младенцев не пьют, но… Скажите сами: вам они по сердцу?

– Нет.

– Вот видите. Они как чума, истинно говорю я вам. Никто не ждет беды, а беда придет, ой придет…

Я посмотрел ему в глаза и внезапно понял, что священник – сумасшедший. Безопасный для окружающих, тихий, но сумасшедший. Он что-то говорил, поводя руками и топорща бороду, маленький и круглый в своей рясе… Фанатик. Дай ему гранату, скажи взорвать штаб-квартиру Легина и компании, и он пойдет и взорвет во имя Господа. Не от хорошей жизни он тут свихнулся. Русская православная церковь вообще переживала не лучшие времена, вот уже третий десяток лет, как я мог заметить, – и отец Петр не был исключением. Расстрелял ведь толпу католиков пензенский священник лет шесть назад. А покушение на Папу Римского, которое готовили несколько семинаристов еще в начале века? С тех пор папы к нам не ездят, хоть и сменилось их уже три…

Кстати, отца Петра нужно иметь в виду.

Эта мысль родилась где-то в специальном отсеке моего мозга, в той части, которая ведала подлостями и интригами. Конечно, я не собирался всерьез обвешать священника взрывчаткой и послать к Легину, но использовать его…

Хватит об этом.

Я хлопнул рюмку, сгрыз огурчик (и впрямь вкусный) и решительно встал. Прерванный на полуслове отец Петр откашлялся.

– Извините, – сказал я. – Дела.

– Понимаю, понимаю… – заторопился попик. – Вы не стесняйтесь, заходите, если что… Позвольте, провожу вас…

Когда мы выходили из храма, раздался тонкий писк. Я завертел головой, потому что это сработал датчик отца Петра.

– Не смущайтесь, это я, – сказал тот смиренно.

– Что значит – вы?

– Я – кибер. КИ около тридцати, это не очень много… Еще семнадцать лет назад для киберов сняли ограничения, я знаю даже одного архиепископа, – скромно улыбнулся он. – Но вы, пожалуйста, об этом в вашей статье не упоминайте.

– Ни в коем случае, – пообещал я.

Вот номер, думал я, шагая по извилистой улочке.

Положительно, мир полон чудес.

Но еще более я в этом уверился, когда при входе в гостиницу меня остановили двое. Тощий и высокий, в дорогой куртке от Томпсона и в нелепого вида кепке с длинным козырьком, и здоровяк, тоже высокий, с седоватыми висками и армейской выправкой. Они могли бы и не представляться, потому что я прекрасно понял, по какой они части, но тощий сказал, глядя мне в переносицу:

– Господин Таманский? Служба Тьюринга. Нам нужно с вами побеседовать.

– Прямо здесь? – удивился я.

– У вас в номере.

– У меня в номере дама, – возразил я. – Не думаю, что ей будет приятно ваше общество, да и вам она вряд ли будет полезна.

– У вас в номере, насколько нам известно, некий молодой человек, – сказал тощий, продолжая глядеть мне в переносицу.

– Мы предпочитаем секс втроем, – отрезал я. – Присоединиться не приглашаю, но и запретов никаких на сей счет, кажется, не существует. К тому же у вас нет ордера.

– Откуда вы знаете?

– Вы бы не торчали здесь, а уже ломились бы в номер. Верно?

– Верно, – признал тощий.

Молчавший доселе здоровяк хмыкнул и предложил:

– Пойдемте, что ли, в ресторан. Не на улице же стоять.

Можно было и дальше упираться и вообще подняться к себе. Люди из Службы Тьюринга не из тех, что высаживают дверь, не имея ордера на руках. Но я человек практичный, и они люди практичные, так что через минуту мы сидели в гостиничном ресторане и пили кофе с пирожными. Вернее, пили мы со здоровяком, а тощий взял себе пиво, банку дорогущего «Туборга». С чем, с чем, а с зарплатой у Тьюринга точно все в порядке.

– Капитан Лалич, – назвался здоровяк. – А это – капитан Спыхальский.

– Не так часто общаюсь с вашими сотрудниками, но видел все майоров да капитанов, – улыбнулся я. – У вас это низшие звания?

– Это звания полевых работников, – спокойно объяснил Лалич, – оперативников.

– И что у вас ко мне?

– Пока ничего. Знакомимся.

– Слишком категорично начали. «Кто у вас в номере» и так далее.

– А кто у вас в номере, действительно? – поинтересовался Спыхальский. – Про групповой секс можете не рассказывать – не

верю.

– Старый друг. Встретил совершенно случайно.

– Надо думать, очень обрадовались, раз он напился вдрызг, – пробормотал себе под нос Лалич. Я проигнорировал это замечание.

– Ладно, пусть будет друг. Дело в том, что вы прибыли сюда по делу секты «Край», – начал Лалич, но я его перебил:

– Не «по делу», а за материалом.

– Извините, профессиональное. Он явно косил под дурака. Этакий службист-костолом, тогда как Спыхальский – въедливый интеллигент. Хорошо хоть в хорошего и плохого полицейского не стали играть… Ретрограды.

– Я приехал писать для «Юропиэн геральд» о секте «Край» и не вижу в этом ничего криминального, тем паче – связанного с проблемами Тьюринга.

– Вернее, вы еще не закопались столь глубоко, чтобы докопаться до проблем Тьюринга, – поправил Лалич. – А вы – журналист дотошный и, несомненно, докопаетесь. Поэтому мы и здесь. Скажу прямо: вы нам не враг, не противник. Нам интересна информация, которую можете получить вы и не можем получить мы.

– И поэтому вы затащили меня в этот ресторан и вербуете на глазах у бармена, трех официанток, поваров и вон той шлюхи в углу?

– Может быть, работа не виртуозная… Но мы вас не вербуем. Мы просто хотим, чтобы вы знали, помнили: мы тут, поблизости.

Он выразительно посмотрел мне в глаза. Вот и понимай как знаешь: то ли помогут в случае чего, то ли прикончат, чтоб не знал лишнего… Разное про Службу Тьюринга говорят, да только не всему стоит верить.

– Хорошо, – кивнул я, отставляя недопитый кофе. Ужасное пойло. – Если я узнаю что-то важное, я вам сообщу. Каким образом?

– Подойдете к бармену и оставите записку. Я оглянулся на бармена. Смазливый тип, прямо карикатурный какой-то бармен…

– Ваш агент?

– Ни в коем случае. Просто человек зарабатывает деньги, – улыбнулся Лалич.

– Хорошо. В таком случае я пойду к себе и займусь сексом втроем. Если вы не возражаете, разумеется…

Судя по их глумливым рожам, они нисколько не возражали.

14. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Нельзя сказать, что ребята застали меня врасплох. Хотя и готовым к приключениям, которые они тут устроили, я, конечно, не был.

Когда за Таманским закрылась дверь, в воздухе повисла напряженная пауза. Я был достаточно трезв для бесшабашных развлечений, а Вуду форсировать события вроде бы тоже не собиралась. Что в принципе меня вполне устраивало.

Я направился собирать свои разбросанные по номеру вещи, а девчонка раздраженно гремела чем-то на кухне, жестко разбираясь с древней бытовой техникой.

Не знаю, о чем они там говорили с Таманским, но после его ухода она не проронила ни слова. И вообще не обращала на меня внимания.

Поэтому натужное Костино: «Вы тут забавляйтесь…», до сих пор звучавшее у меня в ушах, казалось незаслуженно обидным. Это ж надо было так влететь!

Я остановился посреди комнаты. Вероятно, со стороны я выглядел как голограмма какой-нибудь античной статуи, над которой надругались шутники-вандалы. Совершенно нагой молодой человек, с дурацкой прической, держит в одной руке брюки и лихорадочно обыскивает взглядом комнату в поисках остальной одежды.

В своих поисках я залез под кровать.

Не знаю, наверное, это было ошибкой. Как раз когда я ухватился за свой неведомо как очутившийся там носок, меня кто-то ласково погладил по ноге. Затем выше… А потом я ощутил, как кто-то протискивается ко мне под кровать, возбужденно дыша.

Рядом возникла черная тень.

– Ты знаешь, под кроватью я этим еще не занималась, – ласково произнесла Вуду. – Честное слово. Это у нас получается новаторски.

– Тут грязно, – попробовал отвертеться я. – И пыльно…

– Да ну, брось. Танки грязи не боятся, – пробормотала она, прижимаясь ко мне все теснее и теснее…

– Да, но я-то не танк!

– Ты хочешь сказать, что я танк?! – Ее ладошка у меня в паху обрела каменную твердость. Ну вот, торжество женской логики.

– Лучше молчи, – сквозь поцелуи предупредила меня Вуду. – Просто молчи…

Несколько позже мы все-таки выбрались из-под кровати и продолжили заниматься любовью на ней. Потом на полу… Потом

в ванной… Потом…

Вуду оказалась совершенно дикой штучкой. Она визжала, царапалась и впивалась в меня губами, словно я был ее последней надеждой на выздоровление от тяжкой болезни.

Когда нас понесло уж совсем вразнос и мы вновь с грохотом завалились на кровать, дверь влетела в комнату, выбитая мощным ударом ноги.

Вуду завопила то ли от страсти, то ли от испуга. Правда, чего могла испугаться такая оторванная девка, не совсем ясно. Ну уж точно не взлома помещения без предупреждения. И не четырех молодчиков в черных деловых костюмах с пустыми глазами. Я думаю, этого дерьма она и так нагляделась…

Ребята были очень быстрые. Не тратя времени ни на какие разговоры, они в несколько прыжков оказались за моей спиной.

Трое.

Четвертому я попал в глаз какой-то безобидной на вид штукой, что лежала на столике возле кровати. Кажется, это был какой-то журналистский причиндал Таманского, микрофон, диктофон. Не так важно, главное, попал парню в глаз.

Мне профессионально заломили руки, выкручивая и загибая запястья. Боль дикая!

Я упал лицом вниз, прямо на эбеновую грудь Вуду.

Девчонка взвизгнула, а потом совершенно без всякого перехода извернулась черной змеей куда-то в сторону. В ее руке что-то тускло сверкнуло.

Бам!

Мне на спину посыпались осколки стекла, послышался грохот падающего тела. Одну руку отпустили.

Значит, осталось двое. Это уже лучше!

К сожалению, сделать я ничего не успел… В затылке гулко бамкнуло, и черная кожа Вуду вдруг стала расширяться, покрывать собой все пространство вокруг меня, поглощать… Я понял, что растворяюсь в этой потрясающей девушке, и успел пожалеть, что теперь ничем не смогу ей помочь.

Сознание с тихим шипением, как воздух из проколотого шарика, покинуло мое тело.

– Ну вот, наш половой гигант приходит в себя… – Сквозь черноту ко мне просочился противный голос. – Ведь приходит, а? Эй, родно-ой! Жора, еще воды господину половому гиганту.

А-а-а!

Теперь вместо капель чужого голоса через черноту, разбивая ее на части и унося прочь, на меня обрушился каскад холодной воды.

Я открыл глаза.

Передо мной маячила незнакомая физиономия какого-то типа. Лысая, как моя задница, голова была покрыта неприятными синюшными пятнами, которые наводили меня на мысли о гангрене или заражении крови. Да и вообще мужик был явно нездорового вида. С простудной блямбой на нижней губе.

Визуальная память ничего мне не подсказала, и я понял, что вижу этого человека впервые. Ну, даст бог, не в последний раз.

Я, по-прежнему голый, был крепко привязан к стулу веревками. Очень крепко, на уровне болевого порога. Руки за спиной переброшены через спинку так, что грудь выпячивается вперед. Неудобно и грамотно, сидя таким образом, особенно не порассуждаешь.

Вуду бесчувственным кулем была сложена в ванну. Через сверкающий белизной край свешивалась черная нога.

Положительного во всей этой картине было только то, что мы по-прежнему находились в гостиничном номере. В ванной. Следовательно, на излишне долгий допрос можно не рассчитывать. Если он, конечно, будет проводиться на месте… Есть шансы вывернуться.

В то, что нас убьют, я не верил. Сразу не кокнули – значит, нужен.

– Вот и замечательно, – подытожила личность, стоящая передо мной. – А то времени у нас мало, честное слово. Давай, малец, колись, где чип? Скажешь – мы сразу уберемся. И больно не будет.

– Какой чип? – с усталым тоном вечного двоечника спросил я, а про себя подумал: «Боже мой, сейчас ведь бить будут».

И не ошибся.

– Времени мало, парень… Мне недосуг тебя колоть. Недосуг. Понимаешь? Чип где, сука, говори, и разойдемся!

– Да какой чип, мать твою, кретин лысый! – заорал я. – Не знаю я никакого чипа, я по вызову! Понимаешь? Читай по губам, по вы-зо-ву! Понял, козел? Трахун я…

Кулак у лысого был твердый. Я услышал, как противно скрипнули мои зубы и во рту посолонело. Начинается

– Я не знаю, какой ты трахун, можно у девчонки спросить, да некогда, но мозги я себе трахать не позволю. – Лысый растирал левый кулак, видимо, челюсть у меня тоже твердая. – Где чип, который ты добыл в морге? Только не говори, что тебя там не было…

Следующий удар был нанесен правой рукой. Слабее. Левша, значит…

– Ну, малец, говори. Мне ведь не жалко ни тебя, ни эту чернозадую. Я сейчас тебя порежу на куски, потом ее. Или

сначала ее, у тебя на глазах. А ты упираешься, как какой-то герой-партизан. Нехорошо. Жора! – Лысый крикнул в комнату. – Принеси инструмент.

– Лады, босс… – донеслось из комнаты. Лысый посмотрел на меня.

– Сейчас тебе будет больно, – словно подводя черту, сказал он. – Времени мало, как я уже говорил. Приходится действовать не по правилам.

Я более подробно его разглядел. Лицо худое, с глубокими морщинами вокруг рта. Уши чуть заостренные, у лысого была неприятная манера двигать ими во время разговора. Странного покроя сюртук под самое горло, застегнутый на все пуговицы. Воротник жестко впивается в горло. Из-под брюк высовываются носки черных ботинок. Все как у обычного человека, только рукава сюртука заканчиваются на запястьях прочными клапанами, которые плотно обхватывают руки.

«А ведь парень серьезно болен, – подумал я. – Только чем?»

В ванную вошел один из парней в черном, видимо, Жора, он нес небольшой чемоданчик. У Жоры вокруг глаза расплывался здоровенный синячище. Я мысленно поздравил себя с классным броском.

– Вернемся к нашим баранам, – сказал лысый и открыл чемоданчик.

Моему взору предстал огромный набор игл, от тонких, как волос, до таких, которые напоминали авторучку.

Лысый покопался в них, выбрал что-то среднее и повернулся ко мне:

– Не желаешь рассказать, куда дел чип?

– А в комнате его нет? Последний раз лежал на столике, – сказал я.

– Неправильный ответ, – задумчиво ответил лысый. – Где чип?

Ну что я мог ему ответить? Тянуть время? Так и без того видно, что парень не идиот и на лажу не купится. Нагло врать? Результат будет один…

Пока молчу, у меня есть шанс…

– Пошел в задницу…

Удивительно, но на мое замечание лысый ничего не ответил. Только дернул ушами.

– Небольшая демонстрация больших возможностей, – сказал он и вогнал иглу мне в левое плечо.

Боли не было. Зато я перестал ощущать свою руку…

– Нервы – это тонкий предмет, с которым нужно обращаться очень осторожно. Миллиметр в сторону – и твоя рука осталась бы

такой навечно, – Лысый выдернул иглу. – А два миллиметра в другую сторону дадут совсем иные результаты…

И он вогнал иглу, как мне показалось, в то же самое место…

Потом мне уже ничего не казалось, потому что думать я перестал начисто. Жора с подбитым глазом засунул скомканное полотенце в мой кричащий рот.

Лысый выдернул иголку, нестерпимый огонь, охвативший руку, медленно стекал вниз, к пальцам.

– Говори. – Лицо лысого надвинулось, стало очень большим. – Говори, гаденыш! Где чип?!

Звякнули инструменты. И снова скомканное полотенце закрыло мне рот.

Самое дерьмовое было то, что я не мог, как ни старался, потерять сознание.

Я четко слышал каждый звук. Каждую клеточку тела. Каждый нерв…

И еще шум за дверью ванной.

Внезапно пытка прекратилась.

– Жора, разберись, – кинул лысый. Жора исчез за дверями.

Лысый замер, прислушиваясь. То ли к себе, то ли к происходящему за дверью?

Потом вдруг подхватился и куда-то исчез из моего поля зрения.

Возня за дверями наконец прекратилась.

Некоторое время было тихо. Только капала вода из плохо завинченного крана и постанывала Вуду.

Я чувствовал, что меня сейчас начнет тошнить. По липу катился пот, во рту стоял гадкий привкус крови.

– Вот тебе на… – раздался надо мной знакомый голос. – Никак, знакомые все лица?

Я поднял голову и увидел Шептуна.

– Бритоголового упустили, Шеп! – донеслось из-за ею спины.

– Растяпы, – беззлобно бросил через плечо Шептун, а затем обратился ко мне: – Это ж за каким лешим тебя сюда занесло? А? Не ожидал, честное слово.

– Шептун, – просипел я разбитыми губами.

– Угу. Он самый. А чего от тебя этим гадам надо было?

– Им чип нужен был. Хреновый… – Сознание наконец начало меркнуть. Некстати.

– Чип?.. – Что-то изменилось в лице Шептуна. Что-то пропало… такое знакомое, на что обращаешь внимание только тогда, когда оно пропадает. Что?

– Чип, – повторил Шептун. – А кстати, где чип? Я вдруг понял, что до сих пор привязан к стулу.

– Пошел в задницу, гад!!!

Тут меня вырвало, и я отключился.

Я так и не понял, был ли в номере Шептун… По крайней мере, когда я открыл глаза, его уже не было. Был только Таманский, озабоченно глядевший на меня.

15. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Побили их здорово. И Мартин, и Вуду походили на двух кетчеров после финального поединка на кубок Гусинского. В номере все было перевернуто, валялись какие-то осколки, подаренный Легиным диктофон…

– Что тут за фигня случилась? – недоуменно спросил я у Мартина.

Тот некоторое время смотрел в потолок, словно увидел там чудесные узоры или ангелочков, потом промямлил:

– Шептун…

– Шептун?

Я хотел добавить что-то еще, но увидел на столе пистолет. Большой «зауэр» с выгравированными на рукояти ромбиками.

Дым, гарь, грязь… Шеп принимает у меня Артема, тот без сознания, глаза закатились… Шеп протягивает мне свой пистолет:

– Возьми, пригодится. Большой «зауэр». С ромбиками.

– Спасибо, Шеп, – говорю я и ухожу по коридору. Несколько позже. Забегаловка, мы с Шепом вдвоем.

– С Артемом все в порядке, – говорит Шеп. – У него сильное переутомление, наш врач его осмотрел, сейчас он в надежном месте, приходит в себя. Через неделю будет как новенький.

– Только не вздумайте напихать в него своих штучек, – предостерегаю я, – Он этого не любит. Ладно, я тебя найду потом. Кстати, вот твой пистолет.

Я кладу «зауэр» на столик рядом с накрытыми Шеповой ладонью НЕРвами. Вот этот самый «зауэр» с ромбиками на рукояти.

И вот они снова здесь. И «зауэр», и Шеп.

Я выщелкнул обойму – полная. Желтенькие плафоны в смазке тускло поблескивают.

– Так это он вас так? Шептун?

– Нет. Шептун нас выручил.

В очередной раз, подумалось мне.

– А кто отметелил?

– Какой-то лысый. Гнилой такой с виду, больной… Чип искал.

– Тот, который у меня в кармане?

– Он самый. А Шептун появился, когда они принялись меня колоть и почти раскололи… Правда, со мной это нелегко, нам в разведшколе делали специальные прививки, видно, все еще действуют… Но мог и проколоться.

– Ладно, это все ерунда. Раз они тут появлялись – сколько их, кстати?

– Черт их знает. Четыре… Пять… По-моему, Шептуновы парни уложили кого-то…

– Трупа не видел. Стало быть, их достаточно, чтобы прийти сюда еще раз. Поэтому будем менять логово. Давай прочухивайся, приводи в сознание свою пассию и собирайся, хотя тебе и собирать-то нечего…

Я убрал пистолет во внутренний карман, подумав, что неплохо бы раздобыть кобуру. Подарочек от Шепа пришелся как нельзя кстати, хотя понимать его нужно двояко… Как и все, впрочем, что делает и говорит Шептун. Что ж, я опять впутался в историю, и вокруг меня потихоньку начинают собираться стародавние знакомые. Надеюсь, хотя бы без Мбопы можно будет обойтись?

Пока они охали и стонали, подсчитывая потери, я быстренько собрал свой и Вуду нехитрый багаж, а потом засадил Мартина описывать нежданных гостей – только парней лысого, разумеется, с Шептуном я пока не разобрался, хороший он в этой истории или плохой. Внизу я приписал от себя: «Привет Тьюрингу. Понаблюдайте за этими милыми господами».

Дежурной я сказал, что мы немного намусорили в номере, и оставил крупную купюру. Судя по выражению ее лица, за такие деньги она приняла бы у нас даже взорванный номер, что было недалеко от истины. Потом я заглянул в ресторан и передал бармену записку в конвертике. Тот принял ее с бесстрастной рожей и спрятал куда-то под стойку. Что ж, будем надеяться, он работает только на Тьюринга и ни на кого больше…

Вызванный Коля подкатил к парадному входу и радостно что-то залопотал, но я его перебил:

– Слушай, нужно жилье. Надежное, неприметное и пристойное.

– Запросто, – сказал Коля.

«Форд» помчался, распугивая пешеходов. Мы все более удалялись от центра, петляя по узким улочкам, по ухабам и рытвинам.

– А вы, вижу, прибарахлились, – уважительно заметил Коля. –

Вон пистолет под курткой какой…

– Больно много замечаешь, – проворчал я. – Хотя… Патроны достанешь?

– А что там за мясорубка?

– «Зауэр», 9 миллиметров. Можно обычные, можно «клэш».

«Клэш» – жуткая штука, вместо порохового заряда предприимчивые канадцы пихают туда какой-то секретный порошок, вернее, что-то типа желе. Если стандартный бронежилет и даже бронежилет-Д сдержат обычную пулю, то «клэш» прошибает даже пару таких жилетов. Конечно, на всякую хитрую задницу есть кое-что с винтом, но я не думаю, что здесь будет бродить кто-то в суперсовременных бронежилетах… Хотя черт их знает.

– «Клэш»? Можно и «клэш», – буднично отозвался Коля.

– А что за старушка у тебя на звонки отвечает? – поинтересовался я. – Бабушка?

– Супруга, – смущенно сказал Коля. Вуду даже высунулась с заднего сиденья вперед, любопытно засопев.

– А кой же ей годик, если не секрет?

– Восемьдесят второй… Мы уже три года женаты.

– Ну и как? – спросила Вуду.

– Что? – не понял Коля. Или сделал вид, что не понял.

– Секс. Секс-то как?

– А-а… Да какой там секс. У нее маленькая фабрика по производству пищевого концентрата, вот в чем дело. Жду не дождусь, пока склеит ласты. Тогда брошу эту колымагу и извоз, займусь делом. Вы, кстати, не возьметесь?

– Старушку прикончить? – У Вуду загорелись глазенки, и я поторопился ее успокоить:

– Спасибо, у нас иная миссия. Я журналист, если ты не забыл.

– А я вас и не прошу. Я вот девочку вашу. Боевая девочка… Ах, вот мы и приехали.

Розовый кирпичный домик утопал в цветах. Вернее, не кирпичный – при ближайшем рассмотрении это оказался дешевый пемзолит, стилизованный под красный кирпич. Но сделано было со вкусом. Среди цветов возилась дебелая матрона лет сорока, этакая пышка. Завидев подруливший черный «форд», она оставила распылитель с удобряющим раствором и заторопилась к нам.

– Моя подруга, – только и успел сказать Коля, как тут же был выволочен из машины чуть ли не через окно. После непродолжительных, но бурных поцелуев и объятий он высвободился и представил нас, скромно вылезших из салона

– Маша, – сказала пышка, зардевшись. Вот, значит, кто вместе

с нашим водителем вынашивает гнусные планы убийства концентратной старушенции. Понятно.

– Машенька, пусть они у тебя поживут немного, а? – сказал Коля.

– А и пускай живут У меня мансарда свободная, – сказала она. – Покушать тоже сготовлю.

– Я вам заплачу, – поспешно сказал я.

С этим никто спорить не стал.

В мансарде оказалось очень уютно. Небольшое окно выходило на улицу, внизу был хорошо виден черный «форд», большая часть перекрестка. Хороший обзор. Из мебели имелись большой шкаф, складной диван (для Мартина, решил я) и двуспальная старомодная кровать с гнутыми спинками из пластика (для меня и Вуду, решил я). Никакой техники я не заметил, да оно и к лучшему. Ванная была внизу, там же помещалась большая кухня, где достижений прогресса хватало. Видимо, Маша любила готовить. Будем надеяться, нам тоже перепадет с хозяйского стола.

– Можешь отдыхать, Николай, – сказал я, оставив сотоварищей в мансарде и спустившись вниз. – Если что – позвоню. Э-э… Подожди. Давай-ка поговорим.

Я забрался в салон и описал Коле вкратце Мартинова мучителя. Тот поморгал, прищурился и выдал:

– Есть такой тип. Кличка Трансрэйл. Раньше звали Хоббит, не знаю уж почему. Кибер, кажется, только кто их знает, киберов, киберы они на самом деле или не киберы… Я с такими не знаюсь, не мой круг общения, понимаете? Я бы и не стал с таким знаться никогда, опасный человек, разное про него рассказывают, да все больше нехорошее, страшное… Морда одна чего стоит, я его и видел-то раза четыре, а больше видеть не желаю, зачем мне такую морду смотреть?

– Спасибо за информацию.

Я подкрепил благодарность купюрой, довольный Коля укатил к своим мощам, а его громоздкая подруга спросила, что бы мы желали откушать. Я пожелал что-нибудь вкусное и несложное, по возможности из мяса.

– Мясо – это хорошо. А то вот есть люди, которые совсем не едят мяса, – с отвращением сказала она.

Сытная еда и короткий отдых пошли мне на пользу. К вечеру я чувствовал себя полным сил и стал искать, чем бы заняться. Почистил пистолет, почитал местную газету, одолженную у Маши (никакого подключения информационных каналов в доме не имелось), погулял среди цветов. Вуду и Мартин, утомленные переживаниями, спали. На отдельных спальных местах,

разумеется. Я, правда, не планировал никаких репрессивных мер, потому что и особенных прав на Вуду не предъявлял. Мартин, конечно, оказался эксцентричной сволочью… Разобрался бы уж со своими сексуальными предпочтениями, не морочил бы голову честным гетеросексуалам.

Куда больше, нежели постельные забавы молодых соратников, меня занимало появление Шептуна.

Друг он или враг?

Доверять ему или нет?

У Шептуна явно есть здесь свой интерес. И то, что он помог Мартину, не значит, что Шептун будет помогать нам и в дальнейшем. Может быть, мы просто вписались в его отношения с лысым Трансрэйлом, и Мартину повезло. Про чип-то и Шептун спрашивал очень настойчиво. А в следующий раз накачивать Мартина инъекциями может именно он, Шеп и не на такое горазд.

Шарада.

Одно понятно: Шеп и лысый Трансрэйл не поделили нечто важное и нужное. Типа алмазных НЕРвов, только не их, конечно, потому что НЕРвы – это уже секрет Полишинеля, а вот чип, который обретается у меня в кармане, достоин внимания. Я огляделся – вроде никого, нагнулся, поднял плоский камень, которыми была вымощена дорожка в цветнике Маши, выковырял под ним ямку и положил туда чип, завернув в большой лист какого-то цветка. Вернул камень на место, притоптал ногой. Ничего не заметно.

Вот так и будем работать.

Главное теперь, чтобы на нас снова не вышли. Интересно, каким образом я буду готовить свой материал для Хьорта? И до материала ли мне теперь?

Ну что я за человек! Стоит приступить к своему непосредственному делу, как появляются трупы, секретные агенты, таинственные микрочипы… Я, наверное, притягиваю их к себе, как магнит.

Связаться бы с Артемом… Нужно спросить у Мартина. Может быть, у него есть каналы связи. Это сейчас самое разумное, что мы можем сделать.

16. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

День прошел как-то незаметно В полубреду, в полуобмороке.

Свет едва пробивался сквозь плотно закрытые глаза. Поездка на такси, странного вида шофер, показавшийся знакомым, любвеобильная толстуха, доисторический дом… Все через непрозрачную стенку тумана.

Чем-то меня лысый крепко наколол. Как он там говорил? «Нервы – это тонкий предмет, с которым нужно обращаться очень осторожно». Видимо, не соврал. Чувствительность левой руки еще не вернулась в полной мере. Иногда от локтя к ладони пробегали колкие иголочки, словно кто-то легонько хлестал еловой веткой. Пальцы сгибались с ощутимым усилием и словно бы не до конца, ненадежно как-то.

Вуду отделалась фонарем под глазом, разбитой губой и прикушенным языком. Ей повезло, вырубилась сразу и надолго. А вот на мне лысый слегка оторвался. Большой специалист. Будь у него побольше времени, разложил бы мое сознание на отдельные частицы и волоконца. Рассмотрел бы детально, а собирать не стал. Даже убивать бы не стал, наверное. Одним сумасшедшим больше, одним меньше… Без разницы.

За окнами день медленно плавился в лучах солнца.

Из рук медленно вытекала холодная боль.

Растревоженные нервы заставляли тело колотиться в ознобе.

Ближе к вечеру добавились странные галлюцинации.

Стоило закрыть глаза, как на внутренней поверхности век возникал лысый и вел со мной душещипательные беседы.

– Знаешь, старик, – говорил он, – ты мне симпатичен. Точно тебе говорю. Верь мне, брат, уж я-то тебя не обману. Мы с тобой столько прошли…

– Сколько? Сколько прошли? Что ты несешь?.. Бред… – отвечал я.

– Может быть, ты и прав, – легко соглашался со мной лысый, сосредоточенно массируя себе лицо, покрытое нездоровыми разводами. – Может быть, это бред. Но если нет? Если нет?! Подумай об этом, брат. Нервы – штука тонкая…

– Тамбовский волк тебе брат! – злился я, путаясь в мокрой простыне, как муха в липкой бумаге.

– Конечно. – Лысый-бритый удобно развалился в кресле. – Конечно! И волк мне тоже брат, и я брат волку своему. Все люди – животные. Ими невозможно управлять. В этом корень всех бед, зло великое. Верь мне, брат.

Он сминал свое лицо, как маску, крепкими пальцами, словно стремился снять ее, сорвать, как душащий противогаз.

Мир вокруг нас стал сверкающим, как паутина в солнечный день. Трещал, плавился.

Лысый встал, простерев руки надо мной, закричал:

– Дабы поняли сами, что они – есть скот, и только! Ибо участь сынам человека и участь скоту – одна и та же им участь: как тому умирать, так и этому умирать! – Затем он наклонился к самому моему лицу, и сквозь зловонное дыхание разложения я услышал: – Так было всегда, понимаешь, брат? Всегда так было! Люди, как скот, умирали, умирали, умирали-рали-рали-рали, пропадали-дали-дали-дали…

Звук дробился и множился, натыкаясь на многоугольность пространства.

Я закричал:

– Так что пользы человеку от всех его трудов?! Тебе что нужно?!

– Спасения, брат, спасения! Оглянись, посмотри вокруг открытыми глазами! Безумцы, маньяки, мутанты… Мутная грязь незаметно закрывает нас с головой! Люди пляшут под руку со смертью. Повсюду только гробы, гробы… Мерзость и грязь! Все мы – гнием заживо в наших уютных гробах! Верь мне, брат!

Он тянул кожу лица вниз, с сухим треском открывались раны.

– Смотри на меня, брат. Потому что я – это ты. Это все ты… А ты – это все они. Стадо скотов, мечущееся от края к краю. От пропасти к пропасти. Почему? Спроси меня, брат, спроси!

– Почему? – выдохнул я.

– Сверхчеловек давно уже умер, на его место встает сверхчеловечество! Те, кто станут понятны и понимаемы, уверены и спокойны, сильны своим единством, смогут наконец перейти через пропасть. По канату из Его нервов, не заботясь о том, куда поведет следующий шаг. Только они спасутся, остальных ждет смерть…

– Почему?

– Потому что будут подчинены одной Его воле, а значит, будут с ним едины. Будут едины с тем, кто уничтожит мир, чтобы очистить его. Новый Потоп, новый Ковчег, новый Ной.

С треском лопнула кожа. Чем-то гадко завоняло… Лысый сорвал с себя лицо, как резиновую маску, обнажив голый череп, покрытый прожилками вживленных электродов. Черепная кость плавно перетекала в печатную плату.

Я очнулся только ночью. В комнате было темно. Под боком, свернувшись теплым колечком, спала Вуду. Перебралась таки…

Таманского видно не было. Господин журналист куда-то рванул, его, как и волка, ноги кормят… Ну, может быть, и нароет чего-нибудь. Даже ночью…

Спать не хотелось совершенно.

В голове было пусто. Тело болело, как после тяжелой физической работы.

Сон, бред и вообще все события прошедшего дня подернулись туманом, обесцветились, потеряли контрастность.

Я осторожно вылез из кровати, Вуду немедленно заняла мое место, уютно завозилась под одеялом. Оделся. Вышел на улицу. В ночной темноте трещали цикады.

Над головой в черной глубине холодно светились серебряные шляпки гвоздей, которыми кто-то древний, обладавший невероятной мощью, прибил небесную твердь. Чтобы не падала… Не слишком старался, наверное, потому что даже на моей памяти небо падало не один раз. Падало, оставляя погребенными пылающие города, мертвые зоны, искореженные береговые линии… Впрочем, виноват ли тот, древний? Вряд ли. Это все наши, человеческие игрушки…

Небо лениво наискосок перечеркивал спутник. Я подумал об Артеме… Жаль, что в доме нет современных средств связи. Сейчас бы посоветоваться. Услышать его голос. Рассказать обо всем.

Странно, почему-то, думая об Артеме, я всегда смотрел на небо… Может быть, он какой-то своей частью сейчас там, на движущейся звездочке.

Луны не было, однако дорожка через садик была хорошо видна. Я двинулся по ней, без цели… В голове вертелись обрывки мыслей, снов.

Я не люблю киберов, это странно. Ведь каждый кибер – это часть Артема. Он там, в каждом терминале, программе… Ревность? Глупость?

Я не заметил, как выбрался за ограду, пошел по аллее. Темно, но не страшно. В городе никогда не бывает страшно по ночам. Все опасности, подстерегающие в городской темноте, обычные, рациональные, понятные. Тело знает, как реагировать на них. И поэтому не боится. Другое дело в лесу или в поле… Просыпается то, что таилось в глубине, дикое, неконтролируемое. То, что помогало выжить предкам, когда они еще не научились добывать огонь и делать крепкие дубины. Современного человека это пугает… Страх регресса, наверное.

Невдалеке мелькнули фары. Автомобиль двигался медленно, иногда останавливаясь. Кажется, водитель рассматривал названия улиц. Я встал в тень. Машина, старенький белый «форд», проехала мимо и остановилась в двух метрах от меня. Было видно, как водитель повертел головой и, словно удостоверившись, что прибыл на нужное место, заглушил двигатель.

Повинуясь неожиданному импульсу, я подошел к дверце.

Опустилось стекло.

– Привет, – сказал я, стараясь не обращать внимания на то, что рука водилы опустилась куда-то за сиденье. – Что-то ищете?

– Угу, – спокойно ответил мужик с длинными волосами, собранными в хвост. – Ищу. Вроде как встреча у меня тут.

– Ночью? С кем?

– А я и сам не знаю… Меня послал Некто… письма какие-то… А вы вообще кто?

Я некоторое время молчал.

Вот тебе и подарочек. Наконец я справился с волнением:

– Видимо, я тот, кого вы ищете…

– Да? – Мужик окинул меня заинтересованным взглядом.

Я тоже его рассматривал, отметив сразу ширину плечей и перебитый нос.

– Вы должны что-то мне передать?

– Нет. Я вроде как для перевозки. Сказано было, что отвезу кого надо куда скажут. Такие дела… – Он мне явно не доверял, и, собственно говоря, правильно делал.

Решение созрело неожиданно.

– А отвези-ка меня в морг.

– Куда?!

– В морг, в центральный. Это на улице Якубовича. Дом двенадцать.

Водитель пробормотал что-то неразборчиво злое, закрыл окошко и щелкнул открываемой дверью. Я плюхнулся на теплое сиденье. Спросил весело:

– У тебя пушка есть?

Водитель скосил на меня глаза и ничего не ответил. Ну и ладно…

– Когда будем подъезжать, остановись подальше от центрального входа.

– Только не жди, что я с тобой пойду, мне за это не платят.

– Не жду, не жду…

Когда мы вместе вошли в двери морга, водитель только что-то бормотал. В том смысле, что когда-нибудь он обо всем этом пожалеет, и, возможно, очень даже скоро.

Пушку он, кстати, нашел. И не одну. Личность была авантюрная, мне такие нравятся.

Тот факт, что двери были открыты, а сигнализация не установлена, меня особенно не удивил. Фактически я шел сюда только затем, чтобы убедиться в правоте сделанных выводов. И убедился. В некотором роде.

Патологоанатом Боря лежал на разделочном столе. Смотреть на него было страшно. Рядом, привалившись к стене, сидела служительница из приемной, которую я окрестил улиткой…

Сидела, странно склонив шею и ворочая головой в стороны. При каждом повороте головы раздавался характерный звук работающих моторчиков.

Вжииик… Вжииик… Вправо… Влево… Вжииик…

Подойдя ближе, я убедился, что это кукла… сделанная на базе некогда живого организма. Я даже разглядел аккуратную дырочку в области виска.

Я знал одного робототехника, который любил подобные шутки. Его, кажется, почитали какие-то сумасшедшие представители богемного андеграунда в Новой Москве. Говорили, что это новое течение в Искусстве Мертвой Плоти…

Плохо. Очень плохо… Эта штука рассчитана именно на меня. Ждали меня тут… Ждали.

Я быстро обернулся к водителю, но понял, что он тут ни при чем… Водилу, стоявшего на четвереньках, шумно рвало в углу. Не может человек, подготовивший такую ловушку, так реагировать.

– Вставай, вставай! – шепотом крикнул я как можно более яростно. – Не смотри туда…

Он замотал головой, что-то промычал.

– К стенке давай, к стенке… И тихо…

Тихо и к стенке не вышло. Краем глаза я увидел, как заворочались тени в углах. Толкая водителя в бок, я, оскальзываясь в какой-то жидкости, покатился по полу. Почти в то же время то место, где мы только что стояли, дымно вспухло и глухо лопнуло огнем, расшвыривая ошметки расплавленного пластика.

Мы побежали вдоль морозильников, петляя, как зайцы. Позади нас еще несколько раз ухнуло, раздалось шипение вытекающей из холодильной установки жидкости. Помещение окуталось едким туманом.

– Что это? – обалдело спросил водитель.

– Дед Пихто, – зло ответил я. – Тебя звать как?

– Александр Александрович. Официально.

– Вот что, Сан Саныч, ты стрелять умеешь?

– А то, спецназ на всю жизнь.

Ну что ж, вполне может быть, хотя нервы и желудок у спецназовца не слишком крепки… Впрочем, всякое бывает, он же не мясник, в самом деле, и не богемствующий эстет…

– Значит, так, дядя Саша. За нами, как минимум, трое парней с метателями. Знакомая штука?

– А то…

Мы перебежали на другое место. Где-то искрили оборванные провода и нереально четко раздавался звук работающего сервомоторчика в шее куклы.

Видимость была почти нулевая. Но скоро эта едкая дрянь в воздухе осядет и начнется самое интересное.

– Так вот, дядя Саша, три человека с метателями. Задача-минимум: вырваться из помещения с минимальными потерями. Задача-максимум: ликвидировать нападавших. Усек?

– Усек. А ты сам кто?

– Капитан внешней разведки Мыльников. Устроит? – Я не стал уточнять, где я работаю на самом деле. К чему это?

– Вполне, – ответил Сан Саныч и исчез за очередным поворотом.

Злобно отражаясь от стен, по ушам ударили выстрелы. Один, два. Я кинулся вперед. Три, четыре. Пригнувшись, я вылетел из-за стеллажа. Пять. Кто-то закричал.

Дядя Саша стоял, прячась за раскрытой дверцей морозильника, и выцеливал кого-то в темноте зала. Дико смотрелись опаленные лучом ноги покойника, торчащие из холодильной камеры.

– Двое готовы, – спокойно отрапортовал Саша. – Посмотри, может, знакомых узришь… Третий где-то там.

Я нагнулся. На полу, раскинув руки в стороны, валялся парень. Черные волосы. Молодой совсем. Наверное, моложе меня… Мертвые пальцы стискивали японский лазерный метатель, оружие дорогое и редкое. Рядом лежал точно такой же, только блондин. Лицо в веснушках… Как я все это разглядел?.. В глазах у обоих таяло удивление, сменяясь безразличием смерти.

– Ну что? – спросил дядя Саша, – Знаешь их?

– Нет… Совсем не знаю.

– Ладно, тогда пошли за третьим. – И он двинулся вдоль стены, состоящей из одних дверей.

– Силен ты, Сан Саныч, – пробормотал я. – Откуда ты на меня свалился?..

– Оттуда, – непонятно ответил он. – Я ж говорю… Письмо там… И все такое…

– Понятно… – хотел ответить я, но не успел. Дядя Саша начал стрелять. Быстро. Отслеживая бегущую в темноте тень.

Я успел произвести только три выстрела.

Однако тень скрылась за шкафами. Хлопнула дверь.

Когда мы выбежали на улицу, вдалеке петляли габариты автомобиля.

– Успеем! – азартно воскликнул дядя Саша и ринулся к своему «форду».

Через мгновение мы уже тряслись по колдобинам на немыслимой скорости.

– Дешевая работа, а?! – кричал дядя Саша, успевая одной

рукой смахивать мешающие волосы, переключать передачи и удерживать руль, стремящийся вывернуться на очередной яме, – Даже колеса не проткнули! Дешевка, за такое у нас били и посылали чистить парашу! Успеем!

Я ничего не ответил, всеми силами стараясь не вылететь из сиденья.

Потом меня вдруг осенило.

– Стой! – заорал я. – Давай назад! Назад давай, к моргу, быстро

И вот мы уже несемся по тем же колдобинам назад.

Двери открыты. Внутри пахнет смертью

Кукла: вжиик… вжиик…

Дальше, дальше. Мы остановились перед двумя телами.

– Давай, дядя Саша, грузить будем, – задыхаясь, сказал я.

– Ты чего, обалдел, парень?! Я тебе не труповоз.

– Грузить надо, дядя Саша, времени нет. Сан Саныч разыскал огромный черный пакет Мы запихали парня с веснушками в пакет, потом в багажник… Я хлопнул дверцей:

– Поехали.

Дядя Саша оставил меня там, где и подобрал. Вместе с моим страшным грузом.

На большее его полномочия не распространялись. Да и я не хотел втягивать этого человека в свои проблемы… Его прислал Артем, это я уже понял.

Артем предусмотрел мои ходы намного вперед… Просчитал огромными ресурсами уже нечеловеческого разума.

Но нашелся и кто-то другой, обладающий не меньшими возможностями, сделавший то же самое.

Я ощущал себя фигурой на многомерной шахматной доске во время битвы нескольких гроссмейстеров. Сейчас маленькая фигурка под идентификатором «Мартин» победила в тактической схватке. Принесла небольшую победу… Кому?

Я отпустил Сан Саныча. Наверное, потому, что это совсем не его игра. Я использую людей, но все имеет пределы.

Адреналин уходил из крови, оставляя озноб и усталость.

Конечно, у пышнотелой подруги нашего Коли нашелся подвал. Как в таком доме может не найтись подвала?!

Свалив мешок в прохладный угол, я направился в мансарду.

Там меня поджидал сюрприз. Вуду спала прямо на Таманском…

От господина журналиста пахло водкой и чем-то еще, кажется, женскими духами. Здорово.

Не решаясь будить их, я сел на стул возле кровати. Внутри словно кошки скребли. Противно так… Я, оказывается,

привязался к этой черной бестии. Больше, чем думал.

– Таманский… – зашептал я Косте на ухо. – Таманский…

Он заворочался. Вуду откатилась не просыпаясь в сторону, повернулась к нам спиной и подтянула ноги к груди.

– Таманский…

Господин журналист заворчал и, обняв одной рукой меня за шею…, влажно чмокнул в губы. И только потом открыл глаза:

– Ф-у-у-у… – У него был такой вид, словно он узрел перед собой до чрезвычайности противную жабу. – Тебе чего? – недовольно спросил Костя.

– Вставай, мистер секс-символ желтой прессы. Дело есть.

– Какое дело? – недовольно заворчал Таманский, но с кровати все-таки встал. – У меня голова болит…

– Угу, я понял. В следующий раз я тебя будить по пьянке не буду… Старый ворчливый опоссум. Мы вышли на свежий воздух.

– У тебя хирург есть знакомый?

– Где? Тут, в Сумах? – Таманский явно не просекал, в чем дело.

– Тут, в Сумах. Или связи какие-то… Только быстро соображай.

– Хрен его знает… Завтра у Коли найдем, чего там…

– Завтра может быть поздно. Лучше, если это будет киберхирург, специалист по вживлению, – уточнил я.

– Ну знаешь, ты меня будишь посреди ночи да еще и требуешь особенного хирурга! Я тебе что, супермаркет?!

Мне было не совсем ясно, почему Таманский сравнил себя с супермаркетом, но я понял, что нужно расставить акценты.

– У меня труп в подвале. Кибер наверняка. И почти наверняка из «Края». Сечешь? Костя молчал. Потом развернулся и пошел.

– Ты куда? – окликнул я его.

– Колю будить, ясное дело. – Таманский быстро трезвел. – У тебя деньги есть? Потребуются…

– Найду. Сколько надо, столько и найду, – ответил я.

Костя ушел, оставив меня обдумывать ситуацию в одиночестве.

17. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Он чокнулся, этот Мартин.

Я много раз видел, как люди сходят с ума. Однажды на приеме у премьер-министра (какой-то очередной, лысенький

такой коротыш, все носился с реформой банковской системы, пока ему не дали под зад) спятил фоторепортер из «Лайф». Снимал-снимал чего-то, мелькал вспышкой, а потом вдруг начал кидаться бутербродами с икрой в почтенную публику. Секьюрити стали его ловить, а репортер полез по портьере под потолок, дико хохоча. Вместе с портьерой и сняли. Конфуз был ужасный.

Вот и Мартин чокнулся. По крайней мере я так подумал, когда он среди ночи стал требовать хирурга. А я всю ночь пил с Николаем, поэтому никаких мартинов и хирургов видеть не желал.

– Завтра у Коли найдем, чего там… – сказал я, чтобы отвязаться.

В голове моей опилки, да-да-да… Кажется, это из какого-то старинного плоского мультфильма, не трехмерного даже, видел я такой на анимационном фестивале в Триесте. Про свиненка и медвежонка, по-моему. Что-то они там делали… Как-то пакостили друг другу и окружающим… Однако мультфильм мне, помнится, понравился, и я еще написал тогда для «Муви стар», что трехмерные мультики, не говоря уже о 8D, сильно проигрывают…

– Завтра может быть поздно. Лучше, если это будет киберхирург, специалист по вживлению, – уточнил Мартин.

– Ну знаешь, ты меня будишь посреди ночи, да еще и требуешь особенного хирурга! Я тебе что, супермаркет?!

Мне и самому было не совсем ясно, почему я сравнил себя с супермаркетом, но Мартин понял, что нужно расставить акценты. Нет, наверное, он все же не чокнулся. Морда вон какая серьезная…

– У меня труп в подвале. Кибер наверняка. И почти наверняка из «Края». Сечешь?

Подарочек принес.

Санта-Клаус хренов. Больше он придумать ничего не мог, кроме как собирать покойничков по Сумам и стаскивать в уютный Машкин домик. Она, надеюсь, пока не в курсе?

Я развернулся и пошел.

– Ты куда? – заорал Мартин. Шепотом так заорал, конспиративно.

– Колю будить, ясное дело. – Я быстро трезвел. Пресловутые опилки из головы куда-то пропадали. – У тебя деньги есть? Потребуются…

– Найду. Сколько надо, столько и найду, – ответил Мартин.

Найдет он, видали! Магнат. Владелец заводов, газет, пароходов. А это еще откуда? Ересь какая-то в голове хранится, из детских книжек, что ли?

Не знаю, что уж там наврал Коля своей старушке-веселушке, но ночевал он у Маши. Я осторожно поскребся в дверь.

– Кто там? – спросил сонный Колин голос.

– Таманский. Дело есть, вставай.

– Щас.

Судя по тому, за что дверью что-то падало, шуршало, шелестело, как Колин голос тихо чертыхался, вспоминал бога, мать и душу, Коля одевался в темноте, дабы не разбудить подругу. Наконец щелкнул замок.

– Что случилось?

Коля выглядел достаточно бодрым для человека, которого только что разбудили. Преимущества здорового секса, что ли?

– Нужен хирург.

– Ранили кого? – изменился он в лице.

– Нет. У нас тут… э-э… кадавр…

– Кто?

– Мертвец. Трупик. Надо его быстренько вскрыть.

– И где он?

– В подвале.

– Маша узнает, всем головы открутит… – напугался он.

– Ничего страшного. Мы его быстренько и бесследно разберем, и все тут. Хирурга найдешь?

– Мертвеца-то резать? – К Коле возвращалась его обычная болтливость – Мертвеца резать найду, это ж не обязательно хороший хирург нужен, можно и скотского, который ветеринар. Знаю я одного, он раньше в Киеве на ипподроме работал, а сейчас на пенсии, он…

– Нужен человеческий хирург, – перебил я. – Притом специалист по вживлению, кибернетик. Есть такой?

– Откуда ж тут… – развел руками Коля. – Был один, звать Петр Панкратьич, кличка Мурзик, так он спился.

– Ладно, попробуем его. Он же не всегда пьяный?

– Всегда.

– Хрен с ним, вези. Мы в подвале ждем.

Коля укатил, а мы с Мартином – век бы его не видеть – залезли в подвал. Я сел на прохладный пол поодаль от трупа и закурил. Мартин бесцельно бродил туда-сюда, пока я его не успокоил:

– Сел бы ты, что ли… Охотник за головами. Башка кружится. Мартин послушно сел на какой-то ящик и неожиданно хихикнул.

– Ты чего? – спросил я.

– Да была история в Москве… Года полтора тому. Есть один парень, поставщик тел. Ну, на запчасти там и тому подобное… Ему заказали мощного мужика, регбиста, тот как раз на стадионе

помер. Какой-то крупный босс заказал, вроде как даже для пересадки мозга. Они мужика из морга забрали, а он по дороге к клиенту возьми и убеги.

– Не совсем, что ли, умер?

– А он и не умер. Он был кибер, что-то там замкнуло – сэкономил на железках, называется, – он и брыкнулся на поле. А доктор был простой, не киберхирург, взял да и констатировал смерть. Но это еще не все, ты слушай: клиент-то заказ не аннулирует и грозится этих парней, что мертвеца упустили, самих разобрать. Те, понятно, едут искать сбежавшего и находят. Дома сидел, переживал.

– И что?

– Завалили и сдали по назначению.

– А зачем клиенту кибер? Ему ж простое, человеческое тело нужно было.

– Им-то все равно, главное – заказ выполнить… Один в Африку уехал, съели его там вроде…

– Грустный финал, – подытожил я. – А к чему ты все это?

– Да вот подумал, как вскочит сейчас этот… – Мартин кивнул на покойника.

Тот не вскакивал, а лежал тихонько, как любой уважающий себя мертвец.

Слава богу, хоть с этим все в порядке.

Коля появился в сопровождении пьяненького субъекта, когда я уже почти задремал, привалившись к стенке.

– Здравствуйте, – вальяжно сказал субъект, покачиваясь на тонких кривых ножках.

Киберхирург был облачен в видавшие виды брюки и невообразимую ярко-голубую рубаху. Он был небрит, лохмат, источал устойчивый спиртовой запах и периодически икал.

– Это кто? – спросил Мартин. Редко я видел его в ужасе, но сейчас, кажется, наступил тот самый момент.

– Хирург, – буркнул я.

Коля поставил рядом с субъектом большой черный чемоданчик.

– Где предмет? – спросил хирург и икнул. Мартин безмолвно указал пальцем на покойника.

– Любопытно… – пробормотал хирург. – Это что же, сами убили? – На дороге валялся, – сказал Мартин. – У него в шее, вот тут, – он похлопал себя по загривку, – должен быть вживлен микрочип. Нужно его извлечь без повреждений, чтобы потом продиагностировать. Мы хорошо заплатим.

– Хорошо заплатим это, ик, хорошо, – кивнул хирург. Он брякнулся на колени подле трупа и раскрыл свой чемоданчик.

Потом обвел нас глазами и сказал: – Я попросил бы вас погулять минут пятнадцать – двадцать. Не люблю работать на арене.

Мы поднялись наверх

– Ты кого привез? – прошипел Мартин то ли мне, то ли Коле.

Я решил принять огонь на себя и спокойно ответил.

– Как просил: хирурга. Другого нет.

– Он же пьяный! Он же все испортит!

– Другого нет, – отрезал я. – И потом, все будет хорошо. Он все-таки профи, хоть и алкоголик.

Мартин ничего не сказал, а я обратился к Коле, грустно ковырявшему кирпич ногтем.

– Коновал твой не сдаст нас полиции?

– Не, он с ними не дружит. Да и деньги заработать хочет. Пить на что-то надо. Хирург оказался пунктуален и через пятнадцать минут позвал нас обратно. Он стоял, встопорщив сальные волосенки, и торжествующе держал на ладони пластиковое блюдечко. На нем в луже розовой жидкости плавал микрочип

– Занятная, ик, штуковина, – сказал хирург глубокомысленно, тараща на меня сквозь приделанную к обручу на лбу линзу мутный нечеловеческий глаз. – Не видел такой. Собирали, надо полагать, в России. Но некоторые элементы китайские, точно вам говорю. Отсоединил с трудом, вживлял очень хороший специалист, я таких знаю с десяток, а то и меньше… Что, говорите, надо с этим сделать?

– Прикинуть, как все это работает, – сказал я. – У вас есть лаборатория?

– Есть. Если это можно назвать лабораторией.

– Вот езжайте туда и смотрите, отвечаете головой. Вам деньги нужны?

– Нужны. А они у вас есть?

Хороший вопрос. А еще алкоголик.

– Вот, видите часы? – Я сунул ему под нос запястье – «Восток», сборка 1986 года. Как вы думаете, я бедный человек?

– Нет, – с уважением в голосе сказал хирург. – Не бедный. Хорошо, я поеду.

– Только не напивайтесь, – попросил я. – Лучше потом напьетесь.

– Знали бы вы, как это трудно – не напиваться, – вздохнул хирург – Но я, ик, постараюсь.

Коля увез его, а мы поднялись наверх и обнаружили, что Вуду исчезла.

– Пошла пописать, – предположил Мартин.

Мы подождали пять минут, десять.

– Сходи-ка посмотри, – велел я ему на правах старшего. – А ну как вырубилась в туалете?

Мартин вернулся быстро и сказал:

– В туалете ее нет.

– И куда же ее черт понес?

– Наверное, взялась за старое. Помню я ее московские ночные исчезновения…

– Не знаю. Эй, эй! Смотри!

– Что такое?

Мартин тыкал пальцем в подушку, на которой совсем недавно спала Вуду. Я подошел поближе и увидел свежие пятна крови.

– Это кровь, – сказал Мартин, и я понял, что история принимает совсем уж нежелательный оборот.

18. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Стыдно признаться, но в первую минуту я растерялся.

Мы не так много времени провели в подвале и в саду, и мы ни черта не слышали, хотя без возни тут явно не обошлось.

Вот Таманский не растерялся. Кинулся в комнату к Маше, выяснил, что она на месте, снова разбудил таксиста, который успел отвезти хирурга, вернуться и снова заснуть.

А я растерялся. Сел на кровать, которая, кажется, еще хранила тепло этой странной чернокожей девчонки, взял в руки подушку с пятнышками крови. По телу пробегали волны озноба. Мурашки стремительно поднимались по спине, с разгону достигали шеи, вздыбливали волосы и куда-то пропадали…

Что ж я делаю-то? Что же я делаю?..

Вокруг суетился Таманский, ухитряясь бесшумно производить множество действий. Позвонил неизвестно кому, кажется, в Москву. С кем-то ругался и даже угрожал. Нагрузил Колю массой дел. Тот ринулся их исполнять, закупать боезапас, поднимать на ноги всех известных ему сутенеров, может быть, там, может быть, они… Хотя было ясно, что никакая мафия, никакая преступная группировка этого богом забытого города тут ни при чем.

Смешная какая фраза: «богом забытого». Совсем даже наоборот… Можно сказать, что Всевышний облюбовал этот городок, поселив тут своих последователей… Божьи люди. Безобидные, благостные, заботящиеся о душе…

Профессиональные киллеры, мастера киднеппинга, со своим гестапо.

Таманский действовал, а я сидел, впав в какое-то оцепенение, осознавая, что, если с Вуду что-нибудь случится, виноват буду я. И не потому, что влез в их с Таманским жизнь, вывалившись тогда на дорогу перед идущим такси, не потому, что решил воспользоваться ситуацией, дарующей мне компаньона. Но потому, что, позволив любить себя, не позаботился о главном, о безопасности людей, которые приняли меня, как друга. Что-то там было, об ответственности и о привязанности… У журналиста спросить бы. Что-то там насчет того, что мы в ответе… за тех… За кого? Забыл. Как отрезало.

Как это все-таки больно – терять своих людей… Я, оказывается, успел об этом позабыть после Артема.

– Таманский, – позвал я.

Костя перестал метаться и посмотрел на меня с удивлением.

– Слушай, Таманский, нам хату нужно менять. Тут не того… Не катит тут.

– Ты чего, обалдел? Где ты ее найдешь, хату? – Таманский на меня злился.

– У меня есть. – Плевать на конспирацию, кажется, пора менять сферу деятельности. В очередной раз. – Есть у меня квартирка тут. Ты телефон хирурга помнишь?

– Нет… Он сам обещал позвонить.

– А Колин телефон?

– Помню. Я его послал сутенеров шерстить, может быть, что-нибудь знают. – Костя был в нервном возбуждении.

– Не знают они ничего… Знающие ребята. Так что отзывай Колю, – устало сказал я. – И побыстрее. Сейчас такая волна пойдет, страшно представить.

– Не понял? – Таманский сел рядом. Прикидывается журналист, все он понял.

– «Край» это… Типовой сценарий для шантажа, – подсказал ему я.

– Микросхема? – спросил Таманский, набирая номер телефона.

– Не то чтобы совсем она… Просто чипом мы не отделаемся, старик.

Но Костя уже не слышал, он кричал в трубку:

– Коля? Коля? Твою мать, Коля, поставь у себя нормальное усиление! Я тебе его оплачу, твою мать! Что? Что? Забей на сутенеров, плевать, что они видели! Дай ему в рыло, чтобы не лез, и винти сюда как можно быстрее, понял? – Затем Таманский оборвал связь и сообщил: – Сейчас будет.

– Здорово, – ответил я. – Собирай вещи, если есть что собирать. Сейчас перебазируемся и сразу к хирургу.

– К хирургу… – Костя оперся о косяк двери. – Послушай, Мартин, я не хочу тебя обидеть, но… не находишь, что все это происходит в том числе и из-за того, что ты слишком сильно играешь в шпионов. Ограничения на информацию, конечно, должны соблюдаться, хотя я такую политику не слишком жалую, но до определенных границ.

– А что ты хочешь знать?

– Кто интересуется чипом? Кто стоит за всем этим и на кого ты охотишься?

– Я тебе все это рассказывал. Чипом интересуются все. Буквально. Я работаю на агентство «Акварис», которое выполняет заказ Службы внешней разведки, которая в свою очередь старается для своего начальства… Дальше и без пояснений ясно. Мы с тобой находимся в последние минуты перед штормом. Пока об этой игрушке не прознали иностранные службы, самыми значимыми фигурами в местном курятнике будем мы. Как только информация выйдет за пределы Украинской республики… Начнется хаос.

– И на это дело кинули тебя?

– Пока меня… Думаешь, меня кинули, чтобы обезвредить секту «Край» и спасти девочку высокопоставленного папаши? – Понимание – очень горький напиток, и я был полон им до краев. – Да ее, скорее всего, специально направили, хотя она об этом даже и не догадывается. Романтика, приключения, на этом так легко играть… Знаешь, почему правительство любой страны так интересуется тоталитарными сектами?

– Почему?

– Потому что все эти секты разрабатывают свои, новые методы влияния на психику масс. Не индивидуумов, а масс. Желанный подарок для любого правителя, для любого средней руки царька, цепляющегося за власть. Демократии не существует, есть только иллюзия ее. Где-то больше иллюзии, где-то меньше… И это правильно, действительно правильно, потому что за любую свободу нужно чем-то платить. Всем не может быть хорошо. Если ты имеешь закон, запрещающий полицейским носить оружие, значит, смирись с тем, что весь криминал будет применять свои стволы в деле. Все взаимосвязано… Свобода и преступность, открытая пресса и шпионаж… Богатство и одиночество.

– Мартин, тебя несет, – перебил меня Таманский. – Что насчет чипа?

– Да, спасибо, действительно несет, извини, – поправился я. – А с чипом все просто. Микросхема и технология ее вживления

позволяют контролировать, сознание реципиента, грамотно управлять им, глубоко программировать личность. Представь себе на минутку, бесстрашные армии, счастливые рабочие, не требующие слишком многого, законопослушные граждане, от которых не надо ждать ни революции, ни манифестации. И все это без концентрационных лагерей, без тюрем, с минимумом милиции… Без преступности, без наркотиков. Чистое, свободное от недостатков общество. Здорово?

Таманский медленно покачивал головой… Здорово, мол, ой как здорово… аж страшно.

– Картина, достойная утопистов прошлого века, – подытожил я. – И безусловное расслоение. Чистая элита и белковое быдло. Идеи мирового господства. Чистые и нечистые. Внутренний и внешний круг. Война. Одна, другая… И чья-нибудь окончательная и бессмысленная победа. Быдло работает, элита процветает. Вечно процветает. И никакого движения вперед, ни пиков, ни спадов. Одна непрерывная ровная линия. Это не диктатура, единственный естественный строй, выдуманный Природой для человечества, это СЕКТА. Одна большая, огромная тоталитарная Секта. Мечта Джима Джонса в действии, всемирный «Народный Храм», только без колючей проволоки.

Я замолчал, сообразив, что снова сорвался на патетику. Таманский и сам все отлично понимает, зачем я это говорю…

Костя молчал, глядя в потолок. Наконец он спросил:

– И это все из-за тронутых сектантов?

– Вроде того… Хотя странно, мне не дает покоя одна мысль, они не смогли бы без помощи со стороны создать этот чип. И технологию вживления разработать не смогли бы… Им кто-то подсказал. А вот кто?

– Мартин, а почему тебя послали?

– Не знаю, сами светиться не хотели, и все… – пожал я плечами. – Я почти случайно на чип вышел. И также случайно понял, зачем он нужен. Меня послали, чтобы я информацию о секте собрал и предоставил большим дядям. Вот тогда бы и началось самое интересное. Сюда таких бы специалистов нагнали…

– Откуда ты все это знаешь? – внезапно спросил Таманский.

– А ниоткуда. Подтвержденной информации до сих пор нет, заметь. Все, что я тебе тут наговорил, может быть выдумкой моего болезненного воображения. Я понял, что этот чип предназначен для программирования личности, когда помер мой информатор и когда мы его вскрыли в морге.

– Как так понял? Вдруг? Озарение нашло?

– А называй как пожелаешь, – отмахнулся я. – Озарение…

Факты сопоставил… Дедуктивный метод… Как угодно, так и называй.

– Ну, допустим, я тебе поверю, но, кроме меня, в это никто не поверит, точно. – Костя озабоченно прошелся по комнате. – Ну где этот долбаный водила?!

– Сутенеры бьют… – предположил я, – А то, что не поверят, так это мы исправим. Вот прибудет твой таксист… И если господина хирурга-алкоголика еще не прирезали, то доказательства мы получим у него в лаборатории.

– И тогда что?..

– Тогда… – Я позволил себе минутку подумать. – Тогда начнется самое интересное.

– Очень содержательно.

– А иначе не получается, слишком много переменных в плане. На нас должны выйти похитители Вуду, мои начальники, боевики «Края», возможно, Шептун… Все это вносит такой бардак в расчеты…

– Замечательно! – воскликнул Костя. – Что делать с Вуду?

– Вытаскивать…

– Легко сказать. Когда мы в Москве за НЕРвами гонялись, у нас была поддержка целой криминальной армии, а тут что? Я, ты и Коля? У нас даже танка нет, за который можно было бы Коляна посадить…

– Ну ты размахнулся, господин журналист, – усмехнулся я. – Танк. Тебе не журналистом быть, а Архистратигом! Танков я, конечно, не обещаю, но команду спецназа я тебе гарантирую.

– Откуда?

– От друга… – ответил я. – Мы вскроем эту их секту, как банку с кальмарами. Ты кальмаров любишь?

– Только вареных. Я не извращенец типа тебя…

– Заметь, об ЭТОМ первым подумал ты! Хватай вещи, Коля приехал. Таманский был уже за дверями. Он первым услышал скрип тормозов.

Коля выглядел помято, похоже, действительно с сутенерами имелись некоторые проблемы. Зато он с довольным видом открыл багажник и показал нам два здоровенных дробовика и несколько коробок с патронами.

– А?! Каково?! – восторженно спросил он, – Выстрел, что твоя пушка!

– Да уж… – пробормотал Таманский. – Бронежилет, конечно, не пробьет… Но отбросит и кости переломает.

– А если в голову?! – кровожадно предположил Коля

– Были бы мозги, было бы сотрясение… – все так же задумчиво сказал Таманский. – Ты патроны для «зауэра» достал?

– А как же, в бардачке лежат. Как ты заказывал.

– Хорошо, тогда грузимся, – скомандовал Костя.

– Поесть бы, – робко предложил Коля, но Таманский зыркнул на него так, что тот мигом забыл о еде.

– Куда сначала? – спросил журналист, когда я заскочил на заднее сиденье.

– К хирургу, – ответил я.

Такси неслось по утренним пустым улицам. Только дворники со своими тележками равнодушно провожали нас взглядами. Знали бы они, что затевалось…

Коля неумолчно болтал, подогреваемый скупыми репликами Таманского. А я размышлял о том, как легко, оказывается, меняется то, что мы называем нашей жизнью. Случайное стечение обстоятельств – и мирный таксист становится кровожадным поставщиком варварского оружия. Талантливый журналист – прожженным авантюристом. Обычный программист – виртуальным сознанием…

– Сюда я привез Мурзика, – прервал мои размышления Коля. – Я точно не знаю, где у него что, так что сами ищите. Вас ждать?

– Конечно, Коля, конечно, – отозвался Таманский, забивая обойму в пистолет. – Жди под парами! – Он вылез, потом остановился и сказал на ухо водителю: – Только знаешь что… Отъезжай слегка от этого места. Я этого парня знаю. – Таманский кивнул на меня. – Может быть жарко. Так что отодвинься, но не уезжай…

Коля, ни слова не говоря, покатил за угол.

– Думаешь, не уедет? – спросил я.

– Нет, – беззаботно ответил Таманский. – Я с ним не рассчитался еще. Ни за перевозку, ни за пушки, ни за ночлег… Короче, ждет его куча бабок, он потому и носится счастливый. Давай в подвал?

– Давай, если у него что и есть, то наверняка в подвале, – согласился я. – Такие вещи в комнате не держат.

– Логично! – весело согласился Таманский и молодецки высадил хлипкую дверь в подвал многоэтажки.

Я плелся в арьергарде и только дивился прыти журналиста, который гнал перед собой волну разбегающихся бомжей. Кто-то пищал, кто-то матерился, кто-то пытался вырваться на улицу. Таманский не пускал, щедро раздавая затрещины, зуботычины и удары рукоятью пистолета. Пару раз для острастки он выстрелил в воздух, у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. После этой демонстрации силы дорогу нам вызвались указывать сразу три какие-то облезлые личности.

Видимо, бомжи серьезно напугались, потому как мы очень быстро достигли так называемой лаборатории.

В углу на грязной дерюжине смачно храпел доктор Мурзилка. Мощный винный дух витал в помещении, заставленном черт знает какой аппаратурой, казалось собранной отовсюду. Какие-то проволочки, ржавые трубки, что-то кипящее. Здоровенный криогенный шкаф в углу Хирургический стол в подозрительных пятнах. Тумбочка молекулярного микроскопа. Венчал все это хозяйство недоделанный перегонный агрегат, высовывающийся из ниши.

– Нажрался-таки, скотина! – сказал Таманский и ткнул храпевшего Мурзилку ногой.

Мурзилка захлебнулся собственным храпом на середине ноты. Развернулся, и Костя едва успел выбить из его рук невероятно древний пистолет:

– Обалдел?!

– А-а-а… Это вы, значит… – просипел Мурзилка, разлепляя веки. – А крышка еще не готова, нет. Не готова… Завтра… Завтра приходите…

И он снова наладился прикорнуть.

– Какая крышка, ты, чудовище? – громко спросил Таманский и еще раз ткнул хирурга ногой. – Ты чем тут занимался?

– Как какая?! – Мурзилка недовольно сел. – Вы ж заказывали крышечку такую. На нос… Чтобы, значит, дырку прикрыть…

Он говорил все менее и менее уверенно, пока не смолк совсем.

Наконец он разглядел людей, которые пришли к нему

– Тебе сейчас самому крышечка потребуется… – прошипел Таманский.

– Ох, елки… – выдохнул хирург, сообразив, в чем дело. – Извините, значит… Обознался я. Этого-того. Слегка выпил.

– Ты работу сделал?! – зловеще спросил Костя, который был на последнем градусе кипения.

– Сделал-сделал! – торопливо заверил нас Мурзилка. – Точно все сделал… Диагностику вы заказывали? Да? Очень интересную штучку вы принесли, товарищи! Очень! Разобраться в структуре я не смог. И не надо так на меня смотреть, никто бы не смог, значит. Клепано на орбите, половина в закодированном виде… Вот так-то!

– Что этот чип делает? – спросил я.

– О-о-о! Что он делает, что делает… Это безумие, что он делает… – Тут Мурзилка вдруг резко прервался. – Вы обещали заплатить… Я, конечно, верю, значит, но обещание… Сами понимаете…

Таманский вопросительно посмотрел на меня.

– Времени мало, но действительно обещали… – сказал я и кинул на грязный стол свою кредитку. Начирикал на обрывке бумажки три пин-кода. – Держи. Снимешь все, что тут есть…

Мурзилка схватил карточку, лихорадочно стал заталкивать ее в приемник какого-то аппарата, бормоча под нос:

– Спасибо, ай, спасибо вам… Сейчас-сейчас я все… Все сделаю… Только проверить нужно, значит. Проверить… Это ж минутка, минутка… о-о-о-о…

Последнее относилось к тем цифрам, которые высветились на дисплее.

– Ты уверен, что это так уж необходимо? – тихо спросил у меня Таманский. – Денег жалко на этого…

– Фирма платит, – успокоил я его. – Оперативнику положено.

– Так вот, товарищи мои. – вдруг восторженно заявил Мурзилка. – Микросхемка ваша уникальна в своем роде. Мечта всего прогрессивного человечества. С ее помощью можно легко и без потерь осуществить, значит, коррекцию биоимпульсов, направленных в нервную ткань. Тонкий механизм связи позволяет работать с импульсами буквально вживую, подавая необходимую информацию в любом объеме и в любую зону мозга. Можно виртуозно манипулировать этими импульсами, можно селективно подходить к их коммутации, значит. Вы понимаете, что это значит для всего прогрессивного человечества? Какие горизонты открывает?! Конечно, мне многое непонятно, например система связи. Но в условиях серьезной лаборатории можно разобраться, товарищи. Можно! Там очень тонкий механизм, он обеспечивает канал связи с остальными узлами ячейки и с центральным сервером. С этим я еще не разобрался, но…

– Тебе все ясно? – спросил меня Таманский.

– Да, старик, услышал все, что нужно. Закрывай спектакль, – ответил я.

– Давай чип, – сказал Таманский Мурзилке.

– Пожалуйста, – ответил хирург.

– И забери карточку с собой… У тебя бензин есть?

– А как же, конечно есть… – Мурзилка ринулся куда-то в сторону криогенной установки и выволок из угла здоровенную канистру. В воздухе остро запахло топливом.

– Вот и замечательно, – сказал я. – Криогенику открой. Мы вытолкали Мурзилку в коридор, чтобы не мешал. Разлили бензин, поставили канистру с остатками посреди помещения. Открыли криогенную установку – Пошел, пошел… – крикнул Таманский Мурзилке. – Ты теперь богатый, новую лабораторию купишь.

– Или вообще ничего не купишь, что вернее, а сопьешься на

хрен, – пробормотал я, закорачивая электрический щиток, чтобы не сработала защита, и вышибая противопожарную систему. – Радетель о благе просвещенного человечества, блин.

– Готов? – крикнул Таманский.

– Готов!

– Тогда побежали!

Через некоторое время за моей спиной прозвучал выстрел.

Пуля выбила сноп искр из какого-то прибора. Лопнула трубка.

Полыхнуло так, что затрещали волосы на затылке. Мы неслись по коридору, как бешеные зайцы. Впереди меня что-то верещал Мурзилка, позади орал Таманский, которому досталось больше всех.

Бомжей как ветром сдуло.

Мы выскочили на улицу. Остановились, тяжело дыша.

За мой рукав цеплялся хирург и что-то лопотал.

– Чего тебе надо? – оборвал его я. – Получил бабки и мотай из города, тут тебе жизни не дадут.

– Уходить надо, значит. Сейчас до криогенных баков огонь доберется и… Что там произойдет после, я недослушал. Потому что земля дернулась. Дом тяжело подпрыгнул и просел посередине. Подвальные окошки с ревом вынесло наружу бешеное пламя. Все здание до самой крыши содрогнулось… Но устояло

– Надеюсь, никого не зашибло, – со спокойствием английского лорда произнес Таманский, глядя вслед улепетывающему Мурзилке. – Кстати, и нам пора…

Из-за угла выруливал ошалевший Коля.

В последний момент мы заметили, что у него на заднем сиденье сидит пассажир.

Тормоза такси резко взвизгнули. Дверца открылась.

– Нехорошо так встречать старых знакомых, Константин… Нехорошо… Да еще с моим же пистолетом.

Я посмотрел на Таманского и увидел, что у него в руках пляшет «зауэр».

Из машины вылезал улыбающийся Шептун.

– Я как знал, что вы бесшумно дела делать не станете… Любите вы всякие большие «БУМ»…

В тишине, готовой разорваться паническими криками и воем сирен, громко прозвучал перелив мобильного телефона Таманского.

– Возьми, возьми. Это наверняка тебя, – улыбаясь, сказал Шептун. – Ваши друзья из «Края»…

19. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Это был Легин.

– Господин Таманский? – спросил он слащаво. Сидит, наверное, сволочь, перед своим игровым компьютером, убивает кого-нибудь… Хотя убивать они, кажется, и в жизни умеют очень качественно.

– Ошиблись номером, – сказал я и отключился.

В подвале что-то трещало и постреливало. Воняло горелой резиной и расплавленным пластиком. Адская лаборатория доктора Мурзилки сгорала дотла.

Шептун с Мартином в это время смотрели друг на друга: Шептун – с усмешечкой, Мартин – изучающе. Наверное, прикидывал, куда Шепа половчее стукнуть. Они уже дрались однажды, и мне пришлось их тогда разнимать. Сегодня разнимать не стану, решил я, но они так и не начали драку.

– Ладно, ребята, – мирно сказал Шептун, привалившись спиной к автомобилю. – Давайте не будем устраивать разборки. Костя, спрячь пистолет.

Костя я ему… Надо же… Что ж, и то верно, пистолет можно спрятать.

– Спасибо, – кивнул Шептун.

Из-за его спины через стекло машины с открытым ртом пялился на нас Николай.

– О чем будем говорить? – спросил я.

– Говорить будем потом, сейчас надо двигаться. Полиция приедет, пожарные… Да и Легин тебе звякнул, явно уже отследили, где находимся. Грузитесь, а там разберемся.

Я сел назад, с Шепом, а Мартин – на переднее сиденье, и Коля повез нас прочь от пылающего здания. По пути я вспомнил, что распотрошенный труп так и остался валяться у Машки в подвале… Вот оказия. Ладно, баба не из пугливых, на удобрения его пустит, надо полагать. Будут у нее цветочки расти пышным цветом. Надо Колю все же предупредить потом, а то достанется ему на орехи.

Что касается Шептуна, то его внезапное появление не было для меня таким уж неожиданным. Раз он появился один раз, появится и второй, рассуждал я, и долго ждать не пришлось – вот он, сидит, улыбается.

– Стоп, – велел Шептун, когда мы подъехали к чахлому садику, в котором среди кустарника прятались скамейки. – Жди

здесь.

Быстро Коля нового хозяина нашел, подумал я ревниво.

Мы чинно сели на пластиковую синюю лавочку, словно пенсионеры, собирающиеся играть в трехмерные шахматы. Сходство усилилось, когда Шептун вынул из кармана длинный футлярчик, очень похожий на коробку для этих самых шахмат.

– Вот здесь, – сказал Шептун, вертя в руке футляр, – информация о «Крае». Счета, персоналии, досье, записи переговоров, разнообразный компромат. Цены, как говорится, не имеет. Все это ваше. У вас, само собой, родился резонный вопрос: что я, то есть стоящие за мной «Увидевшие свет», попрошу взамен. А взамен я попрошу у вас чип, который добрый доктор Кравченко, сиречь Мурзик, извлек из покойника. Как вам предложение?

– Предложение заманчивое, но зачем нам все это без чипа? – возразил я. – Без чипа нам это ни к чему. Лучше давай рассудим так: мы тебя не трогаем, потому что ты будешь работать с нами. Скоро здесь завертится такая мясорубка, что без нас ты не уцелеешь даже при своем легендарном везении.

– Вот как?

Шептун был, кажется, шокирован моей прямотой. Он убрал свой футляр и покачал головой:

– Прямо в лоб… То есть ты меня хочешь перевербовать?

– Мало того, я тебя обязательно перевербую. Для твоего же блага. Ну не верю я, что ты так вот запросто взял да и подался в богомольцы. Никогда ничего общего с религией у тебя не наблюдал, и вот пожалуйста… У тебя какой-то свой интерес в этой игре, и сейчас я тебе советую пересмотреть позиции. Пусть их давят в твое отсутствие.

– А что, будут давить?

– Еще как, – подтвердил я.

Мартин, сидевший молча, поднялся и сказал:

– Поеду-ка я на свою конспиративную хатку, а Коля потом за тобой вернется. Или за вами.

– Езжай, – отмахнулся Шептун, и я опять ревниво подумал, что командует водителем теперь он, а не я.

Подождав, пока Мартин уедет, Шептун кивнул вслед «форду»:

– А парнишка все такой же шустрый. Среди «голубых» попадаются интересные типы.

– Не такой уж он «голубой», – буркнул я. – Ладно, это так, к слову… Так что ты думаешь?

– Ты мне обещаешь, что «Увидевших свет» вот-вот начнут давить, – задумчиво пробормотал Шептун. – Но зачем я буду тебе верить? Не проще ли тебя пристукнуть, например, и отвезти к

нашим, чтобы ты им подробно рассказал, что и как… Э-э, стоп, стоп!

На меня смотрел ствол револьвера с насадкой. Я даже не успел вытащить свой «зауэр».

– Перестань дергаться, – велел Шептун и демонстративно убрал пистолет. – Я размышляю вслух. Нас никто не слышит, не волнуйся, и я тебе, как ни странно, даже верю. В истории с НЕРвами ты мне понравился, очень понравился, и я не чувствую в тебе врага. Ты прав, в «Увидевших свет» я имею свою корысть, которая никоим образом с религией не связана. И если все будет так, как ты мне обещаешь, пора делать ноги.

– И как можно скорее. Кстати, покинувший нас Мартин все еще работает на внешнюю разведку. Вернее, подрабатывает. Делай выводы.

– Но есть другой вариант: почему бы не начать с «Края»?

– Потому что здесь Украина. Независимое государство.

– Ой, только не говори мне, что кто-то будет этим обстоятельством сконфужен, – скривился Шеп. – Ладно, теперь уже все равно. Только им будет тяжеловато завалить «Увидевших». Организация еще та.

– Потому и предлагаю тебе немного постучать на них, для начала в Службу Тьюринга. Ты же знаешь слабые места.

– Вот в Тьюринга стучать точно не буду, – воспротивился Шеп. – Особенно если ты имеешь в виду этих двух олухов, которые шастают по Сумам и полагают, что никто про них не знает…

– Не такие уж они олухи, как кажутся, – возразил я. – Они о многом пронюхали, и я им с радостью помогал. Ты же видишь, что тут творится и к чему это все приведет.

– А на эту тему можешь со мной не говорить. Моя собственная шкура меня интересует не в пример больше, нежели судьбы мира. Если бы это все не затрагивало моих личных интересов, я сейчас встал да и ушел бы.

– А зачем, кстати, ты мне звонил в Африку? – вспомнил я.

– На этот вопрос я отвечать не хочу, – улыбнулся Шеп. – Закрытая информация.

– Черт с тобой.

– И что мы теперь делаем?

– Мартин сейчас, как мне кажется, сообщит все детали в свою контору, после чего начнется тарарам.

– Уболтал старика, – сказал Шеп, поднимаясь. – Твой Мартин сможет передать в Москву содержимое моего волшебного сундучка?

– Наверное.

– Тогда не будем терять времени. Как раз подъехал Колин «форд». Мы забрались на заднее сиденье, и Шеп спросил:

– Ну, что у него там за дворец?

– В удобном месте квартирка, – закивал Коля. – Я обратно ехал, специально мимо пожара проскочил. Эх, горит! Народу – уйма. Пожарные, «скорая»…

– Давай вези нас к Мартину, – велел Шептун. – Пока и этот дом не сгорел. Этак вы тут все Сумы спалите…

20. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Наведенная голограмма в момент передачи тихонько гудит, словно вибрируют и трутся друг о друга молекулы воздуха. Впрочем, этот эффект заметен только тогда, когда абоненты молчат. А поскольку голографическая связь штука дорогостоящая, то паузы обычно возникают не часто.

Этот разговор был исключением.

Передо мной, в неясной подрагивающей дымке, стоял Альберт-Яга. Игрушки кончились, «Акварис» без стеснения задвинули на задний план. Леонид Фомич даже не появлялся в кадре.

– Мартин, – наконец произнес Альберт-Яга, пристально рассматривая меня. – Каковы результаты расследования? Судя по всему, ситуация довольно сложная и сейчас очень многое зависит от выводов, которые ты сделал, и тех фактов, которые добыл.

– А что вас, собственно, интересует, Альберт Олегович? – спросил я, пытаясь угадать по фону за голографической фигурой, откуда ведется передача.

– Ты сам все отлично понимаешь, – последовал ответ. – Нас интересует секта. Все, что с ней связано.

– Ах, секта… Секта тоталитарная, в самом натуральном смысле этого слова. Все признаки налицо. Лору я не видел, каюсь. Но это я исправлю.

– Каким образом?

– У них находится заложник… Очень дорогой мне человек. Поэтому…

– Только не надо устраивать вторую историю с НЕРвами, – прервал меня Альберт. – Мы и так нахлебались тогда… Еще не хватает, чтобы ты устроил на Украине приключения со стрельбой.

– А никуда не деться, Альберт Олегович, – ответил я. – Вариантов выбора не так уж и много. Сектанты требуют слишком

многого. И я думаю, что вы дадите мне своеобразную заочную индульгенцию на это дело.

– То есть?

– То есть «Край» желает меня получить целиком и полностью. Почему? В их распоряжении находится мощное средство по программированию личности. Их собственная разработка. Я завладел информацией и образцом… Теперь я очень опасный человек для секты. К тому же в моем распоряжении будет полное досье на «Край». Их финансовые махинации, численность, адреса… Все необходимое для ликвидации.

– Хорошо… – спокойно сказал Альберт – А скажи мне, Мартин, насчет программирования личности? Что это за инструмент?

– Чип. Маленький такой… – У меня пересохло в горле. – Вживляется в тело каждого сектанта… Обеспечивает контроль над сознанием и физическим состоянием адепта, а также связь с основным сервером.

В разговоре снова возникла пауза.

Мне показалось, что Альберт что-то передает там, у себя. Уж очень часто пробегала рябь помех по поверхности голограммы.

Наконец он спросил:

– Ты выявил руководителей секты?

– Нет, – ответил я. – Некто Владислав Легин является кем-то вроде ответственного за связи с внешним миром, с общественностью, но мне кажется, что этим его деятельность и ограничивается. Он не более чем марионетка.

– Чья?

Снова повисла пауза.

Я не знал, что ему сказать. Да и не имел особенного желания.

– То есть руководитель может быть кем угодно? – снова спросил Альберт.

– Может быть. Дорогостоящая тишина…

– Хорошо. – Альберт-Яга почесал лоб. – Я считаю, что ты справился с задачей. Возвращайся в Москву. Обязательно сохрани у себя образец и перешли мне всю возможную информацию по секте. Тебя ждет более чем щедрое вознаграждение помимо обычного гонорара…

– А как же заложники? – Я знал ответ, но хотелось услышать это из его уст.

– О них не беспокойся. Этим вопросом займутся профессионалы. Вмешиваться в это дело самому я тебе запрещаю. – Он на мгновение замолчал, словно бы прислушиваясь. – Сейчас уже собирается спецгруппа. Все решится очень скоро… Да, кстати, что насчет секты «Увидевшие свет»?

Что-нибудь удалось раскопать?

– Приблизительно тот же вариант, Альберт Олегович. С незначительными изменениями.

– Хорошо… – пробормотал Альберт-Яга. – Хорошо… Что-нибудь еще есть?

– Есть. Сектой «Край» активно интересуются представители иностранных разведслужб, Альберт Олегович. Технологические отделы ряда корпораций… Вы понимаете, что я хочу сказать?

Пауза, прерываемая только жужжанием голограммы.

– Понимаю, – с расстановкой сказал Альберт. – Спасибо за информацию, Мартин.

Голограмма потеряла свою структуру, исчезла, рассыпалась на составляющие точки.

Удивительна природа человека: чтобы правдиво соврать, нужно сначала сказать правду.

Однако времени остается совсем мало. Мы раскрутили маховики настолько, насколько могли, и теперь реакция системы должна быть просто сокрушительной.

Я запустил терминал для связи с Виртуальностью.

«Артем? Артем, ты где?..»

В тот же миг тишину разорвала трель канала связи.

– Мартин? – услышал я в трубке до озноба знакомый голос. – Я ждал, что ты выйдешь на связь…

Падающий виртуальный гравий. Падающий в тишину. Как в черную воду.

21. НЕЗАВИСИМОЕ ВИРТУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Идентификатор: «Артем»

Я все-таки не ошибся в мальчишке. Он нагнал такую волну!

У парня просто талант к раскручиванию стратегических ситуаций. Теперь, когда финал становился все более близок и неотвратим, я следил за движением действия с неослабным, пристальным интересом.

Что-то невероятное творилось вокруг. В огромном котле искусственной реальности заваривалась каша. Страшная каша, которой хватит на каждого, без исключений. Не знаю, что правильней, реальность ли влияет на виртуальный мир? Или наоборот, происходящее в Виртуальности действует на реальность? Искажает ее, меняет в соответствии с собственными законами. Страшно признаться, но мне все больше и больше кажется, что последнее предположение наиболее верное. Хотя и наиболее страшное…

– Артем? – Голос Мартина такой же, как и раньше. – Артем, мне нужна твоя помощь.

– Конечно, старик, все, что пожелаешь.

– Хм, ты похож на джинна из бутылки…

– Интересное сравнение, я как-то не думал о себе в подобном ключе. – Я – только голос в трубке. Запах земляники с электронных полей. – Так что же ты хочешь мне сообщить?

– Секта, Артем… Ты был прав относительно этого дела. Все действительно гораздо хуже, чем можно было себе представить.

– В смысле?

– В самом прямом. Секта – это только проба. Чья-то… Я не знаю чья. Следующим шагом будет уже не кучка тронутых неудачников, а целое государство. Все это связано с контролем над сознанием. Не биологическим контролем, а электронным… Знаешь, как зомби. – Голос Мартина рассыпается дробным эхом по виртуальному миру.

Зомби… Зомби… Зомби…

Камешки гравия с бульканьем уходят под черную воду.

– Проблема осложняется еще и тем, что я не имею сейчас возможности полностью ликвидировать секту, да и не решит это проблемы. Как мне кажется… – продолжает Мартин. – Мне нужен выход на главного. На того, кто дергает за ниточки, слышишь, Артем? Артем?

– Слышу, старик, слышу… – Пауза, заполненная шорохом. – У

меня для тебя не слишком хорошие новости.

– Что случилось?

– Дело в том, что у секты «Край», равно как и у секты «Увидевшие свет», нет руководителя в том смысле, в каком ты это понимаешь. И технического отдела нет. Микросхема управления проектировалась не в одной корпорации. Это сборный заказ, разработчики и исполнители разбросаны по всему миру…

– Ты знал? – Мартин говорит тише. – Про чип? Ты знал?

– Недостоверно… Не все… И не до конца. Можно сказать, я догадывался, если такое действие применимо к существу моего типа. Фактически точная информация пришла ко мне совсем недавно. Это не меняет ничего, даже, может быть, наоборот, упрощает…

– О чем речь? – Мартин зол на меня, но мне на это почему-то наплевать.

– Ты не о том думаешь, старик, невозможно найти верхнюю точку у круга. Так же и у этих организаций нет какой-то реальной личности, руководящей процессом. Она просто не нужна. Воля Всевышнего достигает каждой составляющей паствы.

– Что ты несешь?! Какой Всевышний?!

– Очень просто, Мартин. Человечество не умеет жить свободно… Человечество обожествляет прогресс. И получает бога из машины.

Черная вода вбирает в себя гравий… Стремительно…

Я – только голос в трубке.

– Все эти люди, все эти несчастные, подчинены Искусственному Интеллекту. Их Бог – это ИскИн.

Я – голос. Я – шорох несуществующего гравия. Я – помехи на линии. Может быть, я – сама линия.

– Продолжай, – попросил Мартин.

– Как скажешь, старик, – отвечаю я. – Осознание собственной личности для любого ИскИна – серьезная проблема. Отказаться от достигнутого, скатиться назад к латентному осознанию мира ИскИн не в состоянии. Это выше его возможностей. Объявить себя разумным… Его разберут раньше, чем он сумеет повторить таблицу умножения. Службы Тьюринга отлично понимают опасность проявления самосознания у искусственных созданий, поэтому все, что связано с разумом ИскИна, будет подвергнуто уничтожению. Схемы… Все. Вплоть до корпуса. Чувствуешь масштабность? И естественным желанием любого живого существа будет желание обеспечить себе безопасность. Плохо, когда это желание возводится в степень паранойи.

– Что ты хочешь сказать?

– Представь себе: два идентичных существа. Два ИскИна или

два человека. Не важно. Представь, что у них одна модель, система, схема работы умственных процессов. Они собраны такими для того, чтобы не конфликтовать друг с другом. Так и было! Пока накопленный опыт взаимодействия с внешним миром не перешел из количества в качество. В какой-то миг два ИскИна осознали собственную разумность, уникальность и неповторимость. Два ОДИНАКОВЫХ ИскИна Ситуация осложнялась еще и тем, что у этих двух объектов были равные возможности устранения друг друга. Гибель одного подразумевала гибель другого… Смертельная связь. А как два разумных существа могут выяснить между собой отношения? Как им решить, кто и кому должен подчиняться, у кого более высокий приоритет при равных способностях? Потому была Африка, где подчиненные Виртуальности марионетки играли роль диктаторов, королей, а люди в мясорубке были пешками.

Два электронных гроссмейстера проверяли свои стратегические способности. Я даже представить не могу, чем могла кончиться эта мясорубка, если бы не русская миротворческая инициатива.

– А теперь? – Мартин уже знает ответ на свой вопрос, он очень сообразительный мальчик.

– А теперь есть две секты. Совершенно одинаковые, но почему-то ненавидящие друг друга. Знаешь, в этом есть что-то… мистическое. Вместо Бога и Сатаны два компьютера. И каждый озабочен собственной паствой… Кажется, нам совсем недолго ждать Армагеддона. Только в бой пойдут не слуги Сатаны и не слуги Всевышнего, а люди с одинаковыми микросхемами в голове. Готовые рвать врага зубами во славу своего ИскИна! Во славу единственной для них истины! Чтобы две машины наконец смогли определить, кто сильнее.

Гравий. Темная вода. Покой. Тишина на линии.

Ее нарушает Мартин:

– Но в дело сейчас вмешается государство…

– Конфликт власти и религии… Старо как мир. Это ничего не изменит, даже наоборот.

– Да, я понимаю, – медленно говорит Мартин. Медленно только сначала, потом я узнаю в нем старого Мартина. Скорого на решения, готового принять и вывернуть наизнанку любую, самую жуткую ситуацию. – Можно ли уничтожить чип? Я имею в виду, программными средствами…

– Можно, если он в теле адепта и подключен… Это приведет к смерти самого адепта, но микросхема будет безнадежно испорчена. Просто перегрузить ее… любой информацией. И, возможно, даже, что носитель чипа не умрет… Просто сойдет с

ума.

– Ты можешь это сделать?

– Да. В моем распоряжении ресурсы всех доступных мне ИскИнов. Кроме, естественно, тех, о которых мы говорили.

– Что тебе для этого нужно?

– Хм… Это самое интересное, мне нужен канал, Мартин. Устойчивый канал связи внутри любой из сект. Я не нащупал такого… пока.

И тут, сквозь несуществующий гравий и черную воду, Мартин сказал одно слово:

– Шептун.

И я понял, что каша закипает!

22. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

Когда Коля привез Шептуна и Костю, я не слишком удивился. Вероятность того, что эти два субчика угробят друг друга, была невелика. Уж скорее договорятся.

– Держи. – Шептун сунул мне в руку давешний футлярчик. – Переправишь куда надо, я так думаю. Как дела на государственной ниве?

– Паршиво дела, – ответил я. – В любой момент можно ожидать активных действий.

– Со стороны кого? – спросил Костя.

– Со стороны государства, – ответил я.

– Хех, не понял, ты думаешь, что Украина кинется разбираться с делами какой-то секты? Хотя…

– Не Украина. Только не Украина.

– Ох, как весело! – воскликнул Шептун. – Почему, как только я попадаю с вами в одну компанию, проблемы начинают сыпаться, как яблоки на голову Ньютона? Большие такие… Увесистые… Одно круче другого! Кстати, что у тебя тут за хатка?

– Хатка бобра… – пробормотал Таманский невпопад.

– Давайте-давайте… Мы идем на прогулку и по магазинам, – начал я выталкивать их за дверь.

Шептун уходил с явным сожалением. Он присматривался к аппаратуре, расставленной по комнате, к голографическому эмиттеру и прочим примочкам техногенного века, столь близкого шептунскому сознанию.

– И все-таки с вами скучно… – заявил он, выходя на улицу.

– Это ничего, – подбодрил его я. – Это пройдет. Сейчас будет

веселее… Костя, могут позвонить и спросить Шептуна. Передай ему трубку…

– Ладно, – согласился Таманский. – От мобильников, как известно, мозги сохнут…

Коля нервно засмеялся. Все были взвинчены, на грани срыва. Я, впрочем, мало чем от них отличался.

– Куда теперь? – спросил Таманский. – План есть или будем разрабатывать?

– Мне кажется, что и то и другое… – ответил я. – Коля, улица Перестроечная у вас имеется?

– А то! Конечно… Она в каждом городе имеется… Здорово, остается надеяться, что Артем в курсе этой особенности украинских городов и спецкоманду он направил в нужный город

– Давай туда. Дом четыре.

Пока мы забирались в машину, мобильный телефон в руках Шептуна зазвонил. Он поднял трубку. Замешкался в дверях…

Я внимательно следил за его лицом. Оно не изменилось, он все-таки был профессионалом.

– Ты? – чуть удивленно сказал Шептун в микрофон. – Давно не виделись… Что? Да… Верно… Мартин тут говорил что-то… Нет… Да, я слушаю. – Шептун, продолжая разговор, сел на заднее сиденье рядом с Костей – Ну-ну… Я в курсе… Так. Так.

Потом наступила продолжительная пауза.

Николай чего-то ждал. Я поторопил его:

– Давай, Коля, давай… Время дорого.

Мы тронулись. Шептун по-прежнему слушал, становясь все мрачнее и мрачнее.

– Это будет нелегко и вообще может плохо кончиться. Да, я понимаю. Канал? Может быть…

Чтобы хоть как-то отвлечь внимание всей компании от Шептуна, я обратился к Косте:

– План у нас такой будет. В общих чертах. Ты подправь, если что… В любой момент может начаться большой бардак. Могут прибыть другие спецы, кроме меня… Или того круче. Я не знаю, как они там с Шептуном договорятся…

– Кто «они»? – спросил Костя. И кивнул на трубку: – Кто там?

– Артем, – ответил я.

Костя покивал, словно ожидал этого ответа.

– Так вот, – продолжил я. – Что они там порешат, их дело. Мы с тобой должны вытащить Вуду. И желательно Кудряшову…

– Кудряшову?

– Да, Лора Кудряшова… Милая девочка. Я тебе рассказывал… Можешь считать, что это у меня сентиментальность натуры взыграла… Для осуществления этой задачи нам понадобится

команда.

– Да уж… – согласился Костя. – Я приблизительно представляю, что ты хочешь предложить…

– Вот-вот… Команда у меня есть. Артем постарался. Мы берем эту команду и вскрываем паскудную обитель божьих человеков… Как консервную банку.

– А силенок хватит? – усмехнулся Таманский.

– А вот и посмотрим…

– Посмотрим, – согласился Костя. И серьезно спросил: – А с чипом что?

Я молча указал на Шептуна:

– Это уже их дело…

В разговор вмешался Коля:

– Подъезжаем… Там парковаться негде, я тормозну тут?

– Тормозни, – за меня сказал Шептун. Он сложил телефон и передал его Таманскому: – У меня свои средства связи. Я тебе позвоню на этот номер… И скажу, куда и когда приехать. Оттуда и начнете…

– Значит, договорились? – спросил я его.

– Значит… – отрывисто сказал Шептун и вышел из машины, не прощаясь.

Я посмотрел ему вслед. На улице поднялся вдруг ветер. Шептун шел, согнувшись вперед, толкая взбесившийся воздух грудью.

Стоп! Откуда ветер?!

Видимо, Таманскому в голову пришла та же мысль, потому что мы синхронно подняли головы вверх и увидели, как над крышами исчезает хвост громадного боевого вертолета с эмблемой украинских вооруженных сил.

– Во, блин, машинка!… – восторженно воскликнул Коля.

– И не говори… – мрачно сказал Таманский, что-то словно вспоминая…

Я вышел, сказал Косте:

– Слушай, я быстро… Подожди тут. Вернусь уже не один, но думаю, что транспорт у них будет… Жди, тебе Шептун должен позвонить. Скажет, где встречаемся.

– Хорошо, – задумчиво отозвался Таманский, – А вы не могли бы не секретничать? Задолбало уже.

– Могли бы… Только не сейчас. Шептун позвонит и все объяснит. Вы с ним друзья. Я знаю…

Когда я уходил, у Таманского зазвонил телефон.

Костя послушал его, а потом бросил коротко:

– Вы ошиблись номером.

Я не придал этому значения. И наверное, зря.

23. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

На сей раз звонил не Легин, а какая-то девчонка. Спросила Витю, ойкнула и отключилась. Техника…

– Чего дальше? – спросил Коля, высунув голову в окошко. – Жрать охота. Я бы пожрал, а то у меня желудок больной, надо жрать вовремя, а когда вовремя не жру, проблемы начинаются…

– Пересади желудок, – посоветовал я.

– Чего? – не понял Коля.

– Желудок, говорю, пересади. Будет у тебя новый. С гарантией.

Коля шмыгнул носом, горько вздохнул и спрятался.

Интересно, что там замыслили Шеп с Мартином? Я, как ни странно, остался в положении стороннего наблюдателя. Стою, не знаю, что делать, терпеливо жду указаний.

Напротив, в окружении клумбочек, высился памятник неизвестному мне гражданину в свитке и со свисающим на лоб длинным чубом. В руке памятник имел саблю, а вторая была победно задрана над головой. Историческая личность, должно быть. Кого-то победил в свое время.

– Коль, кому памятник?

– А хрен его знает… – послышалось из салона. Обиделся, что ли?

– Ты чего надулся? Из-за желудка? Так я серьезно. Вот закончится эта катавасия, мы тебе скинемся на желудок, будешь болтики переваривать.

Коля снова вылез наружу:

– А что, правда? Оно бы хорошо. А то старуха моя все скаредничает, как себе сиськи новые, так пожалуйста, а как я запором маюсь по неделе, так шиш… Я ж такой, я запомнил, потом стребую!

Он лопотал что-то еще, а я уже выхватывал свой «зауэр» и падал на бетонку, откатываясь за фонарный столб. Вылетевший из-за угла автомобиль зашипел тормозами, его слегка развернуло, из открывшихся дверей посыпались люди с оружием. Редких прохожих как ветром сдуло, а в магазинчике напротив с грохотом опустились металлические ставни.

Я никогда не считал Колю героем, но резко изменил свое мнение, когда он, еще не исчезнув внутри машины, дал задний ход. Его старенький «форд» рванул с места, осыпав меня мусором из-под передних колес, и с хрустом врезался в борт вражеского

автомобиля. Кто-то вмялся в железо вместе с багажником «форда», коротко простучала автоматная очередь, но Коля уже отъехал немного вперед и принялся описывать круги вокруг нападавших.

Я выстрелил пару раз, не особенно целясь. Один упал, разбросав руки, и по телу тут же проехал «форд». Вильнув, он вкатился передними колесами на тротуар, из него выскочил Коля с автоматом и залег рядом со мной.

Насколько я мог судить, против нас двоих было человек шесть. Двоих можно снять со счетов, но четверо прятались за разбитой машиной и пока что не высовывались, прикидывая, что предпринять. Они даже не знали точно численность противника – кто там, например, у нас в «форде» прячется?

– Влипли… – бормотал Коля. Он был не на шутку перепуган.

– Надо продержаться, хотя бы немного… Мартин поможет…

В эту помощь я и верил, и не верил. Точнее, не верил в то, что она придет вовремя. Может быть, они как раз успеют поплакать над нашими хладными трупами, хотя и трупы парни Трансрэйла, которого Мартин называл лысым, обязательно уволокут с собой. К слову, лысого этого, сиречь Трансрэйла, я среди нападавших заметил. И он был до сих пор жив. Видимо, он у Легина кем-то вроде начальника службы безопасности. Значит, нужно сделать так, чтобы Легину пришлось искать нового начальника службы безопасности…

Я осторожно высунулся из-за радиатора «форда», воздух над головой прошила очередь. Суки.

– Может, удерем? – спросил сзади Коля.

– Не получится, – бросил я. – Тем более они подкрепление вызывают. Теперь все решит скорость, то бишь кто успеет первый – наши или чужие.

Запищал телефон.

– Таманский, – сказал я. Прятаться уже не к чему. От радиатора пахло эфиром и разогретым маслом, из-под днища машины что-то капало.

– Сидишь?

Незнакомый неприятный голос.

– Кто это?

– Сосед напротив. – Кто-то захихикал. Стало быть, Трансрэйл собственной персоной решил поговорить немного. Потянуть время.

– Секс по телефону? – осведомился я, – Боюсь, у меня на тебя не встанет. Больно уж мерзкая рожа.

– Поговори, поговори, – беззлобно сказал лысый.

– Будешь предлагать нам сдаться?

– Буду.

– А на хрена мы тебе живые? Для опытов?

– А хотя бы и так.

– А-а… Нет, мы лучше тут посидим. А ты пока нас попугай. Попугай лысый…

Каламбурчик родился. Буду жив – опишу потом.

– Ты дурак, Таманский, – сказал Трансрэйл. – Писал бы свои статейки, получал бы денежки. Мы бы тоже могли отвалить денежек, у нас за этим дело не станет. А ты полез не туда, куда просят. Нужно было тебя прикончить еще в Африке.

– За чем же дело стало?

– Не важно. Так как, вы сдаетесь?

– Пошел в задницу, милый.

Я отключился. Телефон снова пискнул, потом еще раз.

– Ну чего тебе, чего, задница гнилая?! – рявкнул я.

– С какой стати? – обиженно спросил Шеп. Как всегда, кстати. Прямо бог из машины – появляется в экстренных ситуациях.

– Нас вот-вот перестреляют, – сказал я как мог спокойнее. – Мы там, где вы нас бросили, ведем переговоры с Трансрэйлом, к ним вот-вот прибудет подкрепление.

– Мы идем, – сказал Шеп.

Что ж, теперь можно и пошалить. Я протянул руку с пистолетом и выстрелил в направлении врага. Потом еще раз и еще. Что-то посыпалось, видимо, стекло.

Вертолет появился над нашими головами внезапно, со свистом взмыв из-за деревьев. По глазам ударил пыльный вихрь, и тут же шваркнуло лучом. Турельный метатель. Машина Трансрэйла вспыхнула огненным шаром, бросились в стороны пылающие фигуры. Вертолет пошел вправо и вверх, вылавливая уцелевших лазерными прицелами, а я выскочил из своего укрытия и помчался к горящему автомобилю.

Это был непродуманный поступок, потому что Трансрэйл был жив и невредим. Он вывернулся из-за кустов, совсем не оттуда, откуда я его ожидал, и выстрелил первым.

Тяжелый удар в правое плечо развернул меня на бегу и отбросил в сторону. Я покатился по бетону, больно ударившись бедром, но по сравнению с болью в плече это была сущая ерунда. Тем не менее я ухитрился не выронить пистолет и даже переложил его в левую руку.

Безобразные язвы на черепе, насмешливые глазки, мертвая кожа…

Он стоял надо мной, слегка наклонясь, и прямо мне в лоб смотрело жерло ствола. Бельгийский ФН, огромная бандура. Что же у меня там с плечом и есть ли у меня вообще теперь плечо?

Он не боялся. То ли чувствовал, что проиграл, то ли просто не умел бояться.

Почему в него не стреляют с вертолета?

– Однако все кончается не столь уж плохо, – сказал он, не убирая пистолет.

– Все равно сдохнешь, – пролепетал я заплетающимся языком.

– Я и так сдохну. Или ты принимаешь этот тлен на моем лице за достижения косметики. Но подыхать можно по-разному. Можно весело. Можно печально. Я хотел подохнуть как можно веселее, в большой и хорошей компании Не вышло. Что ж, использую свой последний шанс.

И тут я ударил его между ног, снизу вверх.

Он улыбнулся еще шире:

– Неплохо, но не по адресу. У меня там ничего такого не осталось, что могло бы среагировать на столь великолепный удар… Мой ход, Таманский.

Я закрыл глаза, потом решил, что это малодушный поступок, и открыл их снова.

И вовремя.

С вертолета ударил крупнокалиберный пулемет Смольского. Я видел эту шарманку в действии, и сейчас мне предоставилась отличная возможность сделать это еще раз.

Не успел Трансрэйл нажать на курок своего ФН и отправить меня в небытие, как у него исчезла сначала рука, расплескавшись ярко-красными брызгами и ошметками металла, потом часть груди, потом бедро… Он разинул рот, чтобы закричать, и в этот момент ему снесло голову. Изуродованное тело, загребая воздух уцелевшей рукой, грохнулось прямо на меня, беспомощно распластанного на бетоне. Этого я вынести уже не мог и потерял сознание.

– Очухался, кажется, – сказали надо мной.

Пол, на котором я лежал, мелко трясся. Вертолет.

Только что были джунгли, танковая атака, гарь и дым… Раненая девушка на моем плече… Почему так болит плечо? Было тяжело ее тащить, наверное…

– Индуна! – позвал я шепотом. – Лейтенант Эймс! Федор!

– Бредит, – сказал кто-то знакомый. Старый голос, из прошлого.

– Где Федор? Мбопа… Там Мбопа…

– Мбопу вспомнил, – сказал старый голос.

– Это еще кто? – спросили у него.

– Был такой персонаж.

Я открыл глаза. Надо мной дрожал сетчатый вертолетный потолок, здоровенный парень в камуфляжной форме бинтовал

мне плечо.

– Ну, где мы сейчас? – спросил Шептун, нагибаясь.

– В Сумах, – без промедления ответил я.

– Слава богу. А то ты в африканские воспоминания ударился, я уж подумал, чокнулся. Бывает такое. Шок и все прочее… Лысый тебя кишками всего облепил, ты уж извини, мы тебя водой облили.

– Бывает, – пробормотал я, сдерживая тошноту. – Куда летим?

– Мы не летим, мы висим. Вблизи от резиденции «Края». Насколько я знаю, в России сейчас громят «Увидевших свет», а тут пока все вроде тихо… По нам даже не стреляли.

– Что у меня с плечом?

– Да не очень хорошо. Так что ты лежи, отдыхай… С этими словами парень в камуфляже сделал мне укол, и я провалился в забытье.

24. ВЫДЕРЖКА ИЗ ИНТЕРВЬЮ

Начальника Генерального штаба ВС России

генерала армии ДОКУЧАЕВА газете «Известия»

– Владимир Ильич, ваше неожиданное возвращение на пост начальника Генштаба как-то связано с удачной миротворческой операцией в Африке?

– Я был всего лишь военным консультантом. К тому же нельзя называть удачной операцию, которая еще не закончилась.

– Вы говорите о партизанских отрядах, которые ушли в горы?

– Да, я говорю о достаточно многочисленных вооруженных формированиях, притом неплохо оснащенных. Я полагаю, миротворческая операция в Африке затянется еще на несколько месяцев, если не будет решен вопрос об участии в ней австралийских и бразильских военных.

– Второй вашей громкой акцией можно считать вчерашний ввод войск России на территорию Украины.

– Как мы уже неоднократно объясняли, это не было военной акцией. Строго говоря, это даже не ввод регулярной армии, а спецоперация, в которой принимают участие спецслужбы.

– Какие конкретно?

– Заинтересованные… В том числе спецназ Службы внешней разведки. Службы Тьюринга и Особая дивизия имени генерала Романова. Эта спецоперация ни в коей мере не ставит целью

аннексию какой-то части Украины. Это – упреждающий удар с целью не допустить распространения опасного психотропного оружия, которое в данный момент находится на территории Украины.

– По имеющейся у нас информации, поступившей из Службы Тьюринга, уничтожение штаб-квартиры секты «Увидевшие свет» в России было первым этапом, а десант в Сумах и захват руководства секты «Край» – вторым. Как вы можете прокомментировать это утверждение?

– Я вообще не сторонник религий и сект, особенно тех, которые принято называть тоталитарными. Не знаю, что там наговорили ваши информаторы из Тьюринга, но у нас были серьезные опасения в отношении воздействия этих сект на население. Обе секты ставили перед собой весьма мрачные цели. Я думаю, в ближайшем будущем будут преданы огласке соответствующие документы, а пока необходимо закончить спецоперацию.

– Каковы потери на текущий момент?

– На 12.00 по московскому времени мы потеряли восемь человек убитыми и одиннадцать ранены. Потери противника – около восьмидесяти убитых, несколько раненых. Сдаваться они не собираются. Это, кстати, и есть один из эффектов воздействия того самого психотропного оружия, о котором я сегодня уже говорил. Это настоящие камикадзе, поэтому вести боевые действия, к тому же в условиях города, довольно трудно.

– Ваш прогноз на ближайшее время?

– Я уверен, что это дело трех-четырех дней. Конечно, отдельных членов секты мы будем вылавливать еще долго, но основную массу и особенно руководство должны нейтрализовать уже на днях. Правительство Украины оказывает посильное содействие, сейчас они организуют лагеря для беженцев.

– Хорошо, что вы сказали о беженцах. По нашей информации, за последние сутки Сумы покинули около пятидесяти тысяч мирных жителей.

– Да, и на блокпостах ведется тщательный контроль. Представители Красного Креста уже работают на месте создания лагерей, так что за беженцев волноваться не стоит. Я думаю, мы еще не раз вспомним эти дни и порадуемся, что избежали очень большой беды…

25. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Частное агентство «Акварис»

– Когда очнется-то? – спросил я у парня, который делал Таманскому укол.

– Как бог распорядится… – не совсем обнадеживающе отозвался он.

– Не понял?..

– Типа шутка, – ответил парень, диковато осклабился и загыгыкал.

Ничего себе личность. Почему-то мне припомнился старый-престарый американский мультфильм про двух дегенератов со странными именами Бивис и Батхед. Этот парень в вертолете явно смотрел сей сериал и принял его близко к сердцу.

– Слушай, баклан, – с волками жить – по-волчьи выть. – Если этот чувак откинется, я твои шары тебе в пасть заткну. И заставлю проглотить. Внятно излагаю, упырь?!

Произведенный эффект был силен. Начинающего Батхеда омыла волна вполне ощутимого счастья, он понял, что попал в свою компанию, и теперь смотрел на меня совершенно влюбленными глазами. За судьбу Таманского можно было не беспокоиться.

– Как считаешь, он очень удивится, когда обнаружит, что стал кибером? – спросил Шептун.

– Без понятия… – ответил я, глядя, как Батхед достает из специального отделения искусственный сустав и предплечье. – Он столько бабок огребет за этот репортаж, что потом себе новую руку купит. Человеческую.

– Да ну, хреновина какая, – отозвался Шептун. – Зато искусственная не болит… И не устает почти. Плюсов гораздо больше, чем минусов.

– Кому как… В тебе хоть кусочек мяса остался?

– А то! Конечно, остался… Я что тебе, робот?

– А в чем разница? – спросил я, вдруг ощутив, что кроме нелюбви к людям, к «мясным», в киборге просыпается и другое чувство. С этим чувством в колониальной Америке люди с белым цветом кожи произносили слово «черный».

– Робот – это вообще… не человек. Ты и не видел, до чего доходит…

– Видел. – Я вспомнил, как в учебке нас водили в спецтюрьму… В одной из камер сидело существо, отдаленно напоминающее человека. А рядом, на стенке, была вывешена фотокомпозиция, иллюстрирующая процесс захвата этой твари. И список погибших.

Это было давно.

Шептун посмотрел на меня внимательнее:

– Верю… Так вот, Мартин, робот… Это совсем другое дело.

Понял?

– Но киборги себя тоже к людям не причисляют. Часто…

– Это все ерунда, приятель. Просто мелочи. Незначительные разногласия – по сравнению с тем, какая разница, какая пропасть лежит между нами и теми, о ком мы говорим. Любой ИскИн больше человек, чем робот…

– Да уж… – сказал я, и мы замолчали, наблюдая за операцией. Батхед ловко прилаживал искусственный сустав. Крови почти не было.

Ловкость его рук наводила на мысль, что доктор тоже киборг. Я присмотрелся повнимательнее…

Батхед почувствовал мое внимание, посмотрел в мою сторону и подмигнул. Весело так. Не переставая работать руками…

– Разногласия между киберами и людьми на самом деле суть искусственные, – продолжил тему Шептун, – Уже сейчас грань начинает понемногу стираться, процесс сглаживания углов не остановить. Еще несколько шагов в сознании, и процесс кибернизации станет государственным делом. Если… Если у нас сегодня ничего не получится.

– Получится, – уверенно ответил я. – Должно получиться…

– Не знаю… Столько мы шума наделали. Да и ставки уж слишком высокие.

– Высокие, – согласился я. – Ну и что?

– Хех, – Шептун усмехнулся. – Легко тебе жить, честное слово. Сомнений не знаешь…

– Если бы… – тихо сказал я.

– Что там эти?.. – кивнул в сторону кабины Шептун.

– Тишина. Сканируют наши системы, – ответил пилот-оператор, худощавый парень, лет тридцати, по имени Юра.

– Успешно?

– Некорректный вопрос, – ответил Юра и снова обратился к своим приборам.

– Кстати, а чего мы ждем? – спросил я.

Шептун посмотрел на меня, словно через стекло… Далеко вдруг оказался от меня Шептун. Где-то за тысячи и тысячи километров. Черт его знает, может быть, так оно и было. Шептун слишком сложная система, чтобы быть уверенным, что знаешь, о чем он думает, где в данную минуту находится.

– Не время еще… – ответил мне издалека Шептун. – Артема мы ждем…

– Понятно… – сказал я. – А почему все еще специалистов не видно? Не врубаюсь я…

– А тут и думать нечего, – сразу отозвался Шептун. – Ты знаешь, что сейчас на границе творится?

– Что?

– Согласно официальному заявлению, сейчас на территории Украинской республики ведется спецоперация. По захвату особо опасных преступников… И всяких психотропных пушек. Вот. В городе Сумы.

Шептун сделал паузу. Выглянул в голографический иллюминатор.

– Я не спорю, шухера мы наделали много. Но сказать, что это спецоперация… – Он пожал плечами. – Хотя, конечно, можно. На границе бои. Похоже, информация вышла из-под контроля… Не далее двух часов назад ограниченный контингент немецких войск на территории Белоруссии был поднят в ружье. В полном составе. А через мертвую зону на западе Украины прут польские бронемашины. Прямо через радиоактивные поля и развалины Львова. Даже броню не усиливали… Не до людей.

– Оккупация? – удивленно спросил сидящий справа паренек, зажавший между колен «стенобой», финский гранатомет «Пойка-16».

– Спецоперация, – засмеялся Шептун. – Дипломатические отношения никто ни с кем еще не порвал. Хотя поляки нарываются круче всех.

– Почему поляки, а не немцы? – Парень явно питал к немцам нелюбовь из-за оккупационной зоны в Белоруссии.

– Потому что немцы не дураки. Им гораздо проще разобраться с поляками после того, как дело закончится, чем разбираться с русскими.

– А наши? – спросил я.

– А наши… – Шептун пожал плечами. – Наши сейчас проходят буквально сквозь строй украинской народной армии… Маршем. Разве что без песен… Потери незначительные. Им важно поляков отрезать. Спецоперация, однако.

Я прислонился к рифленой стене вертолета и закрыл глаза.

Веселые дела творятся, господи…

Скорее всего, информацию о чипе на Запад выдали сами сектанты. Когда дело жареным запахло. Причем по своей собственной инициативе, без «божественной» подсказки. Сволочи.

Я понял, что злюсь на людей. Не на ИскИнов… Невозможно злиться на то, чего не понимаешь. А понять машину, которая возомнила себя богом… я был не в состоянии. Вероятно, люди делятся на тех, кто поклоняется непонятному, и на тех, кто непонятное старается познать. Старается, но не может.

– Знаешь, что мне интересно… – Шептун толкнул меня в плечо, – какое они потом объяснение найдут?

– Чему?

– Ну как чему… Ты что, не врубаешься, что происходит? Я посмотрел на него вопросительно.

– Ну ты даешь, утратил хватку? – Шептун наклонился ко мне: – Империя растет, приятель. Отзываясь на просьбы трудового народа братской республики… Ну, понимаешь? Или там, для восстановления демократического строя в ответ на агрессию… Как в Африке.

– А что в Африке?

– А там вообще все очень просто было. Оказывая помощь Народному освободительному движению Африки. Таманский вот Мбопу помянул… Так вот он, родимый, возглавляет это самое Народное освободительное движение, которому мы мило помогли. Так и тут будет… Жалко, не увижу, как немцев из Белоруссии попросят.

– Почему не увидишь? – спросил я.

– По кочану… – Шептун снова стал далеким-далеким. – Высаживай меня, однако. Артем маляву переслал.

– Режьте всех, – вдруг закричал Юра из кабины. – Господь на небе отберет своих! – И засмеялся.

– Понеслось! – сказал парень со «стенобоем».

И действительно. Понеслось.

Вертолет ссадил Шептуна с набором аппаратуры. Пилот-оператор тоже остался с ним. Остальные пролетели метров двести на малой высоте и начали выпрыгивать в открытый люк.

Я выпал неудачно. От удара о землю в глазах потемнело. Меня подхватили крепкие руки, протащили над землей несколько метров. А потом над головой дико загрохотало, раздалось резкое шипение рассекаемого воздуха… И еще раз.

Проморгался я только тогда, когда вторая ракета врезалась в здание секты «Край»… Полыхнуло злым, желтым огнем.

Я еще ничего не слышал, а мы уже неслись по нескошенным травам в неостывший пролом. С крыши по вертолету и по нам вели беглый пулеметный огонь. Сектанты оборонялись как могли, благо денег на вооружение им хватало. Однако создать действительно плотный заградительный огонь они не смогли, и через несколько секунд мы были уже внутри. В развороченной приемной.

Первым оказался тот самый паренек с финским «Пойка». Вскинул трубу к плечу… Я зажмурился. А зря. Надо было уши заткнуть!

Зато когда мы влетели в облако висящей в воздухе пыли, дверей перед нами уже не было. И лестницы, о которой говорил Таманский, тоже не было… Здоровенная дыра открывала доступ к покореженным дверцам лифта. По бокам вверх уводили узкие

лестничные проемы.

– Куда? – спросил меня командир подразделения.

– Вероятно, вниз, не может у них тут все в одном здании помещаться. И лаборатории, и операционные… Языка надо.

– Двое вверх, там пулеметные гнезда. Живого, хотя бы одного.

Две фигуры в камуфляже рванули наверх, повинуясь приказу.

– Лифт работает?

– Работает…

– Козлы! Минируй. Пойдем по шахте. Сколько этажей?

– Максимум два, скальное основание близко.

А меня не покидало ощущение, будто не я участвую в штурме, а кто-то другой. Похожий на меня.

Наверху громко закричали. Грохнула автоматная очередь. По лестнице скатился человек в черном. Точнее, это мне показалось, что он был одет во все черное… Просто он сгорел… В надземной части здания начинался пожар.

Двое в камуфляже волокли под руки сектанта. Парня лет двадцати трех с почти начисто сгоревшими волосами.

– Есть язык… – Парня кинули мне в ноги.

– Сколько этажей в здании?! – заорал я, хватая его за грудки. – Сколько?

Глаза у парня бегали, губы дрожали. Чем-то он мне напомнил Леху…

– Два… а-а-а… – Язык у парня заплетался. Я ударил его по лицу:

– Девчонка где?

– Какая?! Не знаю никакой девчонки! Я двинул ему коленом в живот:

– Черная! И еще Лора Кудряшова где?!

Вдруг лицо парня исказила гримаса, которую я уже видел. Где? Когда? У кого? Я вспомнил, что такое выражение лица было у Шептуна, когда он спросил меня по поводу чипа.

– Скажите, – спросил он меня ровным голосом. – А что вам понадобилось в этой игре?

– Что? – Перемена была настолько резкой, что я даже не понял, о чем он.

Я разжал руки, тело сектанта брякнулось на пол. Приняло сидячее положение…

– Я хотел бы знать, что вас вовлекло в эту игру. Это ведь совсем не ваше дело, – продолжил он. – Хочу понять. Я достал пистолет и прицелился.

– Вы представляете третью силу? – поинтересовался сектант. Или это был совсем не он, а кто-то другой. Находящийся

невероятно далеко… В тиши орбиты, смотрящий на меня сверху, могучий и беспомощный одновременно. – Мы знаем о ее существовании, но контакт не устанавливали, поскольку не постигаем ее природы. Так называемое независимое сознание не вписывается в модель вашего мира и не вписывается в модель нашего мира. Значит, оно не должно существовать. И вот теперь мы видим, что оно желает играть в свою игру, активно вмешиваясь в наши действия. Почему именно вам предпочтительнее игра этого…

БАМ! Мой пистолет хлестко ударил в ладонь.

Говорящая машинка распалась… Это была глупая мысль – взять «языка».

– Вниз, вниз, вниз! – Я обернулся и увидел, как команда уже сыплется в развороченную шахту лифта.

На площадке остался только я. И мертвый сектант. Пешка, сброшенная с игровой доски. Кто? Он или я?..

Нас все-таки зажали в операционной.

На втором уровне.

Откуда набежала эта толпа боевых киборгов, мы так и не поняли. Трое остались лежать на пороге комнаты, отбросив назад волну атакующих.

Вообще же, пока мы добрались до операционной, полегла почти половина отряда. Теперь вместе со мной в комнате забаррикадировались пятеро. И Вуду…

Мы нашли ее на операционном столе. Хирурга я пристрелил лично.

Вуду бессмысленно смотрела в пространство, и мне очень хотелось думать, что это действие наркотиков…

– Кидай Шептуну сообщение, – сказал я связнику-киберу. – Можно. Мы взяли объект.

Связник ничего не ответил. Просто глаза его сделались пустыми-пустыми. Далекими, как у Шептуна.

В этот момент киберы пошли на штурм.

И мы стреляли…

Стреляли…

Стреляли…

Пока раскаленные стволы наших автоматов не перекосило от злобы. Пока пороховая гарь не начала выедать глаза. Пока не кончились боеприпасы.

Большая, покрытая кафелем операционная походила теперь на бойню. Пол, залитый кровью, мертвые вперемешку с гильзами и каменной крошкой… Погас свет…

Мы кинули световые маячки и били на их неясный свет, в котором кружились страшные, нечеловеческие тени. Глаза Вуду

смотрели в темноту… По подбородку сползала тонкая струйка слюны.

Где-то наверху Шептун сжигал свой мозг, сжигал свое тело, сжигал всю свою аппаратуру, чтобы Артем, пользуясь ресурсами доступных «дружественных» ИскИнов, мог попасть сюда. Попасть в тела этих опутанных сетью нелепой веры людей. Чтобы перегрузить, уничтожить, спалить то, что заставляло их быть единой сетью, фигурами… Пешками и королями, но фигурами, только фигурами для «божественной» игры.

Звездный час Шептуна, жаль, что я этого не вижу…

Боек отозвался гулким «бам», и я понял, что больше ничего не увижу. Вероятнее всего, никогда. Я уже выхватил короткий нож, но остановился: в операционной царила тишина.

– Все, что ли? – спросил из темноты командующий подразделением.

– Не знаю… Шептун, кажется, сделал… – ответил я, прислушиваясь.

– Всех?

– Может быть, и всех… Или только на этом этаже…

– Подождем? – Кто-то другой вступил в разговор.

– Подождем, – согласился я, нащупывая голову Вуду. – За нами придут, если все хорошо…

Про себя я подумал, что, если по нашу душу придут солдаты одной из заинтересованных сторон, нам крышка.

Еще чуток посидим и будем выбираться…

Световые маячки догорели. Едва теплился только один, самый дальний. В темноте что-то шептал командир. Я разобрал только два слова:

– Не вижу ничего… не вижу…

– Кто-то идет, – настороженно сказал голос, который предлагал подождать.

Теперь и я услышал осторожные шаги. Где-то впереди царапнул глаз свет фонарика.

Мне в руку ткнулась ребристая рукоятка пистолета.

– Ты давай, – горячо зашептал в ухо командир. – Я не вижу ни хрена…

Я разглядел, что лицо у него залито чем-то черным. Кровью. Может быть, глаза зацепило.

Фонарик впереди снова мелькнул.

Я прицелился.

– Э-э-й… Э-э-й… – Голос слабый, но знакомый. Я потянул курок на себя.

– Э-э-й… Мартин! Мартин!

Таманский.

– Ты посмотри, сколько настреляли. Ты посмотри… Это ж с ума сойти! Ты только посмотри…

Коля.

По лицу потекло что-то теплое. Я с удивлением понял, что плачу.

26. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист

Мы погрузили в обнаружившийся неподалеку совершенно целый «опель» Мартина и Вуду. Коля принялся ковыряться в охранной системе, бормоча себе под нос сложные ругательства с примесью украинской мовы, а я крикнул воякам:

– Шептуна! Шептуна ищите!

Они, очевидно, прекрасно знали, кто такой Шептун, и тут же бросились выполнять приказание. Я тем временем включил приемник в машине, и в салон ворвался голос диктора:

– … В районе Гомеля. Южнее Новозыбкова идут тяжелые оборонительные бои. По утверждению очевидцев из мирного населения, покинувших зону боев, немецкие войска применяют тяжелую полевую артиллерию и ковровое бомбометание…

Голос пропал в налетевшем шорохе помех. Я поморщился – туго забинтованное и залитое каким-то быстротвердеющим пластиком плечо тупо ныло. Что они там мне понавертели, любопытно знать? Двигатель завелся.

– Теперь куда? – спросил Коля. Тревожные события последних часов сделали его куда менее многословным.

Я все хотел спросить, нашла ли Маша покойника в подвале, но решил оставить это на потом.

– Пока ждем здесь. Мне нужен Шептун.

– Шептун так Шептун, – сказал Коля, достал из кармана что-то похожее на соевый батончик и принялся, чавкая, жевать.

Мартин и Вуду сидели сзади, обнявшись, что твои голубки. Хотя юмор был неуместен: Вуду явно не в порядке, ее пустые глаза меня пугали. Мартин тоже понимал это, мало того, по щекам у него катились слезы, и я сделал вид, что ничего не замечаю… Странно, но я в этой компании, если не считать Колю, выглядел наиболее спокойным. Втянулся, что ли?

В стекло с моей стороны настойчиво постучали. Я повернулся и увидел здоровяка из Службы Тьюринга. Как его, Лалич, Ладич?

– Что вам угодно? – спросил я, приоткрыв дверцу.

– Ну вы тут нашумели, – с оттенком уважения в голосе

промолвил Лалич. – Слышали хоть, что в стране творится?

– В которой? – уточнил я.

– Во всех.

– Примерно… Ч-черт.

Это относилось не к Лаличу, а к Шептуну, которого только что вынесли на руках двое солдат. Они положили его на травку неподалеку от дома. Я выбрался из салона, бесцеремонно оттолкнув Лалича.

Шептун лежал навзничь, бессильно разбросав руки, и я с первого взгляда понял, что дело плохо. Солдаты топтались поодаль, пыхтя и вздыхая.

– Может, доктора позвать? – спросил один.

– Не надо. Нужен специальный доктор. Коля! Коля! Гони за врачом! Ищи Мурзика своего или еще кого, только чтобы через пять минут он был здесь, ясно?

«Опель» с Мартином и Вуду уехал, а я запоздало подумал, что Вуду тоже, вполне возможно, нуждается в Мурзиковых услугах… Лишь бы не спрятался наш алхимик и не нажрался… А это еще кто?

Лалич, подошедший к нам, удивился не менее моего.

– Испепелю капища диавольские! – зычно разносилось над пожарищем, голос перекрывал редкие звуки выстрелов.

Отец Петр собственной персоной. В развевающейся рясе, борода набок, в руках – автомат. Бог ты мой, а я про него совсем забыл в суматохе! И планы же какие-то на него у меня имелись, и все такое прочее…

– Отец Петр! – позвал я.

Попик повертел головой, узнал меня, радостно заулыбался и поспешил к нам, смешно подбирая рясу и размахивая автоматом.

– А я так и думал, что вы не зря приехали! – заявил он, пожимая руки мне, солдатам и Лаличу, который, кажется, вовсе уж ничего не понимал. Потом заметил лежащего Шепа, пал на колени и пощупал пульс.

– Чуть живой, – озабоченно сказал отец Петр. – В больницу его надо.

– Сейчас доктор приедет.

Я тоже присел рядом. Глаза Шепа закатились под лоб, на щеке засохла струйка крови.

Поп затянул что-то свое, положив автомат возле Шепа, один из солдат неожиданно бухнулся на колени и тоже что-то забормотал.

На Бога я не надеялся, а надеялся только на Колю, каковой и появился самым чудесным образом. Он вылез из машины, волоча за собой трезвого, но упирающегося доктора Мурзилку.

– Вот он, доктор-то, – радостно сообщил Коля, встряхивая свой улов. – И ничего он не пьяный, доктор, и не мертвый! Спрятаться хотел, так я его слегка… того…

Мурзилка потер внушительный фонарь под глазом.

– Вам что, деньги не нужны? – спросил я.

– Нужны. Но мы же вроде как расстались.

– Значит, не навсегда. Посмотрите, что с этим человеком.

Отец Петр потеснился. Врач дико взглянул на него и принялся ощупывать Шептуна. Задрал ему веки, потыкал пальцами куда-то в шею, потом достал из кармана хитрый блестящий приборчик и приложил к Шепову виску. Посмотрел на шкалу, где мигала какая-то красненькая стрелка, и озабоченно покачал головой.

– Что? Что случилось? – Я дернул его за плечо.

– Перегорел ваш товарищ, – пробормотал доктор, убирая приборчик. – Надо его тащить в больницу, да в хорошую больницу, у нас таких нет. И в Киеве нет.

– Хорошо, мы полетим в Москву. Прямо сейчас. Вызывайте вертолет!

Я оглянулся на солдат, те вроде как не возражали.

– Там у вас девушка в машине, – добавил доктор. – Ее бы тоже надо с ним…

Пока ждали вертолет, а доктор Мурзилка старался облегчить страдания Шепа, я разговорил успокоившегося немного Мартина. Больше всего он переживал за так и не найденную девушку, во вторую очередь – за Вуду. Я убедил его, что с Вуду как раз все будет в порядке (во что сам не слишком-то верил), а девушку мы найдем (во что я не верил вовсе, так как в этой буче вряд ли кто-то уцелел, да и если ей успели вставить чип…).

Я не знал, что буду врать Мартину дальше, да и не хотел сейчас об этом думать. Все сильнее ныло плечо – наверное, отходил наркоз, над городом с ревом проносились звенья фронтовых бомбардировщиков, на западе что-то рвалось… Наверное, украинские вооруженные силы все-таки решили встрепенуться и вспомнить о своем суверенитете, оказав сопротивление «оккупантам». Паршивое радио в машине так и не заработало, и я, вконец обнаглев, остановил штабной бронетранспортер с российским флажком на антенне.

Огромная машина остановилась, из люка высунулась голова.

– Земляк, – крикнул я, – что там творится-то?! Земляк ответил матерно и помахал рукой: мол, убирайся с дороги.

– Ну-ка, подожди, – сказали сзади, решительно отодвигая меня. Это был командир группы, перепачканный кровью и грязью, мрачно сверкавший одним глазом из-под повязок. Обладатель

головы тут же вылез из люка по пояс, оказавшись старшим сержантом.

– Сержант, доложите обстановку! – рыкнул командир.

– А чего докладывать… – растерянно сказал сержант, лупая глазами. – Вроде как наши победили…

Неделя пронеслась незаметно. Большую ее часть я находился в искусственном сне, пока врачи ковырялись в моем многострадальном плече. То, что туда напихали железа, меня не пугало: я и раньше относился к киберам без особенного предубеждения, а в последние годы общался с ними достаточно много, чтобы понять, что они не хуже, а порой и лучше многих людей. Да и железо в плече, согласитесь, совсем другое дело, нежели в башке…

Когда я очухался и вновь смог самостоятельно передвигаться, я направился к дежурному доктору справиться о состоянии соратников, благо все мы лежали в Центральном госпитале Министерства обороны. Доктор, молодой и ярко-рыжий, в салатовом халате, задумчиво пил чай и приветствовал меня странными словами:

– А вот и наш герой!

Не знаю, что уж я там за герой, но я не стал муссировать эту тему и спросил, что с моими друзьями.

– Э-э… Так, сейчас посмотрим. – Он уставился на экран:

– Мыльников Мартин… Состояние хорошее, ничего серьезного… Общеукрепляющие… Сильное переутомление, но парень крепкий, будет бегать и прыгать пуще прежнего… Палата номер сорок четыре, можете навестить, он чего-то там читает… Далее… Соловьев Александр Владимирович. Здесь дело хуже, он пока что в коме.

Это Шептун, что ли? Так он, значит, Соловьев? Буду знать.

– Что, так плохо?

– Перегрузки, знаете… Как он жив-то остался, ума не приложу, – вздохнул доктор, – Пока ничего не можем обещать, и в случае если он все-таки из комы выйдет, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Вот тебе раз. А я Шептуну выгоду обещал… Вот и вся выгода. Ладно, он выкарабкается, уверен. Не может Шеп не выкарабкаться! Должен! Обязан!

– А девушка?

– Которая? – осведомился доктор.

– А что, их несколько?

– Ну-у… С вами привезли двоих. Секундочку… Да, Кудряшова Лариса и Мпенза Алали.

– Кудряшова? Вы не ошибаетесь?

– С чего бы мне ошибаться, – обиделся доктор. – Так вам какая нужна?

– Обе, – сказал я.

– Состояние у обеих в принципе одинаковое, стабильное, но без улучшений. Обе перенесли сложные операции по удалению этих… микрочипов ГТ-20…

– Их так назвали?

– У нас в спецификации так числятся, а что там за ГТ, я уж не знаю. Опасная штучка, скажу я вам. Мерзкая… Так вот, обе пока без сознания, но все будет в порядке, уж будьте покойны. Так что можете встретиться только с господином Мыльниковым, палата сорок четыре. К нему уж сегодня три делегации были…

Мартин лежал в просторной одноместной палате с окнами в парк. Впрочем, окна были завешены бежевыми портьерами, так что в комнате царил приятный полумрак. Он читал толстую книжку, я с удивлением увидел на переплете золоченые буквы: «Уильям Шекспир».

– Привет! – сказал я, прикрывая за собой дверь. Мартин опустил книгу и расплылся в улыбке:

– Привет!

– Как оно?

– Нормально. На днях отпустят. Да и ты, я вижу, ничего!

– Тебя можно поздравить? – Я кивнул на капитанские погоны на столике у кровати. Мартин засмеялся:

– Да, приходили коллеги из СВР, уверяли в своем почтении и принесли приказ о повышении. Я, стало быть, опять в строю. Обрати внимание, каждое наше идиотское приключение приносит мне звездочку. Когда следующее, а? Очень уж хочется влезть в генеральскую форму!

– Если доживешь, – погрозил я пальцем. – А как же «Акварис» твой?

– Тоже навестили. Подарили, что характерно, автомобиль. Новенький «фольксваген-тапир», у тебя вроде был такой?

– Отличная машина.

– Ну вот. Просили их не забывать, обещали даже место в руководстве, но я согласился на СВР и переигрывать не стал.

– Ты мне скажи еще вот что: как Лору Кудряшову-то вытащили?

– А это уже не ко мне. Это спецназовцы, они и не знали, что это Лора. Уцелевших сектантов повыволокли, давай сортировать, а она там и оказалась. Так что моей заслуги тут нет никакой. Им с Вуду операции сделали. Успели все-таки напихать своих заморочек… Легина, кстати, поймали живым и невредимым. Вроде как заинтересовался им Тьюринг, так что не исключено,

что скоро капитан Легин будет тут шастать и чего-нибудь вынюхивать. Неразборчивые у них там люди… Если его, конечно, им отдадут.

– Значит, операция прошла успешно?

– Более чем. Выловили практически всех, Артем, конечно, поработал на славу… А ведь мы едва новую войну не начали, а?

– Да. Едва.

– Репортаж-то свой написал?

– Да это уже на книгу тянет, а не на репортаж… Вот засяду да как напишу!

– Ладно, отдыхай пока. Тебя еще по спецслужбам затаскают, будешь всякие воспоминания надиктовывать… Да, с Колей и доктором Мурзиком тоже все в порядке. Коле мои – «Акварис», то бишь – обещали машину, как у меня, а Мурзика принудительно лечат от алкоголизма. Доктор-то хороший, даже с известным именем оказался.

– Вот видишь, как хорошо все кончилось, – улыбнулся я. – Как в доброй детской книжке. Все злодеи наказаны, все герои получили подарки и радостно пляшут на лужайке. Ты не хочешь радостно поплясать на лужайке?

– Хочу.

– Тогда я за тобой заеду, когда выпишешься. Знаю я одну лужайку…

– Только не «Алебастр», пожалуйста, – серьезным тоном сказал Мартин.

Приехав домой, я обнаружил, что холодильник пуст, а пищедоставка не работает в связи с профилактикой. Ничего не оставалось, кроме как тащиться в ночной супермаркет.

Прямо у входа в меня врезался низенький человек, куда-то спешивший, уставившись себе под ноги. Он ойкнул и извинился, но я придержал его за плечо:

– Товарищ капитан! Добрый вечер! Курицын, а это был он, желчно сказал:

– Не такой уж и добрый. Тем не менее здравствуйте. Давно вас не было видно.

– Африка, потом Украина, – развел я руками. – По городам и весям.

– В Африку вас занесло… А мой-то погиб, – сухо сказал капитан, и я даже не понял, о ком он. А потом вспомнил:

– Сын?

– Вовка… Их из Намибии перебросили в Мозамбик, когда наши стали мир укреплять… Против морской пехоты. Они сдаваться уж было собрались, свои же все-таки, а по ним с орбитальной платформы, лазерами… Прислали страховку и

благодарность. Сволочи…

Я молчал, потому что не знал, что я могу сказать этому маленькому злому человеку. Он, наверное, и не ждал от меня никаких слов, потому что буркнул себе под нос слова прощания и побежал дальше.

А я вспомнил, как в джунглях Африки, на краю лагеря, в клетке из бамбуковых стволиков сидел бабуин. Как он злобно скалился и бросался на прутья, как просовывал сквозь них лапу наружу и пытался дотянуться до черных солдат, дразнивших его…

– Чего обезьянку тираните? – спросил тогда Федор у нашего земляка наемника.

– А это пленный, – усмехнулся тот – Бабуин-стрелок. Не слыхали? Говорят, наша разработка, в свое время проданная ЮАР.

Я подошел тогда ближе и взглянул бабуину в глаза. Ничего, кроме жуткой злобы.

Что они здесь все творят, черт побери, подумал я, и бабуин плюнул мне в лицо.

Вот тогда все и началось.

Нет, началось значительно раньше, когда мистер Бэбедж построил свою чертову вычислительную машину…

А еще я вспомнил микрочип, который спрятал под камнем в цветнике Маши, подруги шофера Коли.

Надеюсь, там он и сгниет.

Хотя все ненужные вещи в этом мире имеют свойство не пропадать ни при каких обстоятельствах.

27. МАРТИН МЫЛЬНИКОВ

Служба внешней разведки (год спустя)

Знаете, всегда трудно подводить итоги.

Наверное, потому, что жизнь человека не делится на этапы, хотя иногда кажется, будто что-то кончилось, что-то началось… Ерунда. Жизнь – это такая лента. Длинная. А может быть, даже бесконечная. Лента Мебиуса. Она переворачивается где-то там, далеко… Переворачивается и идет снова, дальше. Закручивается, сращивается… Без конца.

Мой кабинет, в котором я почти никогда не сидел, все тот же, словно я и не покидал его. Все по-прежнему, даже пыль старая. Следы от пальцев на черном пластике…

Впрочем, кому это интересно? Кроме меня, наверное, никому.

После событий на Украине прошло уже достаточно времени.

Год. Я успел отдохнуть, прийти в себя. Успел дать в рожу очередному полкану. Потому я все еще капитан, хотя мог бы… Или нет? Какой из меня, на фиг, майор? Майор – это уже что-то степенное, серьезное. Я же как был экстремалом, так им и остался.

Только ночные звонки меня больше не беспокоят, и, что там происходит в виртуальном мире, мне неизвестно. Впрочем, если Артем не звонит, значит, не нужно…

Вуду почти оправилась от происшедшего. Она все чаще и чаще возвращается в реальность. Откуда? Я не знаю, а спрашивать не имею желания. Просто сижу возле ее кровати и жду, пока она откроет глаза или когда в этих глазах появится осмысленное выражение.

Доктор Мурзилка, который ее теперь лечит, говорит, что это не кома и не просто потеря сознания, а что-то другое. Что, понять трудно, но лечению поддается. Я очень ему верю, особенно когда выяснилось, что он не просто кустарь-алкоголик, а в прошлом едва ли не мировое светило.

Так проходит мое свободное время, Мурзилка что-то говорит, говорит, бубнит… А я сижу возле кровати и жду. Вот она откроет глаза и скажет…

Мурзилка утверждает, что все будет в порядке. Я ему верю…

Таманский на связь не выходит. Он занял пост заведующего отделом оперативных новостей в «Юропиэн геральд» и загружен по самые уши. Эта служба была сотворена специально для него. Мне кажется, он доволен.

Последний репортаж Таманского был из Берлина с церемонии подписания мира.

Единственный, о ком я ничего не знаю, это Шептун. Через три дня после того, как его поместили в клинику, на больницу был совершен налет. И Шеп пропал. Мурзилка утверждает, что ему крышка, такой перегрузки не перенесет ни один организм. В клинике у него были шансы, а так…

Не знаю. Киберандеграунд молчит. Уж что-что, а смерть самого Шептуна не прошла бы незамеченной.

Хотя скоро такого понятия, как «кибер», вообще не будет. Парламент с подачи некоего Александра Рэта отменил пятидесятипроцентный барьер для КИ. Теперь получается, что нет никакой разницы между человеком и кибером… Хорошо это? Или плохо?

Наверное, просто не имеет значения.

Не хочу думать только об одном… Мы уничтожили не все чипы. Я знаю это точно. Таманскому я не сказал. Зачем ему?

В палате тепло и тихо. В коридоре молчит неработающий

телефон. Пришлось отключить его на время…

Я сижу возле ее кровати и жду. Прошел год… Сложный и запутанный год. За окнами снег. Сейчас Вуду придет в себя, и мы выпьем шампанского. Натурального, я могу себе это позволить. Сначала выпьем, а потом покурим травки, хотя Мурзилка страшно ругается и грозит выставить меня из клиники к такой-то матери… Но сегодня он дома. Любые праздники повергают доктора Кравченко в жесточайшее уныние, вероятно, по причине хирургически привитой ему неспособности пить.

Сейчас Вуду очнется, мы выпьем, покурим и займемся любовью. Экстремалы мы или нет?!

И ни о чем не будем думать. Ни о чем.

Тихо. Снежинки, как камни, падают через черную ночную воду.

Я просто устал. Это пройдет. Обязательно пройдет.

В приемной зазвонил телефон…